Вятский государственный гуманитарный университет

ВЕСТНИК ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научно-методический журнал

№ 13

Киров
2005

ББК 74.58 я 5

В 38

Главный редактор

В. С. Данюшенков

Редакционная коллегия:

Е. М. Вечтомов (зам. главного редактора),
В. Т. Юнгблюд (зам. главного редактора),
Е. О. Галицких (отв. секретарь),
А. М. Слободчиков, В. Н. Оношко,
Н. О. Осипова, В. Ф. Юлов,
Е. В. Алалыкина (перевод)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Ленина, 111,
тел.: (8332) 678-860 (научный отдел), (8332) 673-674 (издательство)

Редакторы: Т. Котельникова, О. Коробкова, Ю. Болдырева
Компьютерная верстка: Ю. Боброва

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

ISBN 5-93825-295-4

© Вятский государственный гуманитарный университет, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

В. Т. Юнгблюд. Образовательные функции науки в университете 6

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Орлов В. В. Теория постиндустриального общества и марксизм 10
Окулов С. М., Юлов В. Ф. О скрытых сдвигах в философских основаниях современных педагогических инноваций 18
Акопян К. З. Историческая культурология как самостоятельная дисциплина 22

ИСТОРИЯ

Балыбердин Ю. А. Возникновение и деятельность непартийных общественных организаций в Вятско-Камском регионе в начале XX века 35
Калинин А. А. Политика Великобритании и США в отношении Греции в 1939–1941 гг. 46
Костин А. А. Проблема признания новой югославской государственности в политике США летом 1945 – весной 1946 г. 60
Лыпка Т. И. Анализ экономических процессов конца XIX – первой четверти XX в. в произведениях В. Ратенау 64
Судовиков М. С. Местное самоуправление во второй половине XIX – начале XX в.: взгляд через личность (по материалам Вятской губернии) 73

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Смыкалин А. С. Тайный политический контроль в первые годы советской власти (1917–1920-е гг.) 79
Ившина И. Н. Элементы и форма канадской конституции 88
Стахов А. И. Обеспечение безопасности как основная функция Российского государства 93

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Поляков О. Ю. К истокам критики в литературных обозрениях Англии середины XVIII века 97
Щербакова Т. В. Драматургический опыт С. Джонсона 100
Колесникова О. И. Модель художественно-языковой компетенции в ее становлении в онтогенезе речи 105
Кондакова И. А. Косвенная метафора 111
Тимина С. А. Американизмы в современном русском языке 114
Валеев Н. М. К проблеме русско-татарских литературных взаимосвязей: новые факты, новое осмысление 118

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Симонова Г. И. Социально-педагогический комплекс как технология педагогического сопровождения социальной адаптации воспитанников 127
Кузьмина В. П. Эмпатия в студенческом возрасте 131
Мосунова Л. А. Подходы к проблеме развития полноценного восприятия искусства в области эстетического воспитания 135
Васюра С. А. Идентификация-обособление как двуединый психологический механизм развития личности студента в общении (на примере студентов удмуртской национальности) 142
Ефимова Е. В., Провалов В. С. Высшее образование в регионах России в контексте основных тенденций развития мирового рынка образовательных услуг 144

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Вечтомов Е. М. О трех радикалах для полумодулей 148
Чермных В. В. Полукольца сечений пучков 151
Савиных Н. П. Специализация и автономизация вегетативного тела цветковых растений 158
Чупров А. Д., Кудрявцева Ю. В. Необходимый минимум знаний по офтальмологии при подготовке любого специалиста немедицинского профиля как фактор профилактики заболеваний органа зрения 164

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Зонова А. В., Адамайтис Л. А. Состояние и перспективы развития Российской банковской системы 166
Суходоева Л. Ф. Организационное взаимодействие в фирме 169
Савиных С. В. Экономическое развитие региона: образовательный аспект 170

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Старостина О. В. Конгруэнции и гомоморфизмы абелево-регулярных положительных полуколец 175
Счастливцева Е. А. Густав Шпет об объективности истории 179
Меркушев В. А. Агрокультурная деятельность Вятского земства в конце XIX – начале XX века (фермы Вятского земства) 184

ПЕРСОНАЛИИ

Школа жизни. К юбилею Александра Георгиевича Балыбердина 193
Василий Михайлович Дьяконов – ученый, педагог, человек 194

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Загвоздкина Т. Е. Международная научная конференция «А. С. Грин: Взгляд из XXI века» 201
Зонова А. В., Стариков А. И. Межрегиональная научно-практическая конференция «Основные направления, опыт и проблемы инновационного, финансового и экономического развития субъектов хозяйствования» 203
Бородатая М. Н. Межведомственное взаимодействие в социальной практике Кировской области: проектный опыт 205
Ходырева Е. А. Всероссийская научная конференция «Гуманитарные ценности общества: история и современность» 207
Ашихмина Т. Я. III Всероссийская научная школа «Актуальные проблемы регионального экологического мониторинга: научный и образовательный аспекты» 208

CONTENTS

Yungblud V. T. The educational functions of science in the Univercity

Orlov V. V. Theory of post-industrial society and Marxism

Okulov S. M., Yulov V. F. About secret progress in philosophic foundation of modern pedagogic innovation

Akopyan K. Z. Historical culture as independent discipline

Balyberdine Yu. A. Origin and activity of non-party social organizations in Viatko-Kamsky region in the beginning of XX c.

Kalinin A. A. British and American policy about Greece

Kostin A. A. Problem of a recognition of new Yugoslavian statehood in a policy the USA in the summer 1945 – spring of 1946

Lypka T. I. Analysis of economic process in the end of XIX – beginning of XX c.

Sudovikov M. S. Local self-government in second half of XIX – beginning of XX c.: look through person

Smykalin A. S. Secret Political Control in First Years of Soviet Power (1917–1920)

Ivshina I. N. Elements and Form of the Canadian Constitution

Stahov A. I. The Guarantee of Security As Principal Function of Russian State

Polyakov O. Yu. On the rise of criticism in mid-18 c. English literary reviews

Sherbakova T. V. Samuel Johnson as dramatist

Kolesnikova O. I. The model of the artistic-language competence in the process of its development in speech ontogenesis

Kondakova I. A. Indirect metaphor

Timina S. A. Americanisms in modern Russian

Valeev N. M. About problem Russian-Tatar literary relations: new facts, new comprehension

Simonova G. I. Socio-pedagogic complex a technology of pedagogic accompaniment of pupil's social adaptation

Kuzmina V. D. Empathy in student age

Mossunova L. A. Approach to problem of evolution of art's full perception in aesthetic education's domain

Vassyura S. A. Identification-isolation as psychological mechanism of student's person's development in relations

Efimova E. V., Provalov V. S. Higher education in Russian regions in context of world market's basic tendency of development of education service

Vechtomov E. M. About three radicals for semimodules

Chermnykh V. V. Semirings of sheaf sections

Savinykh N. P. Specialization and automation of vegetable body of flowering plant

Chuprov A. D., Kudryavtseva Yu. V. Indispensable educational level in ophthalmology for non medical students as eye disease prophylactic factor

Zonova A. V., Adamajtis L. A. The state and perspectiv development of the bank system of Russia

Suhodoeva L. F. Organization of business cooperation

Savinych S. V. Economic development region: educational aspect

Starostina O. V. Congruences and homomorphism of Abelian-regular positive semirings

Schastlivtseva E. A. Gystav Spet about the objectivity of history

Merkushev V. A. Activities of the Vyatka Agricultural Zemstvo at End of the 19th and the Beginning of the 20th Century (The Vyatka Zemstvo Farms)

Zagvozdkina T. Ye. The International Conference "A. S. Grin: A View from the 21st Centery"

Zonova A. V., Starikov A. I. The inter-regional scientific and practical conference "Basic directions, experience and problems of innovative, financial and economic development of management subjects"

Borodataya M. N. Interdepartmental cooperation in social practice of Kirov region

Khodyreva E. A. All-Russian scientific conference "Humanitarian value of society: history and present"

Ashikhmina T. Ya. 3d All-Russian scientific school "Actual problems of region ecological monitoring: scientific and educational aspect"

В. Т. Юнгблюд

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ НАУКИ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Официально заявленное на государственном уровне намерение построить общество, основанное на знаниях, является не только весьма привлекательным лозунгом, но, очевидно, и одним из базовых содержательных компонентов всего комплекса социально-экономических реформ в России. При очевидной своевременности и более чем убедительной внутрироссийской (необходимость воспроизводства кадров, восстановление статуса научной сверхдержавы) и международной (межгосударственная интеграция, Болонский процесс) мотивации, реформы науки и образования на нынешней стадии их осуществления порождают довольно много вопросов как в отношении риторики и аргументации, используемой их инициаторами, так и по поводу конечных целей и конкретных механизмов реализации преобразований.

«Знаниевая экономика», характерная для общества, в котором наука занимает приоритетное место, конечно же, является не только желательной, но и более чем желанным ориентиром для проводимых преобразований. Между тем далеко не всегда ясно, какой именно смысл вкладывается в понятие «знаниевая экономика». В широком смысле слова экономика любого общества основывается на знаниях. «Наука, научная рациональность не только неотделимы от социальной истории, но являются ее фундаментальным фактором, содержанием человеческой культуры», – справедливо указывает американский социолог Т. Хэнфил. Человек нуждается в достоверных знаниях, общества, формирующие свои социально-экономические качества на основе научной рациональности, очевидно, и можно отнести к обществам знаниевого типа.

Казалось бы, ставя во главу угла уровень и масштабы проводимых научных исследований, мы тем самым сможем безошибочно определить главные параметры экономики знаний. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что сами по себе научные изыскания не могут гарантировать обществу ни достойного жизненного уровня, ни адекватной рейтинговой социально-экономической позиции, соответствующей авторитету его ученых в научном сообществе. Такой вывод напрашивается при изучении доклада Всемирного банка, недавно появившегося в российской печати и имеющего весьма характерное название: «От знаний к благосостоянию: преобразования российской науки и технологии с целью создания современной экономики, основанной на знаниях»[1]. Авторы доклада обращают внимание на то, что в настоящий момент «Россия обладает одним из лучших в мире научным потенциалом», что даже сегодня российская наука «занимает международное положение в мире во многих областях»[2]. При этом со ссылкой на данные Министерства промышленности, науки и технологии РФ указывается, что «доля России на мировых рынках высокотехнологичной продукции занимает только 0,3% – в 130 раз меньше, чем в США»[3]. Более того, авторы доклада, анализируя тенденции развития российской науки на рубеже XX–XXI веков, пришли к пессимистичному выводу, что динамика изменения кадрового потенциала отечественной науки говорит о том, что «перед сектором науки и технологии стоит угроза исчезновения, а не перехода на уровень меньшего по размеру, но более жизнестойкого образования»[4].

Таким образом, использование словосочетания «знаниевая экономика» без его конкретизации дает очень немного для понимания характера происходящих процессов: с одной стороны, получается, что современное российское общество в своем посткомандно-админи-

ЮНГБЛЮД Валерий Теодорович – доктор исторических наук, профессор по кафедре всеобщей истории, проректор по научной работе ВятГГУ
© Юнгблюд В. Т., 2005

стративном виде и так является вполне «знаниевым», с другой стороны, выясняется, что знание как таковое не в состоянии обеспечить стабильность, процветание и соответствование мировым стандартам материального благосостояния и социальной защищенности.

Создается впечатление, что взаимосвязь экономики знаний и знаниевой экономики в настоящий момент понимается преимущественно как способность российских университетов и академических центров преобразовывать научные открытия в разработки и технологии, конкурентоспособные на внутреннем и внешнем (особенно внешнем) рынках, т. е. речь идет о коммерциализации знаний. Предполагается также, что основное производство этих знаний будет сосредоточено в исследовательских университетах, которым и предстоит обеспечить успех реформам. Для того, чтобы должным образом подкрепить миссию исследовательских университетов, предусматривается особый режим их финансирования. В первую очередь речь идет о финансировании выполняемых на их базе научных программ.

Логика реформаторов основывается на выявлении и поддержке лидеров в научно-образовательной сфере, которым предстоит в ближайшие годы обеспечить прорыв на рынок высоких технологий. Наверное, это правильная стратегия: лидеров нужно поддерживать. Однако прорабатывая детали реформ и принимая конкретные решения, касающиеся научно-образовательной сферы, необходимо обратить внимание по крайней мере на два обстоятельства.

1. Любое научное открытие, став товаром, начинает жить самостоятельной рыночной жизнью. Это значит, что покупателем этого товара станет, скорее всего, не нуждающийся в нем отечественный предприниматель, а предприниматель зарубежный, уже давно освоивший правила бизнеса в условиях развития экономики знаний.

2. Наращивание научного потенциала в масштабах страны и превращение науки в ведущий фактор развития экономики с неизбежностью поставят во главу угла задачу подготовки кадров для предприятий, а также научных сотрудников исследовательских учреждений и преподавателей университетов, обладающих необходимой для выполнения самых передовых исследований квалификацией.

Если первое из указанных обстоятельств предполагает равномерное развитие рыночных механизмов в сферах экономического и научного производства и создание надежных и гибких схем интеграции науки и бизнеса при грамотной регулирующей роли государства, то второе обстоятельство всецело зависит от успеха реформы высшего образования и способности университетов решить кадровые задачи, поставленные экономикой и наукой.

В связи с этим в первую очередь необходимо отметить, что реформа высшей школы есть органическая часть всероссийской социально-экономической реформационной программы. На комплексность ее задач обратил внимание министр образования и науки Российской Федерации А. А. Фурсенко. Определив для всей системы образования генеральную цель – создание «человека общества знаний», он в одном из своих выступлений признал: «У нас есть проблемы. Как перейти от дошкольного воспитания к образованию школьному, как перейти от школьного образования к университетскому? Каким образом связать образование и науку? Как обеспечить переход знаний в экономику?»[5]

Признавая и своевременность, и точность поставленных вопросов, хочется все-таки задаться еще одним: почему в приведенном министром перечне основных проблем термин «воспитание» адресован только детям дошкольного возраста? Коль скоро вся об-

разовательная система России должна быть нацелена на создание «человека общества знаний», то, следовательно, формирование этого человека не может быть только итогом обучения. Речь идет о задаче, на решение которой должен быть направлен весь воспитательный потенциал и общеобразовательной, и высшей школы. В Вятском государственном гуманитарном университете утвердилось мнение, что успех реформ как на общероссийском, так и на региональном уровне возможен только в случае правильного сочетания образовательных и воспитательных целей.

Движение России по пути модернизации – факт далеко не единичный. В недавнем прошлом аналогичные процессы, правда, при иных стартовых условиях, пережили многие страны. Может быть, наиболее поразительные примеры в этом отношении демонстрировали так называемые новые индустриальные страны: Южная Корея, Сингапур, Тайвань, Филиппины. Несколько позднее была скорректирована образовательная концепция в Китае. Немало позитивного в последние годы происходит в системе образования Вьетнама. Практически везде главной предпосылкой динамичного развития общества был высокий удельный вес молодежи с высшим образованием. Почти все развитые страны мира во второй половине XX века приоритетным направлением политики избирали развитие интеллектуального потенциала, обеспечивая его соответствующими капиталовложениями. Высшее образование перестало быть достоянием избранных. Это произошло прежде всего потому, что его привлекательность подкрепляется преимуществами при получении престижного места работы, оно обеспечивает высокий социальный статус, вознаграждения, премии, возможности передвижения по социальной лестнице. Диплом по специальности есть обязательное условие, которое выдвигает работодатель при приеме на многие должности. При этом принципиальное значение имеет, диплом какого именно вуза будет предъявлен. С этой точки зрения направление российских реформ выдерживается в полном соответствии с общемировыми тенденциями с той лишь оговоркой, что по известным причинам мы сейчас составляем не эшелон догоняющего развития, а эшелон, догоняющий догоняющих.

Поэтому от того, насколько эффективно на нынешнем витке развития образование сумеет интегрироваться с наукой, зависит оправданность надежд на создание общества с достойным уровнем благосостояния.

Та истина, что интеллект, как и капитал, всегда оседает там, где для него складываются лучшие условия, наверное, может считаться справедливой только для открытого общества. Там, где налицо автаркия и царят командно-административные принципы, движение идей и капиталов подчинено совсем другим правилам. С этой, и только с этой точки зрения, очевидно, следует признать обоснованным курс на приоритетную поддержку ведущих исследовательских вузов в стране. Его целесообразность диктуется в первую очередь необходимостью поддержать отечественную науку в критический период ее развития. Образовательная функция науки от этого только выиграет. Необходимо всегда помнить о том, что роль фундаментальной науки в обществе не ограничивается практическими приложениями. Ее просветительская сторона не менее важна. Весьма точно эту взаимосвязь охарактеризовал известный физик, сотрудник института лазерной физики Евгений Бакланов: «Ученые стоят на вершине пирамиды и передают полученные знания преподавателям вузов и школьным учителям, те, в свою очередь, транслируют информацию студентам и школьникам. Чем ниже опускается вершина, тем больше теряет общество в целом»[6]. Выделение исследовательских вузов и их поддержка оп-

равданы необходимостью сохранения уровня отечественных научных школ на должной высоте. Но мера эта представляется скорее как экстремальная, чрезвычайная, чем как естественная и долговременная.

В пользу такого вывода свидетельствует отчасти и логика самой реформы. Коль скоро знаниевая экономика – это экономика рыночная с очень высоким коэффициентом высокотехнологичных производств при наличии адекватной современной инфраструктуры, то рыночные процессы по определению будут корректировать рейтинговые ранжиры и создавать новые научно-образовательные структуры, не учтенные ни в одном официально утвержденном списке.

Кроме того, следует помнить о том, что само понятие «исследовательский университет» является условным. Весьма метко выразился по этому поводу заместитель министра В. В. Козлов: «С нашей точки зрения, каждый университет должен быть исследовательским университетом, поскольку невозможно себе представить ситуацию, что профессора университета занимаются только преподавательской деятельностью и не занимаются творческой научной работой. Поэтому уместней говорить о шкале, по которой можно измерить степень или уровень проводимых университетом исследований, но это, скорее, характеристика, которая отражает рейтинг того или иного университета»[7]. Такая постановка вопроса означает, что сегодня главная задача для большинства российских вузов заключается в том, чтобы наряду с выполнением самостоятельных исследований, позволяющих им как можно выше подняться во всероссийском рейтинге вузов, максимально интенсифицировать свои научные связи с академическими центрами, исследовательскими университетами и зарубежными вузами, чтобы максимально насытить свою образовательную деятельность новизной.

Еще один аспект научно-образовательных перемен заставляет задуматься о возможных корректировках заявленного курса. До сих пор в связи с реформой затрагиваются, главным образом, те отрасли знания, которые имеют непосредственный выход на производство. Естественнонаучные, точные, технические дисциплины, судя по провозглашаемым намерениям, должны сформировать знаниевый ресурс будущего общества. Роль и место гуманитарных наук пока четко не обозначены. Такая ситуация не может продолжаться долго: поскольку характер любой эпохи, а наступивший XXI век не является исключением, определяется не только и не столько количеством и качеством технических и технологических прорывов, сколько способностью человека встать вровень с достижениями своей эпохи. Эта способность всегда задавалась той шкалой гуманитарных ценностей, которая формировалась современными ему научными представлениями о мире, производстве, самом человеке, которая подсказывала, как и чему именно следует учить подрастающее поколение. Именно в этом и состоит одна из главных научно-образовательных миссий Вятского государственного гуманитарного университета.

Примечания

1. Доклад Всемирного банка «От знаний к благосостоянию: преобразования российской науки и технологии с целью создания современной экономики, основанной на знаниях» [Текст] // Ученый совет. 2005. Ноябрь. С. 87-105.

2. Там же. С. 87.

3. Там же.

4. Там же. С. 95.

5. *Фурсенко, А. А.* Образование и наука России перед новым выбором [Текст] / А. А. Фурсенко // Исследовательские университеты. Интеграция науки и образования: материалы российско-американской научной конференции. Тверь: Тверской ИнноЦентр, 2005. С. 17.

6. Поиск [Текст]. 2005. № 41. С. 4.

7. *Козлов, В. В.* Модели взаимодействия академической науки и высшей школы на новом этапе развития [Текст] / В. В. Козлов // Исследовательские университеты... С. 22.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

В. В. Орлов

ТЕОРИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА И МАРКСИЗМ*

В статье рассматриваются теории постиндустриального общества и показывается, что в понимании природы современных общественных процессов сохраняет свое значение марксова методология социального детерминизма. Подчеркивается, что материальный труд остается моментом, определяющим экономические отношения и базирующиеся на них идеологические отношения и духовную культуру.

Сформировавшаяся в 1960–1970-е гг. теория постиндустриального, или информационного, общества (Э. Тоффлер, Д. Белл, Ж. Фурастье, Р. Хейлбронер, Д. Дракер и др.) представляет собой весьма интересную версию современного этапа развития общества, претерпевающего глубокие технологические, экономические, политические и культурные изменения, многие существенные стороны которых схвачены этой теорией. По мнению В. Л. Иноземцева, «теория постиндустриального общества стала фактически единственной социологической концепцией XX в., в полной мере подтвержденной исторической практикой» [1, с. 4].

Вследствие известного догматизма занимавших в СССР ответственные руководящие посты политиков, экономистов, философов, обществоведов книга Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество» была издана в 1973 г. узким тиражом в 300 экземпляров и получила превратную оценку, вплоть до ярлыка «антимарксизма», к немалому удивлению Д. Белла, заявившему в предисловии к русскому изданию 1999 г. своей книги: «Но я вовсе не антимарксист. Как может ученый-социолог быть антимарксистом? Многое в марксистском анализе социальных и производственных структур сохранило свое значение и вошло в современные теории... Я бы скорее назвал себя постмарксистом, в том смысле, что я воспринял достаточно много марксистских представлений о социуме».

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 02-03-00 164а/Т «Философия экономики».

ОРЛОВ Владимир Вячеславович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Пермского государственного университета
© Орлов В. В., 2005

Книга Белла представляет собой, по нашему мнению, наиболее основательное исследование постиндустриализма, которое может быть отнесено к своего рода «первой волне» этой теории.

В 1996–1998 гг. М. Кастельс публикует трехтомную монографию «Информационная эпоха. Экономика, общество и культура», первый том которой, с добавлением главы и итогового заключения третьего тома, опубликован в России (2000 г.). Виднейший представитель «новой волны» постиндустриализма, Кастельс внес ряд существенных уточнений в эту теорию.

С точки зрения теории постиндустриализма человеческое общество проходит три стадии или ступени («волны») развития: *аграрную,* или *доиндустриальную, индустриальную,* основанную на машинном производстве, *постиндустриальную,* или *информационную.* По Тоффлеру, первая связана с *веществом* как главным продуктом и ресурсом производства, вторая – с *энергией,* третья – с *информацией.* Классификация этапов общественной истории носит явный отпечаток технологического детерминизма, однако теория постиндустриализма заметно выходит за пределы этой методологии.

По Беллу, доиндустриальное общество является в основном *добывающим,* оно базируется на сельском хозяйстве, добыче полезных ископаемых, заготовке леса и т. д. Индустриальное общество носит прежде всего *производящий* характер, использует энергию и машинную технологию для производства товаров. Постиндустриальное общество является *обрабатывающим,* здесь обмен информацией и энергией происходит при помощи телекоммуникации и компьютеров. Белл отмечает, что названные способы существования общества не являются только ступенями, сменяющими друг друга, каждая из предшествующих в определенной мере сохраняется в составе последующих.

Несколько иную классификацию этапов истории общества – способов развития» общества – дал Кастельс, связывающий аграрный способ развития с ведущей ролью «количества труда и природных ресурсов», индустриальный – с новыми энергетическими источниками, информационный – с генерированием знаний. Кроме того, он считает, что различие индустриального и постиндустриального способов развития не столь существенно, сколь аграрного и индустриального, поскольку

ку индустриальный и постиндустриальный способы развития связаны с использованием науки.

Ведущие теоретики постиндустриализма исходят из близких, хотя и во многом различных, социологических концепций общественного развития, так или иначе сопоставляемых ими с марксизмом. По нашему мнению, теория постиндустриализма, несомненно, ближе к марксизму, чем каким-либо цивилизационным концепциям общественной истории.

По Беллу, классическая теория постиндустриализма основывается на концепции общества как совокупности *трех сфер:* технико-экономической системы, политического строя и культуры. Белл считает себя сторонником методологии «технологического детерминизма». «Разумеется, технико-экономическая система оказывает воздействия на другие сферы общества, но она не определяет их. Политика относительно автономна, а культура – исторична» [2, с. XCI]. Белл заявляет о своем несогласии с марксистской концепцией общества, которая в его понимании есть «экономический детерминизм», смысл которого Белл не разъясняет.

Рассматривая три сферы общества как «осевые линии» анализа, Белл, однако, признает, что влияние технико-экономической сферы «на другие стороны жизни огромно».

Значительно больший интерес представляет социологическая концепция Кастельса. Согласно Кастельсу, «общества организованы вокруг процессов человеческой деятельности, структурированных и исторически детерминированных в отношениях *производства, опыта* и *власти*» [3, с. 37].

Производство – это воздействие человека на материю (природу) для создания продукта, который частично потребляется, а частично накапливается как «экономический излишек» для инвестиций. *Опыт* – воздействие человеческих субъектов на самих себя, детерминированное соотношением между их биологическими и культурными идентичностями», направлен на «бесконечный поиск удовлетворения человеческих потребностей и желаний. *Власть* – отношения между субъектами, которые на основе производства и человеческого опыта навязывают волю одних субъектов другим путем потенциального фактического применения насилия, физического или символического.

Производство упорядочено *классовыми отношениями,* определяющими процесс, посредством которого некоторые субъекты в их положении в процессе производства решают вопросы раздела и использования продукта, направленного на потребление и инвестиции. Человеческий опыт структурируется вокруг гендерных/половых отношений. Власть основана на *государстве.*

В социальном аспекте производство является комплексным процессом. Человечество как коллективный производитель включает рабочую силу и организаторов производства. Материя – природу, измененную человеком природу и саму человеческую природу. Отношения между трудом и материей в процессе трудовой деятельности включают использование средств производства для воздействия на материю на основе энергии, знаний и информации. Технология – специфическая форма этого отношения. Правила присвоения, распределения и использования экономического излишка составляют способы производства, детерминируя существование социальных классов.

В XX в. мы жили при двух способах производства: *капитализме* и *этатизме,* под которым Кастельс подразумевает социализм в СССР и др. странах.

Социальные отношения в производстве и, следовательно, способ производства определяют присвоение и использование экономического излишка.

От *способов производства* Кастельс отличает *способы развития* – «технологические схемы, через которые труд воздействует на материал». При аграрном способе развития источником растущего экономического излишка является количественный рост трудовых усилий и природных ресурсов (особенно земли). При индустриальном способе развития главным источником производительности становится введение новых энергетических источников. «В новом, информационном способе развития источник производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации».

Нельзя не заметить весьма существенной близости социологической концепции Кастельса материалистическому пониманию истории. Концепция Кастельса, несомненно, крупный шаг современной социологической мысли – от течений «технологического детерминизма» XX в. к марксизму, последовательно научной социологической концепции общества. Однако следует отметить и целый ряд моментов, в которых эти две теории расходятся. В материалистическом понимании истории, как обычно именуется марксистская социологическая (социально-философская) теория общества, выстроены более строгие и четкие концепции *общественно-исторического процесса* (формационная концепция), *общественно-экономической формации,* с ее строго разработанной структурой *производительных сил* и *производственных отношений,* включая их основу – отношения *собственности.* В марксизме создана более глубокая и разработанная концепция *труда, трудовая парадигма,* содержательно раскрыта детерминирующая роль труда как важнейшей *сущностной силы* человека, по отноше-

нию к производственным отношениям, развитию *живых человеческих индивидов, экономическим* и *надстроечным структурам,* важнейшим феноменам или факторам общественной жизни: стоимости, прибавочной стоимости, деньгам, капиталу, эксплуатации и т. д. Философия и логика Маркса, вобравшие в себя лучшие достижения философской мысли, «на порядок» выше.

Белл характеризует постиндустриальное общество следующими основными чертами.

Центральная роль теоретического знания. Каждое общество всегда опиралось на знания, но только в современном обществе теоретические исследования «становятся основой технологических инноваций». Белл особенно подчеркивает ведущую роль фундаментальных наук.

Создание новой интеллектуальной технологии – новых математических и экономических методов (компьютерное линейное программирование, цепи Маркова, стохастические процессы и т. п.), которые позволяют находить более эффективные, рациональные подходы к экономическим, техническим и даже социальным проблемам.

Рост класса носителей знания. Классы технических специалистов и профессионалов становятся наиболее быстро растущей группой общества. Если в США эта группа, вместе с менеджерами, составляла в 1975 г. 25% рабочей силы (8 миллионов человек), то к 2000 г. она должна стать, по мнению Белла, «самой многочисленной социальной группой».

Переход от производства товаров к производству услуг в постиндустриальном обществе к существовавшим ранее видам услуг: к домашним, транспортным, финансовым, бытовым добавляются новые виды услуг прежде всего в области *здравоохранения, образования* и *социального обслуживания.*

Изменения в характере труда. Белл полагает, что если в индустриальном обществе труд – «это взаимодействие человека с преобразованной природой, когда в процессе производства новых товаров люди становятся придатком машин», то «в постиндустриальном мире труд является прежде всего взаимодействием между людьми... Тем самым из процесса труда и непосредственной практики исключается природа, искусственно созданные предметы, а остаются лишь люди, которые учатся взаимодействовать друг с другом. В истории человеческого общества это совершенно новая, не имеющая аналогов ситуация» [2, с. CLVI].

Роль женщин резко усиливается, впервые женщина получила надежную основу для экономической независимости.

Наука достигает своего зрелого состояния. Укрепилась связь науки и технологии, что составляет важнейшую черту постиндустриального общества.

Если ранее предметом социологии были классы и страты, то в постиндустриальном обществе, по мнению Белла, более важными структурами становятся *ситусы,* или «вертикально расположенные единицы». Белл различает *четыре функциональных* ситуса: *научный, технический* (инженерное дело, экономика, медицина), *административный* и *культурный,* и *пять институциональных*: экономические предприятия, государственные учреждения, университеты и научно-исследовательские комплексы, армия. Ситусное строение общества, по мнению Белла, все более выдвигается на первый план.

Меритократия. В постиндустриальном обществе человек может занять престижное положение не столько по праву наследования (хотя оно может давать богатство или культурное преимущество), сколько вследствие образования и квалификации.

Конец ограниченности благ? К. Маркс и другие социалисты доказывали, что изобилие есть предпосылка социализма, и утверждали, что при социализме не будет необходимости нормативно регулировать распределение в целях справедливости, поскольку будет достаточно средств для удовлетворения нужд каждого. В этом смысле коммунизм определялся как устранение экономики или как материальное воплощение философии. Однако вполне очевидно, что мы всегда будем жить в условиях дефицита. В постиндустриальном обществе всегда «будет иметь место недостаток информации и времени».

Экономическая теория информации. Информация по самой своей природе есть коллективный, а не частный продукт (собственность)... Оптимальные социальные инвестиции в знание, позволяющие более широко распространять и использовать его, требуют разработки стратегии сотрудничества. Эта новая проблема, касающаяся роли информации в постиндустриальном обществе, ставит перед экономистами и политиками трудные теоретические и практические задачи.

С точки зрения Кастельса, постиндустриальное общество характеризуется следующими основными чертами:

1. *Источником производительности и роста* нового этапа общественного развития являются *знания, распространяемые на все области экономической деятельности через обработку информации.*

2. Экономическая деятельность смещается – от производства товаров к производству услуг. Сфера услуг выделяется как новая *крупнейшая сфера экономической деятельности, состоящей в воздействии на человека, а не на природу.*

3. *В новой экономике все возрастающую роль играют профессии, связанные с высокой насыщенностью знаниями и информацией. Ядро но-*

вой социальной структуры составляют профессионалы и техники.

Главной чертой информационной эпохи Кастельс считает не *использование информации,* которое имеет место и в индустриальную эпоху, а возникновение технологии обработки информации, *информационных технологий.* Он считает, что в 1970-е гг. процессы экономических, политических и культурных изменений были усилены и увеличены необычайно могущественными информационными технологиями, из-за чего за последние 20 лет изменился мир в целом. Информационная технология сыграла ключевую роль в кризисе Советского Союза.

Разъясняя свою общую теоретическую позицию, Кастельс утверждает, что «технология не предопределяет развитие общества. Но и общество не предписывает курс технологических изменений, ибо в процесс научных открытий, технологической инновации и социальных применений вмешиваются многие факторы, включая индивидуальную изобретательность и предпринимательский дух, так что конечный результат зависит от сложной структуры взаимодействий» [3, с. 28-29]. Оставляя пока в стороне другие существенные моменты социологической концепции ученого, отметим, что при объяснении затронутой и других столь же теоретически существенных проблем Кастельс никогда не касается наиболее фундаментальной стороны социологической теории – закономерного характера развития общества, родовой человеческой сущности, собственности.

В конце XX в. общество переживает один из редких в своей истории моментов – трансформацию своей материальной культуры благодаря работе новой технологической парадигмы, построенной вокруг информационных технологий. *Информационная технология* – это *сходящаяся совокупность* технологий в микроэлектронике, создании вычислительной техники (машин и программного обеспечения), телекоммуникации/вещании, оптико-электронной промышленности, генной инженерии.

Суть новой технологической парадигмы – *технология воздействия на информацию,* а не просто информация, предназначенная для воздействия на технологию, как это было в прежних технологических революциях. Подчеркивая эту коренную особенность новой технологии, вместо определения постиндустриального общества как *информационного,* Кастельс вводит его определение как *информационального. В информациональном обществе информация – это сырье и продукт производства.*

Кастельс отмечает ряд важнейших особенностей информациональной парадигмы.

1. Информация выступает в качестве *сырья и продукта технологии,* а не просто как информация, предназначенная для воздействия на технологию, как это было в прежних технологических революциях.

2. *Всеохватность* эффектов новых технологий.

3. *Сетевая логика* любой системы. На место сложнейших *пирамидальных* структур в экономике в эпоху информационализма приходит *сетевая структура,* которая обеспечивает наибольшую динамичность и гибкость экономических систем. Кастельс цитирует яркую характеристику роли сетевых структур, данную К. Келли: «Атом – это прошлое. Символом науки для следующего столетия является динамическая сеть... В то время как атом является воплощением идеальной простоты, каналам сети присуща чудовищная сложность... Единственная организация, способная к необремененному предрассудками росту или самостоятельному обучению, есть сеть. Все прочие топологии ограничивают то, что может случиться. Сетевой рой весь состоит из краев и поэтому открыт для любого пути, которым вы к нему подходите... Никакая другая расстановка – цепь, пирамида, дерево, круг, колесо со ступицей – не может содержать истинное многообразие, работающее как целое» [Там же, с. 77].

4. Информационно-технологическая парадигма основана на *гибкости,* которая обеспечивается не только сетевым принципом.

5. Растущая *конвергенция конкретных технологий в высокоинтегрированной системе.* В информационной системе интегрируются микроэлектроника, телекоммуникации, оптическая электроника, компьютеры, Интернет, биотехнология.

Следует отметить замечательную особенность теоретического подхода Кастельса, отличающую его позицию от предшествующих ему классиков постиндустриализма. Интеграция конкретных тонких технологий, охватывающих различные области науки и техники, в особенности машины, животные организмы и человеческую природу, заставляет ставить *фундаментальнейший вопрос о единстве природы, техники, человеческой сущности.* Кастельс придает существенное значение дискуссиям 1980-х гг. по проблеме «теории хаоса», возникновению в 1990-х гг. группы ученых, которые «сблизились в общем эпистемологическом подходе, идентифицируемом кодовым словом “сложность”» [Там же, с. 79]. Эта группа объединяет физиков высокой квалификации из Лос-Аламоса, к которым присоединилась группа нобелевских лауреатов. Этот интеллектуальный кружок нацелен на интеграцию научного мышления (включая социальные науки) в новой парадигме. Нетрудно понять, что серия вопросов, к которым привела наука постиндустриального общества, – это проблема развития

(«сложности») единого закономерного мирового процесса (закономерной последовательности физического, химического, биологического и социального), решение которой позволяет создать новую парадигму, объединяющую всю систему наук, науку и технологию. Такая теория создана в отечественной философской науке, в частности, работами коллектива исследователей, к которому автор имеет честь принадлежать.

Кастельс обращает внимание на огромную роль государства в научно-техническом прогрессе: его расцвете или, наоборот, торможении. Так, огромную роль в техническом развитии Китая вплоть до 1400 г. сыграла государственная стратегия. Ключевые изобретения создавались в Китае на столетия и даже на полтора тысячелетия раньше, чем в Европе, находившейся в XIV в. явно на более низком техническом уровне, чем Китай. Доменные печи были освоены в Китае за 200 лет до н. э. Кастельс цитирует Джонса, заявившего, что «Китай в четырнадцатом столетии на волос не дошел до индустриализации» [Там же, с. 31]. Известно, что после 1400 г. китайское государство потеряло интерес в техническим инновациям, что явилось причиной длительной отсталости Китая. В последней четверти XX в. под стратегическим руководством государства Япония стала мировым лидером в информационно-технологической области. Неспособность выработать информациональную парадигму явилась причиной краха Советского Союза. «Индустриальной и научной сверхдержаве – Советскому Союзу – этот фундаментальный технологический переход не удался» [Там же, с. 35]. *Забегая вперед, отметим, что проводимые с 1992 г. российские реформы не только не продвинули страну, ее руководство и правящую элиту к новой парадигме развития, но, скорее, отбросили страну далеко назад. Они основаны на парадигме деиндустриализации страны.* Единственной четко поставленной задачей российских реформ было перераспределение государственной, общественной и в значительной мере личной (сбережения населения в Сбербанке) собственности среди 5-15% населения, что именовалось обычно «созданием класса эффективных собственников».

«Первая волна» постиндустриальных исследований вызвала оживленную дискуссию о характере постиндустриального, или информационного, общества. Высказывались представления о новой стадии развития общества как *постбуржуазном, посткапиталистическом* (Дракер и другие), *не капиталистическом* и *не социалистическом, неэкономическом,* основанном на индивидуальной, а не общественной собственности (В. Л. Иноземцев) и др. С нашей точки зрения, эти трактовки имели определенные основания и не могут быть просто отброшены. Однако Кастельс дает, по-видимому, более основательную оценку постиндустриального, или, в его определении, информационального, общества.

Кастельс отмечает, что информациональные технологии, распространившиеся по Земному шару с молниеносной скоростью менее чем за два десятилетия, с середины 1970-х до середины 1990-х гг. стали фундаментальной основой социально-экономической реструктуризации капитализма. Впервые в истории человеческая мысль стала непосредственной производительной силой.

В отличие от теоретиков «первой волны» постиндустриальной теории Кастельс считает, что *подлинной сутью* реструктуризации капитализма, появления информационального капитализма является *углубление капиталистической логики стремления к прибыли, максимизации прибыли.*

В непосредственном плане реструктуризация состояла в децентрализации и появлении сетевых структур на базе информационных технологий, что позволило резко интенсифицировать экономическую деятельность, в тенденции – до скорости действия оптико-волоконной связи. Еще сильнее выразился Б. Гейтс – до скорости мысли.

Это привело к *значительному усилению роли капитала по отношению к труду и, как следствие, к упадку рабочего движения.*

Информациональный капитализм оставил в прошлом кейнсианскую экономическую модель, принесшую беспрецедентное экономическое процветание и социальную стабильность большинству рыночных экономик в период почти трех десятилетий после Второй мировой войны. Следствием реструктуризации явился *демонтаж социального контракта между трудом и капиталом.*

В своей глубинной сущности информациональный капитализм направлен на углубление капиталистической логики стремления к прибыли, на *максимизацию прибыли.*

Реструктуризация сопровождалась «широко распространенным ухудшением условий жизни и труда работников» [3, с. 45], «потрясающим прогрессом неравенства доходов в США» [Там же, с. 101]. *Информациональный капитализм полностью исключает модель «государства всеобщего благоденствия».*

Ухудшение условий жизни и труда работников в процессе перехода к информациональному обществу принимает различные формы в различных странах, во многом в зависимости от их положения в мировой экономике. Так, в Европе происходит повышение структурной безработицы, в США – снижение ставок заработной платы, рост неравенства и нестабильность работы, неполная занятость и сегментация рабочей силы в Японии, включение в неформальную экономику и сниже-

ние статуса новой городской рабочей силы в индустриализирующихся странах, растущая маргинализация сельскохозяйственной рабочей силы в застойных слаборазвитых экономиках.

Иллюстрацией потрясающей прогрессии неравенства доходов в США в 1980–1989 гг. служит приведенная Кастельсом схема, согласно которой у 60% населения (рассматриваемых по квантилям 20, 20 и 20%) доход упал на 4,6-4,1 – 0,8%, а у высшего 1% – увеличился на 62,9%. Заметим мимоходом: в чем-то знакомая нам картина!

Заметим также упорно повторяемую Кастельсом и требующую серьезного осмысления мысль, что «распространение информационной технологии в экономике само по себе не ведет к росту безработицы», что перечисленные выше отрицательные тенденции «не вытекают из структурной логики информационной парадигмы, но являются результатом текущей реструктуризации отношений между трудом и капиталом» [Там же, с. 262-263]. В том, что новые технологии *сами по себе* не приводят к отрицательным социальным последствиям, к понижению уровня жизни населения, слышится издавна знакомый нам мотив, к которому мы еще вернемся.

Следует обратить внимание и на далеко идущее утверждение Кастельса, что «никогда труд не играл столь значимую роль в процессе создания стоимости». Но в то же время «никогда рабочие (безотносительно к их квалификации) не были столь уязвимы для организации, ибо они стали "подтянутыми" индивидами, которые отданы на откуп гибкой сети и местоположение которых в этой сети неизвестно ей самой» [Там же, с. 268]. Индивид, «Я» становится частью Сети. *«Наши общества все больше структурируются вокруг биполярной оппозиции между Сетью и "Я"»* [Там же, с. 27].

Вопреки еще широко распространенному в отечественной литературе представлению, Кастельс утверждает, что в постиндустриальную эпоху происходит увеличение верхних и низших слоев профессиональной структуры при *сжимающейся середине*. В глубинах складывающейся социальной структуры «информациональной работой был запущен более фундаментальный процесс: дезагрегация труда, провозглашающая возникновение сетевого общества» [Там же, с. 268].

Важнейшей чертой новой экономики является ее *глобализация*. С точки зрения Кастельса, глобальная экономика, возможно, является основной характеристикой и самой важной чертой информационального капитализма. Вопреки распространенному у нас мнению, глобальная экономика – это вовсе не мировая экономика в целом. Это *«экономика, способная работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты»* [Там же, с. 105]. Иными словами, глобальная экономика – это *экономика группы наиболее развитых стран*.

Непременным механизмом глобальной экономики, согласно Кастельсу, является механизм «социального исключения» из глобальной экономической системы (основу которой составят страны «семерки») целых стран, слоев населения, даже регионов. Логика развития глобализма угрожает исключить большую часть Африки из глобальной экономики. Открытый Кастельсом *механизм исключения – дальнейшее развитие механизмов капиталистической конкуренции и эксплуатации труда в эпоху постиндустриального общества, обновленного информациональными технологиями капитализма*.

Кастельс дал весьма интересный, хотя и во многом спорный анализ ситуации в СССР, которая привела к его распаду и «экономическим руинам». С его точки зрения, крах СССР обусловлен пороками сложившейся в нем социально-экономической системы, которую он называет «советским этатизмом». В течение длительного времени, особенно в 1950-х и до конца 1960-х гг., советский ВНП рос в общем быстрее, чем в большей части остального мира.

Советская статистика грубо переоценивала темпы роста, особенно в 1930-е гг. Однако, как показал Г. И. Ханин, советский национальный доход с 1928 по 1987 г. вырос в 6,9 раза, т. е. экономический рост СССР был быстрее, чем на Западе, а темпы индустриализации – «одними из быстрейших в мировой истории» [Там же, с. 440]. «Советский Союз в течение половины столетия продемонстрировал экстраординарные успехи» [Там же, с. 443].

«"Что-то" случилось в 1970-х гг. и вызвало технологическое отставание СССР» [Там же, с. 456]. Это «что-то» случилось не в СССР – технологическая революция, основанная на информационных технологиях. Советские компьютеры между серединой 1940-х и серединой I960-х гг. не слишком отставали от западных эквивалентов. Советское государство оказалось неспособным заметить эту революцию. СССР погубила гипериндустриализация.

Однако «демонтаж коммунистического государства и, более того, распад Советского Союза не были исторической необходимостью» [Там же, с. 485]. «Экономика потерпела крушение вследствие спекулятивных маневров номенклатуры ради собственной выгоды, вследствие безответственных рекомендаций о введении абстрактной политики свободного рынка со стороны Международного валютного фонда некоторых западных советников и политически неопытных русских экономистов, которые внезапно оказались на командных высотах» [Там же, с. 490].

Весьма интересны близкие оценки потенциальных возможностей СССР и России, высказан-

ные Д. Беллом в предисловии к русскому изданию «Грядущего постиндустриального общества» 1999 г. Россия, отмечал Белл, располагает сегодня огромными природными ресурсами, а также большим числом образованных инженеров и техников. Если бы она достигла внутренней стабильности и избежала разорительных этнических конфликтов и гражданских войн, она была бы готова вступить в постиндустриальный век раньше, чем любая другая страна.

Неолиберализм, политика свободного рынка неминуемо приводит экономику страны в тупик. Страны, которые полностью отдались стихии рынка, особенно болезненно реагируют на изменение финансовых потоков и уязвимы с точки зрения технологической зависимости. Кастельс отмечает, что после того, как выгоды от либерализации растворятся в реальной экономике, «обычно за потребительской эйфорией следует шоковая терапия, как это было в Испании после 1992 г., а также Мексике и Аргентине в 1994–1995 гг.» [3, с. 102].

Русский народ должен будет пройти через «восстановление своей коллективной идентичности в мире», где потоки власти и денег пытаются дезинтегрировать возникающие экономические и социальные институты еще до того, как они окончательно оформились, чтобы поглотить эти институты в своих глобальных сетях. «Сегментированная инкорпорация» оставшихся от СССР «экономических руин в глобальную экономику есть последний фронт экспансии капитализма» [Там же, с. 144].

Испытывая определенные симпатии к России, Кастельс выражает уверенность, что Россия найдет в себе силы противостоять экспансии глобализма. «Похоже, что для России и бывших советских республик ухудшение экономической ситуации может протянуться далеко в XXI в.» [Там же]. Однако Кастельс сомневается, что «социальная сегментация и социальная исключенность, скрыто присутствующие в логике глобальной экономики, могут развиваться в России и дальше, не встречая отпора» [Там же, с. 150].

«Осевая» философия и исторический материализм. Д. Белл делает несомненный шаг вперед, к марксизму, отвергая концепцию «технологического детерминизма», которая в свою очередь была шагом вперед от чисто идеалистического понимания общества к материалистическому, апеллируя к важному материальному фактору общественной жизни – технике, технологии. Своей концептуальной основой Белл выбирает «осевой принцип», который, по его мнению, позволяет избежать одностороннего детерминизма, как экономического, так и технологического. Марксова детерминистическая теория подверглась в социологии атаке, которая завершилась отрицанием любой общей концепции социальной причинности.

Идея осевых принципов и структур является попыткой выявить не *причинность,* но лишь *центральность*. Она заключается в стремлении выяснить организующий остов общества, вокруг которого группируются прочие институты, или «энергизирующий принцип, логически обусловливающий все остальные» [2, с. 13].

Можно выделить осевой принцип *собственности,* по которому различаются феодализм, капитализм, социализм; по осевому принципу *производства* и типа используемого знания – доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общество.

Белл различает в обществе три *части*: *социальную структуру, политическую систему* и *сферу культуры.* Первая включает экономику, технологию и систему занятости. Политический строй регулирует распределение власти и разрешает конфликты между отдельными лицами и группами. Культура есть «царство экспрессивного символизма и выразительности». Осевым принципом социальной структуры современного западного общества является *экономизация* – способ выделения ресурсов в соответствии с принципом наименьших затрат, заменяемости, оптимизации, максимизации и т. д.

Осевой принцип политической системы – *участие,* «подчас мобилизируемое или контролируемое, подчас исходящее снизу». Осевой принцип культуры – *«воплощение и совершенствование собственной личности».*

Методология «осевого анализа», по мнению Белла, позволяет избежать одностороннего детерминизма, как экономического, так и технологического, в объяснении общественных перемен... Отвергается причинность, но акцентируется внимание на значимости (или, в дильтеевском смысле, на значении). Таким образом, можно создать и принцип дополнительности в социальной теории. Осевой принцип социальной структуры – «центральное место теоретических знаний как источника нововведений и формулирования политики» [Там же, с. 18]. Однако нельзя считать, что вызванные новым уровнем знаний изменения в социальной структуре *«определяют* соответствующие перемены в политике или культуре» [Там же, с. 16]. Эти изменения, скорее, *«ставят вопросы»* перед остальными элементами общества, а реальные изменения в политике и культуре зависят от выбора людей.

Постиндустриальное общество «складывается вокруг знаний, что, в свою очередь, *порождает* (выделено мной. – *В. О.*) новые общественные отношения и новые структуры, которые должны управляться политическими методами» [Там же, с. 25].

Отвергая социальный детерминизм Маркса, Белл, как и Кастельс, совершенно явно упрощает материалистическое понимание истории, свой-

ственную последнему трактовку детерминизма, причинности вообще, социального детерминизма в частности. Марксово понимание социального детерминизма означает прежде всего признание *определяющей* роли материального общественного бытия (экономической деятельности в Марксовом понимании экономики) по отношению к общественному сознанию. Важным составным моментом этой концепции является понимание материального труда как определяющего экономические отношения и базирующиеся на них идеологические отношения, духовную культуру. При этом *определение, опричинивание* понимается отнюдь не в том прямолинейном, упрощенном смысле, который фактически приписывается марксизму Беллом и Кастельсом. С позиций материалистической диалектики содержание следствия не является «механическим слепком» с содержания причины. Действие причины опосредуется содержанием, спецификой явления, испытывающего причинное воздействие. Такое понимание детерминации совершенно явно и прозрачно выражено в «Капитале», в выстроенной Марксом цепочке причинно-следственных связей: *труд – экономические отношения,* в *трудовой парадигме* Маркса.

Рассматривая проблему детерминации общественного сознания в ее принципиальной теоретической форме, классики марксизма в серии писем, получивших название «Письма об историческом материализме», специально подчеркнули один из важнейших элементов социального детерминизма – *активность общественного сознания,* его *обратное влияние* на материальное бытие. В письме к В. Боргиусу Энгельс отмечал: «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономический базис. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *причиной,* что *только* оно является *активным,* а все остальное – лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, *в конечном счете* всегда прокладывающей себе путь» [5, с. 175].

С позиций марксизма общественное бытие, материальный труд лишь *в конечном счете* определяют общественное сознание, духовную культуру. В *ближайшем* плане, как известно, с позиций марксизма первичным, определяющим фактором человеческих действий могут быть идейные побудительные мотивы, идеи, которые становятся «материальной силой». В непосредственном плане «политика не может не иметь первенства над экономикой» (В. И. Ленин). Рассматривая в принципиальном виде сложно структурированное отношение: *материальное бытие – духовная культура,* Энгельс в брошюре «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» отмечал, что зависимость форм общественного сознания от материального бытия различна. В наиболее близкой зависимости от бытия находятся правовое и политическое сознание, философия и религия образуют идеологии более высокого порядка, т. е. наиболее удалены от материальной экономической основы. В них «связь представлений с их материальными условиями существования все более запутывается, все более затемняется промежуточными звеньями. Но все-таки она существует. В области философии и религии новые экономические отношения не создают ничего *заново, но определяют направления* изменения представлений.

Марксова концепция и методология социального детерминизма имеет несравненно более основательный и содержательный характер, чем «осевой принцип», или методология, Белла. Коренная особенность этой методологии заключается в том, что она не доходит до *субстанции общественной жизни,* в отличие от теории и методологии материалистического понимания общества, опосредованного богатейшим опытом истории философии, в особенности логики Гегеля. Вместе с тем, как нам представляется, «осевой» подход Белла, как и близкая к нему методология Кастельса, фактически приближаются к Марксову социальному детерминизму, не делая, впрочем, решающего теоретического шага к нему. Главное различие социального детерминизма и «осевой» методологии связано с тем, что последней концепции постиндустриального общества в целом присуще *идеалистическое* понимание общества, выраженное в проведенной идее *решающей роли знания в развитии постиндустриального общества*, знания как главном ресурсе и продукте этого общества. На самом деле теория постиндустриального общества фактически дает новые убедительные аргументы в пользу материалистического понимания истории [см. об этом в: 6, гл. 12].

Примечания

1. *Иноземцев, В. Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы [Текст] / В. Л. Иноземцев. М., 2000.

2. *Белл, Д.* Грядущее постиндустриальное общество [Текст] / Д. Белл. М., 1999.

3. *Кастельс, М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс. М., 2000.

4. *Гейтс, Б.* Бизнес со скоростью мысли [Текст] / Б. Гейтс. М., 2001.

5. *Маркс, К.* Соч. [Текст]. Т. 39 / К. Маркс, Ф. Энгельс.

6. *Орлов, В. В.* Философия экономики [Текст] / В. В. Орлов, Т. С. Васильева. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2005.

С. М. Окулов, В. Ф. Юлов

О СКРЫТЫХ СДВИГАХ В ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

В статье сделана попытка обосновать методологические принципы современных педагогических исследований.

Я слова не нашел,
что я хотел сказать.
О. Мандельштам

Эпоха индустриализации в развитии цивилизации предъявляла определенные требования к образованию, с которыми оно успешно справлялось. По мнению Э. Тоффлера, основное назначение школы того времени было в воспитании «унифицированной рабочей силы, в которой нуждалась электромеханическая технология и поточные линии на производстве» [1]. Естественно, что по мере развития общества знания, передаваемые ученикам, становились все более системными и формировали ту научную картину мира, которая позволяла им успешно решать жизненные проблемы. Соответствие (определенное) между образованием и реальной действительностью поддерживалось за счет введения новых учебных предметов, специальных видов образования и т. д. В настоящее время его принято определять как традиционное и его ключевым понятием является «передача знаний, умений, навыков (ЗУНы)».

Вычленим суть данной образовательной схемы – она является «*субъект-объектной*». Образно выражаясь, ученик рассматривается как «сосуд, в который вливаются» [2] ЗУНы. Философской подоплекой данной схемы является принцип отражения, другими словами – «материя первична, сознание вторично» и, отражая нечто материальное, создается нечто идеальное, под названием «знания», в сознании человека. Долгие годы усилия педагогики были направлены на совершенствование механизма вливания. Итак, если ЗУНы принять как нечто неизменное, то что из этого следует? Жесткая разбивка на учебные предметы, иначе знания основ наук недостижимы. Классно-урочная система, ибо знания основ наук необходимо давать детям одного возраста, согласно эмпирически установленным возрастным особенностям обучающихся, на одном уроке, в одном помещении. Иначе дать всем сразу объяснение нового задания, обеспечить проверку прочности усвоения предыдущих заданий просто невозможно. И главное, суть остается неизменной: ученик есть объект приложения педагогических усилий субъекта – учителя, а учебный предмет есть средство, с помощью которого это усилие реализуется. Не останавливаясь на причинах исчерпанности данной схемы, в смысле поиска путей её совершенствования, они очевидны, перейдем к краткой характеристике альтернативных решений в педагогике. Они, прежде всего, относятся к содержанию образования.

1. Культурологическая модель содержания образования [3]. Согласно данной концепции содержание образования определяется не совокупностью сведений, подлежащих воспроизведению, а целостным блоком культурного опыта, подлежащего усвоению с целью обеспечения преемственности в развитии общества.

2. Деятельностная модель содержания образования [4]. Содержание образования определяется видами деятельности человека: практико-преобразовательной, познавательной, коммуникативной, эстетической и т. д. В частности, развивающее обучение направлено на интеллектуальную деятельность человека.

3. Личностная модель содержания образования [5]. Содержание образования строится в соответствии со структурой личности, и в его структуре отражаются основные аспекты жизнедеятельности человека, связанные с принятой в обществе системой ценностей.

4. Компетентностная модель содержания общего образования [6]. Содержание образования представляется в виде системы компетенций. «Компетентность – это своего рода “включенная”, самостоятельно реализуемая способность, основанная на приобретенных знаниях ученика, его учебном и жизненном опыте, ценностях и наклонностях, которую он развил в результате познавательной деятельности и образовательной практики. Компетентность “появляется” из способности ученика и проявляется в способности, только уже “включенной”, – способности к практической деятельности, к решению разнообразных проблем. Компетентным является тот, чья деятельность, поведение адекватны появляющимся проблемам» [7].

Следует, вероятно, согласиться с точкой зрения В. В. Серикова на то, что исходной посылкой явно или негласно является предположение о том, что реально существует как бы «два образования»: первое – представленное в программах, подлежащее обязательному усвоению и контролю, второе – «скрытое образование», являющееся своего рода вторичным продуктом обра-

ОКУЛОВ Станислав Михайлович – кандидат технических наук, доцент по кафедре информатики и методики обучения информатике ВятГГУ, декан факультета информатики ВятГГУ
ЮЛОВ Владимир Федорович – доктор философских наук, профессор по кафедре философии и социологии ВятГГУ
© Окулов С. М., Юлов В. Ф., 2005

зовательного процесса. Сюда, по сути, относятся все те факторы образовательного процесса, которые порождают культуру, компетентность, личностный опыт и другие элементы образованности, которые нельзя «сложить» из набора знаний и умений. И суть теорий – скрытое сделать явным. Путь реализации скрытого известен в педагогике – индивидуализация (субъективизация) процесса развития школьника, то есть перевод его на «субъект–субъектную» схему.

Перечисленные модели, несмотря на их значительное пересечение, выявляемое при детальном анализе, отражают происходящую в педагогике закономерную смену теоретических парадигм [8], изменение принципов построения теорий.

Философской подоплекой данных парадигм содержания образования является «онтологический поворот» в трактовке сознания, произведенный идейными лидерами «философии жизни», феноменологии и других направлений XX в. Этот поворот давно стал историей, и редукция сознания к познавательным образованиям по сути своей изжита в современной философии. Мало кто оспаривает тезис о том, что мышление бытия есть само особое бытие [9], а бытие есть нечто, что есть только в каком-то сцеплении человека с не данными природой основаниями. «Сознание – это не психический процесс в классическом психофизиологическом смысле слова» [10]. «Мы вводим “сферу сознания” как понятие, разрешающее как раз те противоречия, к которым приводит применение понятий “субъект” и “объект”. Противоречия, к которым приводит само различение объектной сферы как сферы натурально существующей – с одной стороны, и субъектной сферы как тоже натурально существующей, но имеющей какие-то психологические или псевдопсихологические качества и характеристики» [11]. Сознание – интегративное образование, объединяющее в себе духовные чувства и все структуры интеллекта (эмпирию, разум). Оно представляет сугубо человеческое в человеке, а психика, низшая психика, выражает эволюционное родство человека с животным миром. Она остается за пределами сознания.

Вывод первый. В педагогике происходит онтологический поворот в трактовке понятия «обучение».

Говоря о «субъект–субъектных» схемах взаимодействия, следует очень осторожно использовать понятие «обучение». Вероятность попадания в объятия материалистического натурализма очень велика. Суть последнего состоит в операциях сведения содержания сознания к какому-то материальному уровню организации человека. Натурализм – это редукционизм, объясняющий сознание природной телесностью. Свойства сознания при этом выводятся из некоторой физической реальности. В педагогической интерпретации, давая упрощенную трактовку понятия «обучения», – выучи то, и будешь знать то-то; делай так, и будешь уметь то-то; учи так, и твои ученики будут знать лучше, чем знали те, которых не учили так. По сути, это не что иное, как реализация принципов отражения и редукционизма, ибо качества сознания школьника появляются и выводятся из неких действий, что равносильно утверждениям: «мышление материально, так как за него отвечают спины элементарных частиц» или «разум есть работа мозга, которую можно объяснить физико-химическими теориями». Точнее в этом случае говорить о воспитании, являющемся следствием «помещения» школьника в некую среду усилий, например культурологическую. Главное, что школьник сам себя обучает и воспитывает в этой среде, ибо человек есть существо, которое есть в той мере, в которой оно самосозидается какими-то средствами, не данными в самой природе. Продолжая мысль М. К. Мамардашвили, скажем – «Человека можно заставить что-то делать, но нельзя его заставить хотеть это делать. Можно ли, например, хотеть любить и поэтому любить? Другому человеку можно внушить, как это ни странно, все, кроме мысли, которую он думает сам». И эта самость делает человека человеком, культурным, интеллектуально развитым, личностью, в конечном итоге. Ибо глупость – это все то, что думается само себе, а ум – это то, что производится на собственных основаниях. Думать, подумать самому очень трудно, для этого требуется оказаться в некой среде, требующей думать, и сверхзадача педагога заключается именно в создании этой среды.

Вывод второй. Принцип отражения не может являться методологическим основанием современных педагогических исследований. Прямая редукция обученности школьника от результатов неких педагогических воздействий основана на упрощенном понимании человека и его развития.

Понимание мира и себя (человека) в этом мире, ибо это и есть конкретный мир (по М. Мамардашвили), свяжем с тем, что и как рассматривается в педагогике. Допустим, исходя из определенных посылок, перечислены интеллектуальные качества школьника: «любознательность, эрудированность, вдумчивость, сообразительность, логичность, коэффициент интеллекта, осмысленность, обоснованность, способности к анализу и синтезу, способность находить аналогии, использовать различные формы доказательств, пытливость, проницательность, поиск проблем, склонность к эксперименту, умение задавать вопросы, видеть противоречия, формулировать проблемы и гипотезы, выполнять теоретические и экспериментальные

исследования, владеть способами решения различных задач, делать выводы и обобщения» [12]. Это не что иное, как некая функциональная модель интеллекта. Затем, следуя логике, говорится о том, как развивать эти качества, например пытливость, проницательность и т. д. Безусловно, данные построения целесообразны, имеют под собой вполне определенный базис, ибо являются обобщением обширнейшего эмпирического материала. Методологической основой данных построений являются индуктивные схемы вывода и структурно-системный анализ.

Считалось и считается, что основная задача науки заключается в нахождении объяснений. При этом под объяснением понимается сведение неизвестного к известному. Такое понятие объяснения – это не то, которое когда-либо использовалось в действительной практике объяснений в науке. «В ходе исторического развития науки в качестве приемлемых рассматривалось много разных способов и видов объяснения, но у всех них была одна общая черта: различные способы объяснения все состояли в логической дедукции – дедукции, заключением которой было объясняемое – формулировка того, что требовалось объяснить, а посылками – объясняющее (формулировка объясняющих законов и начальных условий)» [13]. Другими словами, из известного выводится неизвестное путем изменения некоторых исходных посылок.

Онтологический поворот в философии также характеризуется обновлением дедуктивных схем. Здесь наметилась тенденция ухода от статичных диад, закреплявших традиционные противоположности: «материя – сознание», «субъект – объект» и т. д. Привлекательным стал не только монизм, но и деятельность человека. Так, у Э. Гуссерля активное бытие феноменологического сознания представлено актом «ноэзиса», вырабатывающим различные «ноэмы». В философии М. Хайдеггера экзистенция интегрирует в себе множество экзистенциалов личности: конечность, проективность, «бытие-в-мире», «бытие-для-других» и т. п. Интересен проект совмещения бытия и разума у М. Мамардашвили в модели «ноогенной машины». Все эти варианты едины в утверждении образа активной деятельности. Но следует признать, что данная тенденция слабо повлияла на развитие педагогических теорий. Здесь, во-первых, сохраняется дуализм явного и скрытого образования, и, во-вторых, традиционное образование как бы противопоставляется (не согласуется с) основным положениям каждой теории, а из истории развития любой науки следует, что они должны включать его, как неотъемлемую часть.

Вывод третий. Индуктивные схемы рассуждений нецелесообразно использовать в качестве методологической базы современных педагогических исследований. Разработку монистического понимания педагогики следует отнести к перспективным педагогическим исследованиям.

Среди множества вариантов дедуктивного монизма особой основательностью выделяется системный подход. В научной литературе можно найти несколько сотен дефиниций понятия «система». Наиболее очевидным и популярным в свое время следует считать определение Л. фон Берталанфи: «Система – это комплекс взаимодействующих компонентов (какая-либо часть системы, вступающая в определенные отношения с другими её частями)», которое, естественно, критикуется. Можно понимать и так: система не просто совокупность множества единиц, в которой каждая единица подчиняется законам причинно-следственных связей, а единство отношений и связей отдельных частей, обусловливающих выполнение определенной сложной функции, которая и возможна лишь благодаря структуре из большого числа взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом элементов.

В. С. Леднев, характеризуя суть системного подхода, утверждает, что «наука давно пришла к выводу, что главным свойством реальности является её структурность – все как-то устроено: все объекты реальности из чего-то состоят, имеют составляющие их части и в то же время, сколь бы сложными они ни были, сами являются составными частями чего-то более сложного. И так до бесконечности как в сторону увеличения масс и масштабов, так и в сторону их уменьшения. При этом все находится в движении – все течет, все изменяется» [14]. Системы рассматривают в статике и динамике. Для изучения системы как совокупности объектов, взаимодействие которых вызывает появление новых интегративных качеств, не свойственных отдельно взятым образующим систему компонентам, требуется, прежде всего, понять её внутреннее строение, то есть установить, из каких компонентов она состоит, как они взаимодействуют, что обеспечивает её целостность, относительную самостоятельность. Анализ динамики системы предполагает, во-первых, исследование логики её функционирования, её деятельности и, во-вторых, её развитие – эволюцию. «Эти три плоскости (*предметная, функциональная и историческая*) исследования систем должны быть признаны необходимыми и достаточными методологическими компонентами системного подхода как целого» [15].

С точки зрения системного анализа система рассматривается как некая «заданность». Как при этом происходит возникновение системы, её развитие, переход в новое качество – не очень понятно. В частности, М. Б. Туровский пишет: «...Но тогда оказывается невозможным положить самое

понятие системы иначе, как простым указанием на "целостность". Отсюда парадоксы общей теории систем. Действительно, апелляция к пониманию системы как целостности влечет за собой трактовку элементов как в свою очередь систем. Отсюда принцип иерархичности, выступающий как адекватный системному подходу метод интерпретации преемственности. Но тогда в рамках общей теории систем преемственность неизбежно уходит в дурную бесконечность, что и получает выражение в парадоксах этой теории. По сути дела, парадоксы в составе оснований общей теории систем свидетельствуют о том, что последняя не вправе выступать в качестве теории развития. Показав несостоятельность атомизма в качестве методологии научного исследования процесса развития, а следовательно, и несостоятельность редукционизма, общая теория систем попыталась вместе с тем предложить логический принцип рассмотрения процесса, полагающий коррелятивность элементов, то есть производность их от взаимодействий, сохранив в то же время за ними значение конститутивного фактора. ...Однако оказалось, что принятое в качестве такового понимание целого – целое больше суммы частей – интуитивно неопределенно, причем неопределенность постулируемого понятия целого распространяется на части. Поэтому для построения теории систем, то есть логики системного анализа, постулирования понятия целого оказалось принципиально недостаточно – из него невозможно было вывести понятия системы. Пришлось отказаться от претензий построить общую теорию систем. Вместо неё предложен системный подход (системный анализ), предмет которого определился как анализ особенных типов систем. Естественно, что методом такого анализа выступила формальная логика со свойственным ей аппаратом формализации, опирающимся на математические методы. Иными словами, в составе системного анализа оказалась не только не разрешенной, но и не формулируемой проблема возникновения системы» [16].

Две противоположные точки зрения на системный анализ. Действительно, проблему возникновения новых свойств, качеств систем (Н. Н. Моисеев называет это «механизмом сборки» [17]) системный анализ, видимо, в полном объеме не решал на определенном историческом отрезке своего развития. Объяснение возникновения новых свойств у системы из свойств элементов, её образующих, давалось только в ограниченных случаях. Это и естественно, ибо научное понимание мира само развивается как сложная система и требуются определенные условия для очередного скачка в его развитии.

Вывод четвертый. Системно-структурный анализ как методологический принцип педагогических исследований имеет ограниченную область применимости. Развитие личности школьника в рамках данной методологии не объясняется в полной мере.

Анализ современной «научной картины мира» [18] показывает необходимость перехода от системно-структурных к синергетическим принципам исследования сложных систем. Синергетика – это совокупность исследований, позволяющая считать, что во второй половине XX в. сформировался новый взгляд на мир, новая «научная картина мира». Использование синергетической методологии в образовании не должно ограничиваться общими вопросами. «Порог линейного мышления», а именно он обозначен в работе сформулированными выводами, будет преодолен только в том случае, если каждый учитель в своей конкретной деятельности будет видеть закономерности развития сложных систем. Для того чтобы это произошло, от педагогической науки требуются, в первую очередь, исследования методических систем обучения, построенных на основе синергетической методологии.

Технологическая модель сознания хорошо вписывается в синергетическую методологию. Когда речь идет о состоянии хаотического беспорядка, в котором оказывается открытая система, то его без колебаний можно идентифицировать в качестве проблемного этапа познания. Современное образование преимущественно ориентировано на образцы науки. Если взять научное мышление, то оно начинается с акта постановки исследовательской проблемы. В каждой из примерно 1600 дисциплин ученые оценивают сложившиеся массивы знаний как отвечающие наличным нормам. И вот они встречают некоторые отклонения; факты, противоречащие теории; законы науки, не согласующиеся друг с другом, и т. п. Такие элементы являются выражением беспорядка и они оцениваются в качестве проблем. Их решение есть не что иное, как возвращение науки к новому порядку. Вот почему в обучении так важно сформировать культуру нормативного оценивания. Если учащийся реагирует но любое когнитивное рассогласование как на проблемный «хаос», значит, идеал знания как выражение должного порядка в нем работает.

Ядром действенного бытия сознания является работа интеллекта или когнитивное производство. Речь идет о таком способе деятельности, где одни элементы знания становятся «предметным материалом» («что»), а другие когниции берут на себя роль активного средства – метод («как»). Инструментальное воздействие последнего на первое дает продукт трансформации – результат познания. Такой способ структурирования и делает сознание творческой инстанцией. И это показывает неэффективность любой методики обучения, основанной на внешней трансляции

знаний. То, что кажется передачей неких сведений от учителя к ученику, есть полная иллюзия. Представления и понятия не рождаются артикуляцией губ и не возникают на рецепторах глаз и ушей. Всё это те языковые процессы, которые внешне сопровождают акты производства знаний во внутреннем мире интеллекта. Все начинается в интимных глубинах сознания индивидов, все в них происходит и все там завершается. Однако целенаправленно влиять и управлять этими актами вполне доступно. Если знание – это особое живое образование, то здесь вполне уместно сравнение с выращиванием сельскохозяйственной продукции. Всё тут делает сама живая природа, человек лишь создает благоприятные условия: выбирает нужный период времени, рыхлит почву, поливает, устраняет вредителей и т. п. Так же нужно действовать и в любом обучении. Учителю требуется создать благоприятную среду культурного характера. Здесь предполагается ряд социальных и дидактических условий. Если центрировать внимание на последних, то важно не просто помочь учащимся вырастить в себе определенные знания (это нужно, но не достаточно), но и связать с ними функции «предмета», «метода» и результата. Сделать это можно только путем решения специальных учебных задач. Система продуманных заданий закрепляет три основные роли и обучаемый на образцах научается сам производить новые сведения. Стало быть, он освоил технологический способ структурирования, который присущ практике и науке.

Примечания

1. *Тоффлер, Э.* Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 65.

2. *Поппер, К. Р.* Объективное знание. Эволюционный подход [Текст] / К. Р. Поппер. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 321.

3. *Краевский, В. В.* Теоретические основы содержания общего среднего образования [Текст] / В. В. Краевский, И. Я. Лернер. М.: Просвещение, 1983.

4. *Леднев, В. С.* Содержание общего среднего образования: проблемы структуры [Текст] / В. С. Леднев. М.: Просвещение, 1980.

5. *Ильин, В. С.* Формирование личности школьника (целостный подход) [Текст] / В. С. Ильин. М.: Просвещение, 1984; Сериков, В. В. Образование и личность [Текст] / В. В. Сериков. М.: Просвещение, 1999.

6. *Баранников, А. В.* Содержание общего образования: компетентностный подход [Текст] / А. В. Баранников. М.: ГУ ВШЭ, 2002; Сериков, В. В. Компетентностный подход к разработке содержания образования: от идеи к образовательной программе [Текст] / В. В. Сериков // Изв. Волгоградского гос. пед. ун-та. 2003. № 1(02). Серия «Пед. науки».

7. *Баранников, А. В.* Содержание общего образования: компетентностный подход [Текст] / А. В. Баранников. М.: ГУ ВШЭ, 2002. С. 14.

8. *Кун, Т.* Структура научных революций [Текст] / Т. Кун. М.: Наука, 1977.

9. *Юлов, В. Ф.* Мышление в контексте сознания [Текст] / В. Ф. Юлов. М.: Академический Проект, 2005. С. 140.

10. *Мамардашвили, М. К.* Символ и сознание [Текст] / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. М.: Наука. С. 43.

11. Там же. С. 45.

12. *Хуторской, А. В.* Современная дидактика [Текст] / А. В. Хуторской. СПб.: Питер, 2001. С. 51.

13. *Поппер, К. Р.* Объективное знание. Эволюционный подход [Текст] / К. Р. Поппер. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 327.

14. *Леднев, В. С.* Научное образование: развитие способностей к научному творчеству [Текст] / В. С. Леднев. М.: МГАУ. 2002. С. 8.

15. Там же. С. 9.

16. *Туровский, М. Б.* Предыстория интеллекта. Избранные труды [Текст] / М. Б. Туровский. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С. 431-432.

17. *Моисеев, Н. Н.* Универсальный эволюционизм [Текст] / Н. Н. Моисеев // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 3-28.

18. *Окулов, С. М.* Научная картина мира (исторический экскурс) [Текст] / С. М. Окулов // Вестник ВятГГУ. 2003. № 9. С. 21-26.

К. З. Акопян

ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ДИСЦИПЛИНА

В центре внимания статьи – предметное поле исторической культурологии, рассматриваемой как часть культурологии (чья спецификация и категориальный аппарат находятся еще в стадии формирования), но которая имеет все основания быть автономной дисциплиной. В отличие от истории, культурный феномен не может быть понят и интерпретирован вне культурно-исторического контекста. Историческая культурология понимается автором как *метатеоретическое размышление*, объединяющее в себе черты науки, философии и искусства и имеющее своей целью осмысление внутренне противоречивого процесса, содержанием которого является накопление духовного опыта человечества.

Термин «историческая культурология» отнюдь не является общепринятым и общепризнанным, поскольку правомерность, обоснованность и необходимость существования соответствующей ему научной дисциплины нередко ставятся под сомнение, для чего, приходится это с неохотой признавать, имеется немало оснований. Во-первых, следует учитывать неискоренимую, но в целом необходимую для здоровья самой же науки, консервативность, характеризующую все уровни той сложной иерархии, которую образует мировое научное сообщество. Во-вторых, членов этого сообщества, вероятнее всего, шокируют излиш-

АКОПЯН Карен Завенович – доктор философских наук, профессор Московского педагогического государственного университета
© Акопян К. З., 2005

не амбициозные планы очередной претендентки на присоединение к их клану, тем более что та и не думает скрывать от этих чопорных блюстителей научных нравов своих намерений. В-третьих, историческая культурология, прежде всего в силу своей молодости, пока не может похвалиться особыми, неоспоримыми и явными, достижениями, а поэтому ей трудно доказывать обоснованность своих притязаний. Кроме того, не боясь ошибиться, можно предположить, что противники разрастания ученого семейства склонны считать «классическую» *историю культуры*, допустим, при условии получения ею известной поддержки от *философии культуры* (хотя на последнюю многие из них также нередко смотрят как на «темную лошадку»), вполне способной справиться с теми задачами, решению которых и собирается посвятить себя историческая культурология. И это в-четвертых.

В результате, несмотря на то, что в вышедшем в свет в 1998 г. энциклопедическом словаре «Культурология. XX век» под соответствующим названием мы обнаруживаем специальную статью, в которой предпринимается попытка с помощью «многоэтажных» определений представить историческую культурологию как вполне зрелую, обладающую в достаточной степени определенными и разработанными предметом, категориальным аппаратом и методами научную дисциплину (что, на мой взгляд, далеко от истины) и, соответственно, достойную получить хотя бы вид на жительство и комнату в ветшающем здании современной гуманитарной науки, отношение к ней со стороны старожилов этого причудливого и обросшего за время своего существования огромным количеством флигелей, мансард, мезонинов, антресолей и т. п. строения, знающих каждый поворот и тупичок в бесконечных лабиринтах его коридоров, пока еще далеко от уважительного и отмечено чувством явного превосходства: они смотрят на юное и не уверенное в себе создание как на бедную и далеко не всей, даже из числа гуманитарной, не говоря уже о естественнонаучной и технической, родней признаваемую родственницу, которая пока все еще спит в детской кроватке, продолжает фактически жить за счет своих умудренных научным (да и житейским) опытом сородичей и не решается в присутствии взрослых произносить слишком длинные и умные речи. Однако именно поэтому снобы от науки не способны заметить, что подросток обнаруживает (а, на мой взгляд, дело обстоит именно так!) способности вундеркинда и задатки выдающегося интеллектуала.

Все сказанное вынуждает автора предварить попытку достижения главной цели данной работы, сводимой к созданию не обусловленного общепризнанными традициями и устоявшимися требованиями (хотя бы в силу отсутствия таковых) эскиза предметного поля исторической культурологии – что, по сути, равнозначно выявлению специфических черт последней, – достаточно кратким изложением собственного понимания не только такого, казалось бы, устоявшегося понятия, как «история», но и пары-тройки иных, как старых, так и относительно новых, играющих существенную роль в современном гуманитарном знании понятий, без обращения к которым достижение поставленной выше цели было бы практически невозможным.

1

Продвижение к поставленной цели я намереваюсь осуществить при помощи беглого и вынужденно краткого сопоставления (но отнюдь не противопоставления!) двух «историй»: первой – первой и генетически, и хронологически, и «юридически», и фактически, – которая ведет свою родословную от древней, но постоянно (и, следует признать, небезуспешно) молодящейся музы Клио [1] и обращение к которой станет исходным пунктом данного исследования, и той самой второй, которая сравнительно недавно зародилась в лоне культурологии (научной дисциплины, упорно отстаивающей свое право на самостоятельность), но при этом отнюдь не собирается открещиваться от достаточно близкого родства со своей более чем авторитетной предшественницей.

Обращение к «главной» истории я начну с анализа ее имени, настолько известного и привычного, что его содержание представляется, пожалуй, нашему современнику столь же затертым и «размытым», сколь затертым и «размытым» (правда, по иным причинам) выглядит к настоящему времени изображение, много-много веков назад отчеканенное на реверсе (а может, и на аверсе) какой-нибудь медной монеты. Как известно, буквально греческое слово *ἱστορία* означает «исследование», «расспрос», «рассказ», «знание», «наука». И в связи с этим у меня сразу же возникают сомнения по поводу справедливости утверждений, что история – это «*способ существования* во времени человека и человечества...» [2] или что – хотя оспорить эту мысль гораздо труднее – «предметом истории является человек [3]. Скажем точнее – люди» [4].

Как представляется, само содержание греческого слова, ставшего именем этой величайшей из (по меньшей мере гуманитарных) наук, подводит нас к заключению о том, что, обращаясь к понятию «история», мы по сути дела ведем речь отнюдь не о «способе существования человечества», но лишь о *рассказе* об этом способе, о последовательном, подробном и фактически обоснованном повествовании о том, *как* складывался жизненный путь всего человечества – в целом и в частностях. И если мы в поисках авторитетных

примеров подхода к обсуждаемой проблеме обратимся к точке зрения Гегеля, считавшего, что всемирную историю порождает дух [5], что «интересующий нас предмет – *всемирная история* – совершается в духовной сфере» и что «субстанциальным» здесь «является дух и ход его развития» [6], то убедимся, что немецкий мыслитель в своем определении сущности истории допускал значительный отрыв этого понятия от фактического, *событийного,* ряда, иными словами, имя от денотата, т. е. от того, что как на обыденном, так и на теоретическом уровне мы сейчас, ни минуты не задумываясь и не сомневаясь в своей правоте, собственно, и именуем *историей* (ход истории, исторический процесс, историческое явление и т. п.). Далеко не полностью соглашаясь с приведенной точкой зрения Гегеля, я полагаю, что излагаемая в настоящей работе позиция не противоречит ей в самом существенном и тем самым пребывает в русле уже не одно столетие существующего в Европе представления о предмете и содержании исторической науки в целом [7].

Если исходить из значений самого греческого термина, то можно предположить, что истории, рассматриваемой в качестве специфического *рассказа*, обязательно предшествует соответствующее *исследование*, предполагающее, во-первых, поиск – предварительный, параллельный и непрерывный – фактов, событий, вещей, а во-вторых, последующую их интерпретацию, поскольку, конечно же, «история (и не только она! – *К. А.*) есть интерпретация фактических данных (evidence)...» [8]. Подобного мнения придерживался и Гегель, который (на мой взгляд, несколько противореча собственным же положениям, приведенным выше) считал, что «*история должна лишь охватывать то, что есть и было*, события и деяния, и она тем ближе к истине, чем более она придерживается данного...» [9]. С такого рода позиций вполне обоснованным представляется вывод о том, что история – это «комплекс общественных наук (историческая наука), изучающих прошлое человечества во всей его *конкретности* и многообразии» [10]. Иначе говоря, предмет этого «комплекса» охватывает прошлое всего человечества; усилиями же входящих в его состав дисциплин и на базе добытых в ходе разнообразного, целенаправленного и специфического поиска фактических данных исследуются как полиаспектная деятельность социализированного человека, так и – в качестве прямых и сопутствующих результатов этой деятельности – разнообразнейшие события и процессы, имевшие место в жизни общества.

Из всего сказанного можно сделать очень важный, как мне представляется, вывод о том, что, если сохранять верность первоначальному (и остающемуся актуальным) пониманию термина, историю следует рассматривать не в качестве самого происходившего и происходящего в действительности процесса смены одних событий другими, но лишь как *описание* этого процесса, как *рассказ* о нем и как его *интерпретацию*. «Составление» подобного рассказа требует от историка, то бишь рассказчика, предварительного, более или менее длительного, сбора самых разнородных *материалов*, тщательного изучения *документов* прошлого, исследования особенностей происхождения и содержания разнообразных *фактов*, имевших место в жизни конкретного общества, некоего социального образования, того или иного сообщества, отдельного человека и т. п. и на основе некоего общественного консенсуса признанных объективными, а также порожденных этими фактами самых различных следствий. В результате рождается *его* рассказ о происшедшем.

В то же время необходимо признать, что *отождествление* истории, условно говоря, с рассказом – это лишь одно из возможных пониманий данного термина, поскольку столь же часто и столь же привычно он используется для непосредственного обозначения самого событийного процесса, который представляет собой *жизнь человека в обществе и жизнь обществ в мировом сообществе*. Даже и не думая возражать против подобного понимания слова «история», я все же считаю, что в целях сохранения верности содержательному толкованию греческого термина и достижения большей научной строгости в специальной литературе следовало бы развести имя и денотат, иначе говоря, не называть одним и тем же термином и *событийный процесс*, и *рассказ* о нем. В противном случае мы оказываемся вынуждены признать, что *предметом истории является история.*

Именно такого рода терминологического разведения я и придерживаюсь в настоящей работе. Кроме того, нельзя забывать и о гегелевском толковании всемирной истории, а точнее – всемирного событийного процесса, которая, по мнению философа, «совершается в духовной сфере». Не решаясь возражать столь авторитетному автору по существу, я все же осмелюсь заметить, что в случае подобной интерпретации истории мы фактически отодвигаем на задний план все тот же событийный ряд, который по сути дела и должен быть главным предметом интереса и изучения историка. На мой же взгляд, в гегелевском определении происходит смешение *предмета* истории и ее *движущих сил*, поскольку в кругу последних духовное начало [11], без всякого сомнения, занимает ведущее положение.

Итак, предметом истории, с моей точки зрения, является *событийная ткань жизни общества*, своим возникновением и «разрастанием»

обязанная совокупной деятельности социализированного индивида. И история, т. е. рассказ о происшедших событиях, начинается именно с тех времен, в связи с которыми появляется возможность говорить о существовании человеческого общества: без человека, а точнее без человека, живущего, действующего, пребывающего в обществе, невозможно вести речь об истории. Все разговоры о некоем предсуществовании, о предыстории, о доисторическом прологе [12], на мой взгляд, лишь придают совершенно излишнюю в данном случае мистическую окраску этому и без того многоцветному узору, создаваемому вполне реальным, хотя и полным тайн и загадок, событийным процессом. Серьезное углубление в эту тему неизбежно привело бы нас к проблеме предопределенности, чисто умозрительное (а иное просто невозможно) обсуждение которой со всей очевидностью выводит исследователя за рамки *исторического повествования*.

Исходя из сказанного, я считаю возможным сделать вывод о том, что *история* (понимаемая как *рассказ*) *не онтологична*, что она «лишь» *феноменальна* [13] и что ее содержание сводится, по существу, к *интерпретации* тех сведений, которые стали известны ученым благодаря проведенным ими исследованиям.

При этом обязательным условием ведения *исторического рассказа* является требование к рассказчику-интерпретатору строго придерживаться фактов и не допускать в их пересказе-толковании каких бы то ни было домыслов и вымыслов. Любые же предположения и гипотезы, хотя бы и жестко привязанные – чего в обязательном порядке требует «этика» исторической науки – к имеющимся в распоряжении историка фактам, существуют как бы «рядом» с рассказываемой им историей; они могут быть признаны только неким добавлением, дополнением к ней и то тех пор, пока не будут подкреплены соответствующей документальной базой, должны рассматриваться лишь в качестве более или менее интересных ее «украшений», «расцвечиваний».

В связи со сказанным и для подтверждения мысли о том, что выработка определения истории – это все еще не завершившийся процесс, я хотел бы задержаться на безусловно интересной, хотя, на мой взгляд, и достаточно противоречивой позиции, которую занимал по этому вопросу Н. А. Бердяев. Он утверждал, что «история не есть объективная эмпирическая данность, история есть миф. Миф же есть не вымысел, а реальность, но реальность иного порядка, чем реальность объективной эмпирической данности. Миф есть в народной памяти сохранившийся рассказ о происшествии, свершившемся в прошлом, преодолевающий грани внешней объективной фактичности и раскрывающий фактичность идеальную, субъект-объективную» [14]. Но в силу того, что философ разделял и даже противопоставлял друг другу понятия «историческое» и «историзм», в его концепции существовал еще один, причем, безусловно, наиболее существенный для его представлений об обсуждаемом предмете, смысловой слой: «“Историческое”, – писал он, – есть некоторый спецификум, есть реальность особого рода, особая ступень бытия, реальность особого порядка. Историческая реальность есть прежде всего реальность конкретная, а не абстрактная, и никакой другой конкретной реальности, кроме исторической, не существует и существовать не может» [15]. Отсюда он делал вывод о том, что «“историческое” есть ноумен [16]. В “историческом” в подлинном смысле раскрывается внутренняя духовная сущность бытия, а не внешнее только явление, внутренняя сущность человека. “Историческое” глубоко онтологично по своему существу, а не феноменально. <...> “Историческое” есть некоторое откровение о ноуменальной действительности» [17]. Наконец, Бердяев высказывал мнение о том, что «история есть внутреннее, полное драматизма свершение судьбы человека» [18], а давая определение философии истории, разъяснял, что это «наука о духе (и следовательно, история – это нечто духовное. – *К. А.*), приобщающая нас к тайнам духовной жизни» [19].

Таким образом, в бердяевской концепции мы обнаруживаем по меньшей мере четыре концепта, каждый из которых фактически может быть рассмотрен (если при этом пренебречь достаточно искусственным, но недостаточно четко проводимым философом противопоставлением таких понятий, как «история», «исторический», «историзм») в качестве самостоятельного определения истории: во-первых, это *ноумен*, особого рода реальность, *глубоко онтологичная по своему существу*; во-вторых, это *миф*, «в народной памяти сохранившийся рассказ о происшествии, свершившемся в прошлом», иными словами, *не объективная эмпирическая данность*, а реальность особого порядка (которая уже, следует думать, не онтологична); в-третьих, это *процесс свершения судьбы человека*, т. е. не сама реальность, а лишь протекающий в этой реальности и в связи с этой реальностью процесс, который, конечно же, «попросту» реален и «не тянет» на *реальность особого порядка*; а в-четвертых – полная тайн духовная жизнь человечества, с реальностью которой дело обстоит гораздо «хуже» или же хотя бы по-иному. Естественно, я не стану сейчас сопоставлять друг с другом обнаруженные у Бердяева толкования рассматриваемого объекта, что, как это очевидно, само по себе представляло бы несомненный интерес.

Вернемся, однако, к прерванному изложению авторского понимания истории. Строго говоря,

из хаоса фактов и событий [20] историк, «по-кантовски» задавая объекту своего изучения определенные параметры, должен в соответствии со своими возможностями создать некий космос, который и будет им назван *историей*. Но при этом он, по существу, обязан руководствоваться аристотелевской логикой, выявлять и подчеркивать причинно-следственные связи, сложившиеся между включаемыми им в свой *рассказ* событиями и фактами, и следить, чтобы в этом рассказе концы без всякой натяжки сходились с концами. В результате аморфному и дискретному событийному процессу, каким он предстает перед заблаговременно «не запасшимся» точкой отсчета и «единицей измерения» наблюдателем, историк стремится придать (или даже *обязан* стремиться к этому) достаточно определенную форму и бесспорные черты континуума, поскольку в научных кругах уже давно было признано, что *historia non facit saltus* [21]. Поэтому и сегодня в значительной степени актуальным и достаточно распространенным является имеющее давнюю историю утверждение о том, что «в понятии истории заключено понятие бесконечного *прогресса*» [22], хотя сама идея прогресса мне представляется явно не совместимой с ходом изменений, происходивших и происходящих в области духа, который, по приведенным в начале статьи словам друга молодости только что процитированного философа, является, по существу, *natura naturans* всемирной истории.

Конечно же, в ходе и в результате исторического анализа высказываются в большей или меньшей степени вариативные суждения по поводу подвергнутого исследованию материала, однако историк должен помнить, что наука, которой он служит, фактически не допускает вариативности [23] и что она также (прошу прощения за использование до полусмерти избитого выражения) не терпит сослагательного наклонения. В развитии событий для нее существует лишь одно-единственное направление – из прошлого к настоящему, поскольку «сознанием каждой индивидуальности полагается лишь то, что продолжало действовать вплоть до настоящего момента, но именно это и есть то единственное, что принадлежит истории и было в истории» [24], а поэтому будущего история не только не знает фактически, но и не обращается к нему «на практике». Кроме того, добросовестные (приходится специально оговариваться, поскольку, как нам известно, существует огромное количество недобросовестных) историки в своих исследованиях всячески стремятся к объективности и правдивости [25], хотя, вероятно, мало у кого имеются сомнения в том, что по большому счету подобного рода цели могут существовать лишь в качестве некоего красивого, но практически недостижимого идеала.

Поскольку история (равно как и историки, ее создающие) в высшей степени любознательна, многогранна, полиаспектна и вообще существует «только там, где есть множественность» [26], к настоящему времени возникло практически бесконечное количество ее «разновидностей», или, точнее, частных случаев; например: история науки, физики, искусства, живописи, моды, техники, языка и т. д. Естественно, что одним из наиболее интересующих нас подобного рода ответвлений от основного ствола исторического древа является *история культуры* [27]. Благодаря ее существованию формируется соответствующее знание, включающее, с одной стороны, стремящийся к максимальной полноте и детализации рассказ о том, как, когда, где и по какой причине человек создавал бесчисленные специфические и разнообразные объекты, а с другой – в большей или меньшей степени рационализированное, как можно менее эмоциональное (научное!), строгое, придерживающееся, как уже было сказано, фактов и документов описание того, что́ эти объекты представляют собой и какова судьба тех из них, которые в своем бытовании занимали более или менее значительное место в биографиях выдающихся деятелей той же самой культуры либо сами стали достаточно респектабельными фигурами в контексте последней.

Таким образом, история культуры отличается от «большой» истории прежде всего тем, что предметом исследования, поставщиком сюжетов для того специфического *рассказа*, которым она в данном случае становится, оказываются *факты, события, документы*, непосредственно относящиеся к столь необъятной сфере, какой нам представляется культура. Однако для истории культуры по сути дела не имеют существенного значения теоретические тонкости в понимании самого феномена культуры, поскольку здесь в любом случае и прежде всего речь идет о *материально подтвержденном факте*, о существующем или существовавшем объекте и, наконец, о человеке-созидателе, оставившем на Земле некий *вещный след*, который явился результатом его творческой деятельности. Поэтому историю культуры, на мой взгляд, вполне способно удовлетворить предельно общее и достаточно нейтральное определение последней как совокупности всего, созданного руками человека [28].

С моей точки зрения, история культуры, которая в обязательном порядке включает в себя бесчисленные «частные» истории – философии, литературы, музыки, обычаев аборигенов острова Ява, техники, нравов, прически, градостроительства, кавказской кухни и т. д., – всегда, в большей или меньшей степени, будет представ-

лять собой некую выстроенную в хронологическом (т. е. в соответствии со временем их возникновения) порядке *опись* – пусть даже в высшей степени подробную, последовательную и удачно скомпонованную – относимых к культуре явлений, областей приложения творческих сил человека, а также входящих в ее состав иных, разновеликих и разнозначимых, компонентов. Она навсегда останется не обретающей гомогенности – поскольку история в любом случае гетерогенна по своему содержанию – совокупностью более или менее разнородных элементов и может восприниматься, образно говоря, как постоянно возрастающая в объеме книга, состоящая из многочисленных и, безусловно, связанных между собой глав, в каждой из которых ведется рассказ о том или ином своеобразном и, конечно же, неповторимом аспекте творческой жизни духа, о тех или иных его реальных проявлениях и достижениях. При этом трудно выполнимой или вообще невыполнимой задачей является синхронизация событий, излагаемых в этих главах, и достижение простейшего параллелизма: как Ахилл не может догнать черепаху, так и при изложении «разных историй», образующих совокупную историю культуры, одна из них будет непременно вырываться вперед.

2

Иная картина предстает перед нами (естественно, на мой взгляд), когда мы обращаемся к *исторической культурологии*. Однако разговор о ней, как это ни выглядит тривиально и, может, даже назойливо, необходимо предварить изложением авторского понимания сущности культуры, которая, что вполне понятно, представляет собой фундаментальный предмет культурологии – единственной, на мой взгляд, научной дисциплины, способной изучать феномен культуры во всей его специфичности, полноте и динамике.

Культура понимается мной как *совокупный духовный опыт человечества*, который был накоплен за все время существования последнего и в актах обращения к которому раскрываются его значимость и ценность; при этом реализация этого опыта в полиаспектной деятельности *человека творящего*, в ее разнообразных продуктах имеет своей целью *духовное* (рациональное, эмоциональное, интеллектуальное, нравственное, мистическое – как это ни покажется странным – и т. д.) *развитие и обогащение отдельной личности*. Используя «формулу» Гегеля, правда, связываемую им с историей (см. выше), я высказываю предположение о том, что именно культура *совершается* – и не просто совершается, но и функционирует, живет – *в духовной сфере* и что материальное играет по отношению к ней роль субстрата (хотя и необходимого, но не определяющего содержание и сущность культурного феномена), выполняет функцию носителя духовной (в данном случае – культурной) ценности и единственно возможного средства опредмечивания духовного (культурного) начала.

При этом предполагается, что культура, *имея свои глубинные истоки в само́м фундаменте мироздания* – в космических Смыслах [29], возникает и развивается только в социуме и что развитие это происходит исключительно благодаря наличию у человека той *трансцендентной устремленности* – таинственного энергийного потенциала, который Аристотель называл *стремлением* («способностью души») [30], Дионисий Ареопагит – *вожделением* [31], Николай Кузанский – *влечением* [32], Ф. Ницше (в определенном смысле) – *волей к власти* [33], П. Флоренский – *ревностью* [34], Л. Гумилев – *пассионарностью* и т. д. Учитывая, что приведенные понятия ни в коей мере не поддаются отождествлению, можно представить себе, сколь своеобразны возможные представления об этой, по сути своей единой, таинственной и ускользающей от определения человеческой способности, но трудно даже вообразить, до какой степени она многолика. Таким образом, мы можем представить гипотетическую траекторию того процесса, который включает зарождение, возникновение, становление и функционирование культуры, траекторию, условно говоря, уходящую своими «корнями» в область трансцендентального и находящую свое завершение в сфере трансцендентного: имея свои истоки в космических Смыслах, реализуя энергийный по своему характеру и космический по происхождению творческий потенциал в конкретных земных свершениях, образующих ее «тело», культура благодаря энергийной же по своей природе трансцендентной устремленности, которой обладают ее земные творцы, устремлена к области Сверхценностей, в отдельных, не столь уж и частых случаях достигая ее.

Благодаря творчеству человека, космическое по своему происхождению духовное опредмечивается в земных условиях, и тем самым происходит фактическое объединение (но при этом отнюдь не отождествление) «начал» и «концов» – изначально существующих космических Смыслов и «финальных» высших Ценностей. Данный процесс носит спонтанный, дискретный и в то же время перманентный характер. Последнее обстоятельство, по сути дела, и «сохраняет» жизнь культуры, которая в случае остановки этого процесса прекратила бы свое существование. Предлагаемая гипотетическая «схема» может быть представлена в виде сложного «графика», аналогичного некоей грандиозной «кардиограмме». Этот образ позволяет придать наглядность мысли о том, что жизнь культуры возможна лишь благодаря непрекращающейся пульсации и столь же постоянной, хотя, как уже

говорилось, и неравномерной, дискретной (отсюда так называемые *кризисы культуры*, без которых ее существование просто немыслимо), реализации космической энергии в деятельности человека-творца.

В соответствии с подобным пониманием культуры, своеобразие бытия каждого образующего ее «тело» феномена заключается в том, что он «требует» постоянного *воспроизведения* самого себя. Поэтому можно утверждать, что культура существует прежде всего *потенциально*, что актуальное ее существование, а точнее, *выявление*, обнаружение, во многом обусловлено наличием субъекта, который *созидает* и/или *воспринимает* некий представляющий ее феномен и, следовательно, *обладает способностями* к его созиданию и/или адекватному восприятию. В связи с этим можно указать еще на одну важнейшую характеристику бытия феномена культуры – на его *антиномичность*: с одной стороны, существование явлений культуры, казалось бы, представляет собой неоспоримый и объективный факт, а с другой – сама возможность признания этого факта обусловлена субъективными способностями воспринимающего индивида, поскольку *культуры нет без субъекта, выступающего в роли ее созидателя и/или реципиента*. Наконец, все это в совокупности говорит о том, что культура процессуальна.

Предложенное толкование феномена культуры служит основой для понимания *предмета культурологии*, объектом которой автор, отнюдь не будучи в этом оригинальным, признает в высшей степени динамичную и сложную систему «человек – мир», где «в роли» человека выступает индивид, способный к творческому освоению окружающей его действительности и результативной реализации этих способностей. «Мир» же в данной системе рассматривается как та же самая действительность (при всей условности этого термина, требующего основательного комментария для его адекватного понимания), которая претерпевает постоянные изменения, столь же постоянно воздействует на воспринимающего ее индивида и в то же время творчески осваивается, а следовательно, и преобразуется им.

Иными словами, речь идет о некоей грандиозной и асимметричной бинарной структуре, одним из компонентов которой является непрерывно изменяющаяся социальная и природная среда, окружающая человека, им освоенная или осваиваемая и оказывающая на него постоянное и разнообразное воздействие, «имеющее своей целью» его же духовное обогащение [35], а другим – творческая личность, в рамках своей полиаспектной интеллектуальной деятельности в свою очередь оказывающая постоянное и разнообразное воздействие на окружающую ее среду, как социальную, так и природную, осваивающая и преобразующая ее. Интеллектуальная деятельность субъекта описанного отношения рассматривается как динамичная форма его взаимодействия с миром, обусловленная наличием у него совокупности *врожденных* и *конкурентных* по отношению друг к другу способностей, *развитых* и/или *развиваемых* им в процессе его жизнедеятельности. В то же время именно реализация этих способностей в первую очередь служит его духовному обогащению и развитию.

В качестве составной части культурологии выступает *культурология историческая*. Обращаясь к характеристике предмета последней, я прежде всего хочу обратить внимание на то, что *историческая* ее направленность, обозначенная в самом названии, передана при помощи *прилагательного*, чем, на мой взгляд, подчеркивается отличие этого термина от уже упоминавшегося – «*история* культуры». Это обстоятельство позволяет предположить, что «историческое» недвусмысленно *уступает* ведущую роль в определении содержания данной научной дисциплины второму элементу, входящему в состав ее названия, – культуре. Таким образом, историческая культурология – это особый раздел культурологии, посвященный изучению *культуры как процесса* и прослеживающий (во всяком случае, стремящийся к этому) этот процесс – как во времени, так и в пространстве, начиная от самых его истоков, – в его развертывании и устремленности в будущее. Но если, о чем уже было сказано, и история как наука, рассматриваемая, упрощенно говоря, в качестве рассказа о жизни и деятельности общественного человека, и ее предмет – событийный ряд, поставляющий сюжеты этому рассказу, – с моей точки зрения, лишены онтологических оснований, то культура, наоборот, трактуется мной как некий грандиозный духовный по своей природе феномен, который, несмотря на свою внешнюю обусловленность социумом, *укоренен в самом фундаменте мироздания* благодаря существованию непосредственной связи между ним и космическими Смыслами. Поэтому и историческая культурология онтологична (в то же время ей, естественно, присущ и феноменологический аспект). Ее содержание не может быть сведено к «рассказу о...», поскольку она представляет собой не частный раздел всеобщей истории, но исторический, единый и уникальный, аспект целостной науки о культуре, которая в качестве всеобщего духовного опыта пронизывает все поры социальной жизни человечества.

Если предметом истории признается социализированный *homo sapiens*, чья деятельность безусловно и в самом широком контексте связана с обществом, то историческую культурологию интересует индивид, социализированность

которого рассматривается как conditio sine qua non и в деятельности которого определяющую роль играет духовное – *творческое, созидательное, эвристическое* – начало [36]. Кроме того, высказывание М. Блока о том, что «все, что человек говорит или пишет, все, что он изготовляет, все, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения» [37], имеет все основания быть включенным в характеристику предмета не только истории, но и культурологии, с той лишь оговоркой, что если для того, чтобы вызвать интерес первой, и в самом деле достаточно, образно говоря, простого человеческого касания, то для проявления внимания со стороны культурологии обязательное условие сводится к тому, чтобы данное «касание» было окрашено *творческой* энергией. Таким образом, историческую культурологию интересует любое событие, любой факт, любой предмет, в которых нашла свое выражение способность человека к творчеству.

Если история практически ограничивается рассмотрением событийного ряда (хотя при этом не стоит забывать замечания Гегеля, который, имея в виду именно эту науку, признавал, что «в наш предмет входят два момента: во-первых, идея; во-вторых, *человеческие страсти*» [38]), если она фактологична, фактографична и фактоцентрична, то историческая культурология рассматривает факт лишь в качестве необходимого условия существования и возможности обнаружения того, что составляет сущность культуры – *духовного опыта человечества*. Поэтому в характеристику предмета этой дисциплины я считаю вполне допустимым включить приведенные выше и относившиеся к истории высказывания Гегеля, поскольку, на мой взгляд, не история, а именно историческая культурология в полном смысле обращается к сфере духа, в которой, как уже было сказано, и пребывает ее предмет, и именно по отношению к последнему дух играет роль субстанциального начала [39].

Подобное понимание предмета исторической культурологии побуждает меня в качестве ее характеристики использовать еще одно высказывание, хотя и совершенно очевидно, что оно к данной дисциплине непосредственного отношения не имеет. Имеется в виду удивительно созвучная моим представлениям об исторической культурологии характеристика, данная *игре в бисер* самим Г. Гессе, который сопоставляет последнюю со всемирной историей (а следовательно, в определенном смысле рассматривает в качестве некоей *исторической – исторической*, несмотря даже на то, что в приведенной ниже цитате он говорит о *неисторичности и антиисторичности* – дисциплины, которая сопоставима, по его мнению, с *вневременной историей духа*. Поскольку же из текста романа создается впечатление, что участвовать в этой игре *можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием* чуть ли не *всех тех богатств, которые выработало человечество* «в области духа, культуры, искусства», я считаю, что есть все основания рассматривать ее как своеобразную – гипотетическую и осуществляемую в игровой форме – реализацию основных принципов исторической культурологии): «Мировая история – это бесконечный, бездарный и нудный отчет о насилии, чинимом сильными над слабыми, и связывать настоящую, подлинную историю, *вневременную историю духа* с этой старой, как мир, дурацкой грызней честолюбцев за власть и карьеристов за место под солнцем, а тем более пытаться объяснить первое через второе – это уже измена духу... Мировая история – это гонка во времени, бег взапуски ради наживы, власти, сокровищ, тут весь вопрос в том, у кого хватит силы, везенья или подлости не упустить нужный момент. А свершение в области духа, культуры, искусства – это нечто прямо противоположное, это каждый раз бегство из плена времени, *выход человека* из ничтожества своих инстинктов и своей косности в совсем другую плоскость, *в сферу вневременную, освобожденную от времени, божественную, совершенно неисторическую и антиисторическую*» [40]. Таким образом, Гессе ведет речь о подлинной, позитивной истории человечества.

Сознавая всю некорректность использования приведенного только что высказывания в качестве аргумента в пользу исторической культурологии, я считаю вполне допустимым вести на его основе разговор о своеобразном отношении ко времени, возникающем в рамках историко-культурологического подхода к рассмотрению того или иного феномена и органически присущем именно культурологии: коль скоро в рамках исследования, посвященного этой научной дисциплине, мы с такой решимостью «преодолеваем» границы материального мира и вторгаемся в сферу духа, то совершенно естественно, что равным образом должно претерпеть изменения и наше отношение ко времени, поскольку в пределах (а есть ли у нее пределы?) этой сферы последнее играет *иную роль* и выполняет *иные функции*, нежели те, которые были возложены на него в достаточно строгом рассказе о действительно имевших место событиях. Иначе говоря, можно предположить, что в рамках историко-культурологического исследования время утрачивает свою «обыденную» и привычную для нас однозначность и однонаправленность, и эта тема, безусловно, заслуживает специального обсуждения.

Историческая культурология – это вовсе не рассказ о том, «что есть и было», а попытка нарисовать эмоционально насыщенную, образную, многоцветную, «голографическую» картину про-

цессов, происходивших и происходящих в области духа, в области, в которой мир материальный, конкретный, эмпирический находит только свое небуквальное и опосредованное отражение, служа в данном случае лишь поставщиком фактов, конкретных примеров – но не более, выполняя привычную для себя роль субстрата, носителя тех художественно-умозрительно-мировоззренческих построений, которые, не порывая связи с «почвой», устремлены в своем порыве к миру имматериальному. Таким образом, если в историческом исследовании ученые используют или хотя бы стараются использовать строгие и непротиворечивые категории и тщательно избегают самой возможности быть обвиненными в вымысле и в домысливании, то в исследовании культурологическом, как представляется, просто необходимо прибегать к использованию метафор и иного рода тропов [41], избегая в то же время смыслового произвола и тематического отрыва от рассматриваемого в рамках подобного рода исследований аспекта действительности или конкретного феномена. Здесь как раз вполне уместно *домысливать* происходившее и происходящее, давать волю фантазии и воображению, сохраняя все же при этом контекстуальную по отношению к предмету исследования органичность и непротиворечивость. И если, по рационалисту Гегелю, оказывается, что мышление в историческом поиске должно быть «подчинено данному и сущему», то поэт Ницше выводит на первый план *мысль*, пребывающую в содружестве с *фантазией*, утверждая, что «фактов не существует, а только *интерпретации*» и что, хотя мир и познаваем, «он может быть *истолковываем* и на иной лад, он не имеет какого-нибудь одного смысла, но бесчисленные смыслы» [42], а парадоксалист [43] Э. Ионеско выражает уверенность в том, что *истина* пребывает только *в воображаемом*: «Реалистический документ ни честным, ни свободным быть не в состоянии по той причине, что уже изначально имеет идейную направленность. Воображение же лгать не может. Оно обнажает нашу психологию, наши непреходящие или сегодняшние тревоги, извечные или сиюминутные человеческие заботы, открывает глубинные тайники души» [44]. И, как представляется, именно в юной исторической культурологии мысль естественным образом обретает наибольшую для дисциплин исторического цикла свободу – хотя, естественно, речь в данном случае вовсе не идет о полном отказе от «данного и сущего», поскольку это данное и сущее позволяет исследователю уточнять, в каком направлении должна была бы продвигаться его мысль, – и наиболее естественным для самой мысли образом обращается к истине, карабкаясь к ней по крутой и извилистой тропинке.

Как писал Г. Гессе, для того, «чтобы явилось некое подобие связи, причинности, смысла, чтобы нечто на земле вообще могло стать предметом повествования, историограф принужден *измыслить* какой-то центр, будь то герой, или народ, или идея, и все, что в действительности совершалось безымянно, отнести к этому *воображаемому* центру» [45]. Для культуролога роль подобного центра играет тот феномен культуры – будь то самостоятельное произведение искусства, выдающееся техническое сооружение, творческое содружество, целая культурная эпоха и т. п., – который он выбрал в качестве предмета своего анализа. Все получаемые им данные «стекаются» к этому центру и, обнаруживая сходства и различия, способствуют максимально глубокому и разноаспектному его осмыслению.

К похожей характеристике сопоставляемых научных дисциплин подводит и высказывание Бердяева, в котором тот отмечал, что «в истории (понимая в данном случае последнюю и как событийный процесс, и как описывающее его знание. – *К. А.*) сочетаются два элемента, два момента, без которых история невозможна, – момент консервативный и момент творческий [46]. Однако, соглашаясь в принципе с этой мыслью, я в то же время полагаю, что «классическая» история просто вынуждена ставить на первое место консервативный элемент, в то время как в исторической культурологии, без всякого сомнения, доминирует элемент творческий.

В связи со сказанным важную методологическую роль приобретает решение вопроса о бытии вещи в культуре [47], которое, по мысли автора, существенно отличается от бытия любого, в том числе и имеющего отношение к культуре, но рассматриваемого во внекультурном контексте, феномена в истории. Если в качестве последнего вещь существует в прошлом и/или в настоящем, но при этом в обязательном порядке как нечто, воспринимаемое чувствами, то культурологию, помимо *актуального*, по моей терминологии, бытия, интересуют также бытие *потенциальное* (имеются в виду те относящиеся к прошлому возможности, присущие данному феномену, о способе, характере, последствиях реализации и т. п. которых можно рассуждать, лишь используя сослагательное наклонение), *идеальное* (в данном случае вещь не обязательно должна являться нам в предметной форме и в самой действительности; достаточно, если ее существование признается хотя бы в форме представления, в мифе, фантазии. Сюда как раз «относятся легенды, народные песни, предания», которые Гегель исключал из так называемой «первоначальной истории», «так как все это еще неясные способы представления, свойственные непросвещенным народам [48]. Однако именно они, с моей

точки зрения, в первую очередь и интересны для характеризуемой здесь научной дисциплины) и, наконец, *виртуальное* бытие (речь идет о том, что *в будущем* может произойти, а может и не произойти).

Таким образом, историческая культурология распространяет свои интересы не только на прошлое, но и на будущее, допускает вымысел и приветствует использование сослагательного наклонения. И все это делается ради того, чтобы, условно говоря, *теоретико-художественный образ*, родившийся в ходе и в результате анализа того или иного явления культуры, приобрел максимально достижимую полноту и содержательность, предоставляя тем самым исследователю предельно возможное знание об изучаемом феномене; однако знание не «просто» научное, но плюс ко всему и то, которое способно «поставлять» нам искусство, а именно восприятие художественных форм, осмысление художественных процессов. Грубо говоря, в культурологии необыкновенную (для научной дисциплины) важность обретает фантазия, и именно в отношении культурологии справедливо парадоксальное утверждение о том, что «всякая правда о человеке – полуправда, если она не включает в себя ту высшую правду, что мы называем вымыслом» [49] и что «иногда, – так считал великий чародей Мерлин, – вымысел становится разумным и вглядывается в то прекрасное, что существует в его образах» [50].

В дополнение к сказанному можно также отметить, что если «исторический феномен никогда не может быть объяснен вне его времени» [51], то культурный феномен не может быть, по большому счету, понят и интерпретирован без привлечения максимально на данный момент достижимого по своей содержательности и предельно полного в своей многоаспектности *культурно-исторического контекста*. Кроме того, доминирование *линеарного принципа* в ходе систематизации представлений о происходящем, что характерно для «классической» истории, в исторической культурологии сменяется господством *принципа контекстуального*, а ориентация исторического процесса по вертикали признается в рамках этой дисциплины практически ничего не значащей без и вне рассмотрения горизонтального среза интересующей исследователя исторической ситуации.

Как уже, вероятно, стало понятно, особое место в исторической культурологии занимает субъект исследования, проявление личностных качеств которого, на мой взгляд, не только не препятствует созданию содержательной историко-культурологической концепции, но, скорее, способствует ее построению. Иными словами, если даже «для того чтобы проникнуть в тайну "исторического", я должен прежде всего постигнуть это историческое и историю как до глубины *мое*, как до глубины *мою* историю, как до глубины *мою* судьбу» [52], то раскрытие тайны «культурного» тем более требует от исследователя обращения к *собственной* истории, к своей судьбе, к самым глубинным слоям сознания и, несомненно, к подсознанию культуролога.

Наконец, если даже «объяснить историю значит обнаружить страсти людей, их гений, их действующие силы» [53], то раскрытие тайны отдельного феномена культуры, обнаружение его истоков и присущих ему связей – и актуальных, и уходящих в прошлое, и обращенных в будущее, – выявление результативности оказываемого им воздействия на окружающую его среду и т. п. позволяют воссоздавать практически во всей полноте те духовные состояния, которые были характерны для определенных исторических моментов, для целой исторической эпохи, которые были обусловлены деятельностью выдающихся представителей той или иной сферы культуры, фактами создания конкретных произведений искусства, построения немыслимых ранее технических сооружений, открытия новых законов и т. д.

Таким образом, историческая культурология понимается мной как *метатеоретическая дисциплина*, а точнее, основанное на конкретных фактах *метатеоретическое размышление*, объединяющее в себе черты *науки* (методически упорядоченные исследования и их результаты, логически непротиворечивый переход от хаоса фактов к космосу теории), *философии* (умозрительный анализ и синтез духовных процессов, связанных с системой «мир – человек») и *искусства* (бесконечный и самоограничивающий креативный акт) и имеющее своей целью осмысление внутренне противоречивого процесса, содержанием которого является накопление духовного опыта человечества, со всеми его приобретениями и утратами, во всем многообразии форм и способов обнаружения и проявления этого опыта, со всеми сложностями, связанными с его практической реализацией. «Предельным» предметом этой научной дисциплины мной признается *процесс накопления духовного опыта человечества*, который реализуется, материализуется и опредмечивается индивидом в рамках и в продуктах его полиаспектной творческой деятельности и в обязательном порядке способствует его духовному обогащению, развитию и совершенствованию.

Примечания

1. Естественно, что и эта «традиционная» история также неоднократно подразделялась на типы и подвиды. Поэтому история (в данном случае – уже история историографии) способна предложить нам немало примеров различных подходов к осуществлению подобного рода подразделения. Например, Ге-

гель говорил о трех видах историографии, относя к ним «первоначальную» историю, «рефлективную» (т. е., условно говоря, научную), которую он в свою очередь делил на три подвида: всеобщую, прагматическую и критическую, «философскую». Под последней он понимал «не что иное, как мыслящее рассмотрение ее», истории. Но при этом, по его же мнению, даже в ней «мышление подчинено данному и сущему, основано на нем и руководится им». Кроме того, немецкий мыслитель проводил различие между философской историей и собственно философией, которой, «наоборот, приписываются самостоятельные мысли», порождаемые «из самого себя» умозрением, не принимающим «в расчет, что есть» (см.: *Гегель, Г. В. Ф.* Лекции по философии истории [Текст] / Г. В. Ф. Гегель. СПб., 1993. С. 57, 63), откуда следует заключить, что даже *философской истории* все же необходимо ориентироваться исключительно на то, что имеется «в наличии». Мы в дальнейшем еще вернемся к этим высказываниям и убедимся, что историческая культурология обнаруживает черты, указывающие на ее сходство как с первой – философской историей, так и со второй – с «чистой» философией, в том числе и философией истории.

2. Губман, Б. Л. История [Текст] / Б. Л. Губман // Культурология. XX век: энциклопедия. Т. 1. СПб., 1998. С. 281 (курсив мой. – *К. А.*). Правда, автор сразу же дает и второе понимание этого термина: «повествование о происшедшем», – что буквально соответствует содержанию греческого термина.

3. В собственных примечаниях к этой фразе ее автор, французский историк М. Блок, ссылается на Ж. Мишле, противопоставлявшего философии как изучению «человека индивидуального» историю, которая занимается изучением «человека социального». Фактически присоединяясь к позиции Мишле, Блок обвинял Ф. де Куланжа, понимавшего под историей науку «о человеческих обществах», – в то время как сам Блок предпочитал говорить о «человеке *в обществе*», – в сужении роли индивидуума в истории (см.: *Блок, М.* Апология истории, или Ремесло историка [Текст] / М. Блок. М., 1986. С. 120). Однако следует признать, что Куланж далеко не одинок в своих взглядах, для доказательства чего достаточно привести хотя бы точку зрения такого авторитета, как А. Дж. Тойнби, который, говоря об истории, писал: «Ее подлинный предмет – жизнь общества, взятая как во внутренних, так и во внешних ее аспектах. Внутренняя сторона есть выражение жизни любого данного общества в последовательности глав его истории, в совокупности всех составляющих его общин. Внешний аспект – это отношения между отдельными обществами, развернутые во времени и пространстве» (*Тойнби, А. Дж.* Постижение истории [Текст] / А. Дж. Тойнби. М., 1991. С. 41). Вероятно, в некотором смысле промежуточную позицию по отношению к обозначенным занимал Л. П. Карсавин, который считал, что «История стремится... к познанию конкретного всеединства – человечества» (*Карсавин, Л. П.* Цит. соч. С. 211). Как может показаться, проблема предмета истории сводится к выбору между жизнью социализированного человека, отношениями между обществами и существованием человечества как некоего целого. Однако, на мой взгляд, речь идет просто о *разных историях* либо о *разных аспектах единой истории.*

На мой взгляд, «традиционная» история действительно призвана заниматься изучением жизни общества в целом и его отдельных частей, не забывая, естественно, при этом о человеке. В то же время речь должна идти не просто о человеке как *homo sapiens*, а именно о человеке социальном, *социализированном*, *живущем в обществе*, постоянно вступающем с ним в некие отношения и, следовательно, самим своим пребыванием в этом обществе оказывающем на него определенное, пусть даже минимальное и трудно обнаруживаемое «невооруженным глазом», воздействие, «давление».

4. Блок, М. Апология истории... С. 17. «Настоящий... историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечиной, там, он знает, его ждет добыча», – остроумно дополнял собственное определение предмета истории французский ученый (там же. С. 18). Естественно, я ни в коей мере не пытаюсь настаивать на том, что люди не занимают центрального места как в «первой» истории, так и во многих (но отнюдь не во всех!) ее ответвлениях. Однако, с моей точки зрения, для выявления специфики, отличающей именно эту дисциплину, подобное определение выглядит явно недостаточным и отнюдь не более убедительным, чем то, в отстаивании которого Блок упрекал Куланжа (см. выше). Если говорить об исторической науке, то, как уже было сказано, ее предметом может быть признан только человек *социализированный*, и даже не столько он сам, сколько его многогранная *деятельность* – от предельно активной и значительной до пассивной и мало заметной, те *социальные процессы*, которые этой деятельностью вызваны к жизни, а также социально значимые *результаты*, благодаря этим процессам достигнутые.

5. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук [Текст] : в 3 т. Т. 3. Философия духа / Г. В. Ф. Гегель. М., 1977. С. 22. Попутно можно отметить, что несколько иное (и, как может на первый взгляд показаться, даже противоположное) понимание соотношения духа и истории было выражено конгениальным современником Гегеля Шеллингом: «Рождение духа есть царство истории», – писал он (*Шеллинг, Ф. В.* Соч. [Текст] : в 2 т. / Ф. В. Шеллинг. М., 1989. Т. 2. С. 124). Однако по сути оно не противоречит, а лишь углубляет и дополняет приведенный в тексте тезис более старшего из этих двух немецких мыслителей, благодаря чему событийный ряд как результирующая развертывания и взаимных совпадений и столкновений духовных процессов во времени предстает перед нами в качестве внутренне противоречивого и по большому счету не поддающегося ни однозначному определению, ни единому, сквозному структурированию феномена.

6. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории. С. 70.

7. Попутно, несколько опережая события, осмелюсь выдвинуть, вероятнее всего, достаточно спорное (а главное, недоказуемое) предположение о том, что, если бы культурология существовала во времена Гегеля, то он «сузил» бы предметные границы собственно истории, «уступив», условно говоря, выходящую за их рамки территорию исторической культурологии.

8. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография [Текст] / Р. Дж. Коллингвуд. М., 1980. С. 13. «...Фактические данные – это собирательное имя для вещей, которые по отдельности называют документами. Документ же – вещь, существующая здесь и теперь, вещь такого рода, что историк, анализируя ее, может получить ответы на поставленные им вопросы о прошлых событиях» (там же).

9. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории. С. 63 (курсив мой. – *К. А.*). Как представляется, отмеченное противоречие состоит в том, что в процитированном высказывании фактически не остается места *духу* (из которого, по словам того же философа, собственно, и рождается история), или же *духу как субстанциальному началу* исторического процесса в столь жестко заданных рамках должно становиться необыкновенно тесно. Более того, в связи с этим высказыванием Гегеля можно говорить и об осуществленной им подмене субстанциального основания исторического процесса, поскольку, в отличие от его же точки зрения, приведенной выше, место духа оказывается занято «тем, что есть и было».

10. Российский энциклопедический словарь [Текст]. Кн. 1. М., 2000. С. 600 (курсив мой. – *К. А.*). Попутно хотелось бы обратить внимание на очевидную тавтологию, содержащуюся в цитируемой словарной статье: имеется в виду мысль о том, что *историей* «исследуются факты, события и процессы на базе *исторических* источников...» (там же; курсив мой. – *К. А.*). Однако упрек в тавтологичности приведенного суждения обоснован только в том случае, если мы не «разводим» историю как последовательность событий и историю как *рассказ* об этой последовательности (см. об этом ниже).

11. Ср.: «Есть дух Истории – безликий и глухой, / Что действует помимо нашей воли...» (*М. Волошин.* Поэма «Россия».)

12. См.: *Бердяев, Н. А.* Смысл истории [Текст] / Н. А. Бердяев. М., 1990.

13. Ср.: «По нашей дефиниции само историческое есть только некоторый вид символического». Или: «Вся прошедшая история относится только к сфере явлений...» (*Шеллинг, Ф. В.* Философия искусства [Текст] / Ф. В. Шеллинг. С. 260, 454).

14. Бердяев, Н. А. Смысл истории [Текст] / Н. А. Бердяев. С. 18.

15. Там же. С. 12-13. Хочется спросить: а как же в таком случае быть с реальностью эмпирической, о которой говорит сам философ в высказывании, приведенном чуть выше?

16. «...В целом история есть типичная кантовская вещь в себе», – неожиданно (во всяком случае, для меня) вторит философу современный авангардный писатель (*Соколов, С.* Палисандрия [Текст] / С. Соколов // Глагол. 1992. № 6. С. 24). В результате получается, что (если следовать кантовскому толкованию термина «ноумен») любую возможность постижения истории мы должны отвергать. Однако подобный вывод одинаково плохо сочетается как с позицией пишущего о *смысле истории* философа, так и с имиджем философствующего и претендующего на экстравагантность писателя.

17. Бердяев, Н. А. Смысл истории [Текст] / Н. А. Бердяев. С. 14-15. Ср. с приведенным выше суждением по этому поводу Шеллинга (прим. 14). Но особое внимание я хотел бы обратить на то, что на основании приведенных высказываний приходится делать вывод о том, что, как это ни парадоксально, бердяевское «историческое», по его словам *ноуменальное* и *онтологическое*, оказывается в то же время *откровением*, т. е. чем-то явно *не ноуменальным* и заставляющим сомневаться в своей *онтологичности*, и плюс к этому – откровением о самой ноуменальной действительности. Иными словами, историческое (откровение), по Бердяеву, оказывается откровением об историческом (ноумене, ноуменальной действительности).

18. Бердяев, Н. А. Смысл истории. С. 30-31.

19. Там же. С. 13.

20. Ср.: «Заниматься историей – значит погружаться в хаос и все же сохранить веру в порядок и смысл» (*Гессе, Г.* Игра в бисер [Текст] / Г. Гессе // *Он же.* Избранное: сборник. М., 1984. С. 191).

21. historia non facit saltus – история не делает скачков, *лат.* Парафраза латинского же выражения *natura* (природа) *non facit saltus*.

22. Шеллинг, Ф. В. Цит. соч. М., 1989. Т. 1. С. 455.

23. Хотя, как отмечал еще Гегель, «*одна* рефлективная история сменяет *другую*: материалы доступны каждому писателю; каждый легко может считать себя способным привести их в порядок, обработать и выдать свой дух за дух времени, в них проявляющийся» (*Гегель, Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. С. 62).

24. Шеллинг, Ф. В. Цит. соч. Т. 1. С. 455. При этом Шеллинг полагал, что для исторического повествования «вообще единственным объектом является объяснение данного состояния в мире...» (там же).

25. Следует заметить, что это далеко не всегда получается и у добросовестных, поскольку, как заметил в свое время Гегель, в «рефлективной», по его же терминологии, истории к «обработке исторического материала» «историк подходит со *своим* духом, отличающимся от духа содержания этого материала» (*Гегель, Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. С. 60). Поэтому, в частности, немецкий философ считал, что для того, «чтобы история не рассматривалась соответственно некоторой *объективной цели*... историк должен быть совершенно *беспартийным*» (*Гегель, Г. В. Ф.* Философия духа. С. 367). При этом беспартийность в качестве характеристики историка, а точнее, занимаемой им позиции, следует понимать в самом широком смысле – как отсутствие с его стороны любого рода ангажированности. Однако за почти полных два столетия, последовавших вслед за тем, как было зафиксировано это высказывание, субъективности и партийности в историческом исследовании отнюдь не стало меньше.

26. *Шеллинг, Ф. В.* Философия искусства. С. 138.

27. В связи с обращением к теме «история культуры» укажу на одно довольно странное, с моей точки зрения, определение истории как «особой формы культуры» (*Губман, Б. Л.* Цит. соч. С. 281). На мой взгляд, история, с одной стороны, как опирающийся на факты рассказ может быть лишь компонентом совокупной культуры, но никак не ее формой, а с другой стороны, в качестве событийного ряда она включает в себя также множество *вне*культурных процессов и феноменов. Другое дело, что *история* (в данном случае понимаемая как событийный процесс творческой деятельности человека-созидателя) *культуры* может быть представлена как специфическая *форма существования* последней.

28. Такое понимание культуры в особой степени соответствует истории культуры, если признать, как уже было сказано выше, что «история – это наука о res gestae*, попытка ответить на вопрос о человеческих действиях, совершенных в прошлом» (*Коллингвуд, Р. Дж.* Цит. соч. С. 13). Однако, как станет видно из дальнейших рассуждений, автор существенно расходится с подобного рода определением этого феномена, грандиозного и столь зна-

чимого для сохранения человечеством своих сущностных качеств и даже, более того, – для самосохранения последнего в принципе, а следовательно, и для продолжения истории как рассказа о его же земном существовании. **Res gestae* ≈ образ действий, поведение, *лат.*

29. См. об этом: *Налимов, В. В.* Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности [Текст] / В. В. Налимов. М., 1989; *Он же*. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. М., 2000; а также *Акопян, К. З.* Эстетическое: диалоги о таинственном. Quasi una sinfonia [Текст] : ч. I. / К. З. Акопян. Н. Новгород, 1996.

30. См.: *Аристотель*. Соч. [Текст] : в 4 т. / Аристотель. М., 1976. Т. 1. С. 398, 442–444 и др.

31. *Дионисий Ареопагит*. Божественные имена [Текст] / Дионисий Ареопагит // Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 46.

32. *Кузанский, Н.* О красоте [Текст] / Н. Кузанский // Эстетика и жизнь. Вып. 6. М., 1979.

33. См., напр.: «...Всякое стремление есть не что иное, как стремление к власти» (*Ницше, Ф.* Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей [Текст] / Ф. Ницше. М., 1994. С. 329).

34. См. *Флоренский, П.* Соч. [Текст] / П. Флоренский М., 1991. Т. 1. С. 479.

35. Поэтому история, интересующаяся *любыми* событиями и фактами, без исключений и вне зависимости от того, какова этическая оценка, которая могла бы быть им дана, по масштабам своего предмета значительно превосходит историческую культурологию. В то же время последняя, которая, в соответствии с моими представлениями, не должна была бы уделять внимание разнообразным феноменам, заслуживающим в целом негативной оценки и проявившим свою антигуманную суть и направленность, не может тем не менее пренебрегать ими полностью, поскольку, если верить словам гетевского Мефистофеля – а верить им заставляет сама история человечества, – даже та сила, которая стремится исключительно ко злу, способна творить благо и, следовательно, содействовать развитию культуросозидательных процессов. Это обстоятельство не может недооценивать культурология, однако обсуждение его выходит далеко за рамки данной работы.

36. Естественно, что действие творческого импульса не может быть непрерывным, постоянным. Поэтому речь здесь должна идти о спонтанном и дискретном характере проявления этого импульса. Но в то же время подлинно творческий человек отличается тем, что созидательная, эвристическая доминанта в его деятельности практически не перестает выполнять свою роль в любой ситуации, в какой бы он ни оказался.

37. *Блок, М.* Цит. соч. С. 39.

38. *Гегель, Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. С. 76 (курсив мой. – *К. А.*).

39. Этими соображениями, собственно, и было обусловлено мое, вероятно, несколько странное, предположение, высказанное в прим. 8.

40. *Гессе, Г.* Игра в бисер. С. 270 (курсив мой. – *К. А.*).

41. См.: *Акопян, К. З.* Логос эйдоса [Текст] / К. З. Акопян // *Он же*. В поисках утраченного смысла. Н. Новгород, 1997.

42. *Ницше, Ф.* Цит. соч. С. 224.

43. При этом не следует забывать, что именно в парадоксе, и в частности в спектаклях театра парадокса, удивительным образом обнаруживается то, что чаще всего не может быть выявлено в непротиворечивом суждении или в реалистической постановке и что тем более ускользает от нашего внимания в рутине повседневности.

44. *Ионеско, Э.* Противоядия [Текст] / Э. Ионеско. М., 1992. С. 215.

45. *Гессе, Г.* Паломничество в Страну Востока [Текст] / Г. Гессе // *Он же*. Избранное: сборник. С. 45 (курсив мой. – *К. А.*).

46. *Бердяев, Н. А.* Цит. соч. С. 31.

47. См. *Акопян, К. З.* Вещь в культуре [Текст] / К. З. Акопян // Культурология. XX век: энциклопедия. Кн. 1.

48. *Гегель, Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. С. 57-58.

49. *Вейдле, В.* Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества [Текст] / В. Вейдле. СПб., 1996. С. 32.

50. *Аполлинер, Г.* Эстетическая хирургия [Текст] / Г. Аполлинер. СПб., 1999. С. 159.

51. *Блок, М.* Цит. соч. С. 22.

52. *Бердяев, Н. А.* Цит. соч. С. 15.

53. *Гегель, Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. С. 67.

ИСТОРИЯ

Ю. А. Балыбердин

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕПАРТИЙНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ВЯТСКО-КАМСКОМ РЕГИОНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье делается попытка развенчать миф о скудности общественно-политической жизни в дореволюционный период, а также показать роль революционных партийных организаций в формировании и деятельности легальных обществ и союзов.

В конце XIX – начале XX в., особенно в период первой российской революции, в России создались благоприятные условия для возникновения различных союзов и обществ. Подавляющее большинство этих объединений не представляли никакой угрозы существующему строю. Они занимались профессиональными вопросами, школами, больницами, благотворительностью, организацией досуга и культурного отдыха. Однако некоторые из них стали заниматься общественно-политической работой, и правительство формирует правовую базу для их деятельности. Уже 26 апреля 1905 г. был издан циркуляр Министерства внутренних дел за № 18, которым разрешалось губернаторам и градоначальникам открывать общества только при условии, «чтобы 1. учредителями обществ не являлись исключительно лица иудейского исповедания и 2. чтобы наряду с общественными целями общества эти не преследовали одновременно и цели прибыли» [1].

Весной и летом 1905 г. в связи с возрастанием политической активности населения количество общественных организаций значительно увеличивается. В это время в недрах Министерства финансов началась разработка законопроекта о профессиональных союзах. Первый вариант проекта закона о профсоюзах подготовил чиновник Ф. В. Фомин, используя английский и бельгийский образцы, а также устав первых петербургских профсоюзов столяров и портных. По проекту Фомина, профсоюзы получали большие права, включая независимость от администрации, явочный порядок образования и судебный порядок их закрытия, право стачечной борьбы и др. [2]

В октябре 1905 г. после издания Манифеста, провозгласившего свободу союзов, вновь образованное Министерство торговли и промышленности пересматривает законопроект Фомина, внеся в него многочисленные поправки, после чего 10 января 1906 г. он был одобрен Советом министров и передан в Государственный совет под названием «Временные правила об обществах». Однако эти «Временные правила», по мнению МВД, имели целый ряд недостатков и требовали доработки.

Существенные недостатки чиновники МВД усмотрели в том, что в «Правилах» не были сформулированы цели обществ, не прописаны вопросы о членстве и руководстве, многие положения допускали двоякое толкование. Но самое главное, что вызвало критику со стороны МВД, сводилось к тому, что общества получали слишком большую самостоятельность и выходили из-под контроля властей. 4 марта 1906 г., претерпев существенные изменения, проект стал Законом, но многие профсоюзные организации его не придерживались.

В дальнейшем в Закон внесут несколько поправок. Например, в нем будет четко определено, что «профессиональные общества имеют целью выяснение, поддержание и согласование интересов, исключительно имеющих непосредственное отношение к профессии его членов» [3]. Дальше в нем говорилось, что деятельность профессионального общества не может распространяться далее одной губернии, в обществе не должно быть посторонних лиц, иностранцев, учащихся учебных заведений. Все проводимые мероприятия должны носить публичный характер. Новым в законе будет наделение губернаторов правом приостанавливать деятельность обществ, нарушивших Закон. В этом случае губернатор обязывается представлять документы соответствующим министрам, которые должны принимать окончательное решение [4]. Все эти ограничения направлены на снижение роли профсоюзов в общественной жизни и усиление власти на местах.

Рассмотрим деятельность наиболее крупных союзов и обществ, оказавших существенное влияние на общественно-политическую жизнь.

1. Профессиональные союзы

Профсоюзное движение в России зародилось в конце XIX в., но широкий размах получило только в период первой российской революции.

БАЛЫБЕРДИН Юрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета ВятГГУ
© Балыбердин Ю. А., 2005

В это время в стране появились профсоюзы инженеров (5 декабря 1904 г.), народных учителей (12 марта 1905 г.), адвокатов (28-30 марта 1905 г.), журналистов, затем возникли союзы профессоров, фармацевтов, лесоводов, статистов, конторщиков, врачей и медицинского персонала, агрономов, писателей, а также союзы – крестьянский, земских и городских деятелей и много других. В мае 1905 г. в Москве прошли съезды представителей этих союзов, на которых присутствовало около 27 тысяч человек. В этот период они объединились в «Союз союзов» и определили общую цель – «совместная политическая борьба с государственным строем» [5]. Профсоюзное движение охватило прежде всего крупные города и торгово-промышленные центры, и оно, по мнению МВД, «искусственно насаждалось и поддерживалось революционными партиями» [6]. Серьезной антиправительственной силой становились и отраслевые профсоюзы, сыгравшие большую роль в революции 1905 г. Так, в октябре 1905 г. всероссийский Союз железнодорожников и мелких служащих, «объединивший в своем лице большинство неблагонадежного элемента из состава служащих названной категории», стал организатором общей забастовки на всех ж/д линиях империи [7].

Среди профсоюзов были легальные и нелегальные, и отношение властей к ним было разное. Высшие чиновники МВД прекрасно понимали, что для антиправительственных сил легальные союзы представляют собою то преимущество, что отдают в руки революционеров готовый материал для обработки, где можно действовать открыто и с удобством, имея канцелярии и библиотеки и получая возможность делать сборы. Подпольная деятельность этих преимуществ не дает, тем более, что в нелегальные союзы неохотно вступают членами беспартийные элементы [8].

С самого начала профессионального движения его возможности стали использовать революционные партии, особенно большевики. Отвергая меньшевистскую теорию нейтральности профсоюзов, они принимали самое активное участие в их строительстве и работе. Большевики вступали в члены профсоюзов, создавали там социал-демократические фракции и руководили их деятельностью. Они занимали там ключевые позиции в качестве членов правления, секретарей и, используя свое положение, распространяли там свою литературу и подстрекали рабочих и служащих к борьбе с правительством. Чиновник особых поручений при МВД Блажчук отмечал, что «в некоторых местностях путем террористических актов было достигнуто всеисчерпывающее движение масс в профессиональные общества; даже самые отсталые слои населения записывались в члены общества и вносили сборы.., не состоящие членами насильственно удалялись с работ...» [9].

Профсоюзное движение приобретало большой размах. Так, уже в 1906 г. в профсоюзных обществах состояло более 200 тысяч человек 79 профессий, обладающих 31 легальным профессиональным органом [10]. В ноябре 1907 г. по империи было зарегистрировано 1046 профессиональных обществ, из числа которых «за вредное направление» было закрыто 161, прекратило существование 85. Кроме того, по данным МВД, рядом с зарегистрированными обществами существовало 94 нелегальных [11].

Организация и деятельность профессиональных союзов в Вятско-Камском регионе относится к 1905 г. Толчком к их созданию послужили уже образовавшиеся к этому времени профсоюзные организации всероссийского масштаба. Местные организации профессиональных союзов оформлялись как отделы всероссийских и вели свою работу в соответствии с указаниями центральных органов. Об образовании профессиональных союзов в регионе и их роли в общественно-политической жизни в период первой российской революции имеются упоминания в коллективных трудах местных историков [12].

Однако в этих работах содержится много неточностей и упущений. На основании изученных архивов и с учетом данных, опубликованных в указанных работах, следует, что в период первой российской революции на территории региона было создано 18 профессиональных союзов, из них: рабочих – 14, служащих – 3, крестьянских (с многочисленными отделами) – 1, что отражено в прилагаемой таблице.

Из общего количества профсоюзов мы рассматриваем деятельность только тех, которые оказывали заметное влияние на общественно-политическую жизнь. Это профсоюз железнодорожников и учителей и деятелей народного образования.

Самым организованным и боевым профессиональным союзом был Союз железнодорожников. Он возник в октябре 1905 г. в период подготовки первой Всероссийской железнодорожной забастовки. Забастовка проходила под руководством созданных комитетов Союза. Союз в своей деятельности руководствовался Уставом, разработанным в Вятке на основе Устава Всероссийского союза железнодорожников, принятом на 2-м съезде железнодорожных делегатов в июле 1905 г. Главные положения Устава сводятся к требованию коренного улучшения материального и служебного положения железнодорожных рабочих и мелких служащих, которые возможны при условии выполнения следующих требований:

1. Увеличение заработной платы для служащих и рабочих до такой нормы, которая необходима для удовлетворения материальных и духовных нужд работника и его семьи.

2. Установление рабочего времени для всех без исключения железнодорожных работников не свыше 8 часов в сутки или не более 48 часов в неделю.

3. Образование бюро или комиссии из выборных от служащих и рабочих для совместного разрешения с администрацией дороги вопросов об увольнениях, перемещениях и приеме служащих и рабочих, а также для разрешения всех недоразумений, возникающих между служащими и администрацией дороги.

4. Участие рабочих и мелких служащих в организации распорядков на железной дороге.

В следующих пунктах Устава говорится об отмене сверхурочных работ, коренном преобразовании дела медицинской помощи, устройстве школ, библиотек, образовании клуба для собраний, свободном чествовании 1-го мая и т. д.

Ввиду того, что такой порядок, говорилось в Уставе, при нынешнем государственном строе России невозможен, то Союз выставляет требование созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого равного и тайного голосования, которое обеспечивало бы свободу слова, собраний, печати, союзов и стачек, необходимых для осуществления всех вышеизложенных требований.

Согласно Уставу, членами Союза могли быть все рабочие и низшие служащие дороги, независимо от партийной принадлежности при условии обязательного принятия ими всех требований Устава. Хотя Союз и заявлял о своей внепартийности, но задачи, которые он выдвигал, свидетельствуют о его связи с социал-демократической партией. В числе руководителей Союза были в основном социал-демократы: в Вятке – И. И. Деришев, В. И. Калашников, И. А. Алпатов, В. С. Желваков, С. М. Леготкин; в Зуевке – сочувствующие социал-демократам З. Я. Свалов, А. И. Цигельберг; в Мурашах – К. С. Владимиров, В. А. Трейтер и др.

В начале своей деятельности члены Союза объединялись в небольшие кружки, но затем произошло их укрупнение во главе с районными бюро (комитетами). На Центральный комитет дороги возлагались обязанности организовать новые группы, объединять и согласовывать деятельность групповых организаций, устраивать собрания, митинги, объявлять забастовки, проводить съезды, вести отчетность и т. д. Одним из направлений деятельности Союза была агитационная работа. Она заключалась в привлечении в Союз новых членов, проведении собраний с разъяснением значения Союза, в распространении листовок и прокламаций, сообщавших о деятельности не только своего, но и других союзов. На средства, получаемые от членских взносов, Союз издавал гектографированные бюллетени с инфор-

Место создания	Название профсоюза	Время создания
I. Профсоюзы рабочих		
Вятка	1. Железнодорожных рабочих 2. Типографских рабочих 3. Приказчиков 4. Печатников	1905 г. 1905 г. 1905 г. Дек. 1906 г.
Сарапул	1. Труда 2. Печатников 3. Кожевников 4. Сапожников и башмачников 5. Приказчиков	1905 г. 1907 г. Окт. 1905 г. 1905 г. 1905 г.
Воткинск	1. Рабочих по металлу 2. Вольнонаемных казенных заводов	Май 1906 г. 1905 г.
Ижевск	1. Рабочих по обработке металлов	Дек. 1905 г.
Белая Холуница	1. Металлистов	Дек. 1905 г.
Елабуга	1. Ремесленников	Июль 1906 г.
Вятка с отделами в уездах	***II. Профсоюзы служащих*** 1. Учителей и деятелей по народному образованию 2. Медицинского персонала 3. Почтово-телеграфных чиновников ***III. Крестьянский союз***	 1905 г. 14 июня 1905 г. 1905 г. 1905 г.

мацией о том, что происходило на линиях. Благодаря этому вятские железнодорожники были в курсе всех происходящих событий не только на железных дорогах, но и в стране в целом. Комитеты Союза оказывали друг другу материальную и моральную помощь. Так, когда Мурашинский комитет после безуспешной агитации по присоединению к забастовке не сумел добиться успеха, Вятский комитет командировал в Мураши слесарей депо, членов комитета Деришева и Земцова. Им удалось убедить мурашинцев присоединиться к забастовке. Когда Центральным комитетом Пермской железной дороги была разослана телеграмма об аресте 9 декабря членов комитета Толстоусова, Преображенского, Мальцева и Лебедева, Вятский, Зуевский и Мурашинский комитеты потребовали их немедленного освобождения, угрожая в противном случае беспорядками по всей линии.

Под руководством социал-демократов и профсоюзных лидеров (в основном это одни и те же люди) были проведены две самые крупные политические забастовки. Первая забастовка началась 15 октября 1905 г. Вятские железнодорожники по инициативе профкома и комитета РСДРП предъявили своему начальству петицию, содержащую экономические и политические требования. В большинстве своем документ содержал узкопрофессиональные требования: установление 8-часового рабочего дня, улучшение условия труда и быта и др. И лишь в последних трех пунктах заявлено о свободе слова, печати, собраний, сходок, неприкосновенности личности и жилища, всеобщем и равном избирательном праве при выборах в законодательные органы. Авторы петиции не скрывали, что последние требования они предъявляют «в знак солидарности с общественными силами». Местное начальство отказалось удовлетворить требования железнодорожников и тогда они обратились за помощью к рабочим города и получили их поддержку. В итоге городская дума вынуждена была удовлетворить все их экономические требования. Забастовка железнодорожников закончилась 25 октября. Ее окончанию предшествовало получение двух телеграмм. В телеграмме Центрального стачечного комитета предлагалось завершить забастовку в связи с выходом Манифеста 17 октября, а в другой телеграмме руководство железной дороги призывало железнодорожников приступить к работе, обещая прощение и выплату жалованья за период забастовки.

Таким образом, в ходе первой забастовки требования рабочих были в основном удовлетворены, а зачинщики и участники забастовки не понесли никакого наказания.

Вторая забастовка железнодорожников была проведена с 8 по 18 декабря 1905 г. Она началась с получением телеграмм от Центрального бюро Всероссийского союза железнодорожников и Центрального комитета Союза Пермской железной дороги с призывом ко всем железнодорожным рабочим выйти на всеобщую политическую забастовку под лозунгами борьбы с самодержавием и созыва Учредительного собрания. В телеграммах содержалась критика властей за нарушение свобод, объявленных в Манифесте 17 октября, а само правительство называлось «крамольным» и «преступным». Накануне забастовки велась усиленная агитация со стороны активистов Союза. На рабочих собраниях ораторы призывали к созыву Учредительного собрания, ликвидации самодержавия и полиции, к установлению демократической республики. В начале декабря обозначились три основных центра забастовки. На станции Вятка I особую активность проявили рабочие социал-демократы В. Калашников, В. Желваков, С. Леготкин, И. Деришев и др. На станции Зуевка подготовку забастовки осуществляли эсеры – слесари депо Зиновий Свалов и Андрей Цигельберг, а также помощник машиниста Иосиф Безирганов. На станции Мураши Котласской линии усиленной пропагандой забастовки занимался железнодорожный врач В. А. Трейтер. Включаясь в забастовку, железнодорожники постановили не препятствовать возвращению войск из Манчжурии, перевозке хлеба и продовольствия голодающим крестьянам и бастующим товарищам. Декабрьская забастовка железнодорожников, в отличие от октябрьской, закончилась поражением. 19 декабря работа возобновилась на прежних условиях, заработную плату за время забастовки не выплатили, а наиболее активных ее участников и руководителей привлекли к судебной ответственности.

Вторым союзом, который оказался более мощным и деятельным, был «Союз учителей и деятелей по народному образованию». Он был организован в мае 1905 г. по возвращении делегации Вятского учительского общества с московского учительского совещания, состоявшегося 11-13 апреля 1905 г. От Вятского учительского общества на этом совещании было три представителя. Окончательное оформление Союз получил на губернском съезде учителей, проходившем в Вятке 6-9 августа 1905 г. В основу деятельности Союза был положен Устав, разработанный и принятый на первом Всероссийском учительском съезде, проходившем с 7 по 10 июня в Петербурге и Выборге. Этот Устав, состоявший из 16 пунктов, провозглашал, что Всероссийский союз учителей и деятелей по народному образованию является профессиональным и политическим. Основными задачами Союза являются:

1. Борьба за политическую свободу России и за передачу власти в руки народа. Ради этого Союз считает необходимым:

а) созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего и равного избирательного права с прямой и тайной подачей голосов без различий пола и национальности; б) предварительное проведение и осуществление в жизни для всего населения неприкосновенности личности и жилища, свободы совести, слова, печати, организации, собраний и стачек, а также отмены решений и преследований – судебных и административных – по делам политическим и религиозным.

2. Борьба за коренную реорганизацию дела народного просвещения в России на началах свободы, демократизации и децентрализации его, понимая под этим осуществление следующих начал: а) согласования всех типов школ, чтобы общеобразовательная школа высшего типа составляла непосредственное продолжение школ низшего типа; б) введение всеобщего бесплатного и обязательного начального обучения и бесплатного среднего и высшего образования; в) исключение закона божия как обязательного предмета преподавания; г) установление общеобразовательного характера школы со свободным преподаванием; д) свободы преподавания на родном языке населения во всех типах школ; е) предоставление заведования делом народного образования органам местного самоуправления, образованным на началах всеобщего, без различия пола и национальности, равного, прямого и тайного голосования, и общественным организациям национального характера.

3. Для достижения поставленных в п. 2 основных целей союз берет на себя выполнение следующих задач: а) открытая и свободная критика путем устного и печатного слова, современного школьного строя и правительственной политики в области народного образования; б) образование коллективных протестов учащихся против действий администрации, вредных для школьного дела; в) коллективная разработка вопросов народного просвещения в духе принципов, указанных в п. 11, § 2; г) содействие в удовлетворении духовных потребностей учащих (организация библиотек, снабжение учащих произведениями периодической печати, устройство чтений и лекций для учащих, организация кружков для совместной образовательной работы и т. п.); д) организация доступной помощи учащим и учащимся; е) организация взаимного страхования на случай потери места вследствие политической и общественной деятельности с привлечением общественных учреждений к материальному участию в кассах взаимного страхования; ж) защита отдельных членов союза, учащих и учащихся против произвола учебного начальства и общей администрации путем коллективного протеста и другими способами; з) привлечение общества и органов общественного самоуправления к защите учащих и учащихся от произвола администрации и к материальной поддержке лиц, пострадавших за политическую и общественную деятельность; и) организация товарищеского суда чести; к) широкое распространение среди населения и реализация политических идей и задач, положенных в основу союза; л) совместная политическая деятельность с другими профессиональными союзами и политическими организациями в достижении общих целей.

В следующих пунктах этого тщательно разработанного документа говорится о порядке приема членов в союз, о руководящих органах союза, о порядке выборов и т. д. Устав подвергся серьезному и всестороннему обсуждению на губернском съезде учителей. Особенное внимание вызвали те его пункты, которые указывали на политический характер союза. Однако несмотря на различие политических взглядов участников съезда, пункты устава о политической деятельности Союза были приняты единогласно. Первым шагом выбранного на съезде бюро была организация уездных отделений или групп с вовлечением в них наибольшего количества учителей. В результате энергичной работы бюро к началу 1906 г. отделения Союза были созданы во всех уездах региона, работа которых проходила под большим влиянием политических партий. В Слободском и Глазовском уездах, где были сильны позиции эсеров, местные отделения учителей тяготели к Крестьянскому (эсеровскому) Союзу и все мероприятия проводили совместно под эсеровскими лозунгами. Вятское, Уржумское, Сарапульское уездные общества развивали свою деятельность под лозунгами социал-демократов.

Учительские союзы в Марийском крае в основном находились под влиянием либеральных партий, выступающих за установление демократических свобод путем введения представительной власти. Многие учителя восторженно восприняли Манифест 17 октября, полагая, что царь пошел на уступки.

Некоторые учительские организации края находились под влиянием эсеров. Наиболее ярко это проявлялось в деятельности учителей Царевококшайского уезда, выпустивших прокламацию «Товарищи» под эсеровским лозунгом [13].

Политические разногласия членов союза со всей очевидностью проявились на 2-м губернском учительском съезде, состоявшемся 1-7 августа 1906 г., на котором возник вопрос о легализации союза. Проэсеровски настроенные учителя выступили за легализацию союза, хотя бы для этого потребовалось исключить из Устава пункты о политических задачах. С их точки зрения, чисто профессиональная платформа союза может объединить в нем людей разной политической ориентации и таким образом содействовать

росту его рядов. Политические же задачи союз может осуществлять и не включая этих требований в устав. Социал-демократы считали, что союз не должен замыкаться в узко профессиональные рамки. В условиях переживаемых событий он не может отказаться от политических требований. Если включение политических задач в устав служит препятствием к его легализации, то необходимо от этой легализации отказаться. 2-й губернский съезд принял точку зрения социал-демократов и остался нелегальным.

Мы располагаем некоторыми сведениями о работе уездных отделений, из которых следует, что многие учителя вели большую работу, направленную против существующего строя, но она не стала массовой, так как за всеми учителями был установлен бдительный надзор со стороны администрации учебных заведений и полиции. Преследованиям подвергались даже те учителя, которые никакого отношения к революционной работе не имели, например, среди особо опасных и вредных лиц в политическом отношении для населения Слободского уезда местные власти называли учителя Косинского училища М. В. Лубнина и его жену Дарью Степановну. Их неоднократно арестовывали, высылали, однако каждый раз восстанавливали в должности по суду. По-видимому, они вели некоторую просветительскую работу, но в революционной агитации участия не принимали.

Созданные организации учителей имели преимущественно профессионально-политический характер. Учителя подвергали критике современное школьное дело и правительственную политику в области народного образования, выражали протесты против несправедливых действий администрации, искали пути улучшения учебно-воспитательной работы и т. д. Значительная часть учителей в соответствии со своими убеждениями о необходимости модернизации политической, экономической, социальной и культурной сфер общественной жизни принимала участие в работе кружков, участвовала в проведении сходов и собраний, занималась пропагандистской деятельностью. Например, учительница Верхосунской школы С. Я. Катаева была одним из организаторов крестьянского комитета в Глазовском уезде [14]. Они вместе с крестьянином С. Ф. Лубниным и практикантом Верхосунской земской фермы М. Ф. Мосуновым проводили сходы, распространяли революционные прокламации и листовки. Под их влиянием крестьяне отказывались платить налоги.

Активную работу среди удмуртов вел учитель Сосновской школы И. И. Шкляев. Он вместе с другими учителями распространял среди крестьян переведенную на удмуртской язык революционную литературу и прокламации, перевел на удмуртский язык «Марсельезу».

В Марийском крае агитационную работу среди населения вел учитель социал-демократ К. И. Касаткин. Он был создателем первого революционного кружка в с. Юрино, в который входили не только рабочие, но и учителя. Члены кружка сначала вели культурно-просветительскую работу: устраивали вечера, спектакли, чтение литературы и т. д., а потом стали распространять нелегальную литературу и листовки, авторами которых были К. И. Касаткин и А. А. Качалов. Подобную деятельность среди населения вели учителя Козмодемьянска и Санчурска. В работе революционных кружков в с. Кокшамары в 1905 г. принимали участие шесть учителей (Н. М. Орлов, А. В. Боброва-Ишпайкина и др.). Революционные идеи доводились до марийского народа на родном языке. Переводом нелегальной литературы занимались учителя В. Кириллов и А. Баронов. Они перевели на марийский язык ряд прокламаций, а П. Григорьев, работавший в Унжинской школе Царевококшайского уезда, сам писал марийские листовки. В них говорилось, что народ страдает под гнетом царизма, крестьяне обделены землей, а помещики и кулаки владеют большей ее частью. П. Григорьев закончил одну из своих листовок призывом: «Землю помещиков и государственной казны передать крестьянам» [15]. В его листовках содержались требования свободы слова и печати, амнистии политическим заключенным. В воззваниях П. Григорьева нередко чувствуется влияние народнических идей, которые находили благодатную почву в отсталой марийской деревне.

Многие учителя участвовали в митингах и демонстрациях. Так, когда с 9 по 19 апреля 1905 г. проходили политические демонстрации против самодержавно-полицейского произвола в Вятке, среди участников демонстрации, как об этом сообщал вятский губернатор в департамент полиции, было много учителей. Часть учителей принимала участие в демонстрациях и маевках в Елабуге, Глазове, Ижевске и других городах и поселках. Сельские учителя, тесно связанные с крестьянами, пользовались их доверием и любовью. Известно немало выступлений крестьян в защиту местных учителей. Когда в с. Пержа Яранского уезда 27 февраля 1906 г. для ареста учительницы Никифоровой за революционную пропаганду явились полицейский надзиратель, урядник и стражник, крестьяне категорически не разрешили этого сделать. Арестовать учительницу удалось лишь с помощью 20 конных стражников. На сельских сходах выносились приговоры с протестом против ареста учителей, но противостоять вооруженной страже в большинстве случаев крестьяне не могли.

Многие сельские учителя не только вели пропаганду в деревнях, но и участвовали в кресть-

янских выступлениях. Рапорты полицейских и жандармских чинов полны донесений о «разлагающем влиянии» учительства на крестьян.

Во всех отчетах вятского губернатора за 1905–1907 гг. отмечается особенное участие учительства в революционном движении. В уезды заведующим начальных училищ идут строгие телеграммы министра народного просвещения: никаких митингов и собраний, никаких преступных воззваний и запрещенных изданий и никаких знакомств с лицами, находящимися под властным надзором, никаких бесед по вопросам политического характера с крестьянами...

В 1906 и 1907 гг. после подавления московского вооруженного восстания участие учителей в общественно-политической жизни региона пошло на спад. Наиболее активные их представители были арестованы, а другие – напуганы и отошли от активной общественно-политической работы. Нам удалось установить, что были лишь отдельные случаи участия молодых учителей в распространении нелегальной литературы, в митингах и демонстрациях (К. И. Касаткин, И. И. Шкляев и др.)

В одном из полицейских донесений (1906 г.) указывалось, что в Уржумском уезде в обезоруживании стражи принимал участие учитель Данилов. В Марийском крае продолжал заниматься распространением революционных идей на марийском языке учитель Уньжинской школы Царевококшайского уезда П. Г. Григорьев. Составленное им антиправительственное воззвание под видом диктанта было продиктовано ученикам, которые увезли его в родные деревни и распространили среди населения. Сам П. Г. Григорьев ходил по селениям Шиньшинской и Моркинской волостей, читал и распространял воззвания, пока не был арестован жандармами [16].

За антиправительственную деятельность учителей наказывали. В Яранском уезде за организацию митингов, распространение нелегальной литературы и участие в крестьянских собраниях было арестовано 8 учителей, в том числе 5 учителей Нартасской сельскохозяйственной школы. За участие в крестьянском движении в Мунтанской волости было арестовано и выслано несколько учителей [17]. Учительница Казанской школы Уржумского уезда Ковалева была арестована за то, что читала крестьянам листки Крестьянского союза.

По сообщению директора народных училищ Анастасиева, было уволено со службы в течение 1906 г. по обвинению в политической неблагонадежности 37 учителей и учительниц начальных народных училищ [18].

2. Собрания, кружки, общества

Наряду с нелегальными Союзами, имеющими политическую окраску (Союз железнодорожников, Союз учителей, Крестьянский союз), в начале XX в. появилось огромное количество объединений (собраний, обществ, кружков и т. д.), не имеющих политической направленности. Это свидетельствует о возросшей активности российского общества и тяге его к стабильности, знаниям и культуре. В одних организациях объединялись представители разных слоев населения для оказания помощи неимущим, в других – по профессии, в третьих – по интересам. По официальным данным, в стране было зарегистрировано более 200 благотворительных обществ, 32 общества по благоустройству городов и населенных пунктов, 28 – взаимопомощи, более 600 – литературно-музыкально-архитектурных, 9 – кредитных и комиссионно-торговых, 38 – медицинских, по 23 – народных развлечений и научных, 72 – образования, 33 – печатно-издательских и книготорговых, 15 – пожарных, 15 – потребительских, 146 – промышленных и торгово-промышленных, 34 – просветительных, 157 – профессиональных (без учета профсоюзов), более 100 – сельскохозяйственных и промыслово-торговых, более 100 – спортивных, 45 – студенческих, 43 – транспорта и связи, 35 – фотографических, 11 – трезвости, 4 – юридических и более 91 наименования разных обществ [19].

Процесс образования всевозможных обществ и союзов в полной мере охватил и Вятско-Камский регион. Из большого количества обществ, функционирующих в регионе, мы рассматриваем только несколько самых значимых.

В конце XIX в. и в самом начале XX в. в ряде населенных пунктов региона были созданы общественные собрания. Они имели однотипные зарегистрированные уставы, отпечатанные типографским способом в разное время. Так, устав Глазовского общественного собрания был отпечатан в типографии В. П. Иванова в 1890 г., Устав Вятского общественного собрания – в типографии Н. А. Огородникова в 1903 г. А Устав Кукарского общественного собрания утвердили и напечатали только в 1908 г. [20] Все общественные собрания находились вне политики и ставили цель предоставлять своим членам и их семьям «возможность проводить свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользой» [21]. Все вопросы, связанные с организацией обществ и их функционированием, решались на общих собраниях. Общее собрание занималось приемом новых членов, избирало из своего состава старшин и ревизионную комиссию, вносило изменения в Устав. Действительные члены общества платили ежегодные взносы, а почетные члены от этой обязанности освобождались. Управление делами собрания осуществлялось Советом старшин, избираемым на 1 год. По количеству членов общественные собрания не были массовыми.

Так, в 1904 г. в самом большом в регионе Вятском общественном собрании могло состоять 500 членов (§ 8 Устава), но реально числилось 250, а на общем собрании, которое обсуждало важные изменения в Устав, присутствовали всего 38 человек, что свидетельствует об отсутствии жесткой дисциплины [22]. В деятельности общественных собраний принимали участие представители разных слоев населения. Если в Глазовском общественном собрании доминировали представители интеллигенции и чиновники, то более 2/3 Кукарского общественного собрания составляли коммерсанты [23]. Все общественные собрания в своих уставах вводили определенные ограничения, и не каждый мог стать членом собрания. Вступить в общество не могли несовершеннолетние, за исключением лиц, имеющих классные чины, воспитанники учебных заведений, нижние воинские чины и юнкера, хоть и совершеннолетние, те, кто уже был исключен из собрания за нарушения Устава, лица, подвергшиеся наказанию по суду.

Избранные руководители собраний устраивали для своих членов и гостей балы, маскарады, танцевальные, музыкальные и литературные вечера и драматические представления, а также выписывали книги, газеты и другие периодические издания. Все мероприятия находились под контролем местных властей. Так, в соответствии с уставом для проведения маскарадов и драматических спектаклей требовалось разрешение полиции, причем, представителю полиции резервировалось «соответствующее кресло» на каждый спектакль и представление [24].

В Уставах обществ устанавливался запрет проводить увеселительные мероприятия «в три последние дня Страстной недели, первый день Святой Пасхи и первый день Рождества Христова» [25].

Время пребывания в собраниях строго регламентировалось. В Кукарском и Глазовском общественных собраниях можно было находиться до одного часа пополуночи, а в Вятском – до 1 часа 30 минут. За каждые последующие полчаса члены собрания должны были платить штраф по возрастающей шкале [26]. Уставы определяли максимальный срок пребывания в собраниях: в Кукарском собрании нельзя было находиться дольше 4 часов 30 минут, а в Вятском – дольше 5 часов 15 минут. Впрочем, требования Уставов нередко игнорировались членами общественных собраний, и к ним принимались строгие меры. В августе 1907 г. вятский губернатор князь С. Д. Горчаков своим постановлением приостановил деятельность Глазовского общественного собрания. Свои действия он аргументировал тем, что «в сентябре минувшего года в Общественном собрании произошла ссора между двумя членами, причем, один из них нанес другому удар по лицу до крови; в ноябре того же года один из членов нанес словесное оскорбление бывшему в собрании Уездному исправнику; 22 июля сего года, после обеда, устроенного по случаю отъезда одного из членов, в летнем помещении собрания происходило такое пение и шум, что соседи должны были заявить полиции о принятии мер к прекращению пения и шума, бывших слышными почти на весь город. Живущие рядом с Общественным собранием обыватели неоднократно заявляли полиции о нарушении тишины и спокойствия, не дающими им спать и продолжающимися по целым ночам. Помимо этого, членов собрания обвиняли в игре в азартные игры и в пьянстве» [27].

В защиту собрания выступили его активные члены: коллежский советник П. П. Люминарский, надворные советники А. А. Пэрк и С. П. Максимович, титулярный советник И. М. Козак и др. В своей жалобе на действия губернатора они уверяли, что пение и шум не преступны и они имели место на обеде в честь директора народных училищ; в карты играли только в разрешенные винт и преферанс, а «пьянство» вообще чуждо нравам и привычкам членов Глазовского общественного собрания, членами которого состоят в основном представители интеллигенции [28].

Собрания не имели политической направленности и являлись местом проведения досуга не только для членов собраний, но и для их семей и друзей.

Как и в целом по России, в Вятско-Камском регионе большое внимание уделялось вопросам образования, просвещения и распространению научных знаний. Помимо государственных органов и земства, активную позицию в этих вопросах занимали и представители общественности. Так, еще в 1901 г. появился кружок любителей естествознания, а затем были зарегистрированы Царевосанчурский кружок самообразования, Кукарское общество образования, Общество любителей научных знаний в г. Слободском, Мурашинское просветительское общество, Вятский юридический кружок и другие. Мурашинское просветительное общество под руководством правления из 5 членов ставило перед собой цель скорейшего открытия при станции Мураши Пермской железной дороги городского училища с профессиональным и ремесленным отделениями. Оно также планировало заботиться о народном здравии, бороться с пьянством и открыть больницу при станции для обслуживания населения Пинюгской волости. Кроме того, общество предлагало заботиться о материальном благополучии населения северной части Орловского уезда. Для этого совместно с земством было решено развивать кустарную промышленность, устраивать опытные поля, развивать пчеловодство. Помимо

платных лекций, Устав предусматривал бесплатные чтения, концерты при участии духовенства, духовно-нравственные чтения и собеседования, а также предполагалось выписывать журналы и другие периодические издания [29].

Творческие люди и любители живописи и музыки создавали свои объединения. Известно, что в регионе были созданы Вятское художественное общество, Воткинское общество имени П. И. Чайковского, кружок владельцев Вятского концертного зала и др. В этих обществах состояла преимущественно интеллигенция, имеющая художественное образование. Во многих городах и крупных населенных пунктах были созданы объединения на основе общих интересов и увлечений: пчеловодов, шахматистов, ружейных охотников, рыболовов и т. д. Одним из старейших обществ такого рода было Вятское фотографическое общество, устав которого был напечатан 22 апреля 1905 г. и утвержден товарищем министра внутренних дел П. Н. Дурново. Члены общества намеревались следить за успехами фотографии и ее применения, содействовать «развитию светописи» и распространению фотографических знаний, содействовать «теоретическому и практическому усовершенствованию фотографии своих членов и облегчать им занятия фотографией». Предполагалось оказывать помощь в организации путешествий фотографов-любителей с научной и художественной целью для собирания материалов к изучению Родины. Члены общества намеревались фотографировать архитектурные сооружения, храмы, памятники, живописные места, виды городов, заводов и сел, сцен из местной жизни, «имеющих значение для истории и культурно-экономического развития Родины» и для развития фотографического искусства. Предполагалось знакомить членов общества с лучшими фотографиями, что должно было способствовать «взаимному сближению любителей фотографии» [30]. Для того чтобы добиться поставленной цели, члены общества периодически проводили собрания, организовали фотографический павильон и лабораторию, учредили фотографическую библиотеку и читальню. Они публиковали протоколы заседаний, сборники статей, лекции и рефераты по фотоделу, составляли и издавали коллекции фотографий, альбомы, а также «картины для волшебного фонаря и народных чтений», устраивали фотоэкскурсии и фотовыставки, конкурсы и публичные лекции, курсы по фотографии и ее применению. Члены общества проводили народные чтения с туманными картинами, изготовленными ими, по истории, географии и естествознанию, преимущественно на региональном материале. Наиболее активные члены общества награждались премиями, медалями и похвальными отзывами [31].

3. Благотворительные общества и попечительские советы

Благотворительность как форма помощи неимущим имеет в России давнюю традицию. В Древней Руси и до конца XVII в. дело призрения бедных находилось в руках церкви и монастырей, где возникали богадельни. Затем подробный план призрения был разработан Петром I, но он не был осуществлен из-за скорой смерти царя. До Екатерины II на государственном уровне этим делом никто не занимался. При Екатерине II впервые в России учреждаются воспитательные дома и приюты. Новым этапом в развитии благотворительности явился XIX век, когда она стала приобретать более широкий частный и общественный характер и стала проводиться во всех губерниях и регионах, расширяя свои функции от помощи бедным до строительства храмов и культурно-просветительских учреждений. Источниками средств на благотворительную деятельность, кроме государственных ассигнований, были проценты с капиталов, доходы с заведений, кружечные сборы, но главным образом пожертвования богатых людей. Широкое развитие благотворительности в Вятско-Камском регионе наблюдается в конце XIX – начале XX в. Самые крупные пожертвования в г. Вятке делали купцы Я. А. Прозоров, Н. И. Сарычев, Т. Ф. Булычев и др. Я. А. Прозоров, например, отдал под благотворительные учреждения пять домов и ежегодно выделял 10% прибыли. Каждую неделю из его конторы выдавались нищим деньги и мука. На средства этого купца был перестроен Зимний храм Владимирской церкви и т. д. Н. И. Сарычев завещал проценты с капитала 10 тысяч рублей духовному училищу, духовной семинарии и вятской мужской гимназии на воспитание и образование сирот и детей из бедных семей. Кроме этого им были завещаны сенокосные угодья и дом на Морозовской улице. В Елабуге прославился своей щедростью на благотворительные цели самый богатый местный купец Н. И. Стахеев, на средства которого были построены школы, больницы, библиотеки, храмы.

Наряду с купечеством благотворительностью занимались заводовладельцы. Некоторые из них выделяли крупные суммы на строительство школ, библиотек, больниц и детских домов. В Белой Холунице на средства заводовладельцев Поклевских-Козелл был построен больничный комплекс (больница, аптека, заразное отделение, дома для врачей и фельдшеров). При активной организующей роли управляющего Холуницкими заводами А. А. фон Зигеля было организовано Холуницкое благотворительное общество. Капитал общества складывался из взносов его членов: почетные члены вносили при вступлении 50 рублей единовременно, действительные – по 5 руб-

лей в год. Среди почетных членов были заводовладельцы Поклевские-Козелл, управляющий округом А. А. фон Зигель, вятский губернатор Трепов, судовладелец Булычев и др. В. А. Поклевский-Козелл единовременно пожертвовал обществу 125 тысяч рублей. Средства поступали также от церковных приходов и от общества потребителей. Учитывая тягу молодежи к образованию и потребность в грамотных работниках, в годы службы управляющим А. А. фон Зигеля в Холунице было построено семь школьных зданий и учебные мастерские. На средства заводовладельца В. А. Поклевского-Козелл и его супруги Марии Михайловны были построены школы кружевниц, ткацкие мастерские и школы для обучения девушек кройке и шитью, двухэтажное полукаменное здание церковно-приходской школы и специальный зрительный зал, который позднее будет называться Народным домом, и бесплатная заводская библиотека, почетным попечителем которой был утвержден А. А. фон Зигель. В это же время бесплатная библиотека была открыта в Климковском заводе. Благотворительной деятельностью в меньших масштабах занимались и другие заводовладельцы и купцы. На Мурыгинской бумажной фабрике, например, была открыта школа грамотности, организовано двухклассное начальное училище, бесплатная народная библиотека-читальня. Многие купцы жертвовали средства на строительство храмов, народных домов, библиотек. Самые крупные пожертвования внесли Н. Н. Ухов, И. И. Коровнев, Солодовников и др.

Благотворительные общества и попечительные советы, как и общественные собрания, функционировали только в крупных населенных пунктах: Вятке, Елабуге, Сарапуле, Яранске, Уржуме и др. Если общественные собрания и общества вели работу среди интеллигенции, чиновников и коммерсантов, то благотворительные общества и попечительские советы занимались вопросами организации быта и культуры рабочих и крестьян, которые были неграмотными и малограмотными и в значительной степени подвержены пьянству и картежным играм. Местное начальство особенно беспокоило большое скопление народа в базарные дни, проходившие по субботам и воскресеньям, а также во время традиционных ярмарок, на которые съезжалось до нескольких десятков тысяч человек [32].

Такое стечение народа – по мнению губернатора, – весьма склонного злоупотреблять спиртными напитками, уже давно вызывало настоятельную необходимость в устройстве учреждений, имеющих целью борьбу с народным пьянством и предоставление населению возможность проводить свое время вне питейных заведений [33]. Именно поэтому 1 января 1901 г. в Вятке было открыто первое попечительство о народной трезвости под руководством губернатора. В состав комитета вошло более 100 членов-соревнователей, преимущественно из интеллигенции. Члены комитета энергично взялись за дело и уже 1 июля 1901 г. в городе появились чайная, столовая, библиотека-читальня, книжный склад, стали проводиться народные чтения и литературно-вокальные вечера. Так, число слушателей на народных чтениях во второй половине 1901 г. достигло 5600 человек, на литературно-вокально-музыкальных вечерах – более 2000 человек, а чайную и столовую посетили 111 896 человек... [34]. Но, как оказалось, потребности горожан были гораздо больше. Своего помещения попечительство не имело, и поэтому вынуждено было арендовать дом, который вмещал не более 1/3 желающих. Мероприятия проходили в душном помещении, где «огонь в волшебном фонаре через полчаса тухнет, теряется ясность картинки на экране. У лекторов и прочих до дурноты разбаливается голова» [35]. Чтобы решить возникшие проблемы, члены попечительства решили построить свое здание со зрительным залом на 800 человек, чайную, столовую, библиотеку, читальню, певческий класс и музей, а также «устроить площадку для игр и гимнастических упражнений и разбить хотя бы небольшой сад» [36]. В кратчайшие сроки попечительство добилось выделения земельного участка в центре города, а губернский инженер Чарушин подготовил соответствующий проект. Но инициатива Вятского попечительства о народной трезвости не получила поддержки в столице. Необходимая сумма 120 000 рублей показалась слишком большой, и попечительству было предложено подумать о постройке более простых помещений в соответствии с типовыми проектами. Аргументы председателя попечительства губернатора Хомутова о том, что лучше построить большое здание в центре, так как «двухверстное расстояние не служит препятствием к усердному посещению народом...» [37] не были услышаны в столице.

Деятельность попечительств о народной трезвости была достаточно эффективной. Так, только за первые 5 месяцев в библиотеке попечительства побывали 9 568 человек. При этом подавляющее большинство читателей – это рабочие и крестьяне мужского пола. Помимо художественной литературы и периодики, читателей интересовали книги по истории и географии, а также книги религиозного содержания [38]. Пользовалась популярностью и чайная, в которой с января по мая 1903 г. было продано 66 015 порций чая, 1 637 пирожков, 523 пирожных, 62 пуда 36 фунтов сушек, 238 пудов 34 фунта черного, 413 пудов 36 фунтов белого и 249 пудов 09 фунтов ярового хлеба, а также 21 533 порций молока [39].

Вопрос об ассигновании 12 834 рубля для постройки чайной-читальни с навесом для лошадей и комнатой для ночлега был решен быстро. Губернатор смог убедить чиновников министерства в необходимости этого строительства, так как чайная примыкала к станции железной дороги Петербург–Вятка [40]. В ассигновании средств еще на 2 чайных было отказано.

Безрезультатными остались и ходатайства активистов попечительства г. Нолинска о выделении 13 000 рублей на постройку народного дома. Они отмечали, что в городе имеется всего одна чайная, которую только в 1902 г. посетили 66 000 человек [41]. Но главному управлению неокладных сборов запрашиваемая сумма в 13 000 рублей показалась слишком значительной. Повторное ходатайство о выделении 20 000 рублей на строительство народного дома было вновь отклонено в июне 1906 г. ввиду отсутствия средств [42].

Вопрос о постройке народного дома остро встал и в уездном городе Малмыже. Возможности арендовать здание у попечительства не было, так как в городе «дома небольшие, сельского типа... Помещений для учреждения попечительства нет» [43]. Местные власти безвозмездно выделили для строительства место на базарной площади стоимостью до 10 000 рублей. Местные землевладельцы и заводчики Александровы выделили на льготных условиях стройматериалы на сумму в 5 тысяч рублей, обещало оказать помощь в строительстве и местное земство [44]. Но чиновники главного управления неокладных сборов указали на необходимость переделать проект, убрав сцену и уборную, мотивируя это требование тем, что «в задачи попечительства не входит устройство театральных увеселений» [45].

Местные активисты попечительства неоднократно ходатайствовали о выделении средств на постройку народного дома в г. Сарапуле. Но в ответном письме сообщалось, что «в связи с необходимостью сокращения расходов и событиями на Дальнем Востоке, все ходатайства сказанного рода... будут оставлены без рассмотрения» [46]. В послевоенный период государство усиливает помощь попечительствам о народной трезвости.

Так, в феврале 1906 г. главное управление неокладных сборов уведомляет, что «к 25 000 руб., отпущенным на текущую деятельность попечительства в 1906 г., добавлена 1 000 рублей на окончательный расчет по постройке Ижевским отделом Сарапульского уездного комитета попечительства о народной трезвости чайной в селе Нылчижик» [47].

Помимо попечительского совета о народной трезвости были и такие, которые ставили своей целью оказывать помощь приютам и тюрьмам. 25 января 1891 г. в Вятке было образовано «Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов». Оно имело Устав, утвержденный Министерством юстиции 19 декабря 1890 г., и считало своей целью содействие нравственному исправлению несовершеннолетних, помещенных в исправительное заведение и помощь бесприютным и беспризорным. Забота о нравственном исправлении преступников и об улучшении тюремного быта были главной целью «Вятского губернского попечительного о тюрьмах комитета» [48]. Оба учреждения просуществовали на территории региона вплоть до 1918 г.

Итак, в начале XX в. в Вятско-Камском регионе, наряду с политическими партиями, действовали многочисленные непартийные общественные организации, которые играли заметную роль в общественно-политической жизни. Наиболее активными из них были профессиональные союзы рабочих и учителей, находившиеся под сильным влиянием революционных партий. Эти профсоюзы, помимо решения профессиональных вопросов, вели активную политическую работу, направленную против существующего строя, в результате чего их деятельность пресекалась.

Действовавшие в регионе многочисленные собрания, кружки и общества были вне политики, и их деятельность была направлена на созидательные цели. Они выполняли культурно-просветительские и образовательные функции и предоставляли возможность своим членам проявлять себя в разных видах деятельности. Работа благотворительных и попечительских советов была направлена на строительство народных домов, приютов, школ, библиотек и оказание помощи неимущим, что вело к снижению общественно-политической напряженности в регионе.

Примечания

1. *Роговин, Л. М.* Законы об обществах, советах и собраниях [Текст] / Л. М. Роговин. СПб., 1912. С. 40-41.

2. *Святловский, В. В.* Современное законодательство о профессиональных рабочих союзах [Текст] / В. В. Святловский. СПб., 1907. С. 84.

3. РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1913. Д. 18. Л. 96об.

4. Там же. Л. 81-82.

5. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 722. Л. 1.

6. Там же. Л. 1об.

7. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 717. Л. 36.

8. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 722. Л. 1об.

9. Там же.

10. Там же. Л. 2.

11. Там же. Л. 1об.

12. Очерки истории Кировской организации КПСС [Текст]. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, 1965. С. 175.

13. МАРТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 901. Лл. 20-20об.

14. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 354. Лл. 4, 5. 1906.

15. Очерки истории Марийской АССР [Текст]. Йошкар-Ола, 1965. С. 271.

16. Очерки истории Марийской организации КПСС [Текст]. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1968. С. 30.

17. *Папырина, А. А.* Революционное движение в Вятской губернии в 1905–1907 гг. [Текст] / А. А. Папырина. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, 1975. С. 130.
18. ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 3529. Л. 289.
19. РГИА. Ф. 1284. Указатели к описи Д. 188. Лл. 8-53.
20. РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1907. Д. 127. Л. 1.
РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1904. Д. 158. Л. 3.
РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1904. Д. 77. Л. 2.
21. РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 77. Л. 3.
22. РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1904. Д. 158. Л. 2.
23. РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 77. Л. 3.
24. Там же. Л. 9об.
25. РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1907. Д. 127. Л. 2.
26. РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 77. Л. 10; Д. 127. Л. 2.
27. РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1907. Д. 127. Л. 2.
28. Там же. Лл. 15-18.
29. РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. 1912. Д. 1. Лл. 217, 225, 225об.
30. РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1912. Д. 89. Лл. 7, 7об.
31. Там же. Л. 7об.
32. РГИА. Ф. 575. Оп. 3. Д. 4152. Лл. 2, 2об.
33. Там же. Л. 2об.
34. Там же. Л. 2об, 3.
35. Там же. Л. 3об.
36. Там же. Л. 4об, 5.
37. Там же. Л. 10.
38. Там же. Л. 24, 25об., 26.
39. Там же. Л. 27.
40. Там же. Лл. 55, 55об., 60.
41. Там же. Лл. 33, 37.
42. Там же. Л. 69.
43. Там же. Л. 47.
44. Там же. Л. 47об.
45. Там же. Л. 48.
46. Там же. Л. 64.
47. Там же. Л. 67.
48. ГАКО. Ф. 145. Оп. 1. Л. 3, 5; Ф. 173. Оп. 1.

А. А. Калинин

ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США В ОТНОШЕНИИ ГРЕЦИИ в 1939–1941 гг.

В статье рассматривается политика британской и американской дипломатии в отношении Греции в контексте динамического изменения ситуации в Балкано-Средиземноморском регионе, взаимодействие Лондона и Вашингтона с греческой дипломатией.

В отечественной историографии сюжеты, связанные с политикой Великобритании и США в отношении Греции в обозначенный хронологический отрезок, рассмотрены в диссертационных исследованиях Ф. И. Шкудова [1], И. Н. Чемпалова [2], В. М. Брагинского [3], а также в монографиях А. М. Некрича [4]. К настоящему времени данные работы устарели. К тому же исследования Ф. И. Шкудова и И. Н. Чемпалова опираются на очень ограниченную источниковую базу. Монография А. Г. Чевтаева, итог многолетней исследовательской работы, затрагивает британскую политику в отношении Греции преимущественно в контексте стратегии Лондона в Средиземноморье [5].

В настоящей статье кроме традиционных для отечественной историографии источников используются документы из цифрового архива президента Рузвельта, размещенного в сети Интернет в рамках проекта «Президентская библиотека Ф. Д. Рузвельта» [6]. Цифровой архив содержит много документов, которые ранее никогда не публиковались.

Во второй половине 30-х гг. Балкано-Средиземноморский регион по-прежнему являлся сферой британского влияния, контроль над ним обеспечивал «жизненные интересы» Британской империи. Являясь важным геостратегическим объектом, имеющим коммуникационное и военно-оперативное значение для связей Европы с Африкой и Ближним Востоком, более широко – с Переднеазиатским регионом и Индостаном, данный регион с 1939 г. становится объектом экспансии нового агрессивного союза Германии и Италии, которые намеревались радикально изменить европейский баланс в свою пользу.

Для Британской империи Средиземноморский регион имел принципиальное военно-политическое и оперативно-стратегическое значение, гарантируя её интересы в Передней Азии, Африке и Индии. Греция традиционно была важной частью британского Средиземноморско-Балканского сектора Европы. Великобритания являлась главным кредитором Греции, английские бизнесмены контролировали значительную часть ресурсов страны. Агрессия Италии против Эфиопии ещё больше усилила заинтересованность Лондона в сохранении своих позиций в Греции.

В тридцатые годы греческая дипломатия стремилась балансировать между Италией и Германией, с одной стороны, и Францией и Великобританией, с другой, избегая однозначной ориентации как на «ось», так и на западные демократии. Проводя осторожную внешнюю политику, Греция, с одной стороны, поддерживала дружественные отношения и удовлетворительный уровень сотрудничества с двумя фашистскими государствами, а с другой – тесно сотрудничала с Великобританией, признавая её интересы в Восточном Средиземноморье.

Авторитарный режим генерала Иоаннеса Метаксаса, установленный в 1936 году, по ряду параметров был сходен с итальянским фашизмом. Греческий диктатор закончил одно из лучших военных училищ Германии, на военном поприще достиг успехов во время Балканских войн. Как политик генерал прославился благодаря своему открыто заявленному несогласию сражаться на

КАЛИНИН Александр Александрович – аспирант кафедры всеобщей истории ВятГГУ
© Калинин А. А., 2005

стороне Антанты в 1914 г., а также с концепцией новой Византийской империи эгенян во главе с греками.

Греция Метаксаса извлекала немалые экономические выгоды из сотрудничества с фашистской Германией, входя в зону немецкой марки, направляя значительную часть экспорта в Германию и получая выгодные кредиты для закупки немецкой продукции. В течение 30-х гг. позиции Германии в греческой экономике значительно упрочились. Так, доля Германии во внешней торговле Греции возросла с 1932 по 1939 г. по экспорту – с 15,5 до 27,5%, по импорту – с 9,6 до 29,0%. [7] Одновременно происходило снижение аналогичных показателей по торговле с Великобританией. Метаксас, взяв курс на модернизацию греческой армии, закупал военные материалы у Третьего Рейха. В окружении премьер-министра были сильны прогерманские настроения. Однако данный комплекс факторов не предопределил профашисткой ориентации Греции. Для Метаксаса интересы страны были важнее личных симпатий. К тому же, в отличие от диктатора-премьера, король Греции Георгиос II был настроен пробритански. Во внешней политике Афины по-прежнему ориентировались на Британию, но стремились избежать конфронтации с Италией и Германией.

Первоначально греческое правительство делало ставку на Балканскую Антанту, стремясь всячески укрепить межбалканское сотрудничество и проводя политику нейтралитета в отношении великих держав. Однако в условиях резкого ухудшения международной обстановки балканские государства оказались неспособны выработать совместные планы обороны и Афины были вынуждены искать гарантии безопасности вне структуры Балканского соглашения. Как отмечал в обзоре внешней политики Греции от 6 июня 1939 г. временный поверенный в делах СССР в Греции М. Г. Сергеев, захват Германией Чехословакии, а Италией – Албании «подорвали веру (Афин. – *А. К.*) в Балканскую Антанту» [8]. Происходило нарастание идеологической и политической поляризации на Балканах: если Греция и Турция ориентировались на западные страны, то Югославия, Болгария, а постепенно и Румыния все более подпадали под влияние «оси».

Правительство Метаксаса было не на шутку встревожено ростом итальянского экспансионизма на Балканах. Афины берут курс на сближение с западными странами – Великобританией и Францией, чтобы получить от них гарантии в случае итало-греческого конфликта. Однако в течение двух лет – 1937–38 гг. – правительство Чемберлена избегало любых недружественных в отношении Рима шагов, опасаясь создать новые очаги напряженности в жизненно важном для себя средиземноморском регионе. Все более очевидная ориентация Греции на Британию не осталась незамеченной итальянским правительством.

Конец 30-х гг. был отмечен ростом озабоченности администрации Рузвельта развитием европейской ситуации. В своем ежегодном послании к Конгрессу от 4 января 1939 г. президент США заявил, что Мюнхенским соглашением мир не гарантирован, гонка вооружений продолжается. В ситуации, когда правительства ряда стран стремятся решать проблемы силовыми методами, только сила оружия может обеспечить безопасность Соединённых Штатов [9]. Восемь дней спустя президент в специальном обращении к Конгрессу призвал предпринять немедленные меры с целью повышения безопасности США. Белый дом твердо взял курс на увеличение американского военного потенциала.

Возрастал объем поступающей в Вашингтон информации из Европы. Британское правительство регулярно информировало американскую администрацию о складывающейся ситуации на европейском континенте. В этих сообщениях заметна явная недооценка Лондоном военной опасности в Европе. Так, в секретном меморандуме конца февраля 1939 г., направленном на имя президента Рузвельта и госсекретаря Хэлла, отмечались признаки нарастания военной активности Италии, однако делался вывод о том, что преждевременно говорить о намерении Италии в ближайшее время начать войну [10].

В марте нацистская Германия оккупирует Чехословакию, усиливается давление Германии на Румынию. На запрос английского правительства греческий премьер-министр заявил, что в случае агрессии против Румынии Греция будет выполнять свои обязательства согласно Балканскому договору [11].

7 апреля 1939 г. итальянские войска высадились в Албании. Эта агрессия справедливо рассматривалась в европейских дипломатических кругах как подготовка плацдарма для дальнейших итальянских завоеваний. Европейские газеты заговорили о близком конце Греции. В беседе с госсекретарем США К. Хэллом албанский посол в США на вопрос о целях Италии сказал, что она готовит трамплин для последующих завоеваний Греции, Турции и Дарданелл [12].

Осложнение ситуации в Европе стимулировало рост активности американской дипломатии. В заявлении госсекретаря США от 8 апреля 1939 г. агрессия Италии против Албании была расценена как угроза миру во всем мире. «Любая угроза миру касается всех наций и противоречит желанию всех народов в мире, чтобы их правительства вели их не к войне, а по дороге мира», – говорилось в заявлении. Также отмечалось, что

эти действия затрагивают благосостояние США [13]. Ф. Рузвельт на пресс-конференции отметил, что Гитлер и Муссолини не должны забывать об «огромной силе Соединенных Штатов», которые отнюдь не равнодушно относятся к их захватническим устремлениям [14].

14 апреля 1939 г. президент Ф. Рузвельт обратился к А. Гитлеру и Б. Муссолини с просьбой дать гарантии не нападать на 31 европейскую страну, в том числе Грецию [15]. Акция Рузвельта имела широкий общественный резонанс, её поддержали многие европейские государства, в том числе СССР. 28 апреля Гитлер ответил на послание Рузвельта в рейхстаге [16]. Высмеяв американского президента, он опроверг обвинения в агрессивных намерениях. Какого-либо письменного ответа американскому президенту ни Гитлер, ни Муссолини не дали.

22 апреля итальянские войска вышли к северной греческой границе. Там были сосредоточены крупные контингенты войск, присутствие которых использовалось как орудие силового давления с тем, чтобы помешать дальнейшему сближению Афин и Лондона и не допустить размещения английских военных баз на территории Греции.

Греческая дипломатия предприняла отчаянные усилия с целью получить гарантии безопасности от Великобритании и Франции. По дипломатическим каналам греческое правительство информировало о своей озабоченности и Соединенные Штаты. Во время беседы с руководителем отделения Ближневосточных дел госдепартамента Мюррейем 10 апреля 1939 г. греческий посол в США Сикилианос дал понять, что греческое правительство не питает иллюзии относительно возможности остаться в стороне от конфликта. В этих условиях Великобритания и Франция должны предоставить Греции гарантии безопасности. Позиция Югославии имеет критическое значение для Греции, военная помощь югославов дала бы Афинам надежду отразить агрессию. Греция рассматривала Турцию как верного и надежного союзника, но сомневалась в её способности оказать ей действенную военную помощь [17].

Греческий посол во Франции Политис в беседе с советником американского посольства Вильсоном заявил о глубокой обеспокоенности его правительства агрессией Италии против Албании. Посол подчеркнул, что оценивает захват Албании как первую стадию реализации тоталитарной программы по установлению итальянского господства в Восточном Средиземноморье. За Албанией вскоре должна последовать и Греция. Французский министр иностранных дел Ж. Бонне сказал Политису, что Франция и Великобритания не останутся в стороне, если Италия нападет на Грецию [18]. Составленный по итогам беседы Вильсона меморандум был направлен в Госдепартамент.

Британское правительство также было серьёзно обеспокоено итальянской агрессией и особенно возможностью её дальнейшего расширения. Многие считали, что Италия сделала первый шаг к установлению контроля над Балканами. У. Черчилль отмечает в своих мемуарах: «Албании предназначалась роль трамплина для действий Италии против Греции и для нейтрализации Югославии» [19]. Угроза Греции рассматривалась как угроза жизненным интересам Британии в Средиземноморье. Английский министр иностранных дел Э. Галифакс в беседе с американским послом в Лондоне Дж. Кеннеди сказал, что итальянское правительство должно пообещать Афинам не нападать на Грецию [20]. В Лондоне шло активное обсуждение мер, которые может предпринять британское правительство. И. М. Майский 9 апреля сообщил в Москву о том, что «предполагается отправка английской эскадры на Корфу» [21].

13 апреля 1939 г. Греции были официально даны гарантии территориальной целостности со стороны Англии [22] и Франции [23], однако они не сопровождались какими-либо конкретными военными обязательствами. Неоднократные попытки греческого правительства придать гарантиям материальный характер не имели успеха.

Сближению Греции и Великобритании также способствовало подписание англо-турецкой декларации 12 мая 1939 г., в которой говорилось, что обе стороны намерены заключить соглашение «в интересах их национальной безопасности». До подписания соглашения Лондон и Анкара выразили готовность «эффективно сотрудничать и оказывать взаимную помощь и поддержку друг другу» в случае акта агрессии, ведущего к войне в Средиземноморском регионе [24]. Для Афин позиция Турции в случае войны имела принципиальное значение. Поэтому, как писал в аналитическом обзоре М. Г. Сергеев, «Греция, связанная с Турцией, тем самым связана после англо-турецкой декларации с политикой Англии и Франции...» [25]. В то время как греческая печать хранила молчание относительно нового поворота во внешней политике страны, советский дипломат отметил косвенные признаки установления особых отношений Афин и Лондона: «Ни один из посланников, уехавших за последнее время, не имел таким шумных проводов, какие были устроены только что уехавшему английскому посланнику» [26].

Позиция Греции в том момент вполне устраивала Б. Муссолини, ибо его армия пока была не готова к войне. В августе 1939 г. Метаксас отвечал на вопросы итальянского посла в Афинах Градди. На вопрос «Что будет делать Греция, если Англия потребует предоставления ей греческих гаваней?» Метаксас отметил, что этот шаг

означал бы отказ Греции от политики нейтралитета и, соответственно, войну с Италией. «Но о такой линии действий мы и не помышляем, и поэтому нам нет нужды рассматривать её» [27].

Официальный Рим также со своей стороны заверял Афины в собственных мирных намерениях. Итальянское правительство давало понять, что при некоторых условиях возможен отвод итальянских войск от греческо-албанской границы. Также Италия заявляла о своей готовности оказать содействие в реорганизации и модернизации греческих вооруженных сил.

Муссолини был миролюбив только на словах. На деле же Рим вынашивал планы захвата Греции с целью дальнейшего укрепления позиций Италии в Балкано-Средиземноморском регионе и вытеснения из него Великобритании. В августе 1939 г. дуче отдал указание подготовить план вооруженного нападения на Грецию.

Несмотря на начало мировой войны в сентябре 1939 г., ситуация на юге Европы оставалась достаточно спокойной. Предложение Рима заключить договор о ненападении между Италией и Грецией было с подачи англичан отвергнуто Метаксасом. Тем самым, попытка Муссолини оторвать Грецию от Великобритании провалилась. Однако отношения между Грецией и Италией продолжали оставаться ровными.

Политика Великобритании на Балканах в этот период была детерминирована стремлением обеспечить нейтралитет Италии. В совместном документе постоянных военных представителей западных союзных держав от 28 сентября 1939 г. говорилось о необходимости удержать Италию от вступления в войну на стороне Германии и создать нейтральный блок балканских государств, сохраняющих дружественные отношения с Великобританией и Францией. Отправка войск в греческие Салоники допускалась только в случае прямой просьбы со стороны Греции и предварительного согласия Италии [28]. В конце мая 1940 г. был разработан детальный план высадки англо-французских войск на острове Крит, который мог быть осуществлен в случае нападения Италии на Грецию [29]. В начале 1940 г. Лондон заключил с Афинами договор о поставках военных материалов.

В 1939–1941 гг. значительно активизировалась деятельность британской разведки в Греции. Секретные службы из Туманного Альбиона строили долгосрочные планы на случай оккупации страны, а также занимались антиитальянской пропагандой. Разведывательная сеть создавалась под прикрытием бизнеса. Был завербован ряд видных представителей британской общины в Греции, которые были объединены в группу под кодовым названием «Апостолы». Территория Греции использовалась как канал для доставки секретных грузов (в частности, взрывчатки) в страны Юго-Восточной Европы [30].

В случае если правительство Метаксаса не будет оказывать сопротивление немецкому вторжению, британские секретные службы планировали организовать государственный переворот с целью смещения диктатора. Аналитики из разведки также опасались, что даже если Метаксас и будет бороться с немцами, то «от его правительства не будет толку в качестве правительства в изгнании: немецкая пропаганда не оставила бы от его репутации камня на камне, обнажив всю подноготную» [31].

В начале лета 1940 г. администрация Рузвельта приходит к выводу, что безопасность Америки поставлена под серьезную угрозу и США должны готовиться к войне [32]. Соединенные Штаты также не оставляли попыток содействовать сохранению мира в регионе. Американская дипломатия предприняла серьезные усилия с целью не допустить вступление в войну Италии [33].

США внимательно отслеживали ситуацию вокруг Греции. Президент предполагал поручить американскому послу в Греции Линкольну Маквею посетить со специальной миссией патриархов греческой православной церкви и обсудить с ними вопросы мира. Однако Госдепартамент, изучив данный вопрос, пришел к выводу о нецелесообразности проведения подобной акции ввиду возможных негативных политических последствий. В Вашингтоне также учитывали чрезвычайную малочисленность приверженцев православной греческой церкви в США [34].

Британская дипломатия стремилась убедить США в бескорыстности возможной английской помощи Греции. Английский посланник в Греции Майкл Палэйрет во время беседы со своим американским коллегой Линкольном Маквеем уверял, что Великобритания не собирается занимать какие-либо стратегические пункты в этой стране [35].

Обстановка на Балканах начинает меняться в середине 1940 г. Победы Германии с 9 апреля по 22 июня 1940 г. в Европе изменили всю мировую стратегическую ситуацию [36]. Усиливается экономическое и пропагандистское присутствие Германии в государствах региона. Балкано-Средиземноморский регион всё чаще начинает рассматриваться как зона германских территориальных устремлений. Падает престиж Великобритании.

Нацистская Германия усилила дипломатический нажим на Грецию. Германской миссии в Греции была направлена инструкция, в которой говорилось о необходимости заставить Афины отказаться от торговли с Великобританией. Во время беседы 13 августа Метаксас в ответ на данное предложение германского посланника Эрбаха сказал твёрдое «нет». Греческий премьер отметил, что его правительство не может отойти

от своей традиционной политики, ибо «по отношению к Греции Англия ещё занимает господствующую позицию в Восточном Средиземноморье» [37].

Установления германского господства в регионе опасался и Муссолини, который решил опередить Гитлера. Оформляется стратегия Рима – двойной удар по интересам Великобритании в Средиземном море – в Греции и Египте.

Британская разведка регулярно получала сведения о подготовке нападения на Грецию. Разведывательные данные свидетельствовали о быстром увеличении численности итальянских вооруженных сил в Албании. 31 мая 1940 года на заседании Союзнического верховного военного совета в Париже была достигнута договоренность в случае итальянской агрессии против Греции не допустить захвата Крита неприятелем [38]. Черчилль 28 августа дал указание подготовить предложения по переброске четырех эскадрилий тяжелых бомбардировщиков в Египет, которые могли бы оперировать с передовых баз в Греции. Премьер-министр предполагал использовать греческие аэродромы для налетов на Италию в случае, если Греция вступит в войну [39].

Лондон использовал греческий фактор в диалоге с Вашингтоном с целью ускорить принятие американцами решения об оказании помощи Великобритании. В телеграмме Рузвельту от 27 августа 1940 г. Черчилль обосновывал необходимость срочной помощи его стране угрозой Греции со стороны Италии: «Г-н президент, этот вопрос приобрёл особую остроту ввиду угроз Муссолини в отношении Греции в последнее время. Если этот вопрос будет решён двусторонним путем в духе доброжелательности, то даже сейчас, может быть, ещё удастся спасти эту маленькую историческую страну от вторжения и порабощения» [40]. В итоге сделка «базы в обмен на эсминцы» состоялась, явившись преддверием к масштабной программе военной помощи.

В начале сентября Лондон подтвердил свои гарантии Греции. 5 сентября 1940 г. министр иностранных дел Галифакс, выступая в палате лордов, заявил, что Великобритания выполнит свои обязательства перед Грецией [41].

Риму в это время удалось добиться согласия Берлина на итальянскую экспансию в Балкано-Средиземноморском регионе. В первой половине сентября состоялась встреча Риббентропа и Муссолини, на которой Средиземное море и Балканы были признаны сферой влияния Италии. 15 октября 1940 г. был утверждён секретный план нападения на Грецию.

Подготовка Италии к нападению на Грецию не была секретом для Великобритании и США. Госсекретарь К. Хэлл получил информацию о готовящемся вторжении 21 октября [42].

В условиях угрозы со стороны Италии греческое правительство обратилось к Соединенным Штатам с просьбой о продаже боевых самолетов. 24 октября, за 4 дня до агрессии Италии, Вашингтон сообщил об отклонении просьбы Греции [43]. Основной причиной отказа стало отсутствие соответствующей законодательной базы. Американская администрация пока еще не была готова к энергичным и, главное, быстрым действиям с целью поддержки стран, сражающихся против «оси».

28 октября 1940 г. Италия предъявила Греции ультиматум, выполнение которого означало фактически потерю последней собственного суверенитета. Одновременно итальянские войска вступили на греческую территорию. Греция стала единственным балканским государством, которое оказала решительное сопротивление «оси». Итальянцы потерпели там очередное поражение. Численность армии вторжения оказалась недостаточной для проведения широкомасштабного наступления. Итальянцы испытывали недостаток боеприпасов, транспортных средств, ощущалась нехватка средств связи [44]. Через две недели боев наступление итальянской армии захлебнулось. Греческая армия перешла в контрнаступление. 21 ноября 1940 г. греческие войска вступили на албанскую территорию.

После начала боевых действий премьер-министр Метаксас немедленно обратился к Великобритании с просьбой оказать помощь военно-морскими и военно-воздушными силами для обороны острова Корфу и Афин [45]. Черчилль ответил генералу Метаксасу: «Мы окажем Вам всяческую помощь, какая только в наших силах. Мы будем сражаться против общего врага и разделим общую победу» [46]. Но это заявление было формальным. В первые дни после итальянского нападения британский премьер считал, что Лондон не имеет ресурсов для оказания существенной помощи грекам [47].

Однако через три дня после нападения позиция Черчилля изменилась. Столь быстрая смена позиции главы британского правительства была вызвана, с одной стороны, политическими причинами, симпатиями грекам в самой Великобритании, с другой – военными соображениями, которые и сыграли главную роль. Политические причины Черчилль изложил в письме А. Идену, в то время – своему представителю на Ближнем Востоке, от 3 ноября. Премьер-министр писал, что «наше общественное мнение больше всего мечтало бы о британском вмешательстве в Греции», и если бы Греция была разбита, то говорилось бы что «несмотря на нашу гарантию, мы позволили еще одному маленькому союзнику быть проглоченным». В военном плане оборона Крита, а также островов Эгейского моря и Афин

была важна для защиты позиций Британской империи в Средиземноморье и Египте. Важным фактором стал отказ Турции от активного военного сотрудничества с Лондоном. Греция в этой ситуации должна была сыграть роль, которую англичане традиционно отводили Турции – гарантировать позиции Британской империи в Восточном Средиземноморье. Премьер-министр стал активным сторонником помощи Греции. 1 ноября Черчилль одобрил инициативу направить в Грецию символическое подкрепление в размере эскадрильи [48].

Англичане воспользовались нападением Италии с тем, чтобы закрепиться на Крите – важном стратегическим пункте Восточного Средиземноморья. Британские войска оперативно заняли лучшую гавань на острове, залив Суда. О необходимости закрепиться на Крите Черчилль телеграфировал Идену уже 29 октября. Крит был важен для обеспечения британских интересов в Египте. Черчилль считал, что «захват Крита итальянцами неизмеримо усугубил бы все трудности на Средиземном море» [49]. В заливе Суда предполагалось создать сильную военно-морскую и авиационную базу. Британия создавала на греческой территории аэродромы, которые планировалось использовать не только для помощи греческой армии, но и для нанесения ударов по Италии, а при необходимости – и по нефтяным промыслам в Румынии [50]. Уже спустя два дня залив Суда был занят британскими войсками. Захват важного объекта в Эгейском море укрепил позиции англичан в Восточном Средиземноморье.

3 ноября начальники штабов доложили правительству выработанные предложения, касающиеся помощи Греции. Они считали, что оказание максимальной материальной и моральной поддержки Греции имело «весьма большое значение». План предусматривал отправку в Грецию из Египта еще трех эскадрилий «Бленхэйм», включая самолеты, уже находившиеся в пути, двух эскадрилий истребителей типа «Гладиатор», а также батарей крупнокалиберной и мелкокалиберной зенитной артиллерии. Начальники штабов считали, что «любое увеличение помощи или попытка доставить подкрепления в Грецию ускоренными темпами могли привести к серьезному ослаблению позиций Великобритании в Египте» [51]. Представитель Черчилля на Ближнем Востоке А. Иден высказывал опасения, что неэффективная помощь грекам может оказать негативное влияние на отношения с турками [52], а также поставить под сомнение английское наступление в Северной Африке [53]. В своем дневнике Иден охарактеризовал решение о приоритетной помощи Греции как «стратегическую глупость» [54].

Подготовленный план был реализован: 5 эскадрилий перевели в Грецию. Стране была оказана финансовая помощь. Английская дипломатия предприняла также попытки создать на Балканах антигерманский блок в составе Греции, Югославии и Турции. Однако этот план реализовать не удалось.

А. М. Некрич считал, что в конце 1940 г. англичане не воспользовались благоприятной возможностью развернуть крупные боевые действия на Балканском полуострове [55]. Однако при анализе действий англичан следует учитывать ограниченность ресурсов Британской империи в Средиземноморье в тот период. Даже переброска всего лишь 5 эскадрилий из Египта вызвала на время трудности прикрытия этой страны с воздуха.

Позиция Белого дома определялась общей стратегией США на первом этапе мировой войны. 15 ноября 1940 г. Соединенные Штаты официально объявили о нейтралитете в итало-греческой войне [56]. В то же время американскому послу в Афинах было поручено сообщить греческому правительству, что США сочувствуют борьбе Греции с итальянской агрессией. Заместитель госсекретаря С. Уэллес в беседе с полномочным представителем СССР в Соединенных Штатах К. Уманским 1 ноября 1940 г., характеризуя позицию официального Вашингтона в итало-греческой войне, сказал: «Излишне говорить, что симпатии американского правительства целиком на стороне Греции, обороне которой американское правительство стремится не мешать, а помогать» [57]. Госдепартамент одобрил создание Греческой Ассоциации Военной Помощи [the Greek War Relief Association], которой американцы пожертвовали за год более 5 млн. долл. [58]

Король Греции Георгиос II направил письмо президенту Рузвельту с просьбой о помощи. Монарх писал: «В этот час, когда моя страна занята в трудной и неравной борьбе, вызванной врагом, действия которого мотивируются жестокостью и насилием, я глубоко тронут теплой симпатией и острым интересом, проявленным большой нацией, за судьбы которой Вы в ответе. Благородные американцы в прошлом предоставляли помощь моей стране во все критические моменты ее истории, и недавняя организация Греческой Ассоциации Военной Помощи – дальнейшее доказательство, что проэллинизм продолжает вдохновлять американцев и сегодня в их высоких целях. ...американцы сегодня, знают, что греческая нация снова борется за принципы правды правосудия и свободы, без которой жизнь для нас является невообразимой.

Я желаю уверить Вас, что с помощью Всемогущего мы будем идти вперед, пока наша священная борьба не коронована успехом. Моральный

ная и материальная помощь усилит героическую греческую армию и продвинет ее ближе к победе» [59]. В своем ответном письме греческому королю от 5 декабря 1940 г. президент Соединённых Штатов выразил восхищение смелостью и стойкостью народа Греции, храбро сражающегося с агрессором, и гарантировал, что помощь Америки, которую она оказывает странам, самим себя защищающим, будет распространена и на Грецию [60].

В начале декабря в кабинете военного министра Генри Стимсона состоялось совещание с участием К. Хэлла, посвященное обсуждению ситуации в Европе. Хэлл говорил, что нацисты стремятся к установлению собственного мирового господства и если так дело пойдет и дальше, то война докатится и до Западного полушария. Госсекретарь предположил, что Гитлер придет на помощь Муссолини в Греции. По его словам, «если Гитлер начнет двигаться в этом направлении (т. е. на Юго-Востоке Европы. – *А. К.*), то неизвестно, кому и когда удастся его остановить» [61]. После этого совещания началась работа по подготовке законодательства о ленд-лизе. 17 декабря идею ленд-лиза публично огласил президент Ф. Рузвельт.

Администрация Рузвельта приходит к выводу, что оборона Греции важна, в конечном счете, для обеспечения безопасности США. Вашингтон разрешил военные поставки и отгрузку лекарств в Грецию и объявил, что Греция имеет право на помощь по ленд-лизу, как только будут внесены соответствующие изменения в законодательство [62]. В своем выступлении по радио 29 декабря 1940 г. Рузвельт заявил, что Соединённые Штаты должны быть «великим арсеналом демократии».

В начале января 1941 г. британская разведка получила данные о подготовке германского вторжения в Грецию. Поступавшие сведения свидетельствовали о подготовке переброски германских войск из Румынии через Болгарию к греческой границе [63]. Разведывательные данные соответствовали истине: Германия приступила к подготовке агрессии против Греции. 13 декабря 1940 г. Гитлер подписал директиву об оккупации Греции (план «Марита»). Фюрер опасался, что неудачи итальянцев в Греции могли привести к переходу инициативы от «оси» к англичанам и их союзникам. В письменных ответах на вопросы Советского правительства официальный Берлин квалифицировал попытки Великобритании закрепиться в Греции как угрозу «жизненным интересам Германии на Балканах» [64].

Опираясь на новые данные разведки, британский комитет обороны 8 января принял решение оказать Греции в случае немецкой агрессии максимально возможную помощь. Данное решение обосновывалось политическими мотивами [65]. 10 января Черчилль писал командующему британскими войсками на Ближнем Востоке генералу Арчибальду Уэйвеллу: «Поражение в Греции затмит собой те победы, которые Вы одержали в Ливии, и оно может оказать решающее влияние на позицию Турции...» [66].

Для обсуждения английской помощи Греции в Афины вылетели генерал Уэйвелл и главный маршал авиации Лонгмор. Они провели переговоры с генералом Метаксасом и главнокомандующим греческими вооруженными силами генералом Александросом Папагосом. Греческое правительство дало понять, что такая высадка была бы желательна, если численность войск будет достаточной для проведения наступательных операций [67]. Во время встречи в Афинах с Уэйвеллом Метаксас настаивал, чтобы английские силы, направляемые на Салоникский фронт, были достаточно эффективны. Уэйвелл ответил, что Англия сможет послать в Грецию не более двух-трех дивизий и не раньше, чем через два месяца [68]. По мнению генерала А. Папагоса, англичане должны были направить не менее 9 дивизий с соответствующей поддержкой с воздуха [69]. Черчилль, учитывая печальный опыт 1940 г., в первую очередь предполагал укрепить греческие войска авиацией и механизированными подразделениями [70]. Англичане предлагали направить в Грецию 3 эскадрильи истребителей, 2 эскадрильи бомбардировщиков, а также танки и артиллерию [71]. Матексас заявил Уэйвеллу, что английские войска не следует посылать до тех пор, пока Лондон не будет иметь возможность направить контингенты, достаточные для наступления в Салониках. Отказ диктатора был обусловлен пониманием того, что немногочисленные английские войска не смогут оказать сколько-нибудь существенного сопротивления немцам, в то же время наращивание английского военного присутствия в Греции могло дать повод Германии для агрессии против его страны. Однако Метаксас 29 января 1941 г. скоропостижно умер и позиция греческого правительства вскоре изменилась. Новый премьер-министр Александрос Коризис предоставил самой Великобритании право решать вопрос о том, следует ли направить в Грецию английские войска и если следует, то когда [72].

Первоначально английские высшие военные руководители скептически относились к идее помощи Греции. Подобные оценки были характерны не только для англичан. 19 февраля представитель американского президента полковник У. Донован в Каире провел переговоры с английским министром иностранных дел А. Иденом, начальником имперского генерального штаба генералом Дж. Диллом и Уэйвеллом. Обсуждалась

проблема организации балканского фронта против «оси» с привлечением Греции и Турции. Донован дал собственную оценку стратегической ситуации на Балканах [73]. Он считал, что направление британских экспедиционных войск в Грецию может быть эффективным при условии, если эта акция будет поддержана Турцией, Югославией и, возможно, Болгарией [74].

22 февраля в Афины в сопровождении генерала А. Уэйвелла, Дж. Дилла и других офицеров вылетел министр иностранных дел Великобритании Антони Иден. По итогам переговоров с политическим и военным греческим руководством Иден получил согласие греков на переброску английских войск на условиях Лондона [75]. В подготовленном Комитетом начальников штабов для военного кабинета докладе были проанализированы последствия победы немцев в Греции. Военные штабы считали, что, оккупировав Грецию, Германия получила бы морские и воздушные базы, с которых могла бы угрожать Великобритании в Восточном Средиземноморье и «подготовила бы условия для продвижения через Малую Азию и далее за её пределы». Рейх также обеспечил бы себе пути подвоза нефти. Начальники штабов сделали вывод: несмотря на угрозу поражения, «этот план следует реализовать» [76]. 24 февраля британский военный кабинет единодушно принял решение оказать помощь Греции. 4 марта началась отправка передовых английских частей из Египта в Грецию. Разработанный англичанами план военной помощи Греции получил кодовое обозначение «Ларс».

Ситуация вокруг Греции вызывала серьезную озабоченность и в Соединенных Штатах. К. Хэлл отмечает в своих мемуарах, что с начала января 1941 года к нему отовсюду приходила информация о намерениях Гитлера напасть на Грецию, чтобы помочь Муссолини [77].

Белый дом в очень сложной международной ситуации стремился активней участвовать в делах Европы. В рамках данного курса в Европу были направлены два личных представителя президента, которые являлись друзьями президента, – в конце декабря 1940 г. полковник Уильям Донован в Юго-Восточную Европу, а в начале января 1941 г. министр торговли Г. Гопкинс в Англию. В Лондоне Гопкинс беседовал с У. Черчиллем, А. Иденом. Посланник президента сказал Черчиллю: «Президент твердо решил, что мы должны выиграть войну вместе» [78]. Премьер считал, что «Греция потеряна», «Гитлер не допустит дальнейших поражений Муссолини и сейчас готовится к наступлению, которое должно привести к неизбежным результатам». Черчилль осознавал, что разгром англичан в Греции будет сильным ударом по британскому престижу, и поэтому намеревался готовить к подобному развитию событий английскую общественность [79]. Однако английский премьер считал, что эффект от потери Греции будет частично нейтрализован разгромом итальянцев в Африке, в чем Черчилль не сомневался. Великобритания и дальше намеревалась контролировать Средиземное море и Суэцкий канал, оберегая их от Германии [80]. Гопкинс и Иден обсудили проблему проникновения немцев на Балканы [81].

В середине января в Афины в качестве представителя американского президента прибыл личный друг Рузвельта полковник Уильям Донован. Он находился в Греции с 15 по 17 января 1941 г., изучая ситуацию в стране. Полковник провел переговоры с греческим королем Георгиесом II, премьер-министром Метаксасом и главнокомандующим вооруженных сил Папагосом. Метаксас опасался, что Германия в ответ на британские попытки закрепиться в Греции попытается захватить Салоники. Посланцу из Вашингтона вновь была высказана просьба о поставке обмундирования для греческой армии и вооружений [82]. Премьер-министр был уверен, что немцы нападут на Грецию. Донован внушал руководителям Греции мысль о серьезности намерений Соединенных Штатов поддерживать демократические государства, которые сражаются с «осью» [83].

У. Донован во время своего дипломатического турне по балканским странам заверял правительства, что США всецело находятся на стороне Великобритании и крупнейшие англосаксонские государства намерены затянуть войну на длительный срок. «Рузвельт, – говорил Донован, – не сомневается в поражении Германии». Находясь с визитом в Болгарии, посланник американского президента стремился убедить болгарское правительство не потворствовать агрессии Германии против Греции. «Рузвельт хочет, чтобы Болгария не выступила против Греции и пропускала бы немецкие войска через свою территорию» [84]. Действия полковника также должны были вызвать в Берлине опасения в возможности вмешательства США в дела региона [85].

Англичане высоко оценили секретную миссию Донована. А. Иден в беседе с Г. Гопкинсом во время визита последнего в Лондон назвал её «чрезвычайно полезной» [86]. Английский король в послании президенту писал, что переговоры У. Донована имели «превосходный эффект» [87].

Вашингтон очень внимательно следил за англо-греческим переговорным процессом по поводу оказания Лондоном военной помощи Греции. Линкольн Маквей из надежных источников получал достоверную информацию о переговорах и немедленно направлял её в Госдепартамент. Американский посол установил доверительные отношения с руководителями Греции. Маквей регулярно общался с греческим королем, полу-

чая от него ценную информацию, в том числе сугубо конфиденциального характера. Например, король сообщил Маквею о секретном визите английских военных руководителей в Грецию 22 февраля [88]. Изучалась реакция греков на обещания американской помощи. В телеграмме для госсекретаря от 17 января Маквей подробно охарактеризовал ход англо-греческих переговоров. Американский посол считал, что «Британское давление на Грецию... подкрепляется здесь растущей верой в... подавляющую эффективность американской помощи, но его успех в данный момент будет, несомненно, также зависеть от результатов, полученных британской военной миссией в Турции, которая, как я информирован, прилагает усилия, чтобы обеспечивать активное участие в войне этой страны» [89]. Информация по ситуации в Греции поступала в Вашингтон также из американских дипломатических представительств в других государствах, в частности в Болгарии [90].

Греческое правительство 3 марта через посла Маквея высказало строго конфиденциальную просьбу в случае разрыва дипломатических отношений с Румынией и Болгарией представлять греческие интересы в этих странах [91]. В ответе на запрос посла Хэлл сообщил о решении уполномочить американские миссии в Бухаресте и Софии временно охранять интересы Греции в случае необходимости [92]. Данный факт свидетельствовал об установлении доверительных отношений Вашингтона и Афин.

Между тем ситуация на Балканах все более накалялась. 8 февраля был подписан германо-болгарский договор о дружбе, в соответствии с которым Болгария получала право расширить собственную территорию за счет Фракии и Северной Македонии. 1 марта Болгария присоединяется к «оси», а ее армия сосредотачивается вдоль греческой границы. Дорога Германии для агрессии против Греции была открыта. 2 марта А. Иден и генерал Дж. Дилл вновь прибыли в Афины, вернувшись с неудачных для англичан переговоров с Турцией. Переговоры с греками по военным вопросам возобновились. Американский посол в Турции Мюррей сообщил госсекретарю, что по согласованию с Великобританией Турция не объявит войну Германии даже в случае немецкого вторжения в Грецию [93]. В это время начальники штабов в Лондоне констатировали, что «риск, связанный с этой операцией, значительно увеличился» [94].

Уклончивая позиция Анкары поколебала уверенность Черчилля, который писал А. Идену: «...кабинет сомневается в том, что мы в состоянии что-либо сделать теперь, чтобы спасти Грецию от ожидающей её участи, если только Турция и(или) Югославия не вступят в войну, что представляется маловероятным. Потеря Греции и Балкан отнюдь не явится для нас серьёзной катастрофой, если только Турция будет честно сохранять нейтралитет» [95].

Английский военный кабинет 5, 6 и 7 марта вновь обсуждал греческий вопрос. Окончательное решение об отправке войск в Лондоне было принято только после получения 7 марта 1941 г. телеграммы А. Идена. Глава Форин-офиса писал: «Поражение Греции без всякой попытки с нашей стороны спасти ее путем вмешательства в наземные операции после того, как у нас для этого освободились силы в результате побед в Ливии, о чем знает весь мир, явилось бы величайшей катастрофой... Не подлежит сомнению, что наш престиж пострадает, если мы будем бесславно изгнаны оттуда, но во всяком случае то, что мы сражались и страдали в Греции, меньше повредило бы нашему престижу, чем если бы мы оставили Грецию на произвол судьбы... При существующих обстоятельствах мы все сходимся на том, что надо следовать принятому курсу и оказать помощь Греции» [96]. Военная помощь Греции напрямую связывалась с возможностью удержать позиции в Северной Африке. У. Черчилль в своих мемуарах подчеркивал: «Фланг в Пустыне был той осью, на которой держалось все остальное, и никто не мыслил о том, чтобы потерять его или рискнуть им ради Греции или чего бы то ни было на Балканах» [97].

10 марта Черчилль проинформировал президента Рузвельта о принятом решении оказать помощь Греции [98]. У. Донован охарактеризовал решение британского кабинета как «смелое» [99].

В Грецию прибыли английские экспедиционные силы в составе английской 1-й бронетанковой бригады, новозеландской дивизии и австралийской 6-й дивизии. Командующим британскими войсками в Греции был назначен генерал-лейтенант Генри Вильсон. Великобритания предприняла попытку создать Балканский фронт против «оси», но численность экспедиционных войск была явно недостаточной для оказания эффективного сопротивления немецким войскам. Кроме того, британские войска оказались неподготовленными к войне в гористых районах Греции, не хватало танков и зенитных орудий [100].

Поражения итальянцев в Северной Африке, эффективное сопротивление Греции, колебания Анкары и переворот Симовича в Белграде, казалось бы, открывали в конце марта новую перспективу. У. Черчилль предполагал создать объединенный фронт в Греции и Югославии. Поддержка со стороны Турции обеспечила бы достаточные людские ресурсы для возобновления борьбы против «оси» непосредственно на Европейском континенте [101].

Начало контрнаступления Роммеля 30 марта в Северной Африке спутало карты англичанам. Численность экспедиционных сил, направляемых в Грецию, была значительно уменьшена.

11 марта американский посол в Греции Л. Маквей сообщил в Вашингтон, что нападение немцев на Грецию ожидается в течение месяца [102]. 27 марта Черчилль писал Рузвельту: «В существующей ситуации мы должны сделать все, что мы можем, чтобы помочь, и поощрять элементы, готовящиеся сопротивляться немецкому проникновению» [103]. В традиционном английском обзоре военной ситуации в Европе от 5 апреля, который ежедневно направлялся в Вашингтон, говорилось о неизбежности германского нападения на Югославию, которое, возможно, будет объединено с агрессией против Греции [104].

В начале 1941 г. Соединенные Штаты начали военные поставки в Грецию. Джеймс Бернс пишет о действиях Рузвельта в этот период: «Неспособный к активным действиям из-за сопротивления конгресса, неадекватного вооружения и собственных сомнений, он, тем не менее, пытался что-то предпринимать... Президент поочередно пользовался угрозами, взятками в виде поставок по ленд-лизу, моральным увещеванием и дружескими советами» [105].

После нападения Италии греческое правительство обратилось к американцам с просьбой поставить 60 современных боевых самолетов. 20 ноября 1940 г. Вашингтон пообещал грекам поставить 30 современных истребителей Р-40. Однако выполнение обещания затягивалось. Греки были готовы немедленно оплатить покупку и предлагали собственные суда для доставки груза [106]. В декабре Великобритания, которая настаивала, чтобы новые модели самолетов продавались только ей, дала обещание выделить Греции 30 самолетов, принадлежавших её военно-воздушным силам в Египте. Соединенные Штаты должны были компенсировать эти самолеты, при этом до Басры они должны были доставляться на американских судах [107]. Переговоры по данному вопросу тянулись несколько месяцев. Первоначально камнем преткновения стал вопрос о способе доставки указанных самолетов. Юридическая экспертиза, проведенная специалистами Госдепартамента и Министерства юстиции, показала, что предложение о доставке самолетов на американских судах противоречит действующему законодательству, в частности закону о нейтралитете [108]. К тому же, уже 14 января Лондон, сославшись на острую потребность в самолетах на Британских островах, дал понять, что поставка в Грецию 30 самолетов может быть отложена [109]. Через несколько дней Лондон уведомил греков о том, что поставка самолетов отложена фактически на неопределенный срок [110].

30 декабря 1940 г. греческое правительство направило в Вашингтон новую просьбу о поставке в Грецию ряда боеприпасов для артиллерии (калибра 57 мм, 75, 105 и др.) [111]. В ответе американского правительства, подписанного заместителем госсекретаря Самнером Уэллесом, говорилось об отсутствии излишков по снарядам для артиллерии. Одновременно греческому правительству давалось понять о возможности продолжения диалога в конфиденциальном порядке с соответствующими военными специалистами [112]. Вскоре излишки были найдены [113].

12 февраля новый премьер-министр Коризис обратился к американскому правительству с просьбой ускорить военные поставки. К этому времени Греция получила от США только 2000 снарядов для 57-миллиметровых орудий [114]. Э. Стеттиниус писал в своих мемуарах: «Ко времени принятия закона о ленд-лизе у нас хватило времени только на то, чтобы быстро отправить грекам оказавшиеся под рукой оружие и боеприпасы. В первую очередь им были нужны самолеты-истребители и артиллерия, приспособленная для боев в горах. Отправка в Грецию 75-миллиметровых орудий и снарядов была лишь небольшим нашим вкладом в дело помощи этой стране» [115].

11 марта 1941 г., через три часа после подписания Закона о ленд-лизе, Рузвельт подписал еще две директивы, направленные на претворение в жизнь закона. Директива № 2 объявляла жизненно важной для национальной обороны Соединенных Штатов защиту Греции и санкционировала передачу грекам 50 75-миллиметровых пушек и 150 000 снарядов, а также 30 000 снарядов для 155-миллиметровых полевых орудий, которые греки использовали в горных боях с итальянцами [116].

15 марта президент, выступая перед членами Ассоциации корреспондентов Белого дома, говорил об угрозе замены демократии рабством. «Британцам и их греческим союзникам нужны суда. Из Америки они получат суда. Им нужны самолеты. Из Америки они получат самолеты. Им необходимо продовольствие. Из Америки они получат продовольствие. Им нужны танки, пушки, боеприпасы и поставки всех типов. Из Америки они получат танки, пушки, боеприпасы и поставки всех типов» [117].

23 марта ФДР сообщил о своем решении передать Греции 60 полевых 155-миллиметровых гаубиц, 50 75-миллиметровых пушек и снаряды к ним, 50 автомобилей, 40 тракторов, которые ранее предназначались для Великобритании [118]. 28 марта от Рузвельта пришло указание отправить в Грецию 30 новых истребителей, предназначенных до того для Англии, согласно акту о ленд-лизе. Госсекретарь К. Хэлл сообщил о решении президента Маквею 31 марта [119].

Тогда же был составлен план передачи Греции дополнительно некоторого количества тех военных самолетов и орудий, которые должны были быть произведены в ближайшее время. Часть истребителей, приготовленных для Англии, была доставлена на корабль, отплывший 1 апреля из Нью-Йорка в Средиземное море, остальные пошли по назначению через 4 дня. Снаряды к 75-миллиметровым орудиям были отправлены только 16 апреля, на корабле, где были также запасные моторы к самолетам-истребителям [120].

Сразу после нападения Германии греческое правительство обратилось к американцам с просьбой в срочном порядке поставить боеприпасы для артиллерии, в которых греки испытывали острую нужду. Также Афины просили ускорить отгрузку 60 155-миллиметровых гаубиц. Вашингтон обещал рассмотреть просьбу греков в кратчайший срок [121]. Подробный ответ на просьбу Греции с обещаниями дальнейших военных поставок был отправлен американцами 16 апреля, за 11 дней до занятия Афин немецкими войсками [122]. Помощь Соединенных Штатов явно запоздала.

6 апреля 1941 г. 12-я немецкая армия начала военные действия в Югославии и Греции. В момент нападения Германии в Греции находилась английская 1-я бронетанковая дивизия, новозеландская дивизия, прибывали головные части 6-й австралийской дивизии. 15 апреля британские источники признали, что греческие и британские войска отступают под напором вермахта [123]. 16 апреля греческое правительство приняло решение готовиться к эвакуации из Афин. После капитуляции 17 апреля Югославии положение Греции стало безнадежным. В греческих правящих кругах росли пораженческие настроения. 18 апреля премьер-министр Коризис покончил жизнь самоубийством. После занятия 27 апреля 1941 г. Афин немецкими войсками с согласия греков началась эвакуация британских войск. Греческое правительство и король эвакуировались на остров Крит.

Рейх начал подготовку десантной операции по захвату острова. Английская разведка смогла получить точные данные о подготовке немецкой операции против Крита. Собранная разведывательная информация была представлена кабинету 28 апреля [124]. Для Германии овладение Критом было стратегически важной операцией, ибо этот остров мог служить базой для будущих воздушных операций против Британии в Восточном Средиземноморье [125].

Битва за Крит продолжалась с 20 мая по 1 июня. Американский посол в Египте Кирк доложил Хэллу 27 мая об обстановке на Крите, которую он охарактеризовал как «чрезвычайно серьезную, если не отчаянную». 30 мая Кирк сообщил о начале эвакуации английских войск с острова [126]. К началу июня 1941 г. Греция была полностью оккупирована германо-болгаро-итальянскими войсками. Западные историки отмечают, что сопротивление в Греции и оборона острова Крит задержали реализацию германских планов в Сирии и Ираке [127].

25 апреля Ф. Рузвельт выступил с заявлением: «Вне зависимости от временного результата текущей стадии войны в Греции, я полагаю, что греческий народ, в конечном счете, вновь победит и восстановит свою политическую независимость и территориальную целостность своей страны. В этой высокой цели греческий народ и его правительство могут рассчитывать на помощь и поддержку правительства и народа Соединенных Штатов» [128].

Американский президент полностью поддержал политику англичан в отношении Греции. 1 мая Рузвельт поблагодарил Черчилля: «Вы проделали не только героическую, но и очень полезную работу в Греции, и территориальные потери более чем компенсируются результатом огромных потерь немцев в живой силе и технике» [129]. В то же время американский президент не скрывал своего пессимизма относительно перспектив англичан в районе Средиземного моря. В послании от 10 мая Рузвельт высказал мнение о том, что успехи Гитлера в Средиземноморье еще не означают поражение их коалиции. Решающее значение имеет битва за Атлантику [130].

Подведем итоги. Политика Лондона в Греции до агрессии Италии была очень осторожной, ибо англичане не хотели создавать еще один военный очаг в сложной для себя ситуации. Оборона Греции после агрессии Италии, а затем и Германии, рассматривалась Великобританией в контексте защиты собственных интересов в Средиземноморье и в Египте. Своей политической линией в отношении Греции Лондон стремился не только решить задачу обороны от агрессивных действий стран «оси», но и сохранить собственное влияние в регионе.

Однако Великобритания не имела в Восточном Средиземноморье достаточных ресурсов для ведения войны на двух фронтах – в Северной Африке и на Балканах. В той критической ситуации Лондон определил собственные стратегические приоритеты – оборона Северной Африки важнее защиты Греции.

В условиях, когда возможности Великобритании были ограничены, Греция активно искала поддержку других великих держав. Роль Соединенных Штатов в этой ситуации заметно возрастала. В течение 1939–1941 гг. Вашингтон уделял все больше внимания событиям в Балкано-Средиземноморском регионе и в Греции в частности. Активность американской дипломатии была

направлена на недопущение установления господства «оси» в этом регионе. Агрессия Италии против Греции способствовала заметному росту внимания американской дипломатии к этой стране. Если ещё в 1939 г. главной заботой американского посла в Афинах были экономические вопросы, в частности заключение торгового договора Соединенных Штатов с Греций, то в 1940–1941 гг. фокус внимания переместился в политическую и военную сферы. Американское посольство в Афинах постоянно отслеживало внутриполитическую ситуацию в Греции, а после нападения Италии – ход боевых действий, переговорного процесса по вопросу оказания англичанами помощи грекам. Вашингтон осудил действия Италии и оказывал сначала моральную, а затем и материальную помощь грекам. Таким образом, греческий фактор сыграл определенную роль в процессе втягивания Соединенных Штатов в европейские дела.

Однако в этот период ярко проявились недостатки американской политики того периода. Так, наблюдалось явное запаздывание реакции американцев на события в Европе. Греции, которая подверглась агрессии со стороны Италии, Вашингтон первоначально смог предложить только моральную и дипломатическую поддержку. Первые военные поставки по ленд-лизу начались за несколько дней до германского вторжения и уже не смогли сыграть какой-либо роли.

Соединенные Штаты стремились проводить самостоятельную политику, однако у Вашингтона недоставало рычагов воздействия на ситуацию. Попыткой вмешательства в европейскую ситуацию стали миссии личных друзей президента Гарри Гопкинса и Ульяма Донована. Влияние США в регионе постепенно возрастало. Между Вашингтоном и Афинами были установлены доверительные отношения.

В 1939–1941 гг. в значительной степени меняется характер англо-американского взаимодействия. В этот период закладываются основы долгосрочного англо-американского военного и экономического сотрудничества, Соединённые Штаты стремятся вести игру по собственным правилам. В американо-британском взаимодействии Лондон стремился использовать мощь США для защиты собственных стратегических интересов. Вашингтон же вырабатывает внешнеполитическую стратегию, основанную на американских национальных интересах. ФДР говорил своему сыну летом 1941 г.: «Мы должны с самого начала ясно сказать англичанам, что мы не намерены быть просто добрым дядюшкой, которого Британская империя может использовать, чтобы выбраться из трудного положения, и потом навсегда забыть... Америка не будет помогать Англии в этой войне только для того, чтобы дать ей возможность по-прежнему беспощадно подавлять колониальные народы» [131].

Греция в этот период ещё не занимала сколько-нибудь заметное место в дипломатическом взаимодействии двух стран. Лондон использовал греческий фактор в рамках усилий по втягиванию США в войну, с целью переложить на них долю тяжести по обороне позиций Британии в Восточном Средиземноморье. Главным вопросом стала проблема военной мощи Греции со стороны США и Великобритании. Уже в этот период наметились признаки расхождения позиций двух лидеров Запада: их интересы и, соответственно, внешнеполитические стратегии в Юго-Восточной Европе существенно различались.

Примечания

1. *Шкудов, Ф. И.* Англо-американская интервенция в Греции в период второй мировой войны [Текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук / Ф. И. Шкудов. М., 1952.

2. *Чемпалов, И. Н.* Англо-американская политика поощрения итало-германской фашистской агрессии в Греции [Текст]: дис. ... канд. истор. наук / И. Н. Чемпалов. М., 1953.

3. *Брагинский, В. М.* Политика Англии в Греции накануне и в первый период второй мировой войны (октябрь 1938 – май 1941 года) [Текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук / В. М. Брагинский. М.: МГУ, 1965.

4. *Некрич, А. М.* Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938 – сентября 1939) [Текст] / А. М. Некрич. М.: Изд-во АН СССР, 1955; Некрич, А. М. Внешняя политика Англии 1939–1941 гг. [Текст] / А. М. Некрич. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

5. *Чевтаев, А. Г.* Политика Великобритании в Средиземноморье в годы второй мировой войны (1939–1943 гг.) [Текст] / А. Г. Чевтаев. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.

6. *Franklin, D.* Roosevelt Digital Archives (далее – FDRDA) [Electronic resource] – режим доступа: http://www.fdrlibrary.marist.edu/, свободный.

7. *Кирьякидис, Г. Д.* Греция во второй мировой войне [Текст] / Г. Д. Кирьякидис. М.: Наука, 1967. С. 39.

8. Документы внешней политики СССР (далее – ДВП) [Текст]. Т. 22. Кн. 1. – С. 433.

9. Peace and War: United States Foreign Policy, 1931-1941 [Text]. Washington: United States Government Printing Office, 1943. P. 447-449.

10. *Franklin D.* Roosevelt Digital Archives (далее – FDRDA). PSF. Box 32. British Embassy-->FDR and Sec. of State 2/28/39 [Electronic resource] – режим доступа: http://www.fdrlibrary.marist.edu/psf/box32/t304j02.html, свободный.

11. FDRDA. PSF. Box 32. Lord Halifax-->FDR 3/23/39 [Electronic resource] – режим доступа: http://www.fdrlibrary.marist.edu/ psf/box32/t304n01.html, свободный.

12. Foreign relations of the United States (далее – FRUS) [Text]. 1939. Vol. 2. P. 375.

13. Peace and War: United States Foreign Policy, 1931–1941 [Text]. P. 454.

14. *Dallek, R.* Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945 [Text] / R. Dallek, D. Franklin. N.Y., 1979. P. 185.

15. *Franklin, D.* Roosevelt: 1933–1945. 57 Message to Adolf Hitler and Benito Mussolini, April 14th, 1939 [Electronic resource] – режим доступа: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/, свободный.

16. *Mosley, L.* On borrowed time: How World War II began [Text] / L. Mosley. N.Y.: Random House, 1969. P. 215-216.

17. FRUS. 1939. Vol. 2. P. 390-391.

18. FRUS. 1939. Vol. 2. P. 383.

19. *Черчилль, У.* Вторая мировая война [Текст] : в 6 т.: пер. с англ. / У. Черчилль. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1995. Т. 1. С. 165.

20. FRUS. 1939. Vol. 2. P. 392.

21. Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы [Текст] : в 2 т. Т. 1. 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. М.: Политиздат, 1990. С. 365.

22. Год кризиса. Т. 1. С. 378; Документы и материалы кануна Второй мировой войны [Текст]: в 2 т. М.: Госполитиздат, 1948. Т. 2. С. 69.

23. Год кризиса. Т. 1. С. 379; Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. С. 69-70.

24. ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 545, прим. 110.

25. ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 436.

26. Там же.

27. Цит. по: *Некрич, А. М.* Внешняя политика Англии 1939–1941 гг. С. 163.

28. *Батлер, Дж.* Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941 [Текст] / Дж. Батлер. М., 1959. С. 81.

29. Там же. С. 286.

30. *Маккензи, У.* Секретная история УСО: Управление специальных операций в 1940–1945 гг. [Текст] / пер. с англ. В.Ф. Мисюченко / У. Маккензи. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. С. 181-183.

31. Там же. С. 187-188.

32. *Fehrenbach, T. R.* F.D.R.'s undeclared War 1939 to 1941. The full story of President Roosevelt's foreign policy and his secret strategy for leading the American public from neutrality to war against the Axis [Text] / T. R. Fehrenbach. N.Y.: David McKay Company, inc., 1967. P. 96.

33. *Hull, C.* The Memoirs of Cordell Hull [Text] : in 2 vols. / C. Hull. N.Y.: The Macmillen Company, 1948. Vol. 1. P. 777-786.

34. Ibid. P. 715-716.

35. FRUS. 1940. Vol. 3. P. 530.

36. См.: *Коваль, В. С.* Политика и стратегия США во второй мировой войне (Проблемы парирования угрозы из Европы до перелома в войне) [Текст] / В. С. Коваль. Киев: Наук. думка, 1987. С. 19.

37. Documents on German Foreign Policy 1918–1945 [Text]. Ser. D (1937–1945). L.: H.M. Stat. off. Vol. 10. № 323. P. 471-472.

38. *Черчилль, У.* Указ. соч. Т. 2. С. 68.

39. Там же. С. 217.

40. Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence [Text] / ed. with a Commentary by Warren F. Kimball: in 3 vols. L., 1984. Vol. 1. P. 67; Lash, J. P. Roosevelt and Churchill, 1939–1941. The Partnership That Saved the West [Text] / J. P. Lash. N.Y.: W.W. Norton&Company, Inc., 1976. P. 216.

41. Parliamentary Debates. House of Lords [Text]. L.: H.M. Stat. off., 1940. Vol. 117. Col. 368-369.

42. Hull, C. Op. cit. Vol. 1. P. 886.

43. FRUS. 1940. Vol. 3. P. 578.

44. *Кавальеро, У.* Записки о войне. Дневник начальника итальянского генерального штаба: Сокращенный перевод с итальянского [Текст] / У. Кавальеро. М.: Военное изд-во Министерства Обороны СССР, 1968. С. 19, 27.

45. *Батлер, Дж.* Указ. соч. С. 344.

46. *Черчилль, У.* Указ. соч. Т. 2. С. 259.

47. Даже 30 октября Черчилль во время совещания с Галифаксом и Эттли сказал: «Было бы глупо и ошибочно давать грекам обещания, которые мы не можем выполнить» (Цит. по: Чевтаев, А. Г. Политика Великобритании в Средиземноморье в годы второй мировой войны (1939–1943 гг.). С. 60-61).

48. *Woodward, L.* British Foreign Policy in the Second World War [text]: in 5 vols. / L. Woodward. L.: H.M. Stat. off., 1970. Vol. 1. 1970. P. 510-511; *Батлер, Дж.* Указ. соч. С. 345-346.

49. *Черчилль, У.* Указ. соч. Т. 2. С. 259-260.

50. Там же. С. 310.

51. *Батлер, Дж.* Указ. соч. С. 346.

52. *Lash, J. P.* Op. cit. P. 255.

53. *Irving, D.* Churchill's war. Vol. 1: The Struggle for Power. P. 483 [Electronic resource] – режим доступа: http://www.fpp.co.uk/books/Churchill/1/, свободный.

54. *Lash, J. P.* Op. cit. P. 255.

55. *Некрич, А. М.* Внешняя политика Англии 1939–1941 гг. С. 403.

56. *Franklin D.* Roosevelt: 1933–1945. 141 Proclamation 2444 on the Neutrality of the United States in the War Between Italy and Greece, November 15th, 1940 [Electronic resource] – режим доступа: // www.presidency.ucsb.edu/ws/, свободный.

57. ДВП. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. С. 9.

58. *Hull, C.* Op. cit. Vol. 1. P. 886.

59. *Franklin, D.* Roosevelt: 1933–1945. 146 Letter from the King of Greece, December 3rd, 1940 [Electronic resource] – режим доступа: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/, свободный.

60. Peace and War: United States Foreign Policy, 1931–1941. P. 594; Franklin, D. Roosevelt: 1933–1945. 147 Reply to the King of Greece, December 5th, 1940 [Electronic resource] – режим доступа: // http://www.presidency.ucsb.edu/ws/, свободный.

61. *Стеттиниус, Э.* Ленд-лиз – оружие победы [Электронный ресурс] – режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/usa/ stettinius/02.html, свободный.

62. *Hull, C.* Op. cit. Vol. 1. P. 886.

63. *Черчилль У.* Указ. соч. Т. 3. С. 15; *Батлер, Дж.* Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. С. 353.

64. Nazi-Soviet relations, 1939–1941. Documents from the Archives of the German Foreign Office [Text]. Wash.: Department of State, 1948. P. 271; ДВП. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. С. 357.

65. *Черчилль, У.* Вторая мировая война. Т. 3. С. 14.

66. Там же. С. 16.

67. Там же.

68. *Некрич, А. М.* Внешняя политика Англии 1939–1941 гг. С. 404.

69. The German campaigns in the Balkans (spring 1941). Wash.: Center of military history United States Army. P. 71. [Electronic resource] – режим доступа: http://www.army.mil/cmh-pg/books/wwii/balkan/intro.htm, свободный.

70. *Irving, D.* Op. cit. Vol. 1: The Struggle for Power. P. 538.

71. *Батлер, Дж.* Указ. соч. С. 354.

72. Отчет о миссии министра иностранных дел Великобритании в Восточное Средиземноморье (февраль – апрель 1941 г.) [Текст] // Чевтаев, А. Г. Политика Великобритании в Средиземноморье в годы

второй мировой войны (1939–1943 гг.). С. 237; *Батлер, Дж.* Указ. соч. С. 360.

73. FRUS. 1941. Vol. 2. P. 647-648.

74. *Некрич, А. М.* Внешняя политика Англии 1939–1941 гг. С. 406.

75. *Черчилль, У.* Указ. соч. Т. 3. С. 45; Отчет о миссии министра иностранных дел Великобритании в Восточное Средиземноморье (февраль – апрель 1941 г.). С. 241-243.

76. *Батлер, Дж.* Указ. соч. С. 411.

77. *Hull, C.* The Memoirs of Cordell Hull. Vol. 2. P. 928.

78. *Черчилль, У.* Указ. соч. Т. 3. С. 18; *Lash, J. P.* Op. cit. P. 276.

79. *Шервуд, Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца [Текст] : пер. с англ. / Р. Шервуд. Т. 1. С. 406-407; *Lash, J. P.* Op. cit. P. 276; Irving, D. Op. cit. Vol. 1. P. 528.

80. *Шервуд, Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 407.

81. Там же. С. 432.

82. FRUS. 1941. Vol. 2. P. 637.

83. FRUS. 1941. Vol. 2. P. 638-639.

84. ДВП. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. С. 358.

85. *Яковлев, Н. Н.* Франклин Рузвельт: человек и политик. Новое прочтение [Текст] / Н. Н. Яковлев. М.: Междунар. отношения, 1981. С. 298.

86. *Шервуд, Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. С. 432.

87. FDRDA. PSF. Box 34. King George-->FDR 2/14/1941 [Electronic resource] – режим доступа: http://www.fdrlibrary.marist.edu/psf/box34/t315h01.html, свободный.

88. FRUS. 1941. Vol. 2. P. 650-651.

89. FRUS. 1941. Vol. 2. P. 637-638.

90. См., например: FRUS. 1941. Vol. 2. P. 649.

91. FRUS. 1941. Vol. 2. P. 655.

92. FRUS. 1941. Vol. 2. P. 659-660.

93. FRUS. 1941. Vol. 3. P. 827.

94. *Черчилль, У.* Указ. соч. Т. 3. С. 58.

95. Там же. С. 58.

96. Там же. С. 59.

97. Там же. С. 108.

98. Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 1. P. 145; Черчилль, У. Указ. соч. Т. 3. С. 60.

99. FRUS. 1941. Vol. 2. P. 662.

100. The German campaigns in the Balkans (spring 1941). P. 80.

101. *Батлер, Дж.* Большая стратегия. 1941–1942 [Текст] / Дж. Батлер, Дж. Гуайер. С. 21-22.

102. FRUS. 1941. Vol. 2. P. 661.

103. Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 1. P. 153.

104. FDRDA. PSF. Box 35. Report on military situation 4/5/41 [Electronic resource] – режим доступа: http://www.fdrlibrary.marist.edu/psf/box35/t319g02.html, свободный.

105. *Burns, J. M.* Roosevelt: The Soldier of Freedom [Text] / J. M. Burns. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1970. P. 64-65.

106. FRUS. 1941. Vol. 2. P. 690.

107. FRUS. 1940. Vol. 3. P. 599; FRUS. 1941. Vol. 2. P. 671.

108. FRUS. 1941. Vol. 2. P. 673.

109. FRUS. 1941. Vol. 2. P. 675-677.

110. FRUS. 1941. Vol. 2. P. 685.

111. FRUS. 1940. Vol. 3. P. 608.

112. FRUS. 1941. Vol. 2. P. 670-671.

113. FRUS. 1941. Vol. 2. P. 672-673.

114. FRUS. 1941. Vol. 2. P. 690-691.\

115. *Стеттиниус, Э.* Ленд-лиз – оружие победы [Электронный ресурс] – режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/usa/ stettinius/03.html, свободный.

116. *Стеттиниус, Э.* Ленд-лиз – оружие победы [Электронный ресурс] – режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/usa/ stettinius/03.html, свободный; FRUS. – 1941. – Vol. 2. – P. 702-703.

117. Address at the White House Correspondents' Association. Dinner, Washington, D. C., March 15, 1941 // Development of United States foreign policy. Addresses and messages of Franklin D. Roosevelt [Text]. Wash.: United States Government Printing Office, 1942. P. 95.

118. FDRDA. PSF. Box 37. FDR-->Secretary of War 3/23/1941 [Electronic resource] – режим доступа: http://www.fdrlibrary.marist.edu/psf/box37/t336b01.html, свободный.

119. FRUS. 1941. Vol. 2. P. 712.

120. *Стеттиниус, Э.* Ленд-лиз – оружие победы [Электронный ресурс] – режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/usa/stettinius/03.html, свободный.

121. FRUS. 1941. Vol. 2. P. 712.

122. FRUS. 1941. Vol. 2. P. 713-714.

123. *Fehrenbach, T. R.* F.D.R.'s undeclared War 1939 to 1941. P. 209.

124. *Черчилль, У.* Указ. соч. Т. 3. С. 142-143.

125. The German campaigns in the Balkans (spring 1941). Wash.: Center of military history United States Army. P. 120-121. [Electronic resource] – режим доступа: http://www.army.mil/cmh-pg/books/wwii/balkan/intro.htm, свободный.

126. FRUS. 1941. Vol. 2. P. 730.

127. *Fehrenbach, T. R.* F.D.R.'s undeclared War 1939 to 1941. P. 210.

128. *Franklin, D.* Roosevelt: 1933–1945. 42 Statement Praising the Resistance of the Greek People, April 25th, 1941 [Electronic resource] – ://www.presidency.ucsb.edu/ws/, свободный; FRUS. 1941. Vol. 2. P. 725.

129. Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 1. P. 179.

130. Ibid. P. 184.

131. *Рузвельт, Э.* Его глазами [Текст] / Э. Рузвельт; пер. с англ. А. Д. Гуревича, Д. Э. Куниной. М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1947. С. 41.

А. А. Костин

ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ НОВОЙ ЮГОСЛАВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПОЛИТИКЕ США ЛЕТОМ 1945 – ВЕСНОЙ 1946 г.

В статье исследуется процесс признания Соединенными Штатами провозглашенной в ноябре 1945 г. Федеративной Народной Республики Югославия.

11 ноября 1945 г. в освобождённой от оккупации Югославии состоялись выборы в Учредительную Скупщину и народный референдум по вопросу о судьбе монархии. 6,5 миллионов человек проголосовали за её отмену, 700 тысяч – против. В выборах участвовало свыше 88% избирателей, 90% голосов получил Народный фронт Югославии, занявший все места в Скупщине, почти 4/5 её депутатов были членами Коммунистической партии Югославии. 29 ноября 1945 г. новая югославская власть окончательно утвердила себя – собрание Учредительной Ассамблеи «в соответствии со свободно выраженной волей народа» упразднило монархию и провозгласило создание Федеративной Народной Республики Югославия. 19 декабря ФНРЮ была признана Советским Союзом [1]. Монополия партизанского маршала Иосипа Броз Тито на власть была подтверждена. Король Пётр II Карагеоргиевич отказался принять «волю народа» и обвинил Тито в проведении режима тирании и фальсификации результатов выборов [2].

Так осенью 1945 г. Соединенные Штаты, способные использовать присутствие своих вооружённых сил в Италии, Австрии и Триесте, а также свой высокий международный авторитет, экономическую и военную мощь, оказались перед необходимостью выработки реалистической и жизнеспособной политики в отношении Югославии. В конце Второй мировой войны США имели достаточно полную информацию о югославской ситуации, но оказались полностью не готовыми к исходу государственно-политических изменений, происходивших в Югославии в ходе борьбы с оккупантами. В течение следующих трёх лет (до конфликта в Коминформбюро в 1948 г.) действия Белграда нередко вызывали дискомфорт в Вашингтоне и являлись причиной беспокойства Государственного департамента.

Создание Федеративной Народной Республики Югославия, ликвидировавшее монархию Карагеоргиевичей, разрушило последние надежды Вашингтона на сохранение американских позиций в этой балканской стране, достигнутых во время войны. Хотя отчёты посольства указали, что внешне голосование было свободным, новому государственному секретарю Джеймсу Бирнсу было доложено, что предвыборные методы запугивания «противоречат нашей концепции свободы» [3].

Наиболее реалистично ситуацию в Югославии оценивал помощник госсекретаря по европейским делам Джеймс Данн. Ещё 26 мая на встрече с главой прежнего югославского правительства Иваном Шубашичем он заявил, что белградским просьбам об американской экономической помощи должно предшествовать изменение политической ситуации в стране. До этого 16 мая Данн убеждал государственного секретаря в необходимости выразить Белграду сильное беспокойство относительно выполнения «соглашения Тито – Шубашича» [4].

Тем не менее в начале июня радужные перспективы сменились в сознании американцев чувством подозрения и негодования. Получив информацию о намерении Белграда обновить состав правительства коммунистическими членами, 4 и 18 июня американский посол в Югославии Ричард Паттерсон и советник посольства Гарольд Шанц констатировали, что «очевидная цель Коммунистической партии, которая скрывалась за фасадом Национального освободительного фронта – это контроль над правительством, чтобы принять законы, которые позволят ей сосредоточить власть в своих руках, и в то же самое время представить западному миру это дело так, будто всё произошло путём свободных выборов» [5].

Администрация президента Гарри Трумэна утвердилась во мнении, что Югославия, возглавляемая Тито, вошла в «советскую сферу влияния». Об этом свидетельствует документ, подготовленный для инструктирования американской делегации перед Берлинской конференцией [6].

В Потсдаме югославский вопрос был поднят в связи с обвинениями Тито британским премьером в невыполнении условий ялтинской Декларации. Сталин потребовал пригласить на обсуждение югославских представителей. На это американский президент сказал: «Если сделать так, нам придётся при решении любой политической трудности выслушивать последовательно представителей каждой страны, включая де Голля, Франко и всех остальных». Трумэн откровенно заявил: «Я не желаю терять время, выслушивая жалобы, я приехал заниматься проблемами трёх союзных правительств. Если мы не перейдём к главным вопросам, я уеду домой» [7].

Интересно, что слова хозяина Белого дома вызвали недовольство британского премьер-министра, а не советского руководителя. Уинстон Черчилль выразил своё недоумение, он считал,

КОСТИН Алексей Александрович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории ВятГГУ
© Костин А. А., 2005

«что Соёдинённые Штаты были заинтересованы в выполнении ялтинского соглашения». Сталин, согласно «Воспоминаниям» Трумэна, не порицая президента, сказал, что тоже хочет домой [8]. Югославское дело было забыто. Время работало на Москву. Вероятно, новый американский президент считал бесполезным требовать от Сталина и Тито выполнения ялтинской Декларации.

По мнению автора книги «Встреча в Потсдаме» Чарльза Ми, «Трумэн сразу понял, что любые дальнейшие переговоры бесполезны, и он признал русскую сферу влияния тем, что отдал Сталину Югославию». Почему президент уступил советскому лидеру, поспешив согласиться с его намерениями? Ми объясняет это так: «Причина поступков Трумэна была понятна: признанием русской сферы он намеревался обезопасить сферу влияния Запада» [9].

В конце июня, услышав от югославского вице-премьера Эдварда Карделя, что его страна стремится к «политической поддержке СССР» и «экономической поддержке Соединенных Штатов», советник Шанц информировал Вашингтон, что Югославия «устремлена прямо к Советской России и тоталитарной экономике» [10].

Надежды Шанца и Паттерсона на послевоенное сотрудничество с Тито стремительно исчезали. Американские дипломаты писали в госдепартамент, что, декларируя установление демократии и свободы предпринимательства, югославские лидеры атакуют частный бизнес, устраивая с помощью тайной полиции ОЗНА (Органы защиты народа) террор против «преуспевающих классов» [11].

Убеждаемый представителями довоенной югославской элиты, Иваном Шубашичем, лидером Сербской демократической партии Миланом Гролом и бывшим министром юстиции Лазарем Марковичем в том, что Тито и Сталин стремятся к коммунизации Югославии, Шанц телеграфировал 14 июля: «Нет никакой надежды относительно свободной демократии. Я убежден, что новые законы станут оформлением тоталитарного коммунистического режима». По его мнению, Берлинская конференция стала «последней возможностью для великих держав, особенно США и Великобритании, поддержать принципы, за которые Грол и немногие другие в правительстве все еще борются» [12].

Летом 1945 г. коммунистический лидер перестал считаться с Шубашичем. Бывшему губернатору Хорватии с каждым днём становилось всё труднее удерживать своё политическое влияние. Он констатировал, что условия его соглашения с Иосипом Броз Тито не выполняются. Англичане, добившиеся компромисса партизан и югославской эмиграции, теперь ничего не могли поделать. Глава партизан прочно держал власть в своих руках. В октябре Шубашич вышел из состава правительства [13].

После Потсдамской конференции возможности дипломатического воздействия на югославскую ситуацию резко сократились. Угнетенные недостатком внимания, уделённого Трумэном и Бирнсом Югославии в Потсдаме, Шанц и Паттерсон пребывали в таком же состоянии, что и их коллеги в Румынии и Болгарии. Предчувствуя введение государственной политики конфискации частной собственности в Югославии, в августе Шанц с уверенностью отмечал, «если мир свободной торговли не вмешается», уничтожение свободы предпринимательства станет действительностью [14].

Советник посольства считал совершенным безумием ожидать, что предстоящие выборы улучшат политические условия. При этом он ссылался на цензуру печати, лишение половины электората избирательных прав согласно новому избирательному закону и вездесущее присутствие агентов и шпионов ОЗНА, которые распространяли по всей стране чувство страха, мало чем отличавшееся от того, которое Шанц чувствовал в России после убийства Кирова в 1934 г. [15]

Шанц был уверен, что правительство Национального фронта и его «безжалостный тоталитарный полицейский режим» были самым обыкновенным «орудием» в руках ЦК КПЮ и что Тито был местным «вождём». Кроме того, он указывал на традиционную политическую пассивность как сербов, так и хорватов, а также на робость Шубашича, который не мог стать политическим лидером для сербов и организовать проявления общественного недовольства.

Шанц убеждал Государственный департамент добиться перенесения выборов с 11 ноября на более поздний срок: «Сейчас мы ничего не можем сделать для несчастного населения Югославии, кроме моральной поддержки для облегчения режима тирании». В конце сентября он просил, чтобы госдепартамент публично потребовал от Белграда создания нового временного правительства и рекомендовал отказать в американском признании в случае, если партизанский лидер воспротивится. Соединенные Штаты «обязаны объяснить миру свою позицию и попытаться возместить вред, который причинили своим участием в установлении власти Тито» [16].

Год спустя Самнер Уэллес писал: «В коалиционном правительстве, созданном под давлением англичан, преобладали коммунисты, которые вскоре устранили все либеральные элементы». Бывший заместитель государственного секретаря констатировал, что «правительство с маршалом Тито во главе с самого начала было управляемо из Москвы». Уэллес признавал исключительность авторитета партизанского лидера в

Югославии: «Нет никаких сомнений, что новое правительство имело много больше народной поддержки, чем правительства, пришедшие к власти в других подвергшихся оккупации странах» [17].

При этом он говорил о своей уверенности, что «установившийся сейчас режим не удержится долго, если советское правительство не намерено силой интегрировать Югославию в закрытую советизированную систему, для чего придётся ликвидировать значительную часть населения». Надежда на такой исход базировалась на особенностях сербского национального характера: «Если в Европе есть люди, которые неоднократно доказывали невозможность покориться иностранному правлению и способность победить чужое доминирование, то это сербы» [18].

Рассуждения Уэллеса соответствовали ситуации конца 1944 г. Подобная логика была характерна для президента Франклина Рузвельта. Отношения Белграда с Москвой, несмотря на подписание договора о дружбе, были омрачены разногласиями при обсуждении формы интеграции Югославии и Болгарии и в отношении политики в Албании, а также отсутствием действенной поддержки Тито со стороны Сталина по проблеме Истрии-Триеста. Маршал Югославии вовсе не был простым сатрапом Кремля. Новый режим пользовался поддержкой большинства населения. Режим хорвата Тито не являлся для свободолюбивого сербского народа проявлением иностранного правления. Таким проявлением могло стать скорее советское, британское или американское вмешательство во внутриюгославскую ситуацию.

Госдепартамент вяло реагировал на предложения посольства в Белграде. Поэтому в конце лета Паттерсон отправился в Вашингтон, где 31 августа он получил одобрение Трумэна на проведение, по словам Де Сантиса, «двурушнической политики» в Югославии, которая включала нелепый план приглашения Тито в Соединённые Штаты «для месяца идеологической обработки», и разрешение на произнесение в Югославии речей в поддержку ялтинской Декларации [19].

В Вашингтоне скептически относились к заключениям Паттерсона и Шанца и требовали, чтобы те консультировались с госдепартаментом перед каждым поступком. Причиной было беспокойство, что любое непродуманное замечание могло воспрепятствовать выполнению соглашения Тито – Шубашича. Несмотря на просьбы белградского посольства ужесточить американскую политику в отношении нового режима, чиновники госдепартамента по-прежнему были твёрдо уверены, что политика невмешательства является наиболее правильной.

Приводя примеры наличия оппозиции режиму Тито, учитывая декрет об амнистии и заявление югославского правительства о намерении прекратить цензуру, сотрудники южноевропейского отдела госдепартамента Кавендиш Кэннон, Клойс Хастон и Уэлвот Бабоу заключили, «что возможности для маневра у югославской эмиграции всё ещё существуют, чтобы создать демократическое правительство без вмешательства Соединенных Штатов или Британии» [20].

Однако в октябре после отставки Шубашича из временного правительства и демарша бывших югославских дипломатов в Соединенных Штатах, подкреплённых давлением со стороны американцев сербского происхождения, ответственные чиновники госдепартамента изменили свою позицию. С согласия Бабоу, Мэттьюса, Хастона и Болена в Белград были отправлены совместные англо-американские ноты, в которых настаивалось на переносе намеченных выборов на более поздний срок [21]. 27 октября 1945 г. президент Трумэн заявил: «Мы откажемся признавать любое правительство, власть которого установлена силой или с иностранной помощью» [22].

Однако было уже поздно. Выборы 11 ноября произошли по сценарию, предсказанному Шанцем и Паттерсоном. Учредительная Скупщина провозгласила создание ФНРЮ. 10 декабря 1945 г. новое югославское правительство официально информировало Соединенные Штаты о своей структуре, составе, властных полномочиях и первых правовых актах. Исполняющий обязанности госсекретаря Дин Ачесон 22 декабря сделал заявление югославскому поверенному в делах Саве Косановичу:

«...Правительство Соединенных Штатов готово признать изменения, произошедшие в югославской конституции, и провозглашение Федеративной Народной Республики Югославии в соответствии с решениями Учредительного собрания.

Полагаем, что в соответствии с международной традицией новое югославское Правительство продолжит следование принципам Декларации Объединённых наций, подписанной и Соединенными Штатами, и Югославией. После получения гарантий этого Правительство Соединенных Штатов готово дать верительные грамоты, аккредитующие посла Соединенных Штатов в Белграде перед новым югославским режимом.

Помня обязательства, принятые в Ялте, Правительство Соединенных Штатов выражает свою неизменную позицию, что население Югославии имеет право ожидать надёжного предоставления гарантий личной свободы, свободы печати и свободы собраний и союзов, содержавшихся в соглашении между маршалом Тито и доктором Шубашичем и лежащих в основе Ялтинской декларации, а также иметь возможность выразить свою волю в ходе свободных выборов. Учитывая ситуацию, сложившуюся в Югославии, нельзя говорить о

соблюдении этих свобод, о том, что выборы 11 ноября обеспечили возможность для свободного волеизъявления народных представителей. При таких обстоятельствах Правительство Соединенных Штатов требует понимать, что установление дипломатических отношений с существующим в Югославии режимом не интерпретировалось как одобрение этого режима, его методов управления и контроля или его нежелания осуществлять гарантии личной свободы, обещанной населению. Вы должны разъяснить властям и населению Югославии, что мы испытываем только самые дружественные чувства к народам страны и что именно ожидаемое нами развитие событий сделает возможными отношения – и политические, и экономические – между народами Югославии и Соединенных Штатов, которые мы с нашей стороны желаем достичь как можно скорее» [23].

Заявление Ачесона вряд ли могло обеспечить такое «развитие событий», которого желали в Вашингтоне, но было первым ясным выражением американской политики в отношении новой югославской государственности, хотя и запоздалым. Для подкрепления своих требований Государственный департамент имел реальные рычаги давления на правительство маршала Тито. Так, для «разъяснения» заявления Ачесона был задействован бывший посол югославского правительства Константин Фотич, который прокомментировал, что американское признание правительства Тито на этой стадии было только де-факто и не станет де-юре до тех пор, пока новое югославское правительство не примет на себя международные обязательства предыдущих правительств [24]. 9 января 1946 г. в интервью газете «Нью Йорк Таймс» президент Трумэн указал, что признание нового правительства Югославии было «обусловлено» принятием всех международных обязательств [25].

Таким образом, установление полноценных дипломатических отношений обусловливалось выполнением условий соглашения Тито-Шубашича. Несоблюдение положений этого соглашения, одобренного державами антигитлеровской коалиции на Ялтинской конференции, в понимании американского правительства освобождало его от своих обязательств перед Белградом. Дело в том, что бывшее королевское правительство Югославии хранило в США около 47 миллионов долларов золотом, в которых очень нуждалась разрушенная в ходе войны страна.

В конце февраля 1946 г. государственный секретарь Джеймс Бирнс напомнил американской общественности, что переговоры относительно признания новой югославской государственности не закончены по причине отказа нового югославского правительства соблюдать прежние международные обязательства [26]. Сами югославы были чрезвычайно чувствительны в вопросе об их суверенитете и заявление Ачесона от 22 декабря рассматривали не иначе как внешнее вмешательство.

Тем не менее Белград был заинтересован в скорейшем полном признании со стороны Вашингтона. Югославы надеялись на решение вопроса спорной с Италией территории Истрии-Триеста в свою пользу. Это во многом зависело от позиции Соединенных Штатов. На 25 апреля было назначено открытие Парижской сессии Совета министров иностранных дел, пытавшегося решить этот вопрос. Отсутствие у ФНРЮ статуса признанной Соединёнными Штатами страны лишало её в понимании Вашингтона исторических прав на эту территорию.

1 апреля 1946 г. Тито объявил на Собрании Народов, что необходимо «приложить все усилия, чтобы Югославия восстановила права на свои законные территории, включая Истрию, словенское побережье и славянскую Каринтию, и улучшила политические, культурные и экономические отношения с другими нациями». Тито также заявил, что все трудности с Соединенными Штатами теперь преодолены и что полные официальные отношения будут установлены в самое ближайшее время [27].

На следующий день югославское правительство приняло условия признания де-юре Соединенными Штатами в следующей манере: «Правительство Федеративной Народной Республики Югославия, изучив все вопросы относительно признания международных обязательств Югославии в соответствии с решениями второй сессии Антифашистского веча национального освобождения в г. Яйце в ноябре 1943 г., дает утвердительный ответ на заявление Госдепартамента от 22 декабря 1945 г. относительно международных обязательств прежних югославских правительств». 13 апреля вице-президент Эдвард Кардель заявил, что новое югославское правительство будет соблюдать все соглашения, заключённые предыдущим режимом. 16 апреля 1946 г. Соединенные Штаты окончательно признали ФНРЮ де-юре, без каких-либо оговорок [28].

Вашингтон добился от югославской стороны принятия новым правительством всех прежних международных обязательств. Однако события конца 1945 – весны 1946 г. в отношениях Белграда и Вашингтона закончились поражением последнего. За исключением некоторых материальных обязательств перед США обещание новой Югославии соблюдать прежние соглашения мало что давало. К началу Парижской сессии СМИД положение нового режима маршала Тито было непоколебимо, и в силу радикальных государственно-политических изменений, произошедших за год после освобождения Югославии от оккупации, выполнение условий соглашения Тито-Шубашича стало невозможным. Именно это обстоятельство вкупе с под-

держкой правительства Тито со стороны Кремля склонило Соединённые Штаты к юридическому признанию нового югославского режима.

Примечания

1. *Гибианский, Л. Я.* Советский Союз и новая Югославия [Текст] / Л. Я. Гибианский. 1941–1947 гг. М., 1987. С. 169.

2. Voices of History. 1945–1946. Speeches and Papers of Roosevelt, Truman, Churchill, Attlee, Stalin, De Gaulle, Chiang and Other Leaders. Delivered During 1945 [Text] / ed. by Nathan Ausubel. N.Y., 1946. P. 676, 749-751; *Etheridge, M. & Black, C.* Negotiating on the Balkans, 1945–1947 [Text] / *M. Etheridge, C. Black* // Negotiating with the Russians. Boston, 1951. P. 183.

3. *De Santis, H.* The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union and the Cold War, 1933–1947. [Text] / *H. De Santis.* Chicago, 1980. P. 166; Voices of History. P. 674.

4. *De Santis, H.* Op. cit. P. 150.

5. Ibid. P. 151.

6. FRUS. 1945. The Conference of Berlin [Text]. Vol. I. Washington, 1960. P. 258-259; Kovrig, B. The Myth of Liberation. East-Central Europe in United States Diplomacy and Politics since 1941 [Text]. Baltimore, 1973. P. 51.

7. *Truman, H.* Memoirs: In 2 vols. Vol. I: Year of Decisions. 1945 [Text]. N.Y., 1955. P. 286; Советский Союз на международных конференциях в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 [Текст]: сборник документов: в 6 т. Т. VI: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). М., 1984. С. 81-84.

8. *Truman, H.* Op. cit. P. 286.

9. *Mee, Ch.* Meeting at Potsdam [Text] / Ch. Mee. N.Y., 1975. P. 146-147.

10. De Santis, H. Op. cit. – P. 151.

11. Ibidem.

12. Ibidem.

13. *Harriman, A. & Abel, E.* Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946 [Text] / *A. Harriman, E. Abel.* N.Y., 1975. P. 519.

14. *De Santis, H.* Op. cit. P. 164-165.

15. Ibid. P. 165. О случаях срыва коммунистами встреч с избирателями кандидатов от других югославских партий перед выборами в Учредительную скупщину свидетельствует запись бесед советского посла в Белграде И. В. Садчикова с лидером Народно-крестьянской партии Д. Йовановичем. См.: Советский фактор в Восточной Европе: 1944–1953. Т. I: 1944–1948: Документы. М., 1999. С. 248-252; Восточная Европа в документах российских архивов: 1944–1953 гг. Т. I: 1944–1948 гг. М.; Новосибирск, 1997. С. 296-298.

16. *De Santis, H.* Op. cit. P. 165; FRUS. 1945. Vol. V: Europe. Washington, 1967. P. 1251-1252.

17. *Welles, S.* Where Are We Heading? [Text] / S. Welles. N.Y., 1946. P. 154.

18. Ibid. P. 155.

19. FRUS. 1945. Vol. V. P. 1252-1253.

20. *De Santis, H.* Op. cit. P. 165-166.

21. Ibid. P. 166.

22. *White, L.* Balkan Caesar [Text] / L. White. N.Y., 1951. P. 76.

23. Цит. по: *Larson, D. U. S.* Foreign Policy Towards Yugoslavia. 1943–1963 [Text] / D. U. S. Larson. Washington, 1979. P. 84-85.

24. *Fotitch, C.* The War We Lost. Yugoslavia's Tragedy and the Failure of the West [Text] / C. Fotitch. N.Y., 1948. P. 320.

25. The New York Times. 1946. January 9.

26. The New York Times. 1946. February 27.

27. The New York Times. 1946. April 2; Yugoslavia / ed. by Robert J. Kerner. Berkeley, 1949. P. 471.

28. *Larson, D.* Op. cit. P. 87-88.

Т. И. Лыпка

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в. В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. РАТЕНАУ

Большая часть произведений В. Ратенау была посвящена проблемам экономики. Изучение его экономических трудов важно, ибо его идеи оказали большое влияние на формирование экономического мышления того поколения немцев, которое сформировалось во время и сразу после Первой мировой войны, и актуальны сейчас.

Цели данной статьи:

– показать, что экономическая концепция Ратенау – это попытка обобщения и осмысления опыта, полученного в области организации промышленности и финансов,

– рассмотреть ключевые аспекты идей Ратенау о путях возможного реформирования экономики.

Ратенау понимал, что живет в эпоху революции. Сегодня мы говорим о второй индустриальной революции, которая сильно отличалась от первой, начавшейся в конце XVIII в. в Англии, которая базировалась технически на паровых машинах и железе, вела к возникновению индустриального среднего и рабочего класса, усиливала политический либерализм и вела к созданию фабричной системы. Вторая индустриальная революция, берущая начало с конца XIX – начала XX в., имела центром США и Германию [1]. Для нее было характерно использование новых источников и средств передачи энергии, двигателей внутреннего сгорания, она вела к созданию массового производства, благодаря новым материалам, таким, как алюминий, благодаря прогрессу в химической индустрии, благодаря использованию конвейера. Она тоже привнесла общественные изменения: вырастали индустриальные города, возник новый класс академически образованных инженеров и менеджеров. Технический прогресс институционализировался в большей степени, чем в первую революцию: появились исследовательские лаборатории в больших концернах и факультеты для инженеров и естествоиспытателей в высших учебных заведениях. Типичным для этой революции было расширение технократических влияний.

ЛЫПКА Татьяна Ивановна – директор Нижнетагильского филиала Международного юридического института при Министерстве юстиции РФ
© Лыпка Т. И., 2005

Ратенау стоял в центре этого развития, и на него влияли эти условия.

В этот период оформились основные черты технократического мышления, которые во времена Ратенау были усвоены руководителями, менеджерами и инженерами прогрессивных отраслей индустрии. Во-первых, установка на то, что экономическое развитие и неограниченное производство товаров и услуг должно быть главной целью человеческого общества; во-вторых, признание необходимости привлекать к организации и руководству предприятиями людей, получивших гуманитарное образование; в-третьих, убежденность в том, что на место классовых и расовых различий в производственной сфере должна выступить продуктивность и компетентность меритократии (Meritum – заслуги) [2].

В трактате «Физиология гешефта» (“Physiologie der Geschäfte”) [3] Ратенау сформулировал важные выводы, касающиеся организации современного производства: «Сегодня многие бы хотели слишком ординарно заключать сделки и зарабатывать деньги в пределах кабинета шефа и зала заседаний, это кажется таким естественным правилом, что его не стоит сразу выполнять. Я ещё никогда не встречал крупного предпринимателя и коммерсанта, для которого бы зарабатывание денег являлось главной задачей деятельности, и я хотел бы подчеркнуть, что тот, кто думает только о прибыли, никогда не сможет стать крупным коммерсантом» [4].

В 1902 г., когда Ратенау вышел из правления АЕГ и стал работать в Берлинском торговом обществе, он сконцентрировал внимание на финансировании производства электроэнергии. При описании экономических систем он использовал метафору сети и паутины: «Организация должна покрывать свои владения подобно паутине: отовсюду должна проходить прямая и лёгкая связь с центром» [5]. Далее он даёт советы руководителю: «Стремись, чтобы каждый твой человек был тебе заместителем, а не адъютантом» [6]. Или: «Не верь, что чего-либо можно достичь, если ты все возражения оговоришь и оспоришь» [7]. Далее: «В последнюю очередь решает мнение, которое люди составили друг о друге. Неизмеримые затраты идут на учёбу, подготовку и дружеские услуги компетентных сил» [8]. И в конце: «Кто жалуется, что он слишком много работает, тот показывает, что он не может организовать свой труд. Наполеон никогда бы не отказался покорить Испанию, сетуя на то, что он слишком занят. Если у кого-то, напротив, слишком мало дел, то это значит, что он никому не нужен» [9].

В «Физиологии гешефта» Ратенау вновь использует понятие «механизация». Механизация для него была организацией мира как системы производства, которая имела ряд предпосылок: аккумуляцию капиталов и сырьевой обмен, предпринимательские инвестиции и инновации, государственную индустриальную политику, рациональное распределение и концентрацию труда, обуздание природных сил, манипулирование временем и пространством посредством техники и использования результатов научных исследований [10]. Центральным в концепции «механизации мира» является тезис параллельного повышения производства и потребления. «Ядро механизации находится в производстве. Механизация делит бездуховный и иррациональный процесс на две части. Развивающееся в беспрерывных поисках и волнениях расширенное производство обогащает предпринимателей, но развивающееся производство одновременно служит народу, так как количество произведённых товаров определяется розничным потреблением. В свою очередь, расширенное розничное потребление требует производства новых товаров» [11]. Эта заключительная формулировка читается как описание стратегии маркетинга, которому была обязана электротехническая индустрия. Производство электроэнергии стимулировало увеличение сбыта электрических приборов, в свою очередь, продажа электроприборов повышала спрос на электроэнергию. Этот процесс не мог развиваться до бесконечности, на рубеже веков производство натолкнулось на ограниченные возможности рынка потребления. В результате перепроизводства многие предприятия вынуждены были закрыться. Этот кризис не миновал и АЕГ. В тот сложный период В. Ратенау в борьбе с конкурентами использовал опыт прошлых лет.

План Ратенау предполагал образование синдикатов и картелей, а в случае необходимости и слияние предприятий [12]. Он полагал, что динамично развивающееся предприятие должно иметь прочный ресурсный потенциал, включающий источники сырья и «предприятия-потребители» [13]. Централизация производства предполагала концентрацию, на практике это осуществлялось путем слияния отдельных предприятий в более крупные [14]. Ратенау пытался сконцентрировать производство на минимальных площадях. Постепенно он пришел к убеждению, что оптимальная модель концентрации достигается не подчинением конкурентов, а спланированной «реорганизацией электроиндустрии». Эти идеи прослеживаются в его заметках в 1902 г., когда слияние разрозненных предприятий стало для В. Ратенау главным способом продвижения к идеальной цели создания грандиозного массового производства [15]. Принцип концентрации он дополнил формулой, в соответствии с которой никто не должен работать для себя, а каждый для всех, и достигать наиболее экономичного производства

во всех странах и частях земного шара в соответствии с их спецификой [16]. Такое развитие предполагало видимость «обезличивания собственности», «опредмечивания предпринимательства», вплоть до того, что они могли превращаться «по своей сути в государственные» [17].

«Крупная промышленность сегодня больше не является образованием частно-правового характера, – писал Ратенау, – она является скорее... национально-экономическим фактором, хотя с момента появления она служила получению прибыли, в дальнейшем она стала служить интересам всего общества и таким образом создала себе новое право на существование» [18]. В. Ратенау исходил, очевидно, из того, что развитие «механизации» приводит в конечном итоге к ее закономерной автокатализации. Развитие этой идеи вело к логичному выводу: «Механизация может быть преодолена только путём механизации» [19]. Эта формулировка фигурирует в работе «О грядущих делах» и является продуктом того времени, когда Ратенау руководил военно-сырьевым отделом с августа 1914-го до конца марта 1915 г.

Годы Первой мировой войны прославили Ратенау не только как талантливого предпринимателя и организатора производства, но и как оригинального мыслителя. Война заставила его по-новому посмотреть на имперское руководство, положение рабочих, на состояние образования и здравоохранения, в целом на общественно-экономическую систему Германии. Свои взгляды на историческое время, роль Германии в мире и факторы, которые обеспечат ей достойное положение, Ратенау изложил в работе «О грядущих делах» (1917 г.). Появление этого труда не только подводило итог его предыдущим опытам, но и означало систематическое «построение» Ратенау как писателя. В то же время появление книги в известной мере зафиксировало окончательный поворот Ратенау к государственной и общественно-политической активности [20]. В письме к Баронину фон Шрёдеру он пишет, что политику дня он «ставит выше, чем раньше» и намеревается заняться ею [21]. Это давало ему возможность «интеллектуальной работой способствовать подготовке дальнейшего будущего, а настоящее время уступить компетентным профессионалам» [22].

Ратенау считал работу «О грядущих делах» «самой революционной и мировоззренческой». В письме к П. Хаммеру от 23 июня 1919 г. он писал: «“О грядущих делах” – самая революционная, она в первый раз осветила старую систему и дала перспективы на ближайшее будущее» [23]. Эта работа стала этапной в творческом наследии Ратенау, положила начало развитию его теории «нового хозяйства», «нового государства», «нового общества». Шулин считает, что общий план и значительная часть книги были созданы до войны (июнь-июль 1914 г.), причем первоначальный план предусматривал такие разделы: «Экономика», «Этика», «Политика» [24]. Этта-Колхаас считает, что книга написана в годы войны, замысел ее написания возник в 1915 г., а сама книга была написана в 1916 г. [25]

Во время войны к работе военно-сырьевого отдела были привлечены предприятия, осуществляющие свою деятельность как синдикаты под контролем государства. Такая система казалась Ратенау ступенью в развитии экономики от частного хозяйства к «обобществленному хозяйству». Процессу имманентного обобществления предпринимательства, который Ратенау описывал как развитие автономии, соответствовало изменение статуса предпринимателя: «Объективные стремления к автономии отвечают субъективному психологическому развитию предпринимательства и его органов. В известной мере крупные предприниматели еще существуют и долго еще будут привыкать к тому, чтобы рассматривать свой гешефт как самодеятельную сущность» [26]. К этой мысли Ратенау возвращается в своей работе «Новая экономика» («Die neue Wirtschaft», 1918 г.). Он пишет: «Если мы будем беспристрастно изучать действительный ход развития механизированного предприятия, то найдём, что его частно-хозяйственный характер не усиливается, а ослабляется; связь предприятия с определённым лицом становится менее тесной. Собственником является уже не отдельное лицо, а постоянно меняющаяся в своём составе группа акционеров, получающих сверх процента на капитал очень небольшое вознаграждение за риск. Управление предприятием находится в руках быстро сформировавшегося слоя высших технических служащих, который, хотя и участвует в распределении доходов, однако, как показала практика, всё более приучается заботиться скорее о внутреннем укреплении предприятия, чем о выколачивании прибыли» [27].

Современник Ратенау Рудольф Гильфердинг также отмечает, что при акционерной форме предприятий изменяется функция промышленного капиталиста, он освобождается от функций предпринимателя, и вложенный им в акционерное общество капитал приобретает для него характер чисто денежного капитала. «Промышленное акционерное общество, – пишет Гильфердинг, – сначала означает в первую очередь изменение функции промышленного капиталиста. В самом деле, оно приносит с собой в качестве своего принципа то, что для индивидуального предприятия является только случайностью: освобождение промышленного капиталиста от функции промышленного предпринимателя. Капитал, вложенный в акционерное общество, бла-

годаря этому изменению функции приобретает для капиталиста характер чисто денежного капитала» [28].

И Ратенау и Гильфердинг писали о возрастающей роли акционерного капитала в экономике. Ратенау видел в анонимности акций важный шаг к новому солидарному обществу. Гильфердинг отмечал: «Финансовый капитал в его завершении – это высшая ступень полноты экономической власти, сосредоточенной в руках финансовой олигархии» [29], то есть видел в этом концентрацию промышленного капитала и укрепление капиталистических структур [30]. Ратенау утверждал, что по мере развития объективного процесса обобществления личность предпринимателя будет освобождаться от связи с «механизацией». Он писал, что самым высоким интеллектом обладают «люди интуиции», которых охарактеризовал в работе «К механике духа». «Интеллектуальным людям» он противопоставил «бездушных благоразумных», которые не постигают «откуда берутся эти бесхитростные и простые сложности» [31]. В «Физиология гешефта» (1903 г.) он представляет портрет крупного предпринимателя, описывая его как бы со стороны. Непосвященным порой кажутся непостижимыми и речь, и характер этого деятеля. Его доклад грешит «длинными отклонениями от темы», что делает его «тривиальным и неинтересным». Однако за этой неловкостью скрывается «великое качество: взгляд по существу. Можно сказать: гениальность покоится на платформе человеческой деятельности, возможно, происходящей из интуиции. Таким же предвидением, о котором я только что говорил, одержим банкир» [32].

В 1907 г. Ратенау формулирует идею полностью автоматизированной фабрики как основы высокоорганизованной экономики: «Идеальным предприятием было бы то, которое функционирует автоматически как гигантский часовой механизм и требует единственного работника как наблюдателя. Индустрия двигателей и техническая химия приближаются к этому состоянию. Этот работник-наблюдатель должен заниматься исключительно духовной работой» [33]. Осознанно или неосознанно, Ратенау противопоставил технократическому образу руководителя систематизированного, высокоорганизованного и полностью автоматизированного производства идеал гениального, интуитивного и действующего на основе духовного предвидения предпринимателя. Такой руководитель, подобно харизматической фигуре руководителя у М. Вебера или Й. Шумпетера, должен был быть инноватором новых комбинаций, образовывать динамический противовес структурным зачерствелым тенденциям концентрации, организации и бюрократизации. Ратенау признавал, как и Вебер и Шумпетер, имманентную опасность того способа производства, который направляет процесс, прежде всего, в русло механизации и организации [34].

В. Ратенау утверждал, что «необходимость механизации уже создала противодействие ей» [35]. Рассуждая, что механизация сама не разрушается, а порожденные ею средства будут излечивать механическое зло [36], Ратенау объявил, что гармонизация экономики и общества произойдет, когда механизация приведет к «освобождению из непрерывной цепи рациональности, устремленной к цели мысли» [37], путем «рождения души».

В работе «К критике времени» Ратенау заявил, что главной, может быть решающей, проблемой в XX в. станет перенаселение. В качестве решения он вновь предложил «механизацию» [38], понимая её в данном случае, как «обобщение мира в неосознанной вынужденной ассоциации в одно полное единство производства и хозяйства» [39]. Ратенау был уверен в том, что современное экономическое развитие, как и менеджмент, зависит от техники. Он ратовал за то, чтобы связать производство и потребление в неразрывный технологический поток, и в итоге вывел формулу изменения мира: обеспечить рост производства и потребления посредством научно-технической революции и планирования [40]. Взгляды Ратенау на роль производства повлияли на Вернера Зомбарта, у которого в 1911 г., практически одновременно с «К критикой времени», вышла книга «Техника и культура» [41]. Обе работы имеют немало общего. Зомбарт также подчеркивает, что современная техника освобождает человека от природных ограничений. Он сходился с Ратенау в том, что между техникой и культурой существует взаимовлияние [42]. Кроме того, оба автора отнюдь не были технологическими детерминистами в вопросе о роли техники в современном мире. В духе Ф. Ницше они считали, что воля и моральные ценности, а не только техника, являются движущими элементами преобразования мира.

Но механизация обыденной жизни, которая, по мнению Ратенау, уже тогда выполнила большую часть задачи, сегодня стала мучением для всего человечества, которому грозит гибель от её продуктов. Рассуждения Ратенау актуальны и сейчас, когда стало очевидно, что стоящие перед человечеством проблемы являются прямым следствием капиталистического миро-хозяйства. «Лишь капитализм, в силу того, что он стал первой системой на всём земном шаре, с невообразимой скоростью расширяющей масштабы производства (и умножающейся численностью населения), начал угрожать самой возможности выживания человечества» [43]. Ратенау еще был не в состоянии осознать эту опасность в полной

мере. В его глазах механизация была, с одной стороны, «судьбой человечества», так называемым продуктом природы, с другой – формой существования цивилизации, которая заявила о намерении подчинить себе силы природы. Более того, он возлагал ответственность на механизацию за то, что «в её чрезмерном развитии лежит причина империализма и национализма, то есть войны» [44]. Он утверждал, что развязанные силы механизации можно обуздать благодаря духу, «душе», разуму. Будучи хозяином огромного треста, он был вправе предположить, что механизация с неизбежностью естественного процесса будет развивать свои «бездушные законы», к которым невозможно относиться с позиций обычных этических требований. Но от ошибочного заключения могло излечить его только время.

Цель экономики по Ратенау – выход на достойный уровень жизни для всего человечества, то есть обеспечение гарантий для свободного развития «пути души», по которому должна идти цивилизация в XX в. В первой части «О грядущих делах», которую Ратенау назвал «Цель», он обращается к социальной действительности. Существенная и ущемлённая часть этой действительности – пролетариат. Ратенау отмечал, что за годы войны положение пролетариата значительно ухудшилось не только из-за увеличения продолжительности рабочего дня, тяжелых условий труда, продовольственной проблемы, а, прежде всего, потому, что общество было охвачено порывом патриотизма, что парализовало классовую борьбу. Ратенау понимал, что такое положение временно. На этом фоне идеи о новых экономических отношениях приобрели особое значение. И в создании этих отношений особую роль он отводит государству. Изменения этого порядка, при котором государство было готово применить все мыслимые экономические и политические репрессии всякий раз, когда люди отказывались «отдавать свои избирательные бюллетени в его пользу» [45], можно было достичь без помощи «догматического социализма» [46].

В 1899 г. Ф. Науман увидел слабость социал-демократии в догматическом содержании её мировоззрения. Науман признавал, что политическая программа социалистов обладала существенным потенциалом: «Социалистическое движение может иметь ещё значение, оно может периодами ещё делать политику, когда оно хочет достичь прямой политической власти. Оно может объединить всех, кто думает о равенстве и социальных реформах, и делать это для того, чтобы ослабить немецкий либерализм» [47]. В то же время идеи марксистской политэкономии он не считал перспективными. Оба мыслителя, таким образом, в отношении к марксизму занимают сходные позиции.

И Ратенау и Науманн провозгласили нравственную волю движущей силой общества [48]. Хотя Ратенау в обыденной жизни был большим реалистом, чем Науманн, в своих теоретических конструкциях он часто грешил склонностью к преувеличению. Ратенау пишет: «Мировое движение ведет вперёд пророческое чувство и пророческое слово, а не программа» [49]. Свое принципиальное отрицание партийного социализма он не случайно изложил во вступлении к работе «О грядущих делах». Очевидно, он полагал, что читатель должен знать с самого начала, что ему здесь будет предложена альтернатива марксизму. Он упрекает социализм в том, что тот ищет пути «непосредственного удовлетворения» желаний пролетариата путем национализации капитала [50]. Ратенау в противовес этой установке видит основной «закон капитализма в его современных главных функциях, а именно в том, как этот организм направляет мировое производство на удовлетворение настоятельных потребностей» [51]. Независимо от того, кому принадлежат средства производства, отдельному предпринимателю или государству, которое само выступает «глобальным» предпринимателем, Ратенау считает сутью капитализма капиталистическую ренту. Рента, по его мнению, объективна по своей сути, и её наличие не должно ставиться в зависимость от идеологических программ. Более того, её сохранение обусловлено «необходимостью селекции вложения капитала» [52].

В лексике Ратенау «рента» означает доход с капитала. А «капитал» – это приносящие прибыль владения: не только золото, но средства производства, под которыми понимаются промышленность, сельское хозяйство, лесное хозяйство, торговые предприятия. По мнению Ратенау, капитал представляет собой национальный и интернациональный регулятор экономического производства, а «вентиль» регулятора и есть «рента». Регулирующая функция ренты представлена им следующим образом: «Рента определена в объеме благодаря потребности в мировых инвестициях, которые являются принудительными сбережениями мира с целью прямой поддержки его экономики, она есть стоимость продукции, которая формируется в каждом пункте производства товаров и стоит на первом месте; она – не мнимая, существует независимо от того, средства производства принадлежат одному собственнику или многочисленным, государству или сообществу государств, она быстро уменьшается при поглощении владельцем капитала.

Таким образом, национализация средств производств не имеет экономического смысла, наоборот, объединение капитала в немногих руках не приводит к такой экономической опасности, как произвол в потреблении и формах инвести-

ций, последние преодолеваются за счет безупречной конкуренции рент, и, следовательно, забота о справедливом экономическом разделе должна ограничиться вопросами потребления. Рента необходима для покрытия ежегодных мировых инвестиций» [53].

Ратенау чётко фиксирует взаимосвязь капитала и власти: «Владение в его сегодняшней форме есть власть» [54]. Владение всегда находится во взаимоотношениях с властью. Основой владения в древние времена и в средние века была земля, в новое время – средства производства. Владения основаны на ошибочном делении общества. В древние времена и средние века недостаток свободы был компенсирован преимуществом безопасности, к несвободе или полусвободе люди привыкали и терпели её до тех пор, пока чувствовали себя защищёнными. Великая буржуазная революция разрушила патриархально-феодальные структуры, защита работника работодателем была уничтожена индустриальной революцией, а свобода оказалась мнимой. Рабочий мог «свободно» на рынке предлагать свою рабочую силу, так как ничем кроме неё не обладал, но сейчас у него не было ни гарантий, ни защиты. Пролетарское состояние большей части капиталистического общества нельзя свести просто к проблемам владения. Ратенау утверждает, что пролетариат пролетариатом делает не то, что он имеет только свою рабочую силу и не имеет доли в средствах производства, а то, что он не является равноправным партнером при определении целей применения капитала и его доходов. Далее он отмечает, что вопрос о власти – зерно проблемы как при капитализме, так и при социализме, в корне пролетарского состояния лежит не бедность, а безвластие (бессилие) [55]. Ратенау в работе «Новая экономика» (1918 г.) вновь обращается к вопросу о пролетариате. «Наследственность богатства и наследственность невежества являются основными условиями пролетарской обособленности. К хозяйственным формам они имеют только косвенное отношение» [56].

Ратенау полагал, что главная проблема состоит в порядке расходования прибыли. Он рассуждает следующим образом: «Всегда предполагается, что владелец должен разумно распоряжаться произведённым продуктом. Существует 5 способов распоряжения им: одна часть делится между рабочими, вторая часть остается на обновление и усиление производственного аппарата и служебное оборудование, третью часть можно откладывать (накопительная часть) как жизненные средства для того, чтобы предотвратить в будущем ограниченность в средствах, четвертую часть владельцу можно израсходовать и пятую часть произвольно уничтожить, шестого применения не существует. Тут только четвертой и пятой частью можно пренебречь, третья не существенна, так что мы с нашим кормильцем можем вести переговоры только о разделе первой и второй частей. Он станет ссылаться на заботу о будущем и большие затраты, которые способствуют достижению конечной цели, мы будем возражать, что мы хотим жить сейчас, а потом наши дети должны о нас позаботиться. Эти отношения развиваются независимо от того называется владелец Рокфеллером или социально-универсальным государством» [57]. В таких отношениях между двумя социальными партнерами речь не идет об экспроприации или разделении владений, а только о справедливом распоряжении имуществом, об ограничении отдельных состояний и установлении социальной свободы. Справедливое распоряжение собственностью осуществимо при соблюдении 3 условий – ограничении права на наследование, равном праве на власть и равной ответственности каждой стороны. Ратенау считал, что требования свободы, человеческого достоинства, социальной справедливости можно удовлетворить при сохранении традиционных форм и отношений собственности [58]. При этом понимание собственности не должно быть «традиционным», необходимо изменить взгляд на собственность путем привития морали. Привитие морали заключается в конкретных мероприятиях, которые отчасти основаны на доброй воле, отчасти на запретах и отказах.

В главе «Путь экономики» Ратенау написал: «1) Потребление, как и вообще экономика – это дело не одиночки, а содружества. ...Роскошь и изоляция находятся в ведении всеобщей воли, и их нужно терпеть только в известной мере, насколько они позволяют удовлетворять непосредственные и настоящие потребности. 2) Уравнивание имущества и доходов – это запрет морали и экономики. В государстве может и должен быть только один неизмеримо богатый: само государство. За счет своих средств оно должно заботиться об удовлетворении всех своих нужд. Различия в уровнях доходов и состояний допустимы, хотя они затрудняют разумное распределение власти и привилегий. 3) Сегодня источники богатства – это монополии... спекуляция и наследство. Для монополиста, спекулянта и богатого наследника нет места в будущем экономическом порядке. 4) Ограничение права наследования, уравнивание доходов и улучшение народного образования... уничтожат наследственное порабощение низшего сословия» [59]. В равной степени ограничение роскоши и уменьшение прибыли монополиста, производство необходимых товаров и уменьшение стоимости этих товаров в сравнении с доходами рабочих ведут к формированию новой морали, управляющей собственностью [60]. Главный вывод Ратенау заключается в том, что государство если не господин, то, по мень-

шей мере, душеприказчик экономики, которому вменяется как этическая заповедь контроль за владениями и доходами его граждан [61].

В трактате «К механике духа» (1913 г.) Ратенау выдвинул идею создания «государственной экономики», пока еще не конкретизируя это понятие. Позднее он подчеркивал, что эта экономическая система «не требует ни ликвидации наших хозяйственных форм, ни подчинения их власти масс» [62].

В основу проекта реорганизации хозяйственной жизни Германии в послевоенный период лёг опыт работы Ратенау по созданию системы военной экономики. «Рассмотрение нового хозяйства докажет, что народное хозяйство может также вестись планомерно, на основе научной организации, что под влиянием этих регулирующих сил и принципов оно в состоянии произвести во много крат больше того, что ныне дает хаотичная борьба всех против всех», – писал он в одной из своих работ [63]. А. Ф. Хайек по этому поводу отмечал в книге «Дорога к рабству»: «Именно в Германии при участии государства был предпринят первый крупномасштабный эксперимент по «научному планированию» и «сознательной организации производства» [64].

Ратенау был не единственным, кто, осмысливая будущее капитализма, приходил к выводам о неизбежности развития плановых начал и усиления регулирующих функций государства. В. Зомбарт в заключительной главе своего 3-томного исследования о «современном капитализме» предложил картину «хозяйственной жизни будущего». «Наряду с капитализмом, – прогнозировал Зомбарт, – в экономической жизни будущего все большее и большее значение будут приобретать все те хозяйственные системы, которые так или иначе связаны с плановым хозяйством. Таким термином мы можем назвать те хозяйственные формы нового времени, в которых принцип удовлетворения потребностей одерживает верх над принципом прибыли» [65].

Идея планового хозяйства вообще была очень популярна в Германии. Причем плановость нередко отождествлялась с социализмом. Иоганн Пленге отмечал, что военная экономика, созданная в Германии в 1914 г., – «первый опыт построения социализма, ибо ее дух – активный, а не потребительский – это подлинный социалистический дух. Требования военного времени привели к установлению социалистического принципа в экономической жизни, а необходимость обороны страны подарила миру идею немецкой организации, национальной общности, национального социализма...» [66]. Идея создания нового, истинно германского корпоративного устройства экономической жизни как «высшей формы жизни государства, когда-либо существовавшей на земле», была очень актуальной после завершения Первой мировой войны.

Программа В. Ратенау, в отличие от идей Пленге, не упоминала о социализме, она предусматривала объединение всех однородных промышленных предприятий в особые союзы, которые он именовал «профессиональными группами». Они, в свою очередь, должны были быть слиты с родственными промышленными предприятиями в так называемые «отраслевые общества» [67].

Ратенау отводил государству роль верховного контролирующего органа. Как и в других случаях государственного вмешательства, государство делегировало объединению значительные права: право на насильственное включение в эти объединения «всех физических и юридических лиц, которые в настоящий момент владеют предприятием, вне зависимости от их желания». Из них следовало исключить «все нерентабельные и непроизводительные предприятия путём закрытия и продажи или перепрофилирования и дальнейшего развития» [68]. Меры подобного рода уже проводились в Германии в годы Первой мировой войны и на деле представляли собой использование монополиями государственной власти для поглощения средних и мелких предприятий. Государство предъявляет притязание на надзор за управлением и требует социальных мер и отчислений с доходов.

Объединения больше всего напоминают по форме акционерные общества, по организации деятельности – синдикаты. «Современный синдикат не располагает такими обширными правами... Представители государства входят в состав правления, они имеют право контроля и надзора, кроме того, в правление входят представители рабочего класса. Внутренние конфликты разбираются в третейском суде. На ответственности отраслевых обществ лежит следующее: эффективное ведение дел, организация и руководство сбытом, экспортом... Приобретение сырья и вспомогательных материалов при посредстве торговли, ввоз готовых фабрикатов... Подъем и удешевление производства посредством распространения технического опыта, усовершенствование и обновление оборудования фабрик, ликвидация бесхозных предприятий...» [69].

Следующим этапом на пути реформирования экономики должно было стать объединение смежных отраслевых обществ, например импортёров шерсти, изготовителей сукна, производителей платья, производителей белья, корсетов, чулок в крупное промышленное объединение «Текстиль». В итоге вся экономика представлялась Ратенау в виде функционально разделенной и организационно связанной сети промышленных объединений. Существенным признаком такой экономики должно было стать обобществление, которое займет место свободной конкуренции. Обобществление, по его мнению, стало возможным, и там,

где оно было необходимым, его следовало осуществить принудительно путем комбинирования государственного дирижирования и делового администрирования промышленных объединений. В администрацию отраслевых и промышленных объединений предполагалось включить представителей от государства, предпринимателей, рабочих и служащих. Для Ратенау было не принципиально, в какой именно пропорции они будут представлены в органах управления [70]. Он мечтал пройти совершенно новый путь: «Я полагаю, что наше будущее зависит от нравственности нашей экономики» [71]. Поэтому для него было гораздо важнее, чтобы личные качества представителей экономической элиты соответствовали тем этическим требованиям, которые он предъявлял людям, наделенным правом принимать решения и нести за них ответственность.

Идеи экономической философии Ратенау успешно развиты в «Программе Гинденбурга», они использовались при введении закона о максимальных ценах и т. д. Ратенау был политиком-практиком. Идея создания крупных автономных предприятий, действующих под государственным контролем, ставит его в один ряд с Гильфердингом – признанным «теоретиком» «организованного капитализма» [72].

Термин «организованный капитализм» давно принят в буржуазной и праворeформистской литературе, однако содержание его не выяснено до сих пор. В 1974 г. в Регенсбурге состоялась дискуссия, в которой приняли участие крупные историки ФРГ – У. Вейлер, А. Винклер, Ю. Кокка [73]. Главным пунктом разногласий, выявленных в ходе дискуссии, стал вопрос: есть ли «организованный капитализм» ступень, фиксирующая соотношения сил государства, экономики и общества, или это особая стадия капитализма, указывающая на степень его зрелости, способность интенсивно вести хозяйство и т. п., при этом упоминалось имя Гильфердинга, а не Ратенау.

Теоретик правых социал-демократов Гильфердинг в 1924 г. употребил понятие «организованный капитализм», говоря о «переходе от капитализма свободной конкуренции к организованному капитализму и объединении промышленного, торгового и банковского капитала в финансовый капитал» и дополнив его позже идеей «хозяйственной демократии» [74]. Безусловно, есть совпадение в рассуждениях Гильфердинга и Ратенау. Они оба не отрицали частной собственности, необходимости ограничения конкуренции, введения планового начала. Более того, по времени возникновения идеи Ратенау были сформулированы несколько раньше, к тому же многие из них с самого начала не были просто теорией, а имели своим источником уже состоявшийся практический опыт.

В последних работах В. Ратенау обобщил результаты своей экономической деятельности, понимая значение этого наследия. Ратенау принял участие как практик и теоретик в дискуссии того времени по проблемам государственного социализма и общей экономики. Известные экономисты Иоганн Пленге, Эдгар Йаффе, Вернер Зомбарт и другие с начала войны говорили, подобно Ратенау, о конце эры индивидуализма в экономике, который, по их мнению, имел «английские» корни. Они одобрили идею национальной смешанной экономики. Ратенау же, в сущности, предлагал признать открыто переход к ГМК.

Дальнейшее развитие организованного капитализма пошло по пути открытого вмешательства государства в экономику, превращения капиталистической системы в стабильную, благодаря этому вмешательству. При усилении экономических позиций огромных концернов понятен рост политического влияния крупных предпринимателей, которое отразилось в растущей силе контролируемого ими политического поля в той мере, чтобы принуждать правительственный аппарат к отношениям зависимости. Для большей убедительности данного тезиса можно призвать в свидетели В. Ратенау. Он выступал за вмешательство государства и одновременно требовал корпоративного самоуправления экономики. Правда, этим не ограничивались его мысли. Он использовал понятие «регулируемого капитализма», которое охватывало экономическую область и предполагало взаимосвязь политики и индустрии. В. Ратенау нужно классифицировать как размышляющего наблюдателя, который писал об экономике и политике в комплексе как практик в обеих областях [75].

Писатель, теоретик Ратенау никогда не управлял Ратенау-бизнесменом и государственным деятелем, напротив, практика и промышленный опыт нашли отражение в его трудах. Но только отдельные мысли, возникшие у него во время политической и хозяйственной деятельности, можно считать выдающимися. Для того чтобы быть в состоянии анализировать политику правительства, лучше всего быть членом этого правительства. Однако нет, наверное, ни одного банкира или промышленника, который пришёл бы в экономику только за тем, чтобы писать об экономических процессах или взаимоотношениях экономики и политики. Политиками процесс наблюдения осуществляется легче, чем практиками в экономике, так как постановка главных проблем, да и весь понятийный аппарат были разработаны политологией и конституционной историей. Промышленникам и банкирам, напротив, чаще всего не хватает таких знаний. Тем более так важны идеи Ратенау. Экономическая деятельность Ратенау и его сочинения в значительной степени определяют основу

его политических заключений и более позднее вступление в политику.

Примечания

1. W. Rathenau zum Problem Industrie, Technik und Wissenschaft [Text]. Berlin, 1989.
2. *Zichtheim, G.* Europe in the Twentieth Century [Text] / G. Zichtheim. New York, 1972. S. 335.
3. *Rathenau, W.* Physiologie der Geschäfte Pseudonym [Text] / W. Rathenau // Die Zukunft. Jg. IX. № 39. vom 29.6.1901.
4. *Rathenau, W.* Von Schwachheit, Furcht und Zweck [Text] / W. Rathenau // Rathenau W. Gesammelte Schriften. 6 Bde. Berlin, 1929. Bd. 4. S. 81.
5. *Rathenau, W.* Von Schwachheit, Furcht und Zweck. S. 92.
6. Ibidem. S. 93.
7. Ibidem. S. 96.
8. Ibidem. S. 97.
9. Ibidem. S. 100.
10. *Rathenau, W.* Zur Kritik der Zeit [Text] / W. Rathenau // Rathenau W. Gesammelte Schriften in 6 Bd. Berlin, 1929. Bd. 1. S. 52.
11. Ibidem. S. 95.
12. *Wilderotter, H.* Das Gemeimnis des Ganzen – Mythos, Geschichte und Politik [Electronic resource] / H. Wilderotter. Http//www.ghm/de/ausstellungen/rathenau/ratha. Htm.
13. *Rathenau, W.* Zur Kritik der Zeit. S. 49.
14. Ibidem. S. 54.
15. *Rathenau, W.* Briefweshsel 1897–1920 [Text] / W. Rathenau, M. Harden; hrsg. von H. D. Hellige. Bd. 6. Munchen; Heidelberg, 1983. S. 176ff.
16. *Rathenau, W.* Reflexionen und Aufsatze [Text] / W. Rathenau // Rathenau W. Gesammelte Schriften. 6 Bde. Berlin, 1929. Bd. 4. S. 155f.
17. *Rathenau, W.* Von kommenden Dingen [Text] / W. Rathenau. Berlin, 1918. S. 144-145.
18. *Rathenau, W.* Von Aktienwesen [Text] / W. Rathenau. Berlin, 1917. S. 154.
19. *Rathenau, W.* Briefe [Text] / W. Rathenau. 2 Bd. Dresden, 1926, 1929. B. 1. S. 32, 63, 280.
20. *Berglar, P.* Walther Ratehenau. Seine Zeit, sein Werk, seine Personlichkeit [Text] / P. Berglar. Bremen, 1970. S. 243.
21. *Rathenau, W.* Briefe. Bd. 1. S. 261. Rathenau W. an Baronin v. Schröder, 28. 4. 1917.
22. *Rathenau, W.* Tagebuch 1907–1922 [Text] / W. Rathenau. Dusseldorf, 1967. S. 208.
23. *Rathenau, W.* Politische Briefe [Text] / W. Rathenau. Dresden, 1929. S. 254.
24. *Schulin, E.* W. Rathenau. Reprasentant, Kritiker und Opfer seinen Zeit [Text] / E. Schulin. Zurich; Frankfurt am M., 1979. S. 556.
25. *Federn-Kohlhaas, E.* W. Rathenau. sein Leben und Wirken [Text] / E. Federn-Kohlhaas. Dresden, 1927. S. 119.
26. *Rathenau, W.* Von kommenden Dingen. S. 144.
27. *Rathenau, W.* Die neue Wirtschaft [Text] / W. Rathenau. Berlin, 1918. S. 31.
28. *Гильфердинг, Р.* Финансовый капитал [Текст] / Р. Гильфердинг. М., 1959. С. 147-148.
29. Там же. С. 478.
30. *Ufermann, P.* Die AEG, eine Darstellung des Konzerns der Allgemeinen Elektricitätsgesellschaft [Text] / P. Ufermann, C. Huglin. Berlin, 1922. S. 13.
31. *Rathenau, W.* Physiologie der Geschafte. Imp. 182f.
32. Ibidem.
33. *Rathenau, W.* Reflexionen und Aufsatze [Text] / W. Rathenau // Rathenau W. Gesammelte Schriften. Bd. 6. Berlin, 1929. Bd. 4. S. 155f; *Hellige, H. D.* W. Rathenau: ein Kritiker der Moderne als Organisator des Kapitalismus [Text] / H. D. Hellige // Ein Mann vieler Eigenschaften. Walther Rathenau und Kultur der Moderne. West Berlin, 1990. S. 39.
34. *Weber, M.* Gesammelte politische Schriften. Munchen [Text] / M. Veber. 1921. S. 141, 150; *Hellige.* Op. cit. S. 40. Schulin E. Max Weber und Walter Rathenau // Max Weber und seine Zeitgenossen / Hrsg. W. J. Mommsen, W. Schwenker. Gottingen; Zurich, 1988. S. 434-447.
35. *Rathenau, W.* Zur Kritik der Zeit [Text] / W. Rathenau. S. 103.
36. Ibidem. S. 93.
37. Ibidem. S. 91.
38. Ibidem. S. 52.
39. *Rathenau, W.* Von kommenden Dingen. S. 30-31.
40. *Kessler, H.* Op. cit. S. 93.
41. *Sombart, W.* Texnik und Kultur [Text] / W. Sombart // Archiv fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 33. 1911. S. 305-345.
42. Ibidem. S. 307-309, 312, 314, 322.
43. *Валлерстайн, И.* Конец знакомого мира [Текст] / И. Валлерстайн. М., 2004. С. 114.
44. *Rathenau, W.* Briefe, Bd. 1. S. 329. Rathenau W. an Georg Volg, 29.10.1917.
45. *Rathenau, W.* Von kommenden Dingen Sombart [Text] / W. Rathenau. S. 40.
46. Ibidem.
47. *Naumann, F.* Werke. Bd. 4. S. 324f.
48. Ibidem. S. 373; Rathenau, W. Von kommenden Dingen. S. 54.
49. *Rathenau, W.* Von kommenden Dingen. S. 63.
50. Ibidem. S. 80.
51. Ibidem.
52. Ibidem. S. 82.
53. Ibidem. S. 84.
54. Ibidem. S. 85.
55. Ibidem. S. 86.
56. *Rathenau, W.* Die neue Wirtschaft [Text] / W. Rathenau. Berlin, 1918. S. 31.
57. *Rathenau, W.* Von kommenden Dingen. S. 100.
58. Ibidem. S. 109.
59. Ibidem. S. 130.
60. Ibidem. S. 139
61. Ibidem. S. 130.
62. *Rathenau, W.* Zur Kritik der Zeit. S. 320.
63. *Rathenau, W.* Die neue Wirtschaft. S. 27-28.
64. *Хайек, Ф. А.* Дорога к рабству [Текст] // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 137.
65. *Зомбарт, В.* Современный капитализм [Текст] / В. Зомбарт. Т. 3. С. 514-515.
66. Цит. по: *Хайек, Ф. А.* Дорога к рабству [Текст] / Ф. А. Хайек // Вопросы философии. 1990. № 12. С. 113.
67. *Rathenau, W.* Die neue Wirtschaft. S. 56-58.
68. Ibidem. S. 61.
69. Ibidem. S. 62.
70. Ibidem. S. 74.
71. *Rathenau, W.* Briefe. Bd. I. S. 249.
72. *Kranz, H. W.* Die sozial- und geselschaftspolitischen Vorstellungen W. Rathenau [Text] / H. Kranz. Koln, 1976. S. 12.

73. *Wehler, H.-U.* Modernisierungsteorie und Geschichte [Text] / H.-U. Wehler. Gottingen, 1975; Organisieren Kapitalismus / hrg. von Winkler. Gottingen, 1974; *Kocka, J.* Klassengesellschaft in Krieg: Deutsche Sozialgeschichte, 1914–1918 [Text] / J. Kocka. Gottingen, 1973.

74. *Гильфердинг, Р.* Финансовый капитал [Текст] / Р. Гильфердинг. Вена, 1924; Он же. Капитализм, социализм и социал-демократия: сб. ст. и речей Р. Гильфердинга. М.; Л., 1924.

75. *Strandmann, H. P.* Rathenau zwischen Politik und Wirtschaft [Text] / H. P. Strandmann // An Wendepunkt der europaischen Geschichte. Gottingen; Zurich, 1981. S. 93.

М. С. Судовиков

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ЛИЧНОСТЬ (по материалам Вятской губернии)

В статье прослеживаются основные этапы развития системы самоуправления в Вятско-Камском регионе, рассказывается об общественных деятелях второй половины XIX – начала XX в., сыгравших видную роль в развитии местного самоуправления, отмечаются особенности работы вятских городских дум и земства.

Вятская земля имеет богатые традиции местного самоуправления. Еще в домосковский период здесь сложился особый аппарат управления, похожий на новгородский. Вятское вече с высшими должностными лицами – земскими воеводами, ватаманами, подвойскими – ведало всеми местными делами. Затем, после похода на Вятку летом 1489 г. московского войска и присоединения края к Москве, наступило время централизованного государственного управления.

Богатые традиции вятского самоуправления нашли свое дальнейшее развитие в XVI–XVII вв. Выборными должностными лицами в тот период были земские старосты и губные головы, наделявшиеся некоторыми хозяйственными, финансовыми и судебными полномочиями, а с правления Петра I – бурмистры. Все эти лица избирались из числа местных состоятельных людей.

Существенные изменения в системе самоуправления произошли после выхода в 1785 г. Жалованной грамоты городам. По этому закону в России появились новые органы местного общественного управления: распорядительные – общие и исполнительные – шестигласные городские думы. В Вятском наместничестве думы появились в 1792 г.: в сентябре – в Котельниче, в октябре – в Орлове, в декабре – в Слободском. В Вятке городская дума была открыта 26 августа 1793 г. [1]

До буржуазных преобразований 1860–1870-х гг. в думах Вятской губернии заседали гласные, избранные по сословному принципу из числа гильдейских купцов, цеховых ремесленников и зажиточных мещан. Позже, после великих реформ, думское представительство расширилось: в Вятской городской думе гласных насчитывалось уже не менее 20, городское самоуправление становилось всесословным. Однако далеко не все жители имели избирательные права. Последние получала лишь часть населения – плательщики городских налогов и сборов. Так, в Вятке в 1870 г. из 19 885 жителей в городских выборах могли участвовать только 642 чел. (или 3,2%), в начале 1880-х гг. – из 24 478 чел. – 886 (3,6%) [2].

По Городовому положению 1870 г., распорядительные полномочия были сосредоточены в руках городской думы, исполнительные – городской управы, занимавшейся всей текущей работой. Эти учреждения действовали в течение четырех лет, до следующих выборов.

С самого начала видное место в вятском самоуправлении занимали представители купеческого сословия. Будучи состоятельным и привилегированным слоем населения, они получали избирательные права и возможность, в случае избрания, быть гласными. Если до реформ 1860–1870-х гг. служебная деятельность воспринималась купцами как тяжелая обременительная повинность, то после преобразований их отношение к общественной службе изменилось. В этом сыграли свою роль и правительственная политика, повышавшая статус органов городского самоуправления, и фактор роста культурного уровня и самосознания самих купцов. Последние уже отчетливо понимали, что служба в городских учреждениях и в земстве ставила их в ранг руководителей не только хозяйственной, но и общественной, и культурной жизни, гарантировала им социальную защиту, спасала от банкротства. С историей городских дум связана деятельность многих известных в регионе предпринимателей. Городскими головами и гласными в Вятской губернии избирались купцы Машковцевы, Рязанцевы, Хохряковы, Караваевы, Поскребышевы, Гусевы, Я. А. Прозоров, Лаптевы, Клобуковы, А. Н. Кузнецов и др. В большинстве своем это были люди неравнодушные к общественным интересам, искренно желавшие делом помочь родному городу. Не случайно, что именно среди членов думы был высоким процент купцов-благотворителей.

Деятельность дум, как устанавливалось законодательно, охватывала прежде всего хозяйственные «пользы и нужды». В их ведении находились капиталы и имущество города. Думы заве-

СУДОВИКОВ Михаил Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории ВятГГУ
© Судовиков М. С., 2005

довали торговлей, строительством, школьными, медицинскими и благотворительными делами. Одним из ведущих направлений их деятельности являлось благоустройство городов. Думцы прилагали немало сил, решая вопросы по постройке мостовых, устройству водопровода, электрического освещения, транспорта, телефона и т. д.

Особенно сильно облик вятских городов изменился на рубеже XIX–XX вв. Губернский центр являлся тогда уже не только административным, но и крупным экономическим и культурным центром. В 1904–1905 гг. в нем насчитывалось 23 промышленных предприятия, около 300 ремесленных заведений и большое число лавок и магазинов. В Вятке работали театр, библиотеки, имелись мужская и женская гимназии, профессиональные училища. В этот период в должности городского головы находился Яков Иванович Поскребышев (1866–1912).

Для тихой и провинциальной Вятки размах его деятельности был впечатляющим. С именем Я. И. Поскребышева связано появление городской электростанции, водопровода, телефонной станции, открытие городской бесплатной библиотеки-читальни им. А. С. Пушкина, Вятского городского попечительства о бедных. Поскребышев всеми силами добивался строительства железной дороги, в конечном итоге соединившей Вятку с северной столицей – Петербургом. Его вниманием были охвачены школы и больницы губернского центра. На заседании думы поднимался вопрос о скорейшем замощении улиц. При нем был устроен бульвар на Николаевской улице. У Якова Ивановича имелось немало и других замыслов по благоустройству губернского центра, по превращению его в крупный торгово-промышленный и культурный центр Русского Севера и Приуралья.

Биография Я. И. Поскребышева не походила на судьбы многих его сверстников, выходцев из купеческого сословия. Будучи сыном купца 1-й гильдии, имевшего кожевенный завод и торговавшего юфтью, и обладая природными способностями к обучению, Поскребышев получил приличное образование: сначала Яков учился в Вятской мужской гимназии, а затем – на физико-математическом факультете Императорского Петербургского университета, который окончил с дипломом 1-й степени. Вернувшись в Вятку, Я. И. Поскребышев в 1893 г. становится сверхштатным чиновником губернского акцизного управления, в 1894 г. по указу Правительствующего Сената он утверждается в чине коллежского секретаря, в 1896 г. исполняет обязанности секретаря Вятского губернского акцизного управления.

Начавшаяся служебная карьера не позволяла Якову Ивановичу реализовывать себя в полной мере. Его энергичная натура, наполненная духом петербургской студенческой жизни, требовала более широкого поля деятельности, и он нашел его – на общественном поприще. С 1895 г. Я. И. Поскребышев с небольшой группой передовой, демократически настроенной интеллигенции издавал газету «Вятский край». Это была первая частная газета в губернии, выходившая три раза в неделю и имевшая большую популярность среди вятчан. Идейным вдохновителем газеты был в прошлом крепостной и ссыльный, выпускник Казанского университета, публицист и земский деятель Петр Александрович Голубев, а Я. И. Поскребышев являлся ее издателем. На страницах «Вятского края» публиковались материалы о жизни крестьян, о развитии народного образования, о прогрессивных деятелях, например о председателе Вятской губернской земской управы А. П. Батуеве, помещались злободневные фельетоны. После избрания Якова Ивановича городским головой издателем-редактором газеты становится И. А. Желваков. В последующее время по причине оппозиционности издание газеты было приостановлено [3].

Дальнейшая жизнь Я. И. Поскребышева была связана со службой в городской думе. Став в 1897 г. гласным Вятской городской думы, Яков Иванович выбирается городским головой, и на эту высокую должность в городском самоуправлении он избирался трижды.

В конце XIX в. Вятка, имевшая 25-тысячное население, крайне нуждалась в деловом и образованном руководителе, способном преодолеть экономическую и культурную отсталость губернского города. Я. И. Поскребышеву предстояло решить вопросы, которые давно назрели, но не находилось энтузиаста, готового к масштабным действиям по преобразованию городского хозяйства. И на пороге XX в. такой человек нашелся. Мы уже отмечали заслуги Я. И. Поскребышева в деле благоустройства города, в строительстве железной дороги, в организации школьного и медицинского дела. «За минувшее четырехлетие, – говорилось в его отчетном докладе на думском заседании 23 февраля 1905 г., – ...открыта женская начальная школа, открыто четвертое отделение при Треповской школе, открыто параллельное отделение при городском училище и назначена довольно крупная субсидия на учреждение в г. Вятке 2-го городского училища, образовано значительное количество стипендий как в высших, так и в средних учебных заведениях» [4]. За всем этим стояла громадная и упорная работа городского головы, его частые и порой изматывающие поездки в Петербург и Москву по многим архиважным проблемам городского хозяйства.

Для Я. И. Поскребышева был характерен демократический стиль руководства. «Как админи-

стратор, – указывалось в 1912 г. в газете "Вятская речь", – Яков Иванович был доступен для всех и входил в нужды просителей без различия их общественного положения» [5]. Современники запомнили его «крайне вежливым, выдержанным, скромным, своим обращением и видимостью всем симпатичным» [6]. Поскребышева отличали и такие качества, как целеустремленность и настойчивость. Человек холостой, Яков Иванович целиком отдавал себя службе и общественным делам. Он успевал поучаствовать в работе кружка любителей естествознания, побывать на заседаниях Вятской ученой архивной комиссии. Я. И. Поскребышев играл на рояле и скрипке. Его проекты казались иногда фантастическими, но они тем не менее успешно реализовывались. Городской голова без дела не находился. Воплотив в жизнь один проект, он тут же приступал к реализации другого, несмотря порой на множество препятствий.

Любое крупное дело начиналось с вечных финансовых сложностей. Из-за скудости городского бюджета сметы составлялись с дефицитом, и Поскребышев искал все возможные пути его преодоления. Необходимые денежные суммы восполнялись с помощью займов у горожан. Дума не хотела связывать устройство городских учреждений с концессионерами и обрекать себя на зависимость от них. Однако средств было недостаточно, и поэтому ряд проектов того периода так и остались на бумаге. Я. И. Поскребышев мечтал об устройстве в Вятке трамвайной линии, которая пролегала бы через весь город в направлении от пароходной пристани к железнодорожному вокзалу. Еще была мечта соорудить на площади у Александровского сада памятник Александру II – царю, освободившему крестьян от крепостной зависимости. Дума для этой цели решила выделить сумму в размере 1000 руб., но этих денег было явно недостаточно.

Были и другие трудности, с которыми сталкивался вятский городской голова. Его весьма удручала проблема неэффективности городского самоуправления. «Развитию деятельности городского управления во многом препятствует его организация. Слишком незначительный контингент избирателей, ограничение круга ведомства и самостоятельности городского самоуправления лишают его возможности плодотворно работать для удовлетворения запросов населения города», – отмечал он на заседании думы в феврале 1905 г. [7] Это заявление, направленное против действовавшего Городового положения 1892 г., являлось по сути антиправительственным.

В революционный 1905 г. деятельность вятских думцев приобрела ярко выраженную политическую окраску, хотя по законам дума имела право заниматься только административно-хозяйственными вопросами. Городской голова Я. И. Поскребышев и его коллеги-гласные принимали участие в работе общероссийских совещаний деятелей органов местного самоуправления. Вятские думцы разработали и 18 мая 1905 г. одобрили документ, по которому предлагалось незамедлительно провести в стране коренную политическую реформу [8]. В нем говорилось о необходимости созыва всесословного представительного собрания, введения избирательного закона, основанного на всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании, о необходимости объявления демократических свобод и отмене всех сословных привилегий. В документе шла речь и об отмене смертной казни, о введении всеобщего и бесплатного обучения, о полной самостоятельности органов местного самоуправления и расширении сферы их деятельности, говорилось об отмене выкупных платежей и наделении землей безземельных и малоземельных крестьян, об улучшении положения рабочих, об изменении налоговой системы. Проект этого документа был издан типографским способом. В дальнейшем имя Я. И. Поскребышева значилось в списках вятских кадетов.

Бурная политическая деятельность вятского городского головы вызывала недовольство со стороны местных проправительственных сил. Во время черносотенного погрома в г. Вятке, произошедшего 22 октября 1905 г., толпа разъяренных людей искала Я. И. Поскребышева для расправы над ним. Сам Яков Иванович скрывался в доме гласного А. А. Прозорова, откуда неоднократно звонил губернатору и требовал вызвать войска для установления порядка, но тот медлил. Поскребышев покинул свое убежище на чужой лошади и после встречи с губернатором, когда стемнело, спешно на поезде выехал из города. А. А. Прозоров вспоминал: «Городской голова, подходя первые два раза к телефону, был тверд, как всегда, но, когда шел в третий раз, то ноги его уже подкашивались и он хватался руками за мебель. Так сильно отразился на нем пережитый момент... Оставшись невредимым снаружи, он, тем не менее, пострадал душевно...» [9] Остается добавить, что во время черносотенного погрома в Вятке было убито шесть человек и ранено около 30.

В Вятку Я. И. Поскребышев вернулся только через месяц, 28 ноября 1905 г. В этот день было назначено очередное заседание думы. Яков Иванович извинился перед гласными городского собрания, что не успел ознакомиться с рассматриваемыми делами, и сказал, что ему необходимо о многом поговорить с думой и представить свои объяснения о последних событиях [10]. Поскребышев, в тот момент несколько растерянный, нашел у думцев понимание.

В декабре 1905 г. политическая ситуация в Вятке обострилась еще больше. 1 декабря в городской думе принимаются депутации от Крестьянского съезда, от служащих Вятской почтово-телеграфной конторы, которые просили об организации городской милиции, выделении помещений для собраний, о моральной и материальной поддержке. Многие гласные думы сочувственно отнеслись к предложениям депутаций. 8 декабря 1905 г. городская дума утвердила текст телеграммы председателю Совета Министров С. Ю. Витте, в которой, в частности, говорилось: «Вятская городская дума ходатайствует пред Вашим Сиятельством о признании за служащими почты и телеграфа права на образование союзов, об освобождении арестованных и о принятии на службу уволенных служащих, а также об улучшении их материального положения» [11].

18 декабря 1905 г., когда в г. Вятке произошло вооруженное столкновение между дружиной Крестьянского союза и силами правопорядка, Я. И. Поскребышев вместе с членом управы А. М. Васнецовым был у городской водокачки, захваченной дружинниками, и вел переговоры, убеждая последних оставить водокачку [12]. Небезынтересно, что водокачка в это время продолжала работать и жители Вятки без воды не оставались. К вечеру дружинники сдались.

Постоянное напряжение и переживания, которые испытывал Я. И. Поскребышев особенно в 1905 г., спровоцировали у него болезнь. Яков Иванович, будучи городским головой, попадает в клинику душевных и нервных болезней при Императорской Военно-медицинской академии, где его лечил известный врач В. М. Бехтерев, затем проходил курс лечения в частной клинике. У Поскребышева имелось немало недоброжелателей. Летом 1907 г. по их инициативе было составлено письмо на имя губернатора, в котором выражалось недоверие городскому голове. Я. И. Поскребышеву предъявлялись обвинения в «запутывании городского хозяйства», в политической неблагонадежности, в том, что он в своей деятельности учитывал интересы домовладельцев, проживавших в центральной части города [13]. В скором времени вопрос об отставке Якова Ивановича был решен. В ноябре 1907 г. он увольнялся от службы по болезни, а обязанности вятского городского головы стал исполнять член управы А. М. Васнецов.

Тяжело болея, Я. И. Поскребышев один не оставался. В Вятке жили его родственники. У него были братья, совместно с которыми он владел кожевенным и клееваренным производствами, лавкой, двумя домами. По воспоминаниям А. А. Прозорова, за два года перед смертью Поскребышев женился на дочери вятского пароходчика Т. Ф. Булычева, которую любил чуть ли не с самого детства. Александра Тихоновна поехала на Кавказ, где лечился Поскребышев, чтобы обвенчаться с ним. «Я люблю его, не за кого замуж не пойду, буду его сестрой милосердия», – сказала эта заботливая женщина [14].

Последние годы Я. И. Поскребышева были весьма трагическими. Он жил «почти без признаков рассудочного человека» [15]. В 1912 г. в газете «Вятская речь» появилось печальное сообщение: «Яков Иванович Поскребышев скончался 8 ноября в 7 час. утра. Панихида на дому сегодня в 12 час. дня. Вынос тела покойного сегодня же в 4 час. дня, а погребение 10-го в 9 час. утра в Успенском соборе (Трифонова монастыря), о чем семья извещает родных и знакомых» [16].

Имя и дела Я. И. Поскребышева еще долго не забывались вятчанами. Не случайно А. А. Прозоров, работая над своими воспоминаниями уже в советский период, назвал Якова Ивановича славным человеком, оказавшим «громадную пользу городу, каковая доселе не удавалась никому» [17].

Весьма плодотворной была деятельность и целого ряда местных земцев. В период буржуазных реформ 1860–1870-х гг. Вятская земля вошла в число тех губерний, где местное самоуправление вводилось в полном объеме. 1 января 1864 г. Александром II утверждается «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». В Вятском крае земство открылось в 1867 г. Сначала приступили к работе уездные земства, позже – губернское. «20 мая имеет быть открыто в г. Вятке первое губернское земское собрание...», – сообщал губернатор Н. В. Компанейщиков [18]. Земскими деятелями стали выходцы разных слоев населения – дворяне и купцы, духовенство и крестьяне, мещане, но участвовать в выборах в земские учреждения могли лица, имевшие определенный законом имущественный ценз, и представители сельских крестьянских обществ. Особенность местного земства заключалась в том, что ввиду незначительности на Вятке поместного дворянства его социальный состав был более демократичным, чем в других регионах.

Первым земским гласным пришлось особенно нелегко. Население, как указывается в одном из документов, «надо было поднимать, как новь, и в культурном, и в экономическом отношении. На полях и лугах гуляли лишь соха, да коса-горбуша. Никаких улучшенных орудий земледелия не водилось. Умственная слепота народа и телесные его немощи оставались почти без врачевания» [19]. Проблема заключалась не только в том, что в ведение вятских земств перешли немногочисленные, влачившие убогое существование школы, больницы, богадельни, приюты, или в архаичности быта сельского населения, но и в том, что «при духовной тьме народ поворачивался

спиною ко всем формам и видам улучшенного хозяйства. Он не мог верить сюртуку и пиджаку, когда сам себя привык считать пахарем-кормильцем всякого иного звания людей» [20]. Поэтому земцам пришлось прежде всего обратить внимание на просветительскую работу, а позже, в 1880–1890-е гг., они основательно взялись за решение и сельскохозяйственных проблем.

Многие прогрессивные начинания вятского земства были связаны с деятельностью Матвея Матвеевича Синцова (1835–1910) – первого председателя губернской земской управы. В период его недолгой службы, с 1867 по 1870 г., в губернии открылось большое число новых учебных заведений. В 1870 г. насчитывалась уже 361 земская начальная школа, тогда как в 1867 г. их было 212. При М. М. Синцове на заседаниях губернского собрания ставился вопрос об открытии профессиональных училищ, обсуждались и другие насущные проблемы – об устройстве новых больниц, вопросы по агрономической и ветеринарной части, говорилось об открытии земского банка, об издании земской газеты, о строительстве железной дороги, соединявшей Вятский край с Северной Двиной. Последние две идеи были воплощены в жизнь только через 30 лет, в конце XIX в. Проблемы же, связанные с медициной и сельским хозяйством, решались безотлагательно.

Матвей Матвеевич много размышлял над тем, как организовать деятельность земства, чтобы его работа была более эффективной. Вместе с бухгалтером Поповым он ездил в Новгород, где земство открылось раньше, для ознакомления с опытом работы губернских земских учреждений. О порядке, установленном М. М. Синцовым в Вятской губернской земской управе, можно судить по ее отчету за 1867 год: «В своем делопроизводстве управа всевозможно старалась избежать канцеляризма и удерживалась от распложения переписки... Приступив к своим занятиям, губернская управа твердо решилась избегать бесполезного формализма и наблюдать, чтобы они шли наиболее успешно... Вятская управа признала за полезное, чтобы члены занимались каждый, по мере сил и возможности, безразлично всеми делами ее, причем, как потребует самая необходимость, имели и специальные занятия...» [21]

Просвещение и экономический подъем крестьянства – направление, избранное земствами Вятской губернии на начальном этапе, оставалось главным и в последующие годы. Весьма плодотворно деятельность по его реализации развернулась в 1890-е гг., когда председателем губернской земской управы стал А. П. Батуев (1863–1896).

Авксентий Петрович родился в семье малмыжского купца 2-й гильдии, потомственного почетного гражданина П. И. Батуева. Петр Иванович торговал мануфактурными и галантерейными товарами, солью, виноградными винами, книгами. Судьба же его сына сложилась иначе. После окончания в Казани гимназии и юридического факультета университета А. П. Батуев стал сначала помощником присяжного поверенного, затем служил мировым судьей в Малмыжском уезде и земским начальником. В декабре 1891 г. он избирается председателем Вятской губернской земской управы. Спустя три года, в 1895 г., Батуев был утвержден в этой должности вторично.

Губернская управа, руководимая молодым, энергичным А. П. Батуевым, стала центром разработки широкомасштабных просветительских и экономических планов, которые оставались не только на бумаге. Вспомним некоторые из них. В декабре 1894 г. Вятское губернское земское собрание по докладу управы принимает решение о выделении 15 тыс. руб. на открытие 3000 сельских библиотек, а в декабре следующего, 1895 г. в докладе управы говорилось: «В течение всего года как губернская управа, так и уездные горячо работали над осуществлением постановления собрания, и в настоящее время губернская управа имеет честь доложить собранию, что дело это приближается уже к концу и в начале будущего года возможно будет открыть большую часть библиотек... В настоящее время г. губернатором утверждены библиотекари для 1895 сельских библиотек» [22].

Помимо библиотек в Вятской губернии в 90-е гг. XIX в. открылось большое число новых земских школ. Первоначально земцы произвели ревизию действовавших учебных заведений, которая выявила давно назревшую необходимость увеличения их числа. Вслед за этим на губернском собрании 1895 г. после долгих дебатов было принято постановление об устройстве 547 министерских училищ и 600 школ на средства губернского земства [23]. Решение это исполнялось незамедлительно. Уже в 1896 г. в губернии было открыто 185 новых начальных учебных заведений.

При А. П. Батуеве, начиная с марта 1894 г., стала выходить крестьянская «Вятская газета». Она издавалась первое время два раза в месяц, затем – еженедельно и имела большой тираж – 6000 экземпляров. Значительная часть тиража «Вятской газеты» бесплатно рассылалась сельским обществам, школам, библиотекам, и поэтому каждый крестьянин мог ознакомиться с ее материалами.

В 1894 г. при содействии Батуева в Вятке был открыт губернский книжный склад. Позже его отделения появились во всех уездах. Немало сил Авксентий Петрович отдал и решению дел, связанных с сельским хозяйством, медициной, железнодорожным строительством, развитием кустарных промыслом.

Деятельность Батуева впечатляла многих современников. Крупнейший книгоиздатель Иван Дмитриевич Сытин писал: «В несколько лет заброшенная, полузабытая северная губерния стала центром внимания, и на Нижегородской ярмарке уже появились специальные вятские ряды, занимавшие несколько корпусов, где вятское земство устраивало выставку своих произведений». «Ай да Батуев!», – восклицал Сытин [24]. К сожалению, далеко не все задуманное А. П. Батуев смог осуществить. Он трагически погиб в 33 года.

Благодаря М. М. Синцову, А. П. Батуеву и целому ряду других земских тружеников вятское земство являлось одним из самых передовых. Личностный фактор сыграл в нем, как и в городском самоуправлении, существенную роль. Воплощению в жизнь многих прогрессивных социально-экономических и культурных проектов зачастую мешал чрезмерно жесткий административный контроль за деятельностью органов общественного управления, особенно усилившийся после утверждения новых Земского (12 июня 1890 г.) и Городового (11 июня 1892 г.) положений, и финансовые проблемы. Однако несмотря на все трудности, вятское самоуправление оказалось жизнеспособным и весьма деятельным общественным институтом.

Примечания

1. *Бехтерев, Н.* Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества. 1780–1880 [Текст] / Н. Бехтерев, А. Андриевский, Н. Спасский // Столетие Вятской губернии. 1780–1880: сб. материалов к истории Вятского края. Т. 1. Вятка, 1880. С. 254.

2. *Нардова, В. А.* Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Правительственная политика [Текст] / В. А. Нардова. Л., 1984. С. 61, 63.

3. Подробнее см.: *Сергеев, В. Д.* Из истории вятских газет. 1837–1917 [Текст] / В. Д. Сергеев. Вятка (Киров), 2002. С. 41–50.

4. ГАКО. Ф. 587. Оп. 10. Д. 9. Л. 113.

5. Вятская речь. 1912. № 248. 9 нояб.

6. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 89.

7. Там же. Ф. 587. Оп. 10. Д. 9. Л. 113 об., 114.

8. Там же. Л. 273–274 об.

9. Там же. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 100 об.

10. Там же. Ф. 587. Оп. 10. Д. 9. Л. 607.

11. Там же. Л. 679–679 об.

12. Там же. Л. 696–696 об.

13. Там же. Оп. 2. Д. 274. Л. 32–33 об.

14. Там же. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 90.

15. Там же.

16. Вятская речь. 1912. № 248. 9 нояб.

17. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 90.

18. Там же. Ф. 616. Оп. 1. Д. 1. Л. 12; Вятское уездное земство было открыто 8 января 1867 г.

19. Там же. Ф. 587. Оп. 19. Д. 76. Л. 24–25.

20. Там же. Л. 25.

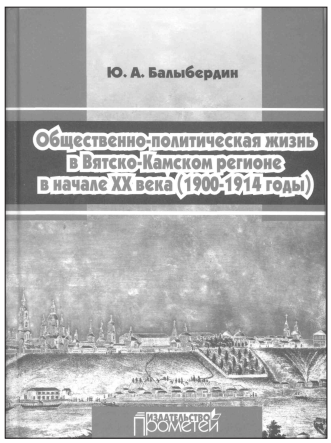
21. Там же. Ф. 616. Оп. 1. Д. 285. Л. 24–24 об.

22. Журналы Вятского губернского земского собрания XXIX очередной сессии и приложения к ним (с 17-го по 21-е декабря 1895 г.). Т. 1. Вятка, 1896. С. 722–725.

23. См.: *Веселовский, Б. Б.* История земства за сорок лет [Текст]: в 4 т. / Б. Б. Веселовский. СПб., 1909–1911. Т. 4. С. 653; Журналы Вятского губернского земского собрания... Т. 1. С. 332–389.

24. *Сытин, И. Д.* Жизнь для книги [Текст] / И. Д. Сытин. М., 1962. С. 177–178.

НОВЫЕ КНИГИ



Балыбердин, Ю. А. Общественно-политическая жизнь в Вятско-Камском регионе в начале XX века (1900–1914 годы) [Текст] / Ю. А. Балыбердин. – М., 2005. – 400 с.

В монографии на фоне экономического положения народа исследуется общественно-политическая жизнь Вятско-Камского региона в начале XX в. Главное внимание уделяется возникновению и деятельности политических партий и непартийных общественных организаций. Для специалистов-историков и всех интересующихся проблемами истории.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

А. С. Смыкалин

ТАЙНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917–1920-е гг.)

Автор на основе архивных материалов анализирует формы и методы государственного политического контроля в первые годы после установления советской власти.

Новый социальный строй, согласно теоретическим воззрениям В. И. Ленина, должен был уничтожить старые одиозные институты царской власти, как и весь карательный аппарат. Действительно, в первые дни революции были упразднены органы тайной полиции, так называемая «охранка», жандармерии, прокуратуры и даже демонтированы некоторые тюрьмы.

Но вскоре большевики поняли, что без заглядывания в частную переписку граждан им не обойтись. Вопрос о тайне переписки не поднимался в конституционных актах советского государства до 1936 г. Ни в Конституции РСФСР 1918 г., ни в позднейшей Конституции СССР 1924 г. и Конституции РСФСР 1925 г. об этом ничего не говорится. Но в сталинской Конституции 1936 г., имевшей большое международное политическое значение, вопрос о личных правах граждан СССР обойти уже было нельзя. Поэтому статья 128 торжественно объявляла, что в СССР тайна личной переписки охраняется законом. С целью отвлечения внимания от этой проблемы и для пущей убедительности во втором издании Большой Советской Энциклопедии было дано определение перлюстрации. Тем самым как бы подчеркивалось, что тайное вскрытие государственными органами частной корреспонденции – функция буржуазной государственной машины, но никак не социалистической. Тема сразу же была окутана глубокой тайной, отсюда и отсутствие каких-либо публикаций. И лишь в начале 90-х гг. появились первые публикации, посвященные этой проблеме. Среди работ на эту тему крупнейшими и обстоятельными являются работы профессора В. С. Измозика [1] Некоторые другие работы были изданы очень маленьким тиражом в первые годы советской власти либо вообще за рубежом и поэтому отсутствуют в библиотеках России [2]. Вместе с тем тема заслуживает пристального внимания, поскольку дает возможность заглянуть в глубины политического механизма социалистического государства.

Несмотря на то, что в своих теоретических постулатах В. И. Ленин указывал на необходимость разрушения угнетательной части карательного аппарата царской России, многие структурные механизмы этого аппарата были оставлены в неприкосновенности. Это касалось и политического контроля за жизнью граждан нового социалистического государства. Более того, штат чиновников, занимавшихся ранее перлюстрацией корреспонденции, остался в полной сохранности.

Первоначально эти функции в центре были возложены на Экономическую секцию Управления военного контроля в Петрограде, которая занималась перлюстрацией корреспонденции международного характера. В условиях правового хаоса и нестабильной политической обстановки анализ перлюстрированных материалов отправлялся и предлагался различным потребителям, в том числе и хозяйственным органам. Однако, естественно, наибольший интерес к этой информации проявила Петроградская ЧК, которая не только отметила ценность представляемой информации, но и просила в дальнейшем проводить эту работу.

Еще больше подняло дух перлюстраторам корреспонденции законодательное закрепление их деятельности. 22 июня 1918 г. Управление делами Совнаркома РСФСР отправило официальное отношение Управлению военного контроля, в котором отмечалось: «Свидетельствуя получение ваших отношений за № 3738 и 3742, имею честь по поручению Председателя Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ульянова просить Вас *энергично* (выделено мной. – *А. С.*) продолжать Вашу деятельность в борьбе со спекуляцией, шпионажем и контрреволюцией и доставлять соответствующие сведения секретными пакетами на мое имя, а также широко информировать и завязать сношения с Всероссийской Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, помещающейся в Москве на Большой Лубян-

СМЫКАЛИН А. С. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральской государственной юридической академии
© Смыкалин А. С., 2005

ке, 11. Секретарь Совета Народных Комиссаров Н. Горбунов» [3].

Данный документ можно рассматривать как официальное признание деятельности царских перлюстраторов новым советским правительством. Деятельность, которая сразу же приобрела совершенно секретный характер.

Вероятно, что первым органом, проводившим перлюстрацию корреспонденции в советской России, было Управление военного контроля. Сотрудники военно-контрольного бюро просматривали и анализировали простую и заказную международную корреспонденцию, проходившую через Петроград. Задачей контроля было выделение писем и телеграмм криминального и подозрительного характера с точки зрения охраны государственности. Действовал следующий порядок прохождения корреспонденции через цензуру: корреспонденция приходила с почтамта, предварительно рассортированная почтовыми чиновниками, в присутствии дежурных почтовых контролеров. Они следили за тем, чтобы вся корреспонденция подлежала читке, поступала полностью на просмотр. Кстати, идея тотального, всеобъемлющего характера перлюстрации будет иметь тенденцию и в дальнейшем, особенно в годы Великой Отечественной войны, чего мы коснемся позже.

Простая корреспонденция подавалась в мешках по приблизительному подсчету писем. Заказные письма поступали с описями, составленными на почтамте. После проверки количества писем в каждой пачке они передавались в Стол для обработки по секретным спискам (перечням лиц, чьи письма подлежали обязательной перлюстрации) доверенным сотрудникам. Остальные письма поступали «через руководителей в читку по группам военных контролеров». По прочтении письмо оклеивалось «заклейками теми же военными контролерами, которые их вскрывали», а сверху ставился штамп контролера.

Таким образом, существенным отличием почтовой военной цензуры, от перлюстрации являлся ее открытый характер. Более того, письмо даже проштамповывалось военным цензором. Следующим этапом являлась сортировка писем на те, которые подлежали задержанию, и те, которые направлялись адресату немедленно. По задержанным письмам составлялся меморандум, ответственность за составление которого ложилась на осведомителей, находившихся при каждом отделе. Кроме этого осведомитель должен был составлять и месячный отчет как по осведомительной, так и по экономической части. Деятельность осведомителей контролировалась в специальном проверочном отделе. Следовательно, существовал еще и дополнительный контроль.

Поскольку общих инструкций еще не было, практика работы отделений военной цензуры в разных городах была различной. Например, в Москве осведомители не были распределены по группам и составляли «отдельный стол», на который передавались все меморандумы. В октябре 1918 г. при Полевом штабе Реввоенсовета Республики (РВСР) был создан военно-цензурный отдел, входивший по ноябрь 1919 г. в Регистрационное Управление (тогдашнее название Разведывательного Управления РККА). Согласно приказу РВСР от 27 ноября 1919 г. отдел стал самостоятельным при РВСР, подчиняясь непосредственно комиссару Полевого штаба. 23 декабря 1918 г. РВСР утвердил «Положение о военной цензуре», вводившее контроль над всей печатной продукцией, радио, телеграфом и телефоном, а также просмотр международной и «по мере надобности внутренней почтово-телеграфной корреспонденции», «контроль над переговорами по иногороднему телефону». Так было положено начало не только просмотру корреспонденции, но и тайному прослушиванию телефонных разговоров.

Согласно Положению отмечалось, что с целью сохранения военной тайны учреждается Военная цензура, которая производит предварительный осмотр всех произведений печати, рисунков, фотографических и кинематографических снимков, предназначенных к выпуску в свет, в коих собираются сведения военного характера; просмотр в виде контроля вышедших в свет произведений, указанных в пункте «а»; предварительный осмотр предположенных к опубликованию всякого рода официальных сообщений и проч., содержащих военные сведения; просмотр международных и по мере надобности внутренних почтовых отправлений и телеграмм; просмотр материала, указанного в пункте «а», при перевозе его через границу Республики; контроль над переговорами по иногороднему телефону [4].

Начальником отдела военной цензуры до конца декабря 1919 г. был Я. А. Грейер. В обязанности отдела военной цензуры среди прочего входила «информация правительственных учреждений и доставление заинтересованным органам сведений, могущих быть полезными в деле ведения борьбы со злоупотреблениями, наносящими вред интересам Республики». В отдел входили военно-цензурные отделения при отделах военного контроля военных округов, военно-цензурные пункты при отделениях военного контроля губернских военных комиссариатов и местные военные цензоры. В июне 1919 г. окружные военно-цензурные отделения получили название «Отделения военной цензуры почт и телеграфов» [5].

Позднее разрабатываются штаты новых учреждений и появляются первые инструкции, ка-

сающиеся характера работы. Общая численность персонала для осуществления перлюстрации (без технического состава) должна была составить по всей Советской России около 1 000 человек. Инструкции устанавливали и сроки просмотра корреспонденции. Для открыток на русском языке «два дня со времени поступления в Военный контроль», «для открыток на иных языках и писем три дня, для телеграмм – 4 часа». При вскрытии заказных отправлений требовалось составлять акт, а на оболочке простых писем и на телеграммах делать отметку «Просмотрено военным контролем».

Видимо, ценность получаемой таким образом информации породила у руководителей молодой советской Республики идею о расширении сферы деятельности и установлении негласного политического контроля и над гражданским населением страны. Этот контроль уже сочетался и с элементами политического сыска. В этом отношении любопытный материал представляют перлюстрированные письма эпохи гражданской войны. Они показывают истинное положение дел, отношение крестьян и рабочих к новой власти, к войне и миру, к новым политическим ценностям, тем самым как бы приоткрывая завесу над понятием «загадочной русской души».

Анализ этих писем показывает, что порядочные люди были в обоих лагерях, были благородные белые и негодяи авантюристы красные, и там и там были садисты и преступники.

Исходя из поставленных задач и секретного характера работы, военная цензура создавалась как строго централизованное ведомство. Центральному Военно-цензурному отделу (ВЦО) подчинялись военно-цензурные отделения при реввоенсоветах армий, а также местные отделения контроля печати, радио, почты и телеграфа. ВЦО определял их численность, местонахождение и осуществлял контроль за их деятельностью.

Порядок работы каждого цензурного органа регулировался специальной инструкцией. Так, цензура военной корреспонденции производилась на основе общей Инструкции почтово-телеграфных военно-цензурных отделений и специальных Правил для цензуирования корреспонденции из Красной Армии и в Красную Армию. В соответствии с этими документами все письма подлежали перлюстрации. При этом подчеркивалось, что цензура красноармейской корреспонденции есть учреждение абсолютно секретное и разглашение малейших сведений о ее организации и деятельности карается судом Революционного трибунала [6].

Рассмотрим, что собой представляла внутренняя организация и характер деятельности этого секретного органа. Каждое военно-цензурное отделение имело несколько рядовых цензоров, контролера и начальника. Цензор получал в начале дня от контролера определенное количество писем для просмотра, а в конце дня сдавал ему готовую работу. В связи с тем, что инструкции запрещали задерживать письма более чем на 24 часа, количество писем выдавалось с расчетом возможности прочтения в указанное время. При отборе придерживались пропорционального представительства писем из разных регионов и армий страны. Цензор был обязан вскрывать письма крайне осторожно и после прочтения тщательно заклеивать. Любые пометки и вымарки в тексте строго запрещались. «Процедурные» вопросы решал обычно сам контролер.

Если при чтении письма цензору попадалось письмо, содержание которого казалось ему откровенно контрреволюционным или имеющим тайный смысл, то он его обязан был откладывать, а затем передавать начальнику отделения. Начальник мог такое письмо конфисковать и направить в Особый отдел ВЧК, а копию – в ВЦО. Конфискации подлежали также письма, содержащие шпионскую (в том числе шифрованную) информацию, различные сенсационные слухи, а также пропаганду антимилитаризма.

Кроме выявления писем запрещенного содержания цензор должен был делать выписки (они назывались «меморандумы») из просмотренной корреспонденции, дающие представления о настроениях в Красной Армии и в тылу, морально-политическом состоянии войск и населения, об их отношении к войне, командованию и к Советской власти и т. п. Все выписки классифицировались (дата, место отправления письма, воинская часть, если отправителем был красноармеец), и затем составлялись сводки по темам (военная сводка, политико-экономическая, сводка о дезертирстве) и районам (губернии или фронты).

Два раза в месяц (к 1-му и 15-му числу) эти сводки препровождались в ВЦО, а также политотдел РВС армий, в районе действия которой было расположено данное военно-цензурное отделение. В ВЦО сводки соответствующим образом обрабатывались и из них составлялись краткие тематические обзоры, которые наряду с копиями самих сводок отправлялись дальше, в секретариат РВСР и ЦК РКП(б) [7].

Обладание информацией всегда являлось основой управления независимо от того, каким путем она была получена. Поэтому особый интерес представляли письма бывших политических соратников по революционной борьбе: левых эсеров, левых коммунистов и т. д., – значительная часть которых в начале 20-х гг. уже находилась в пенитенциарных учреждениях Советской России.

В Инструкции ВЧК от 10 мая 1920 г. за № 11943 Председателю Пермского губчека «По

содержанию левых эсеров, числящихся за секретным отделом ВЧК» прямо устанавливалось: «Ни одно письмо от заключенного на волю не должно быть отправлено им непосредственно, не пройдя тюремной цензуры, причем необходимо снять копию такового и переслать в секретный отдел ВЧК» [8].

Вместе с тем говорить об истинной объективности информации, полученной путем перлюстрации корреспонденции, вряд ли возможно. Она обрабатывалась людьми, которые составляли меморандумы и которые не были лишены человеческих качеств. Подборка и анализ писем могли носить вполне тенденциозный характер и, прежде всего, зависели от личности самого цензора. Они не были вольны изменить содержание того или иного письма, но подбор выписок мог быть составлен так, что рисовал более или менее мрачную картину жизни. И даже тот факт, что эти сводки перепроверялись еще раз, не мог быть гарантией их объективности.

Получаемая от военных цензоров информация, вероятно, навела на мысль о создании всеобъемлющей системы политического контроля всего населения Советской России. Приказом РВСР от 12 июля 1919 г. предусматривалась новая структура органов цензуры почт, телеграфов, радио и телефона. Намечалось и восемь видов почтовой цензуры: I) отделение почтово-телеграфного, радио и телефонного контроля в Отделе военной цензуры – 25 человек (старших контролеров – 3, контролеров – 20, шифровальщик – 1, химик-лаборант – 1; II) почтовые подотделения Московского и Петроградского отделения военной цензуры: соответственно 212 и 233 человека (начальников – 15, знающих не менее трех иностранных языков – 30, менее трех – 120, один шифровальщик, 10 заклейщиков; для телеграфа: 4 начальника, 20 цензоров, далее – прикомандированные из почтово-телеграфной конторы и химик-лаборант); III) при РВС фронтов – 27 сотрудников; IV) при РВС армий – 22; V) в военно-цензурных пунктах при полевых почтовых конторах штабов дивизий – 4; VI) в отделениях военной цензуры почт и телеграфов группы «А», пропускавших в сутки более 10 тысяч почтовых отправлений, – 89; VII) в отделениях военной цензуры почт и телеграфов группы «Б», пропускавших в сутки 5-10 тысяч отправлений, – 46; VIII) отделения военной цензуры почт и телеграфов группы «В», пропускавших менее 5 тысяч отправлений в сутки – 22 человека.

Следовательно, в перлюстрации корреспонденции в России в 1919 г. должно было участвовать, по мнению проф. В. С. Измозика, не менее 1 000 человек [9].

Деятельность по перлюстрации корреспонденции в Советской России получает нормативно-правовую регламентацию с марта 1919 г. Издаются различного рода Инструкции: «Схема движения писем в отделении ВЦ почт и телеграфов», «Правила для цензуирования корреспонденции из Красной Армии», «Правила цензуирования корреспонденции, идущей в Красную Армию», «Правила для контролеров военно-почтового контроля», «Ведомость о раздаче писем» и т. п.

Механизм перлюстрации раскрывает «Схема движения писем в отделении ВЦ почт и телеграфов». Согласно Инструкции заказные письма распределялись по группам: красноармейские, официальные, международные и частные. Затем корреспонденцию передавали на секретный стол, где ее просматривали по адресам. Письма на имя лиц, значившихся в секретных списках ВЧК, поступали к начальнику стола. В эти списки включались фамилии лиц, деятельность которых оперативным путем контролировалась органами государственной безопасности. По отобранным таким образом письмам составлялся список с указанием номеров писем (без указания адресов и фамилий). Это была своего рода защита от расшифровки фигуранта, которым занималось ВЧК. Эти письма, как и остальную корреспонденцию, возвращали на стол № 1. «Международную корреспонденцию на неизвестных языках» в тот же день отправляли в Московское отделение. Все письма адресатов, значившихся в поименных списках, начальник секретного стола тотчас пересылал «нераспечатанными в то учреждение, по спискам которого они задержаны».

Стол № 1 передавал письма под расписку цензорам-руководителям (стол № 3), те – цензорам (стол № 4), оставив себе не менее 50%. В обязанности цензоров-руководителей входили контроль за работой подчиненных, проверка меморандумов и составление по ним ежедневной сводки. Письма с меморандумами передавались на осведомительный стол (№ 7), а оттуда – «в соответствующие учреждения». Осведомительный стол составлял общую сводку по данным цензоров-руководителей. Был еще и стол № 5, контролировавший работу. Дальнейшим пунктом движения был стол № 6 (заклейщики), где «приводят конверты в первоначальный, по возможности, вид, тщательно их заклеивают и передают корреспонденцию обратно на стол № 1», который сдает ее в почтово-телеграфную контору под расписку [10].

В историко-правовой литературе очень редко упоминаются случаи перлюстрации корреспонденции. Уже в то время, понимая противозаконность этой деятельности, государство стремилось ко всяческому ее засекречиванию. Поэтому главным источником информации по этому вопросу являются служебные документы ВЧК. Особенно интересным в связи с этим является обзор быв-

шего перлюстратора И. Зорина «Перлюстрация корреспонденции при царизме» от 17 февраля 1919 г., где он предлагает правительству Советской России широко использовать деятельность «черного кабинета» [11].

Особенностью тайного просмотра корреспонденции в тот период времени, пожалуй, было то, что мало кто задумывался об этимологии понятий «перлюстрация» и «почтовая военная цензура». По нашему мнению, они были просто смешаны и нередко подменяли друг друга. На эту мысль наводит анализ секретного циркуляра Отдела военной цензуры регистрационного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики от 12 августа 1919 г., в котором говорилось, что на военно-цензурные пункты возлагалось следующее: «1. Обязательный просмотр *всей* (выделено мной. – *А. С.*) проходящей через данную полевую почтовую Контору корреспонденции из Красной Армии; ...3. Перлюстрация всей корреспонденции по секретным указаниям, получаемым из Отделения при Реввоенсовете 1-ой Армии; ...Весь материал, полученный от просмотра почтовой корреспонденции, т. е. меморандумы (в 3 экз.) с соответствующими письмами... ежедневно направлять в Отделение Военной Цензуры при Реввоенсоветах Армий».

В 1919 г., как пишет исследователь Т. М. Горяева, объем работы в центре и на местах был очень велик. Об этом свидетельствуют данные штатного расписания: Отдел военной цензуры Реввоенсовета республики насчитывал 107 человек; Московское отделение военной цензуры почт и телеграфов – 253 человека; Петроградское военно-цензурное отделение – 291 человек; отделения военной цензуры почт и телеграфов на местах – 100 человек; при реввоенсоветах армий состояло 30 человек. Численность цензоров на местах определялась по количеству просмотренных почтовых отправлений и печатной продукции [12].

Письма, представляющие особый интерес, пересылались в ЦК РКП(б). Причем цензоры-перлюстраторы в специальных сопроводительных письмах просили не разглашать заинтересованным лицам источник получения информации, ибо «...военная цензура существует *конспиративно*...» (выделено мной. – *А. С.*). Именно благодаря этой конспирации в ЦК становились известны факты истинного положения в армии и на фронтах гражданской войны.

Анализ перлюстрированной корреспонденции, в первые годы советской власти показывает, что большинство населения страны даже мысли не допускало, что государство таким образом заглядывает в частную жизнь своих граждан.

Вместе с тем органы государственной безопасности получали возможность увидеть срез реальной, а не отретушированной на собраниях и митингах жизни граждан. С морально-этической точки зрения это был правовой беспредел, но эти вопросы мало кого заботили. С первых дней советской власти превалировал не принцип социалистической законности, о котором на каждом углу немного позднее говорили большевики, а принцип государственной целесообразности. То, что выгодно было государству и партии большевиков, возводилось в ранг государственной политики, осуществляемой специфическими, совершенно секретными способами.

Стараясь обезопасить себя, руководители партии и правительства установили, что не подлежит цензуированию корреспонденция, направленная правительственным учреждениям, а также частная корреспонденция, адресованная на имя членов ВЦИК, СНК, членов коллегий НК и ЦК РКП.

В связи с секретностью функций аппарата цензуры особое внимание уделялось кадрам. Наряду с использованием старых сотрудников, работавших в дореволюционной России, производился набор новых. Как правило, эти люди имели соответствующее образование (высшее) и знали иностранные языки. Немалое значение уделялось партийной принадлежности. Особой тайной оставались списки тех лиц, чья переписка подлежала обязательному просмотру. Поэтому согласно инструкции доступ к секретным спискам имели только особо проверенные сотрудники-коммунисты.

Возрастание роли ВЧК, особенно после гражданской войны, привело к тому, что многие политические функции государственного аппарата, совершаемые тайно, все более сосредоточивались в этом ведомстве. Эта тенденция охватила и такую функцию, как перлюстрация корреспонденции. Встал вопрос о передаче этой функции полностью в ведение ВЧК. 30 июня 1920 г. вопрос рассматривался зам. председателя ВЧК И. К. Ксенофонтовым, зам. начальника Особого отдела ВЧК В. Р. Менжинским и начальником Отдела военной цензуры Н. Н. Батуриным. Затем приказом РВСР от 10 августа 1920 г. функции Почтельконтроля были переданы Особому отделу. 9 августа 1921 г. совместным приказом РВСР и ВЧК Управление военной цензуры Штаба РККА было передано в ведение ВЧК и стало подотделом военной цензуры Информационного отдела ВЧК.

Тем самым начался новый этап в истории перлюстрации корреспонденции советского государства.

Большой интерес представляет не только реорганизация аппарата советской цензуры, но и, так сказать, внутреннее содержание перлюстрируемой корреспонденции. О чем, например, писали в годы гражданской войны? Каково отно-

шение к новой, советской власти? Как воспринимались населением молодой советской Республики белые и красные? И многие другие вопросы, имевшие в своей совокупности важное политическое значение.

Содержание этих писем является как бы «истиной в последней инстанции», поскольку без прикрас, реально отражает действительное положение вещей.

«Город наш неузнаваем, все перевернулось: появились бесконечные штабы... снуют вестовые, роют окопы служащими советских учреждений – по 50% от каждого», – пишет респондент из Тамбова 28 июля 1919 г. «Наша коммуна дурная осталась без хлеба. Рожь крестьян была засеяна, они ее сняли, и в коммуне нет ничего. Луга большую половину скосили. Крестьяне хотят разогнать коммуну, но все-таки Совет их не допускает», – пишет другой респондент из с. Перховичи Смоленской губернии 10 августа 1919 г.

Вопрос о социализации земли, создании первых коммун и товариществ по совместной обработке земли был достаточно острым в те годы, и поэтому он поднимался во многих письмах крестьян. «Идет такой шум насчет земли, хотят сделать коммуну... Некоторые деревни согласились, другие против...» (Московская губерния, Ярополец, 17 июня 1919 г.).

Важно отметить и то, что большевистская пропаганда сыграла определенную роль. Поскольку официальная советская печать связывала улучшение условий жизни со скорейшей победой над врагом (внутренней контрреволюцией и иностранной военной интервенцией), то и в большинстве писем на фронт желали быстрейшей победы над классовым врагом. «Желаем вам побольше подушить дармоедов и прочих нажившихся на чужой крови капиталов (так в тексте. – *А. С.*)», сообщается в письме из Московской губернии, г. Можайск, от 28 июля 1919 г. «Все ждем и не можем дождаться, когда восторжествует советская власть. У меня в душе такая злоба к буржуазии, что я могла бы собственными руками их застрелить», – пишет женщина из Гомельской губернии, г. Орша, 14 декабря 1919 г. «Были под властью Колчака, но собственно не советую никому думать, что у контрреволюционеров хорошо, – пишет человек из г. Перми, – нет лучше советской власти. Хоть у нас голодно, но никто в этом не виноват, ведь ходит военная разруха» (г. Пермь, 30 августа 1919 г.).

«Мы дали клятву везде и всюду защищать советскую власть... На днях послали в Питер 23 вагона хлеба, а теперь для добровольного пожертвования», – бодро сообщает в своем письме, вероятно, один из красных комиссаров заготовителей продовольствия из Тамбовской губернии, погоста Бибиговский, 28 июля 1919 г.

Количество коммунистов среди крестьян было невелико. Это видно из письма, направленного из Ярославской губернии, с. Тверцы, 28 июля 1919 г.: – «У нас в деревне я да Лаврентьев стоим на стороне советской власти, а остальные монархисты или анархисты, но и они когда-нибудь признают советскую власть».

Вместе с тем в письмах из города от рабочих содержится больше оптимизма по поводу устойчивости новой власти и надежда на скорую победу Красной Армии. «Советская власть у нас, благодаря Богу, крепнет. Вот только подлец Деникин наводит панику, забрав весь Донецкий бассейн, но т. Троцкий лично взялся за это дело, и конечно, Деникину несдобровать» (Волынская губерния, г. Житомир, 22 июня 1919 г.). «Долой буржуев и кулаков. Долой Парижский мир, да здравствует советская власть на весь мир» (Московская губерния, г. Богородск, 20 июня 1919 г.). «Мы здесь, в тылу очень крепко спаяны и твердо стоим за осуществление дорогого нам социализма...» (Нижегородская губерния, Веремань, 23 июня 1919 г.). «Все убеждены, что советская власть, все более и более укрепляется и в том, что в недалеком будущем гражданская война прекратится...» (Гомельская губерния, г. Орша, 6 декабря 1919 г.) и т. п.

Объективности ради надо отметить, что количество таких писем тоже довольно значительно.

Перлюстрированные письма времен гражданской войны являются важным историческим источником еще и в том плане, что раскрывают изменения, которые произошли в городе и деревне в результате установления нового социального строя. «Здесь мобилизация всех интеллигентных сил города, не регистрируются на вечерние занятия с неграмотными...» – сообщается в письме из Вятки от 8 августа 1919 г. «Учительский персонал здесь – прямо разгильдяйство. Спектакли бывают часто, но не услышишь ни одной революционной песни», – отмечается в письме из Вятской губернии, д. Пышкет, 11 ноября 1919 г. «Кругом непонятная, непроглядная тьма, переименовали все учебные заведения в трудовые школы, а дети с января бьют баклуши, и педагоги не подготовлены к этому новшеству...» (Орловская губерния, г. Елец, 21 июля 1919 г.).

Из анализа писем видно, что культурно-воспитательная работа и просветительская деятельность в городе и деревне в 1918–1920 гг. тоже протекала по-разному. «Жизнь кипит только в пролет. клубе, открыты всевозможные секции, курсы, можно играть на духовых инструментах. Декоративная секция, драматическая, музыкальная, курсы бухгалтерии, черчения, ткацкие, прядильные, общеобразовательные», – говорится в письме из Костромской губернии, Новая Вичуга,

от 21 ноября 1919 г. Совершенно противоположная оценка дается в письме из Владимирской губернии, с. Большое Филипповское, датированное 21 июля 1919 г.: «Уведомляю, что в нашей непросвещенной деревне темнота, оттого что нет хлеба, никаких *просвещений не признают*, (выделено мной. – *А. С.*), только бы хлеба...»

Продовольственный кризис в 1919 г. носил просто катастрофический характер. У населения, и не только у крестьян, забирали все подчистую. «Настроение в городе сейчас нервное, идут повальные обыски, отбирают золото, серебро, мануфактуру, а в некоторых случаях даже белье, одежду, одеяла и подушки. Одним словом, все что лишнее. Говорят, что будет еще Неделя бедноты и будут отбирать решительно все» (Гомельская губерния, г. Могилев, 29 июля 1919 г.).

Еще более тяжелым было положение в деревне, где большевистские комиссары реквизировали хлеб. По сути дела, самый основной источник питания крестьянской семьи. «У нас в деревне реквизировали хлеб, и у отца твоего, но они не хотели отдать как красноармейские семьи. Твоего отца, когда он не хотел отдавать, били прикладами», сообщается в письме из Москвы 30 августа 1919 г. «Вчера явился к маме какой-то командир и потребовал 10 фунтов меду. Сказал, что войско с реквизициями не считается и с семьями красноармейцев тоже и в случае нужды могут отнять последнюю корову» (Витебская губерния, с. Жигин-Двинск, 29 августа 1919 г.).

«В деревне все отбирают, полную очистку делают. Первый декрет: каждому крестьянину полагается хлеба по 26 фунтов в месяц, за то, что он работает 24 часа. Завоевали фабрики 8-часовой рабочий день, а мужик получил землю, работать ему приходится 24 часа, но от него отбирают последний хлеб. Поэтому и бегут с фронта» (Тамбовская губерния, Богоявленск, 16 июля 1919 г.). «У нас отняли всю землю и покос, но из газет видно, что они не имеют никакого права отнимать что-либо у семейства красноармейца» (Новгородская губерния, Устрехи, 8 августа 1919 г.).

И таких писем, рассказывающих о бесчинствах большевистских комиссаров, большинство среди перлюстрированной, идущей на фронт корреспонденции.

Еще большим наказанием был голод, охвативший летом 1919 г. все центральные губернии РСФСР. И хотя сам факт голода не скрывался, да и не мог скрываться в официальной печати, анализ писем с мест производит совсем удручающее впечатление. «У нас в полном смысле слова голод, вторую неделю едим одну траву со своего огорода, даже варим лебеду» (Петроградская губерния, Сестрорецк, 25 августа 1919 г.). «Страшный призрак голода висит над нами; скорей бы кончилась эта проклятая война» (Костромская губерния, Кинешма, 19 июня 1919 г.). «Здесь кругом морит ужаснейшая голодовка. Люди не только поели солому и мякину, но даже уничтожили значительное количество мха», рассказывает неизвестный респондент из Череповецкой губернии, г. Тихвина. Не лучше положение было и в Московской губернии. В письме из села Андриановка от 27 июля 1919 г. сообщается: «За недостатком хлеба в деревне едят болотный мох». «Хлеба нет, бабушка толчет мох и ест...» – говорится в другом письме из Московской губернии, из Яхромы, от 19 июня 1919 г.

Но если вопрос голода в России в 1918–1920 гг. все-таки получил отражение в исторической печати, то вопрос о защите социалистического, родного отечества долгое время освещался весьма тенденциозно.

Утопическая идея В. И. Ленина о том, что рабочие и крестьяне добровольно будут защищать свое Отечество, потерпела полное фиаско. И даже переход от добровольного принципа комплектования армии к всеобщей воинской обязанности в начале 1918 г. не мог остановить массового дезертирства из рядов армии. Полную картину масштабов дезертирства раскрывают перлюстрированные письма, на наш взгляд, являющиеся ценным историческим источником по данной проблематике.

Дезертиры не только уклонялись от службы в рядах Красной Армии, но и, соединяясь в отряды, оказывали серьезное вооруженное сопротивление ей. «Дезертиров у нас всех взяли. Неизвестно, что им будет, расстреляют или же увезут с товарищами. Красная Армия была и очень надоела» (Орловская губерния, Медвежье, 18 августа 1919 г.). «Разосланы отряды, делают облавы, захватывают дезертиров, а в домах делают настойчивые обыски», рассказывается в письме из с. Рязанцево Владимирской губернии от 1 июня 1919 г. О размахе борьбы с дезертирством, говорит письмо из Кинешмы Костромской губернии от 29 июля 1919 г.: «Стали принимать очень строгие меры, вплоть до расстрела всего семейства. В деревнях не осталось ни одного дезертира, все без исключения явились в Кинешму; за эту неделю прибыло 10 000 дезертиров».

Как уже отмечалось выше, борьба с дезертирством нередко принимала форму вооруженной борьбы. «В Самецкой и Петропавловской волости производится сильная борьба с дезертирами, – сообщается в письме из Костромы 26 июля 1919 г., – приехали вооруженные отряды, и начался бой. В Самецкой зажгли деревню Саметь. Много невинных людей погибло. Эти чрезвычайные комиссии нельзя назвать людьми, а просто зверями. Приедут в деревню, забирают всю одежду и продукты, какие имеются, и все

говорят: «Давай дезертиров», – а дезертиров нет, они на самом деле некоторые служат, а они не верят. Берут отцов или жен и перережут. Вот, например, в Петропавловской волости зарезали 9 отцов дезертиров».

Естественно, что такие, мягко говоря, «перегибы» на местах не вызывали особого энтузиазма у тех же рабочих и крестьян защищать советскую власть. «Приехала Красная Армия ловить дезертиров, и начала поступать как разбойники: они не ловят дезертиров, а грабят крестьян... На военную службу никто не хочет идти. Народ не хочет защищать грабителей...», сообщает неизвестный корреспондент из Рязанской губернии, д. Можары, 26 июля 1919 г.

Не видя особого различия между белыми и красными, которые повсеместно те и другие занимались грабежами и разбоями, простой крестьянин искал выход в создании собственных отрядов, не имевших, как правило, ярко выраженных политических взглядов. В конце 1918 – начале 1919 г. появились отряды зеленых. «Кроме белых и красных появились еще и зеленые черти, банды которых состоят из дезертиров», отмечается в письме от 4 июня 1919 г. из Луги Петроградской губернии. «Нас поколотили зеленые банды. Пришли ночью, и стучат в ворота, и говорят: «Пустите красноармейцев погреться». Отец пошел и отпер, думали, правда красноармейцы, а они оказались зелеными. Как пришли в хату, так начали все колотить, искать. Забрали кожух батьки, часы, шапку. Скоро ушли и пошли к соседу, взяли жеребца и некоторые мелочи...» (Минская губерния, Хилокенчи, 11 декабря 1919 г.). В другом письме из Саратовской губернии, с. Дуранкино, от 25 июня 1919 г. говорится: «У нас каждый день насчет войны собрание, хотят перейти на сторону зеленой гвардии, у нас уже послали из деревни делегатов, не знаем что будет, большевики все хотят отказаться, да их не пускают».

Политическая неразбериха в стране привела к массовому повстанческому движению и подлила масло в огонь разгоравшейся в стране гражданской войны. «В городе Юрьеве восстали дезертиры вместе с белыми. Теперь слышно тоже в Александрове, – говорится в письме из города Мурома Владимирской губернии от 8 июня 1919 г., – Юрьев зеленой армией из дезертиров взят, и Совет разогнали».

О полной неразберихе «на местах» свидетельствует и перехваченное Пермским отделением военной цензуры письмо из Верхнеудинска от 7 августа 1920 г.: «Пишу из Верхнеуды. Ну и люди здесь. Это прямо черт знает что такое. Партия запутана – левоэсеровщина. Как остров среди моря сидишь. Надо вести широкую партийную работу – сбить с позиции старое. В это же время надо вести профессиональную работу – копаться с тарифами. Всего не перескажешь. Людей много, а человеков нет. Нет ни рабочих, нет маломальских наших рабочих середняков. Кругом мещане с потугом на либерализм. Коммунисты с российским узким патриотизмом – слепым мещанским. Вот таковы наши дела...» [13].

В январе 1919 г. для борьбы с контрреволюцией и шпионажем в Красной Армии был организован Особый отдел ВЧК, преобразованный в дальнейшем во 2-й спецотдел Управления особых отделов НКВД, занимавшихся военной цензурой, а именно, перлюстрацией военных писем, свидетельствовавших о настроениях солдат по ту и эту сторону фронта.

Анализ перлюстрированных писем показывает, что советская власть столкнулась и с крестьянским недовольством в деревне, и брожением в действующей армии, и растерянностью даже проверенных революцией закаленных рабочих. Гражданская война явилась для большевиков серьезным испытанием на политическую прочность.

В литературе упоминаются сведения о том, что на X съезде партии, во время закрытого заседания военных делегатов, Л. Д. Троцкий, председатель Реввоенсовета Республики, дал нелицеприятную картину действующей Красной Армии, используя материал перлюстрированных писем красноармейцев.

Поэтому важность получения такого рода политической информации невозможно переоценить. В перспективе мог стоять лишь только один вопрос – расширение этого вида секретной деятельности и полная передача ее органам государственной безопасности.

В связи с окончанием гражданской войны и укреплением советской власти, на основании Постановления IX Всероссийского съезда Советов от 28 декабря 1921 г. и Постановления ВЦИК от 6 февраля 1922 г. ВЧК была реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. Позднее, в связи с образованием СССР, было создано Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) СССР.

Новая политическая обстановка несколько изменила и положение цензуры. Вначале контроль над почтово-телеграфной корреспонденцией, а затем и все функции военной цензуры были переданы в ведение ВЧК: на заседании Малого совнаркома Реввоенсовету Республики было поручено передать с 1 августа 1921 г. в ВЧК.

Так, по мнению исследователя Т. М. Горяевой, завершился второй этап формирования системы, когда военная цензура находилась в составе Наркомпочтеля и РВС, продолжавшийся с 1918 г. до 1 августа 1921 г.

Поскольку контрразведка с некоторым пренебрежением относилась к освоению цензурного дела, появился специальный приказ ВЧК № 127 от 11 мая 1921 г., где констатировался этот факт, в частности говорилось, что «Особый отдел смотрит на отделение Военной Цензуры как на излишний и чужой придаток, мало интересуется постановкой их работы и использованием в своих целях» и не оказывает должной кадровой и технической поддержки.

В связи с этим приказывалось: «1. Считать Военно-цензурные отделения *равноправными* (выделено мной. – *А. С.*) составными частями органов ВЧК, снабжать их всеми необходимыми средствами наравне со всеми Отделами и Отделениями; 2. Председателям и начальникам ЧК и Особотделов обратить должное внимание на правильную постановку работы и *максимальное использование сведений Военной цензуры* (выделено мной. – *А. С.*); 3. Не позже 15-го июня всем Председателям и Начальникам ЧК и Особотделов представить свои соображения о самом целесообразном использовании Отделений В.Ц. [в] осуществлении возложенных на ВЧК задач» [14].

Передача и прием дел военной цензуры в аппарат ВЧК окончательно завершились в течение августа, после того как приказом ВЧК № 249 от 11 августа 1921 г. были слиты все органы Управления военной цензуры Штаба РККА с отделениями военной цензуры Наркомпочтеля. В центральном аппарате ВЧК был образован Подотдел военной цензуры в составе Информационного отдела на базе бывшего Управления военной цензуры Штаба РККА, 6-го отделения организационного отдела и Отделения военной цензуры Информотдела ВЧК [15].

Необходимо отметить, что если сами чекисты недооценивали значение собираемой информации, то руководители РКП(б) и советского правительства очень внимательно относились к получению подобного рода меморандумов.

Помимо нелегальной формы сбора информации ЦК РКП(б) обязал местные партийные органы заниматься сбором информации о реакции населения на те или иные мероприятия правительства.

Для сбора таких сведений предполагалось выделить «определенное лицо» или эти обязанности возложить на одного из членов Бюро укома или губкома РКП(б).

Вся информация, добытая как негласным, так и гласным путем, должна была стекаться в информационно-инструкторский подотдел организационно-инструкторского отдела ЦК РКП(б), где и должны были обрабатываться полученные материалы и составляться ежедневные и ежемесячные сводки о политическом и экономическом состоянии в стране. Такая ежемесячная сводка готовилась к 15-му числу данного месяца.

Порядок подготовки таких сводок был детально расписан в специальной секретной Инструкции.

Поэтому, без всякого сомнения, можно утверждать, что правительство всегда знало истинное положение вещей.

17 марта 1921 г. был издан секретный циркуляр ВЦИК и ЦК РКП(б) о создании всеобъемлющей системы государственной информации. Руководство страны не только собиралось вводить политический контроль в действительно правовые и законодательные рамки, но стремилось к его глобальному расширению и полнейшему охвату всех групп населения [16].

В Петрограде ежедневные доклады о настроениях рабочих губком партии и губпрофсовет стали собирать в феврале 1921 г. с началом забастовок на предприятиях. Основой сводок были отчеты производственных коммунистических ячеек или «ревтроек». Последние содержали личные впечатления организаторов ячеек и сообщения рабочих-коммунистов о разговорах в рабочей среде и т. п. По мере обострения обстановки партийные органы организовали сбор информации не только на предприятиях, но и на улицах, вокзалах, в очередях, в чайных. Весь этот материал был основой районных сводок, готовившихся районными ревтройками или райкомами РКП(б). Данные, поступавшие из районов, систематизировались в общегородской сводке Штаба внутренней обороны Петрограда [17].

К сожалению, в исторической и историко-правовой литературе очень мало внимания уделяется внутренней жизни низовых партийных организаций 1920-х гг. Основное внимание исследователи обращают на решение стратегических задач, стоявших перед партией. Вместе с тем такое детальное рассмотрение всех сторон жизни местных партийных организаций поможет по-новому взглянуть на историю большевистской партии.

Обратимся к структуре государственных информационных троек на местах.

Они создавались из представителей губкома РКП(б), губисполкома и губчека. Аппарат госинформтройки создавался согласно *распоряжению ВЧК от 19 апреля 1921 г.* (выделено мной. – *А. С.*).

Возникает любопытный вопрос. Почему ВЧК, а не РКП(б) формирует эти органы? Не есть ли это начало выхода органов госбезопасности из под контроля партии?

Примечания

1. *Измозик, В. С.* Политический контроль в Советской России 1918–1941 гг. [Текст] : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В. С. Измозик. М.: МГПУ им. В. И. Ленина. 1995; Измозик, В. С. Глаза и уши

режима: Государственный политический контроль за населением Советской России 1918–1928 гг. [Текст] / В. С. Измозик. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т экономики и финансов, 1995; *Измозик, В. С.* Перлюстрация в первые годы советской власти [Текст] / В. С. Измозик // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 26-35.

2. *Майский, С.* «Черный кабинет» из воспоминаний бывшего цензора [Текст] / С. Майский. Пг., 1922; *Авзегер, Л.* Я вскрывал ваши письма; из воспоминаний бывшего тайного цензора МГБ [Текст] / Л. Авзегер // Время и мы. 1980. № 55, 56.

3. *Измозик, В. С.* Перлюстрация в первые годы советской власти. С. 27.

4. СУ РСФСР. 1918. Отд. 1. № 97. Ст. 987.

5. *Измозик, В. С.* Перлюстрация в первые годы советской власти. С. 28.

6. *Давидян, И.* Частные письма эпохи гражданской войны (по материалам военной цензуры) [Текст] / И. Давидян, В. Козлов // Неизвестная Россия, XX век. Вып. 2. М., 1992. С. 203.

7. Там же. С. 204.

8. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 19.

9. *Измозик, В. С.* Перлюстрация в первые годы советской власти. С. 29.

10. Там же. С. 30.

11. Центральный архив ФСБ Р. Ф. (8)1. Оп. 3. Д. 18. Л.Л. 1-5 об.

12. *Горяева, Т. М.* Политическая цензура в СССР 1917–1991 гг. [Текст] / Т. М. Горяева. М.: Росспэн, 2002. С. 167.

13. Там же. С. 168.

14. Там же. С. 170-171.

15. Там же. С. 171.

16. *Измозик, В. С.* Система государственной информации: создание и деятельность [Текст] / В. С. Измозик // Исторические чтения на Лубянке 1999 год (Отечественные спецслужбы в 1920–1930 гг.). М.; Новгород, 2000. С. 71.

17. Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг. [Текст]. СПб., 1995. С. 83.

И. Н. Ившина

ЭЛЕМЕНТЫ И ФОРМА КАНАДСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

В статье дается классификация источников конституционного права Канады, которые в совокупности составляют неписаную Конституцию Канады.

В государствах англосаксонской правовой семьи статутному праву в системе источников права традиционно уделяется далеко не главное место. В самой Великобритании, как известно, отсутствует даже писаная конституция. Однако в ряде современных государств, в колониальный период воспринявших английское право, писаные конституции действуют, и, более того, их основные положения были разработаны и приняты еще Британским Парламентом.

К таким государствам относятся, прежде всего, бывшие колонии и доминионы Великобритании, которые учредили федеративную форму территориально-государственного устройства: Соединенные Штаты Америки, Канада, Австралия, Индия и т. п.

Данная статья посвящена исследованию конституции Канады, которая остается сравнительно неизученной с позиций теории конституционного права. В данном аспекте, по нашему мнению, проблему представляют, прежде всего, содержание и форма канадской конституции, по поводу которых существует множество противоречивых мнений. Это объясняется различным пониманием термина «конституция», а также различными критериями выделения форм конституции. В целом существующие позиции можно сгруппировать следующим образом.

1. Для представителей континентальной правовой доктрины характерно позитивистское понимание термина «конституция». Конституция для них – это, прежде всего, нормативный акт высшей юридической силы, основной закон государства. Так, С. С. Алексеев определяет конституцию как «основополагающий учредительный юридический акт страны, основной, заглавный закон, определяющий правовую основу государства, принципы, структуру, главные характеристики государственного строя, права и свободы граждан, форму правления и государственного устройства, систему правосудия и другие основные устои жизни общества» [1]. Схожей точки зрения придерживается также Ю. А. Тихомиров: «Конституция – это правовой акт, обладающий высшей юридической силой и регулирующий основы организации государства и общества, а также основы взаимоотношения государства и гражданина» [2].

В русле подобного понимания Г. И. Морозов склонен отождествлять собственно канадскую Конституцию, прежде всего, с Актом о Британской Северной Америке [3], который был принят Парламентом Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии 29 марта 1867 г. [4] Преамбула называет его также «Актом о Союзе Канады, Новой Шотландии и Нью-Брансуика, об их управлении и связанных с этим предметах». В результате патриации канадской Конституции в 1982 г. этот Акт был переименован и стал называться Конституционным Актом от 1867 г. В этом смысле Конституция Канады является писаной и консолидированной, так как все последующие многочисленные изме-

ИВШИНА Ирина Николаевна – кандидат юридических наук, ст. преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ
© Ившина И. Н., 2005

нения Акта о Британской Северной Америке были оформлены иными нормативными актами, принятыми в разное время и действующими в совокупности.

Подобных актов насчитывается тридцать один. Во-первых, это девятнадцать Актов о Британской Северной Америке – от 1871 г., 1986 г., 1907 г., 1915 г., 1916 г., 1930 г., 1943 г., 1946 г., 1949 г. (два акта), 1951 г., 1952 г., 1960 г., 1964 г., 1965 г., 1974 г. и два акта 1975 г. Те из них, которые имели юридическую силу до 17 апреля 1982 г., были переименованы в Конституционные акты. (Вместе с изначальным Актом от 1867 г. их стало двадцать.) Во-вторых, к конституции следует отнести четыре акта, которые уже изначально назывались Конституционными – от 1982 г., 1985 г., 1998 г. и 1999 г. И наконец, в-третьих, восемь актов, которые были приняты после обретения Канадой процедуры изменения патриированной конституции. Они названы поправками к конституции (Constitution Amendment) – это акты от 1983 г., 1987 г., 1993 г. (два акта), 1996 г., 1997 (два акта) и 2001 г. [5] Все они в совокупности также являются частью писаной конституции Канады.

Подобное понимание непосредственно канадской конституции является узким. Действительно, в рамках романо-германской правовой семьи, где в качестве способа официальной систематизации законодательства преобладает кодификация, подобная ситуация исключена. Все последующие изменения основополагающего акта были бы включены в его первоначальный текст, а конституция составляла бы один нормативно-правовой акт. В этом смысле по форме следует различать консолидированные и кодифицированные конституции, при этом необходимо учитывать, что консолидированная конституция состоит из нескольких актов, каждый из которых имеет право на самостоятельное существование и цитирование [6].

2. Исходя из предмета конституционного регулирования в целом, к конституции Канады следует отнести еще ряд нормативных актов. В этом случае понятие «конституция» приобретает более широкий смысл. Так, например, Ж.-Л. Шабо конституцией называет уже «совокупность норм, совокупность законодательных положений, в соответствии с которыми осуществляется и передается политическая власть» [7]. Следовательно, нормативные конституционные акты могут иметь различные наименования и не обязательно должны быть связаны с текстом «собственно конституции». При этом конституция остается писаной, но становится неконсолидированной.

По поводу формы конституции существует также мнение, что писаная конституция может быть исключительно в форме одного нормативно-правового акта [8]. Если же их несколько, это уже конституция неписаная. Думается, здесь нужно исходить не из количества актов, а из способа закрепления конституционных норм в источниках права. Если подобные нормы имеют текстовую форму и закреплены в официальном правовом акте (нормативно-правовом, правоприменительном или интерпретационном), то конституцию следует считать писаной.

Первоначально конституционные акты для Канады принимал Британский Парламент, затем эта прерогатива перешла к Парламенту Канады. Но в законодательстве и Великобритании, и Канады нет четкого разграничения между конституционными и иными актами, поэтому различные авторы предлагают различный перечень актов, считающихся конституционными. Кроме того, вызывает разногласия момент начала конституционной истории Канады. Следовательно, в рамках данного подхода также можно выделить ряд принципиальных позиций.

Если понимать конституцию как совокупность норм, устанавливающих систему органов государственного управления на определенной территории, то в Канаде она появляется в конце XVIII в. Так, профессор конституционного права университета Оттавы Ж. Бодуэн [9] первым конституционным документом считает Королевскую прокламацию от 7 октября 1763 г., которая установила границы присоединенного к британским владениям Квебека и порядок управления данной территорией [10]. Советский исследователь А. Лидин [11] и В. Г. Графский [12] утверждают, что конституционная история Канады начинается с Квебекского Акта от 1774 г., который установил систему права для Квебека, учредил три высших должности провинции и назначаемый орган управления [13].

При этом А. Лидин относит к конституции восемь документов: Акт о Квебеке 1774 г., Конституционный Акт 1791 г., Акт о Союзе 1940 г., Акт 1848 г., учреждающий исполнительный Совет, Квебекские резолюции 1864 г., Акт о Британской Северной Америке 1867 г., Вестминстерский статут 1931 г. и Акт о Верховном Суде 1949 г. [14] Безусловно, необходимо учитывать время данного исследования – это 1960 год, и, следовательно, приведенный перечень в настоящее время подлежит расширению. Но, думается, что включение в него Квебекских резолюций 1864 г. все-таки необоснованно. Следуя логике автора, включению в данный перечень подлежат и Лондонские резолюции 1866 г. Но положения обеих резолюций вошли в текст Акта о Британской Северной Америке 1867 г., и использование резолюций как нормативных документов стало практически нецелесообразным.

В. Г. Графский косвенно относит к федеральной конституции Канады семь актов: Квебекский

Акт 1774 г., Акт о Союзе 1840 г., Акт о действительности колониальных законов 1865 г., Акт о Британской Северной Америке 1867 г., Декларацию Бальфура 1926 г., Вестминстерский статут 1931 г. и Конституционный Акт 1982 г. с оговоркой, что он является сводным и, в свою очередь, состоит из множества конституционных актов, датируемых с 1867 г. Причем только Конституционный Акт 1982 г. он признает собственно Конституцией Канады [15].

Исходя из господствующей точки зрения российских ученых, конституция Канады состоит непосредственно из шести нормативных актов. Это Квебекский закон 1774 г., Конституционный Закон 1791 г., Закон об объединении Канады 1840 г., Закон о Британской Северной Америке 1867 г. и Конституционный закон 1982 г. [16] В данном случае присутствует оригинальность перевода наименований актов и необходимость дополнительного толкования содержания Конституционного Закона 1982 г. (прежде всего, уточнение его соотношения с Актом о Британской Северной Америке 1867 г.).

С другой стороны, если понимать конституцию как систему основных законов нации, которая стремится получить и оформить государственный суверенитет, то конституционная история Канады начинается все-таки с 1867 г. Она содержит тридцать различных нормативных документов (шесть из них утратили силу), перечень которых юридически закреплен в Конституционном Акте от 1982 г. [17] Данной точки зрения, в частности, придерживается автор вступительной статьи к конституции Канады в одном из опубликованных сборников зарубежных конституций [18].

Канада изначально развивалась как переселенческая колония Великобритании. В силу этого некоторые авторы признают, что Канада реципировала английское право, в том числе и конституционное. В рамках исследуемого подхода А. А. Мишин [19], например, кроме Акта о Британской Северной Америке 1867 г., который развит примерно тридцатью британскими законами, и Конституционного Акта 1981 г. о передаче Канаде учредительных прав, относит к конституции Канады английское статутное право. Статутное право в свою очередь он разделяет на два блока. Во-первых, это такие древние акты, как Великая хартия вольностей 1215 г. (Magna Carta), Петиция о правах 1628 г. и Билль о правах 1679 г. (Habeas Corpus Act). Во-вторых, это законы английского Парламента: акты о Парламенте 1911 г. и 1949 г., Акт о расовых отношениях 1968 г. и Акт о местном управлении 1972 г. Здесь А. А. Мишин выступает как принципиальный позитивист, так как английское право – это, прежде всего, общее право, основными источниками которого являются система прецедентов, а также принципы и обычаи. Причем принципы и обычаи не требуют формального документального закрепления. Статутное же право в XIX в. и первой половине XX в. играло далеко не главную роль в англосаксонской правовой системе. Значит, говоря о рецепции, не следует ограничиваться только статутным правом.

3. Исходя из англосаксонской правовой доктрины, конституция – это совокупность «законов, обычаев и конституционных соглашений, которые устанавливают структуру и функции государственных органов, а также регулируют отношения государственных органов между собой и отдельными гражданами» [20]. В этом случае канадская конституция является «гибридом писаной и неписаной». Так считает большинство канадских исследователей [21], а также Г. И. Морозов (говоря о конституции Канады в широком смысле) [22], С. Ю. Данилов и В. Е. Шило [23].

При этом к писаной части федеральной конституции относятся акты Британского и Канадского парламентов, приказы в Совете (имеется в виду Тайный Совет Королевы для Канады), прокламации британского монарха и генерал-губернатора Канады, а также ряд нормативных актов международного характера, принятых в рамках Британского Содружества Наций (основным из них считается Вестминстерский статут 1931 г. [24]).

К неписаной части конституции традиционно относятся конституционные соглашения, судебные прецеденты, интерпретационные акты, первоначально исходившие от Судебного Комитета Тайного Совета, а затем от Верховного Суда Канады, а также та часть конституции, которая фактически была реципирована у метрополии, но не получила формального юридического закрепления в Канаде.

В свою очередь, реципированная Канадой британская конституция – это «свод обычаев и сложившихся правил государственной жизни, которые вместе с некоторыми законодательными актами составляют лишь небольшую часть системы государственного управления» [25]. Следовательно, она также состоит из писаной части (например, Magna Carta 1215 г., Habeas Corpus Act 1679 г.) и неписаной (принцип верховенства парламента и т. п.).

По поводу ценности писаной и неписаной конституции также нет единства мнений. Большинство современных конституционалистов отдает предпочтение конституции писаной, так как в ней закреплены формально определенные нормы, на основе которых складываются властные отношения. Действительно, в мире подавляющее большинство конституций – это конституции писаные. Но существование неписаной конституции также обеспечивает некоторые преимуще-

ства для нации. Например, общество всегда имеет возможность измениться без ограничения формальной конституции, а государство – адекватно регулировать фактически конституционные отношения. Само же существование неписаной конституции указывает на то, что некоторые фундаментальные демократические принципы так прочно укреплены в политической жизни государства, что нет необходимости в каком-либо специальном формальном документе, закрепляющем их.

Но Канада не могла обходиться исключительно реципированной конституцией Британии в силу объективно складывающейся многокультурности, которая обусловила учреждение федеративной формы территориально-государственного устройства. В федеративном государстве писаная конституция является потребностью, так как само учреждение федерализма обычно требует заключения какой-либо «федеральной сделки». Писаный документ в этом случае закрепляет уступки определенной степени автономии центра и субъектов федерации в обмен на некоторые выгоды, а также юридические гарантии того и другого. Действительно, во всех федерациях, сложившихся на территории бывшей Британской империи, существуют писаные конституции (конституции Соединенных Штатов Америки, Канады, Австралии, Индии).

С другой стороны, федерализм – это живая система. И канадский ученый П. Вейлер утверждает, что «вопросы федерализма являются не подходящими для статичных юридических принципов. Наши судьи работают с документами столетней давности, основные цели которых в значительной мере не соответствуют современным законодательным проблемам» [26]. Поэтому канадская конституция по форме остается все-таки смешанной, и Д. В. Смилей считает подобную форму оптимальной: «Канадская конституция как закон – это только часть нашей конституции, другая часть – это конституционные соглашения» [27]. В целом же конституцией государства он признает совокупность правовых норм, которые и санкционируют осуществление государственной власти, и устанавливают определенные процедуры, в соответствии с которыми такая власть осуществляется.

Понятие «конституционные соглашения» означает правила, которые восприняты практикой или традицией и не закреплены в писаной конституции [28]. Они возникают «при таких условиях, когда имеется многократно повторяющийся процесс государственно-политических отношений». При этом «конституционные соглашения охватывают как важные, так и второстепенные отношения, поэтому в подавляющем большинстве случаев неясно, существуют ли такие нормы» [29]. Следовательно, признавая конституционные соглашения неотъемлемой частью канадской конституции, необходимо отметить, что их изучение крайне затруднено.

С. Ю. Данилов и В. Е. Шило писаную часть канадской конституции называют юридической конституцией, а неписаную – фактической [30]. Думается, что последнее утверждение является ошибочным. Неписаная часть канадской конституции, безусловно, также имеет юридическое значение, поскольку она реализуется и в процессе формирования государственных органов (формирование ответственного правительства парламентским большинством на основе конституционного обычая), и в процессе согласования государственных интересов (институт федерально-провинциальных конференций), и в деятельности Верховного суда Канады (применение правила прецедента).

4. Кроме того, некоторые авторы утверждают, что Канада не имела собственной конституции как таковой вплоть до 1982 г., так как сфера конституционных отношений регулировалась, прежде всего, актами британского Парламента. Подлинной же конституцией может обладать только суверенное государство [31].

Если следовать подобной логике, то необходимо признать, что и в 1982 г., обретя абсолютный государственный суверенитет, Канада не обрела собственной конституции, так как подавляющее большинство конституционных нормативных актов, действовавших до 1982 г., осталось в силе. Канада же получила только прерогативу по их дальнейшему изменению и совершенствованию.

П. Р. Датт также отрицает возможность существования конституции в колониальный период, а также в период обладания территориального образования статусом доминиона. Он утверждает: «Существо конституции заключается в том, что она является выражением суверенитета народа, который боролся за нее против самодержавной власти и победил и чьи выборные делегаты в учредительном собрании или в другом суверенном представительном органе выработали собственные политические институты, соответствующие их собственной воле и свободные от давления или вмешательства извне. Второй характерной чертой всех традиционных конституций является то, что в них ясно и точно определены основные права граждан» [32].

Действительно, права граждан в актах, которые до 1982 г. претендовали называться конституцией Канады, не были закреплены. То есть вторая существенная черта конституции отсутствовала на протяжении многих десятилетий. Что же касается выработки собственных политических институтов, то таковым институтом, по нашему мнению, сле-

дует считать институт федерализма. Его модель выкристаллизовывалась на трех конференциях, две из которых прошли в Канаде – Шарлоттаунская (1862 г.) [33] и Квебекская (1864 г.) [34], и третья – в Лондоне (1866 г.) [35]. В работе каждой из них принимали участие представители Канады и двух Приатлантических провинций – Новой Шотландии и Нью-Брансуика. Безусловно, принципиальное решение и окончательное оформление по данному вопросу принималось властями метрополии, но это был первый шаг по пути достижения государственного суверенитета Канады. Более того, если говорить непосредственно об Акте о Британской Северной Америке 1867 г., то спустя сто пятнадцать лет он получил юридический статус Конституционного Акта.

Следовательно, можно признать, что Канада имеет собственную конституцию, которая является октроированной. Конституция осталась таковой и после ее патриации, так как не была одобрена непосредственно населением на референдуме. Возможно, это объясняется, во-первых, сохранением фактически той же действовавшей конституции, а во-вторых, непопулярностью и юридической неразработанностью института референдума в целом, а также процедуры его проведения, в частности, в англосаксонском праве [36].

Таким образом, принимая во внимание четыре основных подхода к определению содержания и формы канадской конституции, можно сделать следующие выводы.

1. Термин «конституция» следует понимать максимально широко, исходя из предмета конституционно-правового регулирования. Следовательно, конституция – это совокупность норм, регулирующих:

– основные принципы, цели и правила, которые определяют политическую жизнь общества;

– порядок формирования, структуру, функции и полномочия высших государственных органов;

– распределение и координацию полномочий между двумя уровнями государственной власти федеративного государства;

– закрепление отношений между управляющими и управляемыми, в том числе закрепление гарантированных прав последних.

2. Содержание конституции Канады составляют три группы источников, выделенные по времени принятия:

– конституционно-правовые нормы, принятые и реципированные в период колониального развития Канады – с 1763 г. до 29 марта 1867 г.;

– конституционно-правовые нормы, принятые в период существования Доминиона Канада – с 29 марта 1867 г. по 1 июля 1982 г.;

– конституционно-правовые нормы, принятые после обретения Канадой государственного суверенитета – после 1 июля 1982 г.

При этом следует подчеркнуть, что ядром конституции Канады является Акт о Британской Северной Америке 1867 г., принятый Парламентом Соединенного Королевства Британии и Северной Ирландии, который является частью Конституционного Акта 1982 г.

3. Канадская конституция имеет смешанную форму, то есть состоит частично из источников, имеющих документарную текстовую форму, частично – из источников, не имеющих подобной формы. К последним относится реципированная конституция Великобритании и конституционные соглашения, не получившие юридического закрепления.

Примечания

1. *Алексеев, С. С.* Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования [Текст] / С. С. Алексеев. М., 1999. С. 83.

2. *Тихомиров, Ю. А.* Правовые акты [Текст]: учебно-практическое и справочное пособие / Ю. А. Тихомиров, И. В. Котелевская. М., 1999. С. 48.

3. http://laws.justice.gc.ca/en/const/c1867_e.html#pre [Electronic resourse]

4. Конституции государств американского континента [Текст]. Т. II. М., 1959. С. 8.

5. См.: http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/index.html [Electronic resourse]

6. Ю. Л. Шульженко отождествляет эти понятия. См.: Шульженко, Ю. Л. Форма российской Конституции и ее толкование [Текст] / Ю. Л. Шульженко // Теоретические проблемы российского конституционализма / под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2000. С. 24.

7. *Шабо, Ж.-Л.* Конституция и конституционализм: Анализ понятий [Текст] / Ж.-Л. Шабо // Полис. 1998. № 6. С. 50.

8. См., например: Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации [Текст] / М. В. Баглай. М., 1998. С. 71.

9. Государственное устройство Канады [Текст] // США – Канада: экономика, политика, идеология. 1990. № 8. С.119.

10. http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/PreConfederation/rp_1763.html [Electronic resourse]

11. *Лидин, А.* Государственный строй Канады [Текст] / А. Лидин. М., 1960. С. 26.

12. *Графский, В. Г.* Всеобщая история права и государства [Текст] / В. Г. Графский. М., 2000. С. 580.

13. http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/PreConfederation/qa_1774.html [Electronic resourse]

14. *Лидин, А.* Указ. соч. С. 26.

15. *Графский, В. Г.* Указ. соч. С. 580-584.

16. Правовые системы стран мира [Текст]: энциклопедический справочник /под ред. А. Я. Сухарева. М., 2001. С. 303.

17. http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/ca_1982.html [Electronic resourse]

18. Конституции зарубежных государств [Текст] / сост. В. В. Маклаков. М., 1996. С. 460.

19. *Мишин, А. А.* Государственное право зарубежных стран [Текст] / А. А. Мишин. М., 1999. С. 25-26; См, например: Jackson, R. Politics in Canada [Text] / R. Jackson, D. Jackson, N. Baxter-Moore. Scarborough; Ontario, 1986. P. 181.

20. *Hood Phillips O.* Constitutional and Administrative Law [Text]. L., 1967. P. 6.

21. См., например: *Jackson, R.* Politics in Canada [Text] / R. Jackson, D. Jackson, N. Baxter-Moore. Scarborough; Ontario, 1986. P.181, 184; *Smiley, D. V.* The Federal Condition in Canada [Text] / D. V. Smiley. Toronto, 1987. P. 28.

22. Конституции государств американского континента [Текст]. Т. II. М., 1959. С. 8.

23. Данилов, С. Ю. Политико-государственный механизм современной Канады [Текст] / С. Ю. Данилов, В. Е. Шило. М., 1991. С. 12.

24. http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/StatuteofWestminster.html [Electronic resourse]

25. *Бромхед, П.* Эволюция британской конституции [Текст] / П. Бромхед. М., 1978. С. 31.

26. *Weiler, P.* The Umpire of Canadian Federation [Text] / P. Weiler // A Critical Study of the Supreme Court of Canada. Toronto; Carswell, 1974. P. 173-174.

27. *Smiley, D. V.* Ibid. P. 28.

28. *Jackson, R., Jackson, D., Baxter-Moore, N.* Ibid. P. 182.

29. *Бромхед, П.* Указ. соч. С. 37.

30. *Данилов, С. Ю., Шило, В. Е.* Указ. соч. С. 23.

31. См., например: *Александров, Ю. А.* Канада: проблемы 70-х годов [Текст] / Ю. А. Александров, И. А. Хрипунов. М., 1978. С. 4; Современная внутренняя политика Канады [Текст] / под ред. С. Ф. Молочкова. М., 1986. С. 224.

32. *Датт, Р. Палм.* Кризис Британии и Британской империи [Текст] / Р. Палм Датт. М., 1959. С. 221.

33. См.: The Canadian Historical Review [Текст]. Vol. 48, no. 2 (June 1967). P. 110-112.

34. Documents on the Confederation of British North America. Toronto: McClelland and Stewart Ltd., 1969. P. 154-165.

35. http://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/Misc/lr_1866.html [Electronic resourse]

36. См.: *Богдановская, И. Ю.* Закон в английском праве [Текст] / И. Ю. Богдановская. М., 1987. С. 67.

А. И. Стахов

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ОСНОВНАЯ ФУНКЦИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье раскрывается сущность и юридическое содержание обеспечения безопасности как одной из основных функций Российского государства.

В нормах действующего законодательства понятие «безопасность» неразрывно связано с такой категорией, как «обеспечение безопасности». Термин «обеспечить» в общем смысле означает: а) предоставить достаточные материальные средства к жизни; б) снабдить чем-нибудь в нужном количестве; в) сделать вполне возможным, реально выполнимым; г) оградить [1].

В административно-правовой литературе под обеспечением безопасности понимается «проведение государственной политики, направленной на создание и поддерживание необходимого уровня защищенности объектов безопасности, осуществление мер и средств нормативно-правового, организационного, правоохранительного и иного характера, адекватных угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства» [2].

Исходное законодательное понятие обеспечения безопасности сформулировано в законе РФ «О безопасности». В названном законе обеспечение безопасности отождествляется с проведением единой государственной политики в области обеспечения безопасности, системой мер экономического, политического, организационного и иного характера, адекватных угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства [3].

Вызывает интерес подход законодателя к пониманию обеспечения отдельных видов безопасности. Так, например, в ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений» под обеспечением безопасности гидротехнических сооружений понимается разработка и осуществление мер по предупреждению аварий гидротехнического сооружения [4].

В ФЗ «О безопасности дорожного движения» обеспечение безопасности дорожного движения отождествляется с деятельностью, направленной на предупреждение причин возникновения дорожно-транспортных происшествий, снижение тяжести их последствий [5].

Согласно ФЗ «О пожарной безопасности» обеспечение пожарной безопасности есть одна из важнейших функций государства [6].

Из логико-позитивного анализа приведенных дефиниций обеспечения безопасности можно сделать вывод, что данная категория до настоящего времени не нашла единообразного понимания на этимологическом, доктринальном и законодательном уровнях.

По нашему убеждению, для достижения единообразного понимания природы, места и обеспечения безопасности в правовой системе Российской Федерации данная категория должна быть определена предельно ясно и точно в нормах действующего законодательства, исходя из юридической природы безопасности.

Не вдаваясь в дискуссию о сложившихся подходах к пониманию юридической природы безопасности, обеспечение безопасности в общем смысле можно определить как деятельность Российского государства по достижению урегулированного правом состояния защищенности кон-

СТАХОВ Александр Иванович – кандидат юридических наук, доцент по кафедре государственно-правовых дисциплин Вятского государственного гуманитарного университета
© Стахов А. И., 2005

ституционных и иных законных интересов личности, общества, государства и нации, при котором отсутствуют вредоносные природные и техногенные факторы окружающей среды, связанные с использованием на законных основаниях и по назначению предметов, явлений и процессов – источников опасности конституционным и иным законным интересам личности, общества, государства, нации, а также отсутствуют правонарушения и юридические казусы (происшествия), способствующие возникновению и (или) развитию вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды.

С этой точки зрения для того чтобы достигнуть сформулированного состояния защищенности конституционных и иных законных интересов личности, общества, государства и нации, Российскому государству необходимо:

1) предупредить угрозы безопасности, то есть предупредить вредоносные природные и техногенные факторы окружающей среды, связанные с использованием техногенных и природных предметов, явлений и процессов-источников опасности конституционным и иным законным интересам личности, общества, государства и нации, а также предупредить правонарушения и юридические казусы (происшествия), способствующие возникновению и (или) развитию вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды;

2) выявить угрозы безопасности, то есть выявить вредоносные природные и техногенные факторы окружающей среды, связанные с использованием техногенных и природных предметов, явлений, процессов-источников опасности конституционным и иным законным интересам личности, общества, государства и нации, а также выявить правонарушения и юридические казусы (происшествия), способствующие возникновению и (или) развитию таких факторов;

3) нейтрализовать угрозы безопасности или, иначе, локализовать (ограничить) и ликвидировать вредоносные природные и техногенные факторы окружающей среды, связанные с использованием техногенных и природных предметов, явлений, процессов-источников опасности конституционным и иным законным интересам личности, общества, государства и нации, а также пресечь правонарушения и юридические казусы (происшествия), способствующие возникновению и (или) развитию таких факторов, устранить или компенсировать вред, причиненный данными правонарушениями и юридическими казусами.

Высказанное суждение позволяет рассматривать достижение безопасности в качестве цели Российского государства по обеспечению безопасности. Соответственно, основными задачами государства по обеспечению безопасности в правовой системе Российской Федерации следует признать:

1. Предупреждение угроз безопасности или, иначе, предупреждение вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды, связанных с использованием субъектами права на законных основаниях и по назначению предметов, явлений и процессов-источников опасности конституционным и иным законным интересам личности, общества, государства и нации, а также предупреждение правонарушений и юридических казусов (происшествий), способствующих возникновению и (или) развитию данных факторов.

2. Выявление угроз безопасности или, иначе, выявление вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды, связанных с использованием субъектами права на законных основаниях и по назначению предметов, явлений и процессов-источников опасности конституционным и иным законным интересам личности, общества, государства и нации, а также выявление правонарушений и юридических казусов (происшествий), способствующих возникновению и (или) развитию данных факторов.

3. Нейтрализация угроз безопасности или, иначе, локализация (ограничение) и ликвидация вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды, связанных с использованием субъектами права на законных основаниях и по назначению предметов, явлений и процессов-источников опасности конституционным и иным законным интересам личности, общества, государства и нации, а также пресечение правонарушений и юридических казусов (происшествий), способствующих возникновению и (или) развитию данных факторов, устранение или компенсация вреда, причиненного такими правонарушениями и юридическими казусами (происшествиями).

Сформулированная цель и задачи Российского государства по обеспечению безопасности позволяют в обобщенном виде определить обеспечение безопасности как деятельность государства по предупреждению, выявлению и нейтрализации угроз безопасности. Соответственно, обеспечение безопасности в правовой системе Российской Федерации можно определить как деятельность государства по предупреждению, выявлению и нейтрализации вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды, связанных с использованием субъектами права на законных основаниях и по назначению предметов, явлений и процессов-источников опасности конституционным и иным законным интересам личности, общества, государства, нации, а также правонарушений и юридических казусов (происшествий), способствующих возникновению и (или) развитию данных факторов.

С этой точки зрения обеспечение безопасности обоснованно признать основной функцией Российского государства.

В пользу высказанного суждения можно привести следующие аргументы.

Во-первых, обеспечение безопасности охватывает всю совокупность конституционных и иных законных интересов, носителями которых выступают личность, общество, государство и нация. Следовательно, в обеспечении безопасности проявляется социальное назначение Российского государства.

Во-вторых, обеспечение безопасности как деятельность Российского государства осуществляется всеми звеньями механизма государства. Так, обеспечение безопасности осуществляется Президентом РФ, законодательными органами, исполнительными и судебными органами, органами прокуратуры, иными государственными органами, а в случаях, установленных законом, – органами местного самоуправления.

В-третьих, обеспечение безопасности охватывает широкий круг общественных отношений, складывающихся между субъектами права по поводу предупреждения, выявления и нейтрализации вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды, а также общественных отношений, складывающихся по поводу предупреждения, выявления и нейтрализации правонарушений и юридических казусов (происшествий), способствующих возникновению и (или) развитию вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды.

В структуре обеспечения безопасности, по нашему убеждению, необходимо выделить отдельные направления воздействия Российского государства на поведение граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, а также коммерческих и не коммерческих организаций различных организационно-правовых форм и форм собственности (далее по тексту: физические и юридические лица), которые осуществляются различными звеньями механизма государства с целью достижения безопасности и выполнения задач государства по обеспечению безопасности.

Из анализа действующего российского законодательства, противодействующего вредоносным природным и техногенным факторам окружающей среды, следует обратить внимание, что указанное воздействие государства по обеспечению безопасности может осуществляться отдельными звеньями механизма государства без непосредственного вмешательства в административно-хозяйственную, организационно-распорядительную и иную деятельность физических и юридических лиц либо данное воздействие государства может быть связанно с вмешательством в административно-хозяйственную, организационно-распорядительную и иную деятельность физических и юридических лиц.

Воздействие Российского государства на поведение физических и юридических лиц по предупреждению, выявлению и нейтрализации угроз безопасности, осуществляемое отдельными звеньями механизма государства без непосредственного вмешательства в административно-хозяйственную, организационно-распорядительную и иную деятельность физических и юридических лиц, можно назвать общим обеспечением безопасности.

С этой точки зрения общее обеспечение безопасности осуществляется государственными органами и органами местного самоуправления, уполномоченными издавать правовые акты, устанавливающие, изменяющие и отменяющие общеобязательные условия и требования безопасности, адресованные физическим и юридическим лицам и обеспечиваемые силой государственного принуждения.

С этой точки зрения общее обеспечение безопасности осуществляется Президентом РФ, Советом безопасности РФ, законодательными органами государственной власти, судебными органами, органами прокуратуры, Правительством РФ, а также иными федеральными органами исполнительной власти в случаях, установленных указом Президента РФ или постановлением Правительства РФ, высшими должностными лицами субъектов РФ, представительными органами местного самоуправления.

Воздействие Российского государства на поведение физических и юридических лиц по предупреждению, выявлению и нейтрализации угроз безопасности, связанное с непосредственным вмешательством отдельных звеньев механизма государства в административно-хозяйственную, организационно-распорядительную и иную деятельность данных лиц, можно назвать непосредственным обеспечением безопасности. С этой точки зрения непосредственное обеспечение безопасности осуществляется государственными органами и органами местного самоуправления, уполномоченными применять специально-юридические средства, направленные непосредственно на поведение (отдельные действия, деятельность) персонифицированных физических и юридических лиц в целях обеспечения безопасности.

Согласно сформулированной точке зрения непосредственное обеспечение безопасности осуществляется федеральными службами, их образованиями и должностными лицами, федеральными агентствами, их образованиями и должностными лицами, а также органами исполнительной

власти субъектов РФ и органами местного самоуправления, уполномоченными выполнять функции государственного контроля и надзора по обеспечению исполнения общеобязательных правил и требований безопасности физическими и юридическими лицами в процессе осуществления ими административно-хозяйственной, организационно-распорядительной и иной деятельности.

Изложенное понимание обеспечения безопасности как функций Российского государства и раскрытая структура данной категории могут составить основу доктринального исследования различных правовых форм обеспечения безопасности, а также определить основные направления систематизации и унификации российского законодательства, регулирующего обеспечение безопасности.

Примечания

1. См.: *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведова. М., 1985. С. 364.

2. См.: *Кондрашов, Б. П.* Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения [Текст] / Б. П. Кондрашов. М., 1998. С. 23.

3. См.: Ст. 4 Закона РФ от 05 марта 1992 г. «О безопасности» [Текст] // База данных СПС Консультант-Плюс.

4. См.: Ст. 3 ФЗ от 23 июня 1997 г. «О безопасности гидротехнических сооружений» [Текст] // База данных СПС Консультант-Плюс.

5. См.: Ст. 2 ФЗ от 15 ноября 1995 г. «О безопасности дорожного движения» [Текст] // База данных СПС Консультант-Плюс.

6. См.: Абзац 2 ФЗ от 18 ноября 1994 г. «О пожарной безопасности» [Текст] // База данных СПС Консультант-Плюс.

НОВЫЕ КНИГИ

Права ребенка в вопросах и ответах [Текст]: юридический справочник для социальных педагогов, педагогов дополнительного образования, педагогов-организаторов / авт.-сост. М. В. Плюснин. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. – 84 с.

Составитель справочника – М. В. Плюснин, педагог дополнительного образования Детско-юношеского центра Октябрьского района г. Кирова, приводит вопросы, которые наиболее часто встречаются при работе с несовершеннолетними, и ответы на них в рамках трудового, гражданского, административного, уголовного права с приведением конкретных статей законов. Справочник будет интересен специалистам, занимающимся вопросами правового просвещения несовершеннолетних. Вопросы и ответы в простой и доступной форме могут быть полезны также родителям и самим несовершеннолетним.

Управление в XXI веке: материалы международной научно-практической конференции. 21-22 апреля 2005 г., г. Киров [Текст]. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. – 140 с.

Сборник включает в себя материалы международной научно-практической конференции, подготовленной и проведенной на факультете управления Вятского государственного гуманитарного университета. Научные труды конференции рассчитаны на представителей органов власти и управления, научных работников, преподавателей вузов и всех, кто интересуется вопросами управления, экономики, местного самоуправления, муниципального управления, истории, права.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

О. Ю. Поляков

К ИСТОКАМ КРИТИКИ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБОЗРЕНИЯХ АНГЛИИ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

В статье на материале периодических изданий XVIII в. рассматривается один из ключевых этапов развития английской литературной критики, связанной с появлением ее оперативного дескриптивного звена.

1750-е гг. были временем расцвета английской газетно-журнальной критики, уникальным периодом, когда одновременно существовали влиятельная традиция включения эссе на темы литературы в структуру нравоучительных изданий (С. Джонсон, Дж. Уортон, О. Голдсмит, А. Мэрфи) и новая форма бытования критики, которая нашла выражение в публикациях только что созданных литературных обозрений, в частности «Мансли Ревью» и «Критикал Ревью». Этот период можно с некоторыми оговорками назвать эпохой формальной дестабилизации критики, разрушения ее масштабных форм (трактата, «рассуждения», «опыта») и перехода к лаконичным и оперативным жанрам, которые составляют основу современной литературной критики, – рецензиям, аннотациям, обзорным статьям.

Деятельность литературных обозрений обусловила активное развитие синхронной критики. Несомненно, отдельные ее опыты существовали и раньше, находя воплощение в эпистолярии, памфлетных формах, некоторых статьях журналов очерков. Традиция рецензирования произведений литературы не возникла вместе с «Мансли Ревью» и «Критикал Ревью». Их предвестниками были журналы, издававшиеся, в основном, французскими эмигрантами, которые брали за образец «Журналь де саван» Дени де Салло, существовавший с 1665 г. вплоть до середины XVIII в.: «Юнивесал Хисторикал Библиотек» де ла Кроза (1687), «Хистори оф ленинг» (1691–1692) и «Хистори оф зе уокс оф зе ленид» Дж. Дантона (1699–1712), «Мемуаз оф литрэчэ» ля Роша (1710–1717) и др. В этих журналах публиковались, главным образом, выдержки из новых книг и памфлетов, иностранных журналов. Значительную роль в становлении оперативной критики сыграл «Джентлмэнз Джорнэл» П. Моттэ (1692–1694), публиковавший небольшие рецензии на выходившие из печати книги [1]. Акцент в первых обозрениях делался на зарубежных книгах и памфлетах, публиковались их аннотации, сопровождавшиеся цитатами. Эта техника мало изменилась и в первом значительном английском обозрении, «Мансли Ревью» (1749–1815), основанном Р. Гриффитсом. Среди литературных обозревателей журнала в 1750-х гг. были поэты Оуэн Рафхед, Джеймз Грэйнджер, Уильям Кенрик и другие, в нем начинал свой публицистический путь Оливер Голдсмит.

В 1756 г. был основан «Критикал Ревью» (выходил до 1817 г.), редактор которого, Т. Смоллетт, объявляя в «Паблик Эдветайзер» о его учреждении, поставил перед изданием задачу «возродить истинный дух критики... защитить литературу от продажной юрисдикции» тех арбитров, кто следовал личным и корпоративным интересам, кто занимался авторецензированием, тех наемных писак, которые хвалили все без разбора произведения, публиковавшиеся их хозяевами, книгоиздателями (в первую очередь этот выпад касался «Мансли Ревью») [2]. Залогом объективности основатели «Критикал Ревью» считали взвешенный анализ достоинств и недостатков произведений, подкрепляемый цитированием.

Англичане стали свидетелями беспрецедентного соревнования двух обозрений, в результате которого росло качество рецензий, повышались оперативность и всесторонность освещения новых книг. Высокий уровень критики в «Критикал Ревью» и ее художественные достоинства обеспечивались прежде всего тем, что в рецензировании принимали активное участие Смоллетт и Голдсмит, чьи публикации свидетельствовали о неустойчивости эстетического кредо обоих обозрений, в которых общим местом стала критика с позиций жанровых доктрин, требование дидактической основательности произведений, правдоподобия, декорума и т. д. С другой стороны, благодаря этим изданиям в Англии распространялись предромантические идеи: существенное место и в том и в другом обозрении уделялось рецензиям на произведения Дж. Уортона, Э. Берка, Э. Юнга. Авторитет журналов был настолько высок, что под

ПОЛЯКОВ Олег Юрьевич – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой зарубежной литературы и английского языка ВятГГУ
© Поляков О. Ю., 2005

влиянием их критики автор «Исследования о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» был вынужден внести в трактат существенные исправления. Одна из множества сочинительниц романов, руководимая паническим страхом перед рецензентами, написала в заголовке своего романа, что не претендует на высокое звание писателя, а потому надеется избежать их суда [3]. Другие же авторы порой вступали в полемику с обозревателями, чаще всего с рецензентами «Критикал Ревью», в котором нередки были резкие суждения. Среди тех, кто посчитал себя оскорбленным, были А. Мэрфи и С. Фут.

Существовали два фактора, ограничивавшие литературную критику в «Мансли Ревью» и «Критикал Ревью». Их издатели, поставив задачу обозреть все выходящие произведения печати, от памфлета до фолианта, от многотомного исторического труда до руководства по лечению подагры, не могли посвящать художественной литературе полновесных статей и нередко подменяли анализ цитированием. Кроме того, оперативная критика, сосредоточившаяся на современном литературном процессе, имела возможность анализировать художественное наследие прошлого лишь в тех случаях, когда из печати выходили произведения классической литературы, реже – эпохи Ренессанса и XVII в. Синхронный характер критики обусловил недостаточность суждений об эпической поэме, трагедии, пасторали – жанрах, развитие которых во второй половине XVIII в. либо завершалось, либо было недостаточно динамичным («Эпигониада» Уилки, предшествовавшая мистификациям Макферсона, выглядела настоящим реликтом эпического рода), и, напротив, новомодный роман привлекал самое пристальное внимание рецензентов. Несмотря на то, что в Англии середины XVIII в. не было создано ни одной значительной трагедии, журнальные критики, имея в виду ее высокое положение в иерархической системе литературных форм и наиболее разработанную поэтику, охотно рецензировали произведения, написанные в этом жанре их современниками.

Рецензенты трагедий могли опереться не только на опыт августианской критики жанра, но и на труды авторитетных современников, в частности, журнальные очерки С. Джонсона и «Диссертацию о трагедии» Р. Хёрда (1753), а также сочинения зарубежных литераторов о драме, наиболее популярным из которых был трактат П. Брюмуа «Греческий театр» (1732).

Р. Хёрд, воспринявший идеи Брюмуа, поддержал подражания древнегреческим трагедиям, которые он считал воплощением простоты и природосообразности, и хвалил произведения Мэйсона, взявшего за образец трагедии Эсхила. Вслед за Брюмуа Хёрд приветствовал реставрацию хора, считая его необходимым средством разъяснения авторских идей.

Автор «Диссертации» выделял прежде всего регулярную композицию трагедии, давал ригористическую трактовку единства действия, которое, как он считал, предполагает исключение не только побочных сюжетных линий и персонажей, но и «слишком большого» количества инцидентов и героев драмы, даже если они непосредственно связаны с основным действием. Критик поддерживал идею декорума, не позволяя вслед за Рапэном, Раймером, Деннисом, Мэрфи и другими вводить в трагедию любовную интригу, «подрывающую достоинство» высокого жанра. Хёрд также возражал против соединения в драме трагического и комического. И хотя он неоднократно указывал, что правила следует подвергать суду разума, его собственные суждения о трагедии свидетельствуют о приверженности положениям формальной критики [4]. В сравнении с его взглядами теория драмы С. Джонсона представляется значительно более либеральной. Следует отметить, что критики обозрений занимали компромиссную позицию между традиционализмом Хёрда и эмпирической критикой Джонсона.

Анализируя трагедии, обозреватели «Мансли Ревью» актуализировали аристотелевскую схему литературного анализа, последовательно рассматривая сюжеты, характеры, выражение, язык произведений. Из всех классицистических требований наименьший акцент получали единства времени и места (об их абсурдности писалось, например, в рецензии на публикацию «Китайского сироты» Вольтера, 1755) [5], в то время как единство действия и принципы правдоподобия и декорума выдвигались на первый план. В частности, рецензент трагедии «Отец-римлянин» У. Уайтхеда (1750), написанной в подражание «Горацию» Корнеля, отмечал, что попытка преувеличить патриотизм отца Горациев, который стал главным героем в английской переделке, привела к результату, противоречащему природе и здравому смыслу: старший Гораций в ложном патетическом порыве желает, чтобы его сыновья отдали жизни за государство, и при этом не задумывается о том, что этот исход обернется для Рима рабством [6].

Позднее журнальный критик писал о новой трагедии Уайтхеда «Креуза, королева афинская» (1754), что «если древность добавляет достоинства сюжету в такой же мере, как и редкой монете или египетской мумии, то фабула этой пьесы может претендовать на похвалу; но если большую ценность представляет правдоподобие, то у этой неестественной истории мало шансов на успех» [7]. Неправдоподобны, по его мнению, характеры государственного мужа Форбаса и верховной жрицы Пифии, которым недостает истин-

ного величия и которые в экспозиции произведения представлены с комической стороны: первый – «старым болтливым олухом», вторая – «бесцеремонной любительницей чужих секретов» [8].

Неоднозначным было отношение критиков «Мансли Ревью» к попыткам реставрации древнегреческой драмы, в частности введению хора в структуру трагедии. Обозреватель трагедии Мэйсона «Эльфрида» (1752) писал, что хор компенсирует недостаточность ее инцидентов. Семь лет спустя журнальный критик У. Кенрик, рецензируя новое произведение Мэйсона «Каракатус», написанное по античным моделям, вступил в спор с его автором, аргументом которого в пользу «хоральной» трагедии было то, что она предоставляет драматургу возможность продемонстрировать прежде всего поэтические способности (не случайно Мэйсон называл свои произведения драматическими поэмами) и обеспечивает более оптимальную реализацию дидактических возможностей жанра.

«Апострофы» хора, как бы они ни были поэтичны или назидательны, не могут компенсировать недостаток гения, художественного воображения современных драматургов, утверждал Кенрик. Он назвал «жизнью и душой трагедии» пафос, который не исключает умеренного использования стилистических средств, но, по его мнению, трагедии его поры писались чрезмерно цветистым стилем, который не только мешал нагнетанию страстей, но и вел к нарушению правдоподобия: «В некоторых пьесах все персонажи представлены любимцами муз, причисленными к парнасской братии, даже солдаты и слуги, стоит им только открыть рот, начинают произносить тропы» [9]. Кроме того, драматурги злоупотребляли сентенциями, в то время как задача драмы заключается в том, чтобы поучать примером, а не предписанием, «сеять семена добродетели, пробуждая чувства, а не информируя рассудок». Те, кто ратует за введение хора в трагедию, не должны забывать, что она не относится к гомилетическим жанрам и что главные качества драматурга – «большая чувствительность сердца, тонкое знание движений души, умение убедительно и последовательно раскрыть особенные черты характеров», пишет Кенрик. В качестве примера для драматургов он называет творчество Шекспира, умевшего соединять «чистую поэзию» и «чистую страсть» [10].

Следует отметить, что не только Кенрик, но и другие критики «Мансли Ревью» порицали современных драматургов за ложный пафос, напыщенность слога, неумение трогать сердца зрителей. Такие претензии предъявлялись трагедиям «Римский отец» и «Креуза» У. Уайтхеда, «Виргиния» Ф. Брука, «Клеона» Р. Додсли и др.

Обозреватели «Критикал Ревью» также делали акцент на эмотивном содержании драмы, подчеркивая при этом «климатический» элемент: в отличие от французских «английские авторы должны обращаться не к рассудку, а к воображению, фантазии и чувствам публики», отличающейся «природной сдержанностью» [11]. Драматические рецензии «Критикал Ревью» были немногочисленны и очень лаконичны. Общими местами были здесь следующие суждения: «фабула произведения богата/бедна инцидентами, характеры последовательно/непоследовательно выстроены, язык в достаточной/недостаточной мере соответствует характерам» и т. д.

Показательна рецензия на трагедию «Клеона», автор которой, Р. Додсли, порицался за неправдоподобие, отступление от единства характера (герой трагедии, доблестный офицер Сифрой, человек «бурных страстей», в одном из эпизодов представлен «мягким, нежным, кротким и слезливым») и нарушение декорума: в трагедии присутствует ряд жестоких сцен, в частности убийство ребенка, и критик, осуждая автора за то, что он устроил настоящую бойню, отмечает, что кровопролитие на сцене вызывает не ужас, «истинно трагическое чувство», а отвращение аудитории [12].

Арбитры «Критикал Ревью» подходили к правилам античных поэтик и проблеме подражания древним с позиций здравого смысла. В частности, журнал назвал «волюнтаристским» требование Горация, установившего пятиактную структуру трагедии. По мнению критика, количество действий должно быть сообразным фабуле произведения: «существует немало сюжетов, события которых можно уложить в три хороших акта», и поэтому не нужно «следовать моде и муссировать каждое обстоятельство и каждое переживание до тех пор, пока материя произведения не станет такой же тонкой, как листовое золото, и такой же пустой и холодной, как французская поэма» [13].

Также и в рецензиях обозрений, посвященных лирическим жанрам, говорилось о необходимости умеренного подражания древним, приветствовалось «смелое, вдохновенное и свободное подражание», исключающее «рабское следование образцам без каких-либо попыток отклониться от них и продемонстрировать собственный талант» [14]. Этому «романтическому» порыву не соответствовал, однако, уровень рецензий – крайне лаконичных, малоинформативных, свидетельствующих о том, что в подавляющем большинстве журнальные критики придерживались августианских ценностей. Так, они хвалили сочинения, написанные в популярных жанрах оды и элегии [15], подчеркивали дидактические аспекты описательной поэмы и поэзии в целом [16]; в кратких заметках журналов о поэтических произведениях говорилось о качествах их версифи-

кации (“harmonious/irregular”, “lively/languid” и т. д.), высказывалось предпочтение героическому куплету, а не белому стиху, порицались спенсерова строфа и внутренняя рифма [17], характеризовался поэтический язык (осуждалось использование архаизмов, неологизмов, заимствованных слов [18], употребление банальных метафор и составных эпитетов [19].

Рецензенты нередко предоставляли публике самой судить о достоинствах и недостатках лирических произведений, цитируя их избранные места. «Поскольку наша цель – углубляться в область критики не дальше, чем это необходимо для того, чтобы дать некоторое представление о рассматриваемых книгах, то мы ограничиваемся общими оценками», – писал обозреватель «Мансли Ревью» в 1750 г. [20]. В результате не получила подробного и объективного освещения поэзия сентименталистов, в частности произведения Т. Грея. Об «Элегии, написанной на сельском кладбище» говорилось, что ее так много читают, ею так все восхищаются, что добавлять к этому еще что-либо было бы излишним» [21]. Оды Грея «Шествие поэзии» и «Бард», правда, вызвали больший резонанс [22]. «Мансли Ревью» указал вслед за большинством критиков на «темный» стиль трудной для восприятия первой оды и, кроме того, выступил против подражаний Пиндару, чьи произведения являлись отражением его эпохи и не соответствовали культурным реалиям середины XVIII в. [23] «Критикал Ревью», напротив, назвал произведения Грея образцовыми подражаниями античному одисту, которые достойны шедевров древности [24].

В целом критика традиционных литературных форм в обозрениях опиралась на разработанные поэтики жанров, использовала классицистический метод определения достоинств и недостатков. Трудно сказать, насколько преднамеренной, целенаправленной была актуализация тех или иных жанровых конвенций и в какой мере они служили лишь удобными «схемами», помогавшими упорядочивать рассуждения критиков, но отнюдь не сковывавшими их поисков, не препятствовавшими формированию новых представлений о задачах литературы. По крайней мере, при разработке критериев новой области литературного анализа, критики романа, использование поэтики драматических и эпических жанров было очень плодотворным.

Примечания

1. О первых опытах книжных обозрений см.: *Graham, W.* English Literary Periodicals [Text] / W. Graham. N.Y., 1930. P. 196-213. Об их критической технике см.: *Bloom, E. A.* “Labors of the Learned”: Neo-Classic Book-Reviewing Aims and Techniques [Text] / E. A. Bloom // SP. 1957. Vol. 54. №. 4. P. 537-563.

2. «Паблик Эдветайзер» цит. по: *Knapp, L. M.* Tobias Smollett. Doctor of Men and Manners [Text] / L. M. Knapp. Princeton, 1949.

3. См.: *Wichelns, H. A.* Burke’s Essay on the Sublime and Its Reviewers [Text] / H. A. Wichelns // JEGP. 1922. Vol. 21. № 4. P. 645-661.

4. См.: *Bosker, A.* Literary Criticism in the Age of Johnson [Text] / A. Bosker. Groningen, Djakarta, 1953. P. 261.

5. The Monthly Review [Text]. 1755. Vol. 13. P. 493-505. Об эволюции взглядов английских критиков XVIII в. на драматические единства см.: *Raysor, Th.* The Downfall of the Three Unities [Text] / Th. Raysor // MLN. 1927. Vol. 42. № 1. P. 1-9.

6. The Monthly Review. 1750. Vol. 2. P. 405.

7. Ibid. 1754. Vol. 10. P. 375.

8. Ibid. 1752. Vol. 6. P. 387.

9. Ibid. 1759. Vol. 20. P. 507-508.

10. Ibid. P. 508.

11. The Critical Review [Text]. 1759. Vol. 7. P. 513.

12. Ibid. 1758. Vol. 6. P. 466.

13. Ibid. 1757. Vol. 3. P. 259.

14. Ibid. 1757. Vol. 4. P. 395.

15. См.: The Monthly Review. 1751. Vol. 4. P. 309; The Critical Review. 1757. Vol. 3. P. 136; Ibid. 1757. Vol. 4. P. 167; Ibid. 1759. Vol. 7. P. 260.

16. См., напр.: The Monthly Review. 1749. Vol. 2. P. 14; The Critical Review. 1759. Vol. 7. P. 27.

17. См.: The Monthly Review. 1751. Vol. 4. P. 520; Ibid. 1752. Vol. 7. P. 139; The Critical Review. 1757. Vol. 4. P. 169.

18. См.: The Critical Review. 1757. Vol. 4. P. 319; Ibid. 1759. Vol. 7. P. 88, 290.

19. См.: The Monthly Review. 1752. Vol. 7. P. 139; The Critical Review. 1758. Vol. 6. P. 17, 214.

20. The Monthly Review. 1750. Vol. 2. P. 259.

21. Ibid. 1751. Vol. 4. P. 309.

22. См.: *Jones, W. P.* The Contemporary Reception of Gray’s Odes [Text] / W. P. Jones // MP. 1930. Vol. 28. № 1. P. 61-82.

23. The Monthly Review. 1757. Vol. 17. P. 239-243.

24. The Critical Review. 1757. Vol. 4. P. 167-170.

Т. В. Щербакова

ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ ОПЫТ С. ДЖОНСОНА

Статья посвящена единственному драматургическому опыту выдающегося английского литературного критика Сэмюэля Джонсона – трагедии «Ирен». Представлен анализ произведения с точки зрения правил и норм классицистической эстетики.

В начале XIII в. в Европе возникает интерес к Востоку и восточной литературе, ее выразительным и изобразительным средствам. В Англии произведения на восточную тему, переводы и подражания, получили широкое распростране-

ЩЕРБАКОВА Татьяна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре романо-германской филологии ВятГГУ
© Щербакова Т. В., 2005

ние и признание читателей. Сэмюэль Джонсон не раз обращается к «восточной» теме в своем творчестве. Все его «восточные» произведения говорят о необходимости смирения человеческих устремлений. Трагедия «Ирэн», как и все его восточные притчи и повести, посвящена теме «превратностей жизни, невозможности предсказать ход событий... необходимости смирить свои желания» [1].

Сюжет, положенный в основу трагедии, использовался драматургами и раньше, так как предоставлял большие возможности для постановки. Это история о прекрасной гречанке Ирэн, в которую страстно влюбился турецкий султан Магомет и предложил ей корону и славу своего царства, если она примет его религию. Незамедлительно возникает конфликт: военачальники Магомета, пораженные слабостью своего господина, решают свергнуть его. Их поддерживают в своих интересах пленные греки, в том числе и подруга Ирэн Аспазия, которая хочет уговорить ее не уступать соблазнам мирской жизни и не отступать от своих принципов.

При написании трагедии Сэмюэль Джонсон с удивительной точностью соблюдает законы классицистической драмы. Здесь мы найдем единства места, времени и действия; сохранены все составные части: экспозиция, завязка, само действие, кульминация и развязка. Каждой части соответствует одно драматическое действие, а каждому появлению нового персонажа – отдельное явление, новое событие. Основным предметом изучения и изображения является носитель государственной власти, что дает материал для постановки больших проблем, вопросов морали, человеческого поведения. В центре внимания – внутренние переживания, душевные конфликты избранных героев, а также анализ мотивов поведения героев. По законам классицизма на сцене нельзя было изображать смерть и насилие. Именно поэтому Джонсон отказывается показать сцену смерти Ирэн, несмотря на предложения Гаррика.

Трагедия была написана Джонсоном еще в Личфилде. В феврале 1749 г. Давид Гаррик, актер и управляющий театра на Дрюри-Лейн в Лондоне, поставил ее на сцене своего театра. Несмотря на уже сложившийся авторитет Джонсона, пьеса не стала популярной. Ее сыграли всего девять раз, и доход автора вместе с гонораром за рукопись составил 300 фунтов. По мнению Филиппа Клейтона, возможно, именно после провала трагедии Джонсон пересмотрел свои взгляды на то, что работает на сцене, а что нет [2], и ставил под сомнение «непререкаемость эстетики классицизма, как и всяких эстетических правил вообще» [3].

Его главное возражение в том, что эти правила «редко опирались на какие-то определенные принципы... или не были приспособлены к естественному и неизменному устройству вещей» [4]. Они строились на шатком фундаменте и были не более чем «указами законодателей, узаконенные ими самими, которые из всех возможных средств достижения определенного эффекта выбирали те, что им нравились... и которые таким образом запрещали любые эксперименты и сдерживали воображение от риска и приключений». Джонсон предлагает базировать все литературные предписания не только на опыте предшественников, но и на неизменяемых законах природы.

Выступая против правил классицизма, Джонсон признавал, что они имеют разное значение: есть законы «фундаментальные и обязательные», а есть «полезные и удобные» [5]. Первые, поясняет он, продиктованы необходимостью «соответствовать природе и процессам мышления», а вторые опирались на существующие авторитеты. К неизменным законам он относит обязательность единства драматического действия и наличие главного героя, на котором концентрируется интерес. Совсем не обязательно, по мнению Джонсона, требовать присутствия только трех персонажей на сцене, пяти актов или единства времени в пьесе. Однако сам Джонсон строго следует этим правилам и законам в своей единственной пьесе «Ирэн».

Два главных аспекта в классицистическом подходе Джонсона к трагедии – единство действия и поэтическая справедливость – доказывают, что Ирэн – трагическая героиня. Все эпизоды трагедии связаны с Ирэн, без нее не было бы действия. Магомет влюбился в нее и совершенно забыл о своих обязанностях носителя государственной власти: «забыв о власти в плену красоты, вдали от своих войск он забавлялся» (I.ii.92-93) [6]. Сомнения и колебания Ирэн заставляют Магомета всецело отдаться любви и напрочь забыть о своих обязанностях. Его халатность только на руку Кали, Абдалле, Деметрию и Леонтию, которые успешно плетут интриги за спиной своего правителя. И даже когда покорный подданный Мустафа доносит о коварном Кали и о возможной измене, Магомет не способен принять решительных мер против предателя: «Отложите его приговор – империя и Ирэн требуют моей “раздвоенной” души. Этот негодяй не достоин находиться вместе с благородными. Я отстраню его от службы и уничтожу его когда-нибудь, но не сейчас» (II.vi.68-71). Именно в комнате Ирэн намереваются убить Магомета, так как именно там он так слаб и уязвим. Главная героиня знает о заговоре, но она поглощена своими корыстными желаниями и политическими амбициями и не решается рассказать об этом Магомету. Наконец Ирэн принимает предложение Магомета, но заговор раскрыт, у Ирэн появилась возможность показать свою преданность императору – она хочет предотвратить побег

заговорщиков и посылает слугу Мурзу к императору с докладом. Но Мурза задержан, а Кали арестован и признается под пыткой, что Магомета должны были убить в комнате Ирэн, так что гнев султана за предательство обрушивается на Ирэн. Турки совершенно забывают о греках, которым удается бежать.

Бертранд Х. Бронсон полагает, что трагедия Джонсона – это не что иное, как «не увенчавшаяся успехом попытка написать трагедию» [7]. Главная героиня трагедии, Ирэн, по правилам должна быть самым ярким, привлекающим внимание зрителя/читателя персонажем. Джонсон же «самые интересные и привлекательные черты» забрал у Ирэн и наделил ими Аспазию. Автор «исключает и возможность любовного увлечения Ирэн», тем самым попросту «лишил ее привлекательности трагической героини». Сам же Джонсон выступает против драматургов, которые наделяют своих трагических героев страстной любовью. Он против того, что «всеобщей действующей силой является любовь, сила которой способна различить добро и зло и ускорить или замедлить развитие действия... Из-за этого правдоподобие нарушается, жизнь искажается, язык портится. Любовь – всего лишь одна из существующих страстей и... не оказывает огромного влияния на всю жизнь» [8]. Поэтому неудивительно, что Джонсон считает любовь лишним чувством, которое совершенно не нужно трагической героине.

Все герои пьесы противопоставлены друг другу посредством проявления определенных качеств или их противоположностей. В соответствии со строгой иерархией – от бескорыстной добродетели до эгоистичных пороков – герои делятся на положительных: Аспазия, Деметрий, Мустафа, Леонтий, Хазан, Караза – и отрицательных: Магомет, Абдалла. Ирэн и Кали занимают промежуточное положение, поскольку эгоистичность и злоба постепенно вытесняют все их добродетели.

Задача Аспазии – концентрировать все внимание на главной героине. Она не просто ее наперсница, она служит своеобразным фоном и подобна мерилу, которое судит Ирэн. И хотя у Аспазии в пьесе столько же реплик, сколько и у Ирэн, все они сводятся к разговору о характере или проблемах Ирэн. Джонсон отводит этой героине такую роль, чтобы она не могла ни замедлять, ни ускорять развития действия. Мораль пьесы раскрывается во внутреннем конфликте Ирэн, а не Аспазии, в бесконечных диалогах между двумя женщинами, прежде чем колебания и сомнения Ирэн окончательно исчезнут. Аспазия остается верной христианкой и, таким образом, показывает моральный образ, которого должна придерживаться Ирэн, указывает на отступления Ирэн от этого образа. Аспазия – всего лишь средство оценки перемен, происходящих с Ирэн. Только Ирэн, а не Аспазия меняется в ходе действия, хотя она и проявляет некоторую слабость и излишнюю внутреннюю робость в моменты, когда планируется убийство и когда покушение заканчивается неудачей.

Подобным образом при помощи метода противопоставления качеств разных героев раскрывается и политическая тема, которая касается амбиций, честолюбия и правильного подхода к власти. В центре действия – Кали: он верен идее создания прочного государства, в котором правительство не злоупотребляет властью и не втягивает бездумно страну в войну, но тем не менее он предает своего правителя. Он осмотрителен и благоразумен, всегда предвидит и принимает меры против возможных опасностей (его запланированное «паломничество в Мекку» ловко придумано). Возможно, Кали с большей мудростью и справедливостью распоряжался бы государственной властью, чем Магомет, но его страстное желание завладеть ею разрушает «священную цепь», приводит к распрям в правительстве, и в результате он теряет свои полномочия. Кали – достаточно противоречивая и сложная фигура: в одно и то же время в одном и том же месте он то принимает сторону добродетели, проявляя чрезмерное благоразумие, то поддерживает зло, демонстрируя верх безрассудства. То он защищает Деметрия от Абдаллы: «Пощади отважного грека, с ним мы потеряем умение вести политику и славу героев» (IV.v.26-27), – то соглашается отравить его, а когда предоставляется возможность, собирается убить и самого Абдаллу. Так что в конце он получает заслуженное наказание.

В некоторые моменты Кали проявляет сомнения («а совершать ли убийство?»). Эта нерешительность дает Мустафе время, чтобы предотвратить убийство. Мустафа предан Магомету и верен идеям. «Небеса презирают корыстные интересы, которыми движет неуемная любовь к власти, а не любовь к правде» (I.iv.26-27). Как благоразумный подданный, он предостерегает Магомета от внезапных опрометчивых поступков. Сам же Магомет безразличен и халатен к власти.

Деметрий также верен и благоразумен: верен Греции, идеям свободы и любви. Он проявляет скорее благоразумие, чем осторожность, и готов действовать, только когда это действительно нужно. Кали медлит с намеченными планами, Деметрий на это отвечает: «Действовать завтра? Может ли древнейшая мудрость, накопленная веками, вылиться в завтрашний день?.. Запомни, настоящее принадлежит человеку» (II.iii.19-20,33). В то же самое время на сомнения Аспазии по поводу того, правильно ли они делают, замышляя убийство Магомета, Деметрий отвечает: «Когда безнадежная болезнь требует быстрого исцеления, /

сомнения – трусость, а благоразумие – глупо» (IV.i.85-86).

Аспазия и Деметрий – самые яркие представители всего правильного и добродетельного. Если принять все противопоставления, раскрывающие образы героев, за самые важные элементы пьесы, тогда Аспазия была бы главной героиней. Хотя она и несовершенна – автор и не пытается показать совершенного человека – Аспазия, несомненно, представляет собой образец наивысшей добродетели, на которую способен человек. Однако противопоставления беспорядочно разбросаны по всей трагедии, не объединяют эпизоды одного действия или действие в целом, не устанавливают определенного порядка следования действий,

Последние слова Ирэн свидетельствуют, что действие пьесы ограничивается одним днем, и таким образом соблюдается классический закон единства времени. «О, услышь мои молитвы! Всепрощающий Бог, прими же эти слезы, эту боль, жизнь, которая еле теплится; не дай свершиться преступлению этим ужасным днем, Поверь мне, о, Божье прощение, Божья милость!» (V.ix.52-55). Но это единство времени соблюдается не потому, что это закон, а потому что этого требует пьеса для создания определенного эффекта. Последние слова Ирэн подчеркивают, что эта перемена в ней наиболее существенна и очень ощутима: «Как я изменилась! Как поздно Ирэн надоели любовные утехи, как ей нравится снова вспоминать то, что так много для нее значит, и заново переживать моменты, когда она чувствовала себя виноватой!». Ограничение действия одним днем еще больше подчеркивает разницу между той Ирэн, которая была в начале, и той, какой она стала в конце, и, следовательно, помогает публике воспринимать эту перемену как естественную и очень важную. Когда-то, но это не описано в пьесе, Ирэн была невинно чиста, но затем эта невинность переросла в виновность и затем в покаяние. Грехи невозможно исправить в этой жизни, но в следующей жизни Ирэн будет дан шанс, если ее раскаяние чистосердечно. Такое кардинальное изменение – переход от бедной жизни к императорской власти и даже соприкосновение с эсхатологией (религиозное учение о конечных судьбах мира и человека) – показано для того, чтобы вызвать у зрителей жалость и страх. Благодаря единству времени опрометчивость Магомета, безрассудство Абдаллы и готовность Деметрия действовать кажутся более правдоподобными, чем это могло показаться публике. Герои с такими качествами выглядели бы нелепыми и неправдоподобными на протяжении нескольких дней или недель.

Единство места также оказывает определенное влияние на пьесу: оно делает развязку действия понятной, неизбежной и верной, а также увеличивает напряжение к концу действия. Прежде всего, оно связывает ухаживания за Ирэн и ее разговоры с Аспазией по этому поводу с развитием заговора убийства. Тот факт, что заговорщики проникли во дворец, в очередной раз подчеркивает, к чему привела халатность Магомета. Тайный сговор показывает, как близки были заговорщики к реализации своих коварных замыслов и как тщеславен и хитер был Кали в своих политических замыслах: то, что он посмел плести интриги прямо под носом у своего повелителя – это, несомненно, было для него очень опасным – говорит о его полной уверенности, что Магомет не сможет расстроить планы. Мастерство Джонсона в организации единства времени и места сосредотачивает внимание на проблемах, которые поднимаются в действии, придает ему ясность.

Взаимосвязь действий также придает ясность действию и проблемам, которые в нем поднимаются. Она достигается при помощи появления на сцене и ухода со сцены героев трагедии, помогает избежать неразберихи и создает порядок. Она также упрощает действие, ограничивая количество героев, одновременно находящихся на сцене. Хотя Джонсон и позволяет присутствовать на сцене одновременно более чем трем персонажам, он делает это крайне редко. Действие заканчивается всякий раз, когда одна сцена теряет связь со следующей. Взаимосвязь сцен определяет композицию пьесы, состоящей из 5 действий, в которых происходящие события все более запутываются и вместе с тем раскрываются посредством регулярного появления на сцене и ухода с нее действующих лиц.

Анализ взаимосвязи первых четырех сцен второго действия доказывает преимущества композиции данной трагедии. В первой сцене Ирэн и Аспазия говорят о том, как Магомет ухаживает за Ирэн, в четвертой сцене Кали вступает в заговор с Деметрием и Леонтием. Взаимосвязь сцен может показаться здесь всего лишь ненужной формальностью, можно было бы очень просто перейти от одной сцены к другой: первым двум действующим лицам удалиться, а следующим трем появиться на сцене. Но достоинство пьесы как раз во взаимосвязи этих сцен. Во второй сцене Абдалла и Кали подходят к Ирэн и Аспазии и пытаются убедить Ирэн выйти замуж за Магомета, восхваляя его достоинства и тем самым показывая, насколько они лицемерны. Когда Абдалла замечает появившихся Деметрия и Леонтия, он уходит со сцены вместе с Ирэн и Аспазией. Абдалла в этой сцене появляется не для того, чтобы в очередной раз подтвердить, насколько он лицемерен, а только для того, чтобы сопроводить Ирэн и Аспазию, – таким образом,

на сцене постоянно кто-то находится, и связь между действиями не теряется. Но в действительности это внезапное появление и уход со сцены Абдаллы не случайны и очень важны; в этой сцене он влюбляется в Аспазию, которую, по всей вероятности, он раньше не встречал. Любовь с первого взгляда может показаться невероятной, строгие классические законы не допускают такого неестественного поворота событий, но она выглядит вполне правдоподобной в этом случае, если учесть безрассудство Абдаллы. Кали в течение некоторого времени остается на сцене в одиночестве и произносит краткий монолог о том, как какой-нибудь шанс или несчастный случай разрушает даже самые блестящие планы. Любовь, которая так внезапно появилась в жизни Абдаллы, как раз и стала тем несчастным случаем, разрушившим планы Кали. Деметрий и Леонтий входят, действие продолжается, а взаимосвязь сцен делает его еще интереснее.

Единство времени, единство места и взаимосвязь сцен обеспечивают порядок и ясность и тем самым подчеркивают значимость наиболее важного, по мнению Джонсона, правила – правила поэтической справедливости. Если наказание неизбежно, то его нужно представить в таком свете, чтобы оно было справедливым. Единство времени, единство места и взаимосвязь сцен помогают это сделать. Они, таким образом, выполняют важную, по мнению Джонсона, функцию нравственного исцеления изменников и указывают на неизбежность Божьего правосудия.

В заключение пьесы все главные действующие лица получают либо награду, либо наказание в зависимости от того, насколько они соответствовали политическим и моральным ценностям пьесы. Согласно поэтической справедливости в «Ирэн» готовность Деметрия действовать лучше безрассудства Абдаллы, поскольку первого награждают, а второго наказывают. Мустафу не наградили, но и не наказали, в его жизни ничего не меняется, к нему, очевидно, отнеслись благосклонно. Гнев Магомета обрушился не на Хазана и Каразу, а на Абдаллу, так как они проявили милосердие по отношению к Деметрию и позволили ему бежать, и в конце были награждены. Смятение Магомета, которое в конце пьесы переросло в помешательство (II.vi.68), – подходящее наказание за его «раздвоившуюся душу» (II.vi.69), которая разрывалась между любовью и долгом. Леонтий убегает вместе с Деметрием и Аспазией. О характере награды Деметрия и Аспазии можно узнать из пылких слов Деметрия об Италии, где они, по-видимому, живут, находясь в изгнании (IV.i.115-123).

Приговор, который поэтическая справедливость выносит Ирэн, особенно суров. Сложный конфликт, происходящий внутри Ирэн, – борьба отступничества и амбиций с добродетелью и христианством, душевное смятение, в котором героиня находилась после того, как приняла предложение Магомета, ее попытка помешать побегу Деметрия и Аспазии, а затем признание ею их добродетели, смена чрезмерного высокомерия раскаянием (V.viii.36-45, V.ix.20-23) – все это представляет ее жалкую смерть как убедительное доказательство ужаса преступления, которое она совершила. Поэтому самым страшным грехом в пьесе показана измена, а грешником – Ирэн. Мораль, которая вытекает из справедливого наказания Ирэн, тем не менее не мешает зрителям с сочувствием отнестись к героине и ее внутреннему конфликту. Ирэн отказывается от добродетели из-за своей врожденной порочности, робости и честолюбия, которые свойственны многим героям и присущи всему человечеству, которые заставляют людей бояться самих себя, но именно это отступничество Ирэн и производит трагический эффект, делает ее настоящей трагической героиней. Композиция пьесы, а именно единство действия и поэтическая справедливость, обеспечивает такую развязку.

В своей трагедии Джонсон следует законам классицистической эстетики, но делает это осторожно и весьма успешно. Главный недостаток пьесы – её язык. Зачастую герои являются скорее наблюдателями или комментаторами поступков, которые совершают другие действующие лица. Д. Грин сожалеет о том, что белый стих «Ирэн» ставит барьер «между современным читателем и тем, что хотел показать Джонсон в пьесе и что, несомненно, стоило показать», и предполагает, что именно этот опыт «повлиял на его последующее мнение о том, что подобная форма может использоваться крайне редко» [9]. Сам автор, услышав пьесу через несколько лет, заметил: «Я думал, она была лучше» [10].

Примечания

1. *Гейзер, А. Р.* Восточная тема в английской литературе XVIII века [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / А. Р. Гейзер. Ленинград, 1984. С. 86.

2. *Clayton, P. T.* Samuel Johnson's *Irene*: "an elaborate curiosity" [Text] / P. T. Clayton // Tennessee Studies in Literature. Knoxville, 1974. P. 121-135.

3. История английской литературы [Текст]. Т. 1. Вып. 2. М., 1945. С. 457-464.

4. *Johnson, S.* Rambler 158 [Text] / S. Johnson. Essays from *The Rambler, Adventurer* and *Idler* / ed. by W. J. Bate. New Haven, 1968. 364 p. Все последующие ссылки на журнал «Странник» даны из этого издания.

5. Rambler 156.

6. *Johnson, S.* Irene [Text] / S. Johnson // Yale Edition of the Works of Samuel Johnson. New Haven: Yale Univ. Press, 1968. Vol. 6.

7. *Bronson, B. H.* Johnson's *Irene* [Text] / B. H. Bronson // Johnson Agonistes and Other Essays. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1946. P. 110-163.

8. *Green, C. C.* The Neo-Classic Teory of Tragedy in England during 18th century [Text] / C. C. Green. New York, 1966. P. 181-187.

9. *Green, D. J.* Samuel Johnson [Text] / D. J. Green. New York, 1970. P.67.

10. *Boswell, J.* The Life of Samuel Johnson: in 6 vols. [Text] / J. Boswell. London, 1903. Vol. 4. P. 5.

О. И. Колесникова

МОДЕЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ЕЕ СТАНОВЛЕНИИ В ОНТОГЕНЕЗЕ РЕЧИ*

В статье предлагается модель художественно-языковой компетенции носителя языка, позволяющей ему как субъекту эстетической речевой деятельности осуществлять успешную рецептивно-рефлексивную работу в процессе смыслового восприятия поэтического текста. Особенностью данной модели является ее динамический характер, позволяющий проследить процесс становления названной компетенции. По мнению автора, именно компетентностный подход позволяет приблизиться к такой малоисследованной сфере, как проблемы онтогенеза в сфере эстетического речевосприятия.

Предметом нашего исследования является художественно-коммуникативная деятельность читателя-реципиента и становление предпосылок к ее успешному осуществлению в рамках поэтического дискурса в онтогенезе. Подчеркнем, что под дискурсом здесь понимается не только сам текст, но и его «затекстовая» часть – автор с его прагматическими установками (прежде всего с установкой на выражение художественной идеи), а также «послетекст» – процесс переработки эстетической информации в эмоционально-интеллектуальном пространстве рецепционного сознания (в данном случае – детского).

Антропологическая направленность современной научной мысли обусловливает выход исследования за рамки одной науки, фокусируя разные подходы для решения той или иной проблемы. Для нас такой проблемой является изучение производства **смысла** читателем, а точнее, смысла поэтического. Примеры попыток сочетать методы разных наук при изучении индивидуального «смыслотворчества» читателя, долгие годы считавшегося прерогативой филологической герменевтики, обнаруживаются как в психологии, так и в лингвистике, а сейчас – и в литературоведении. Так, поэтическая антропология [1] предлагает посмотреть на поэзию как на «школу смыслов» и обращается к «негромкой серьезной эмоционально окрашенной работе, способствующей расширению сознания и повзрослению» в контексте психологии развития. В лингвистике активно развивается когнитивная поэтика, объектами которой выступают ментальные структуры сознания автора при изучении его идиостиля [2] или элементы концептуальной системы сознания воспринимающего субъекта. Однако нельзя не отметить, что только вербальные средства воплощения художественной идеи (концепта) в том и другом случае служат реальным основанием для моделирования ментальной работы различных форм организации сознания (как автора, так и реципиента – в зависимости от направленности исследования). Они воплощаются в тексте произведения как признаки идиостиля, и, с другой стороны, эксплицируют интерпретационную программу, заложенную автором в тексте и осуществляемую – с разной степенью адекватности – в рецепционном сознании субъекта (читателя/слушателя).

Отказ от системоцентрической лингвистической парадигмы при изучении поэтического пространства языка, на наш взгляд, намечался уже в появившейся в середине прошлого века науке о языке художественной литературы. Слишком субъективной, индивидуально значимой была и есть область речевых фактов, воплощающих «пик эстетической активности языка» (Я. Я. Гин) в интерпретируемых филологами текстах произведений поэзии. «Зачатки» концепций можно обнаружить в ряде положений теории В. В. Виноградова, и в частности, в связи с выделением поэтической сверхкатегории (как ее позже обозначил Л. А. Новиков) «образа автора». Такие направления теории языка, как «стилистика декодирования», ориентирующаяся на получателя информации [3]; интерпретационная лингвистика; коммуникативная стилистика; синергетические исследования поэтической речи [4], так или иначе выходят в область субъективного пространства смысла **на основе текстовых структур**. Это, собственно, наблюдается и в психолингвистических (психопоэтических) исследованиях, где внимание также сосредоточено на тексте как предмете эстетического восприятия, так как в его процессе «актуализируется именно взаимоотношение элементов эстетического объекта (формальных и содержательных) и взаимоотношение этого объекта с другими» [5, с. 5].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Исследование процесса становления и развития художественно-языковой компетенции у детей» № 05-06-06460а.

КОЛЕСНИКОВА Ольга Ивановна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник кафедры русского языка и методики его преподавания в начальных классах ВятГГУ

© Колесникова О. И., 2005

Вместе с тем ***человеческая способность*** видеть за знаковой (языковой) «заставкой» – в данном случае поэтической речью – мир во всех его красках и звуках и при этом остро ощущать «приподнятое чувство жизни» [6] является особой областью исследования. Независимо от того, какой фактор принимается в качестве предопределяющего поэтический смысл в сознании воспринимающего субъекта:

– завораживающее душу *впечатление, обусловленное музыкальностью фактуры стиха* (лингвистическое обоснование см. в работах Н. В. Черемисиной);

– *звукосмысловой эффект* стихов, связанный с паронимической аттракцией (см. ее исследование в работах В. П. Григорьева, Н. А. Кожевниковой и др.);

– «фасцинация» (очарование), при которой приоритет отдается *содержанию*, а не форме (см., напр., В. И. Карасик 1992);

– «погружение в особого рода покой» благодаря «поэтически-заклинательной силе языка, действующей посредством *звука и значения*» (Г. Г. Гадамер 1991), – творческая природа этих, условно говоря, «ощущений» не подвергается сомнению. Поэтому одним из узловых аспектов теории эстетической речевой деятельности должна стать сфера смыслотворчества в рецептивно-рефлексивном процессе начиная с самого раннего детства.

Бесспорно, что поэтическое пространство языка доступно не всем носителям, хотя – парадоксально, но факт – с него начинается самопостижение личности и миропостижение в целом (речь идет о простых, но великих стихах нашего детства – К. Чуковского, С. Маршака, А. Барто, С. Михалкова). Поиск критериев, способов и стратегий понимания поэтического произведения приводит нас к понятию СПОСОБНОСТИ как реализуемой индивидом **компетенции** не в смысле знания конкретных путей к пониманию – возможно, скрытых от других и известных только «посвященным», доступных лишь особым образом мыслящим индивидам. Данная способность здесь понимается как совокупность качеств и свойств личности, позволяющих осуществлять активную интерпретационную деятельность при чтении и обдумывании поэтического произведения. Специфика этой деятельности заключается в образовании на основе прочитанного собственных суждений, мнений, сопоставлений – словом, любых проявлений мыслительной активности, сопровождающейся определенным изменением эмоционального состояния воспринимающего субъекта.

Можно ли вообще относить понимание смысла, выраженного поэтическим языком – а следовательно, языком осложненным – и требующего особой речемыслительной стратегии, к ведению какой бы то ни было компетенции – поэтической, лингвопоэтической, литературной или какой-то другой? Дискуссионность этого вопроса кажется очевидной: область emotio, в отличие от ratio, неуправляема, и компетенция, понимаемая как некое **знание или совокупность этих знаний** в сознании индивида, вряд ли может рассматриваться в качестве «ключа» к пониманию поэтического смысла. Слишком непредсказуемой может быть эстетическая реакция, слишком вариативными – интерпретации, «слишком» оригинальной – интеллектуальная оценка. Однако, приводя такие аргументы, мы забываем о том, что поэзия прежде всего искусство **слова**, причем слова **художественного**, а значит, воздействие осуществляется через РЕЧЬ с повышенными возможностями связей слова с мыслью, чувством и действительностью, ведь язык выступает в художественной литературе «в новом качестве и в новом измерении», как подчеркивал М. М. Бахтин.

В отражающей деятельности сознания, каковой является восприятие поэтического произведения, неизбежно творческое использование художественного языка произведения для «извлечения» поэтических смыслов субъектом, вовлеченным в сферу эстетической коммуникации. Очевидно, что в ней субъект отрешается от обыденного («наивного») сознания и привычного круга вещей в окружающем мире. **Суть нашей концепции эстетической речевой деятельности в ее рецептивно-рефлексивном аспекте в том, что такой текст помещается самим воспринимающим (но, конечно, вслед за автором и следуя автору) в эстетическую речевую среду, обусловливаясь творческой интенцией этого субъекта и определяясь его миропониманием, определенным ценностным отношением к миру**. Это дает нам основание считать, что межличностный, прагматический, информативный, экспрессивный аспекты художественной коммуникации не могут не требовать определенных данных, позволяющих произвести такое перемещение из поля авторских смыслов в поле индивидуальных.

Это ментально-речевое движение еще называют «переводом» словесных обозначений в смысл (Н. И. Жинкин), а также трактуют как «встречное порождение текста» (см. работы В. А. Пищальниковой по психопоэтике). Оно обеспечивается речевым компонентом языковой способности порождать смыслы, в том числе метафорические. Процесс метафоризации как ведущего способа создания языковой картины мира произведения предполагает синтез репродуктивно-ассоциативного и креативного мышления [7, с. 185]. В соответствии с выявленными исследователями Тверской психолингвистической школы во главе с проф. А. А. Залевской параметрами процесса индивидуального освоения любого текстового пространства

можно считать, что основой смыслообразующей деятельности сознания читателя-реципиента выступают ментально-речевые структуры при взаимодействии двух контекстов: внешнего («текстуального») и внутреннего («контекст предшествующего опыта»). Формирование смысла при развертке второго определяется внутренним лексиконом человека, а «понимание текста имеет своим результатом целостное переживание знания того, о чем идет речь, и отношения к этому знанию с позиций "для меня – здесь – и сейчас"... или "для него/нее – здесь – и сейчас"...» [8, с. 472]. Позиции зависят от угла зрения читателя.

Именно это взаимодействие играет, на наш взгляд, главную роль в осуществлении «активным и пристрастным субъектом деятельности» (как характеризует реципиента текста А. А. Залевская) лингвокреативного мышления [9], которое позволяет реципиенту осуществить «отдаленное ассоциирование» [10, с. 36] в процессе смысловосприятия поэтического текста.

Понимание текста обеспечивается также применением метаязыковой функции языкового сознания субъекта в художественной рефлексии, зависит от его семантической интуиции (Б. А. Ларин), а также от ряда разнообразных личностных факторов воспринимающего субъекта. Анализ существующих классификаций типологии личности с точки зрения возможного влияния этих факторов на создание собственного эстетического объекта в смоделированной субъектом эстетической среде позволяет предположить, что характер воздействия эстетически значимой речи поэтического произведения и извлечение смысла определяются целым спектром таких условий. К ним можно отнести:

· принадлежность реципиента как объекта речевого воздействия к определенному типу личности в зависимости от индивидуальной системы когнитивных и эмотивных эталонов (художественный/мыслительный);

· когнитивный стиль переработки поступающей информации (визуальный/аудиальный/кинестетический, или словесно-речевой/визуально-пространственный/чувственно-сенсорный (по М. А. Холодной, 2002);

· способ структурирования реальности, обусловливающий характер ассоциативной работы мысли (дивергентный/конвергентный);

· эмоциональная направленность (в зависимости от тяготения человека к той или иной системе переживаний) и темперамент;

· речемыслительный тип личности в зависимости от характера стереотипизации (см. Т. М. Николаева 1999);

· гендерные факторы (разрабатываются в контексте понимания поэтического текста Г. В. Иванченко).

Все эти факторы обусловливают проявление креативных возможностей личности в эстетической речевой деятельности воспринимающего поэтическую речь. Вместе с *концептуальной системой* данные индивидуальные характеристики определяют появление у читателя/слушателя его, говоря словами М. А. Бахтина, «оценивающей активности». Имея внешне невыраженный характер, она позволяет осуществить переработку текста поэзии во «вторично творческом синтезе» [11, с. 279]. Процесс проявления активности субъекта речевой деятельности рассматривается в работах Н. И. Жинкина, А. А. Леонтьева, И. А. Зимней, А. А. Залевской и многих других. Ее духовный характер в художественном общении отмечают, к примеру, Ю. Б. Борев, В. П. Зинченко, В. И. Тюпа, представляющие совершенно разные школы, подходы, теории... Проявление активности в контексте художественно-языковой компетенции, реализуемой индивидом в смысловом восприятии текста, следует соотнести, в соответствии с установленными закономерностями, с его способностью выходить за рамки вероятностного прогноза, связанного с речевым опытом и языковой памятью. Видимо, эта способность, позволяющая осваивать чужое смысловое пространство, и предопределяет появление даже у детей **художественной рефлексии, под которой здесь понимается смыслотворческая деятельность читателя/слушателя в процессе эмоционального восприятия произведения поэзии, способствующего самопознанию субъекта**.

Итак, индивидуальную смыслообразующую способность индивида в рецептивно-рефлексивном плане эстетической речевой деятельности субъекта определяют его личностные характеристики. Неординарный интерес представляет трудно поддающийся исследованию ***процесс их реализации сразу на нескольких уровнях*: СОБСТВЕННО ЯЗЫКОВОМ, КОГНИТИВНОМ, ЭМОЦИОНАЛЬНОМ**.

Ясно, что эстетически направленная прагматика поэтического текста определяет включение механизмов их реализации, которые имеют в случае с художественным общением специфический характер. Прежде всего, они обусловливаются появлением субъективного, глубинного интеллектуально-эмоционального состояния, которое рассматривается как результат эстетической реакции. Стимулирующую роль в «вызове» такого состояния выполняет речевой материал, или «художественная ткань», то есть язык текста.

Принятый как доминирующий, «чувственный» компонент восприятия в рецептивно-рефлексивной речевой деятельности основывается на так называемом «чувстве формы», выступающем, в контексте многих последних исследований, своеобразной «мерой эстетического» в художествен-

ной рецепции. На наш взгляд, вместо акцента на физиологической стороне восприятия поэзии, которая, несомненно, отличается способностью пробуждать активность психофизических реакций [12], важнее сосредоточиться в сфере такого трудно поддающегося исследованию момента в аффективно-когнитивно-перцептивном личностном пространстве воспринимающего субъекта, как его *эстетическая восприимчивость*. Благодаря антропоцентрическому феномену – художественной впечатлительности – субъект рецепционной деятельности проявляет свое эстетическое отношение к объекту. С него, собственно, и начинается целостный процесс развития эстетико-речевой направленности личности. Во всем богатстве ощущений читателя поэтического произведения центральным становится то, которое Б. А. Ларин назвал «эмоцией творческой власти над языком».

В предлагаемой модели художественно-языковой компетенции индивида, позволяющей ему в конечном счете испытать такую эмоцию, выделены три компонента, отражающих постепенное развитие способностей трех видов: способность чувствовать эстетическую речевую природу объекта (поэтического текста); способность к переработке его знаково-символического пласта (то есть осваивать поэтическое смысловое пространство через языковые структуры текста); способность к созданию своего «собственного эстетического объекта». Линеарный характер схемы отражает перспективу перехода от одной способности к другой, формирующейся на базе предыдущей. Возможность перехода определяется особенностями личностных свойств индивида (см. выше).

Исходным уровнем становления компетенции языковой личности как «получателя» эстетической информации в художественно-коммуникативной деятельности индивида будем считать тот ***мотивационный компонент***, в котором пробуждаются еще только «намеки» творческих интенций и потенций будущего читателя/реципиента. Основываясь на отношении к открываемому ребенком миру как к чуду и затем переходя в целенаправленный поиск прекрасного в этом мире, он опирается в своем становлении на вполне четко очерченные научной мыслью в эстетических философских и психологических трудах структуры ментального пространства психики, и прежде всего, воображение, а кроме того, эмпатию.

Как психические образования, они позволяют создать предпосылки для возможности перехода к наиболее важному в рецептивном пространстве художественно-коммуникативной деятельности – художественному переживанию объекта во всей его целостности и эстетической значимости. К таким возникающим шаг за шагом, по мере развития ребенка, предпосылкам относятся: 1) эстетическое отношение к действительности, создающее условия для 2) особой предрасположенности человека к специфической деятельности по восприятию эстетического объекта, и наконец, 3) эмоциональная отзывчивость на факты языка/речи, возникающая вследствие последовательно реализуемой актуализации первых двух. Сначала ее областью применения является широкое поле речевосприятия. Затем, теоретически только после того, как у носителя языка формируется языковая компетенция (первоначальные ее признаки складываются к 7 годам), ее сферой может стать и художественный модус языка. Эмоциональная отзывчивость человека играет ведущую роль в развитии способности чувствовать красоту речи в эстетически преобразованном языке поэтического произведения, очаровываться формой выражения мысли/чувства. Итак, каждый элемент этого базового компонента моделируемого процесса становления художественно-языковой компетенции языковой личности трактуется нами как формирующая основа, или предпосылка, следующего. В схеме это находит отражение в пирамидальной форме мотивационного компонента.

Второй компонент представляемой модели имеет ***процессуальный*** характер. Его содержанием выступает интерпретационная деятельность индивида по переработке эстетической информации. Теоретической основой при определении его содержания послужили научные данные о глубинных механизмах речемыслительной деятельности (Н. И. Жинкин, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьев, И. Я. Зимняя, А. А. Залевская и др.). В особой области речесмысловосприятия, к которой, бесспорно, относится поэтический дискурс, он имеет специфику, которая исследовалась в работах А. А. Потебни, Б. А. Ларина, Г. О. Винокура, Л. А. Новикова, О. Г. Ревзиной, Н. В. Черемисиной, И. Я. Чернухиной, И. И. Ковтуновой, Ю. В. Казарина, Н. Ф. Алефиренко и других авторов. Через призму детского восприятия этой проблемой в психолого-педагогическом аспекте занимались В. П. Малинина (1954), Е. Л. Глинская (1968), Е. Д. Любимова (1976), И. С. Чернявская (1982) и другие. С учетом результатов исследований в этих трех различных областях было определено содержание второго компонента художественно-языковой компетенции, обусловливающего становление способности носителя языка к переработке языковых структур поэтического текста. Если первый компонент соотнести с эмоционально-мыслительным уровнем рецепционной деятельности, обеспечивающим художественное переживание, то второй, имея языковую специфику, может быть определен через прагмасемантический уровень, связанный с языковым/речевым сознанием.

Он образуется с помощью реализации семантического компонента языковой способности, получающего под воздействием особого модуса языка – поэтического – эстетическое преломление. В содержании данного компонента выделяются два плана: языковой и когнитивный. Их четкое разграничение вызвано следующими причинами. Во-первых, речевое восприятие осуществляется на нескольких уровнях. Так, И. А. Зимняя отмечает двуплановость вероятностного прогнозирования в этом процессе, осуществляемом «по логике мысли и системе языка» [13]. Во-вторых, понимание как процесс «построения и верификации гипотетических интерпретаций» [14, с. 59] немыслимо без действия когнитивных операций познающего сознания реципиента. Поэтому в правой части процессуального компонента художественно-языковой компетенции указаны те операции, которые имеют место в сознании реципиента в процессе смыслопроизводства в эстетически маркированной коммуникации. В-третьих, смысловое восприятие обусловливается «деятельностью и состоянием самого субъекта и индивидуальной значимостью объекта восприятия» [13, с. 228], а значение слова для человека функционирует как «средство выхода на личностно переживаемую индивидуальную картину мира во всем богатстве ее сущностей, качеств, связей и отношений, эмоционально-оценочных нюансов и т. д.» [8, с. 231]. Вместе с тем нельзя не учитывать, что характер семантических преобразований в рецепции предопределяется языковой структурой дискурса, в том числе теми сигналами авторской модальности, которые могут стать лингвопрагматическими средствами воздействия на читателя [15, с. 153].

Языковой план реализации прагмасемантического компонента в данной модели составляют 1) чувство ортологической нормы; 2) семантическая интуиция; 3) поэтический слух. Они обусловливают речевое воздействие на маленького реципиента благодаря его чуткости к необычному (поэтическому) употреблению языковых знаков, а также механизмам предвосхищения, позволяющим осуществить так называемую «догадку» об эстетическом значении/смысле этих знаков.

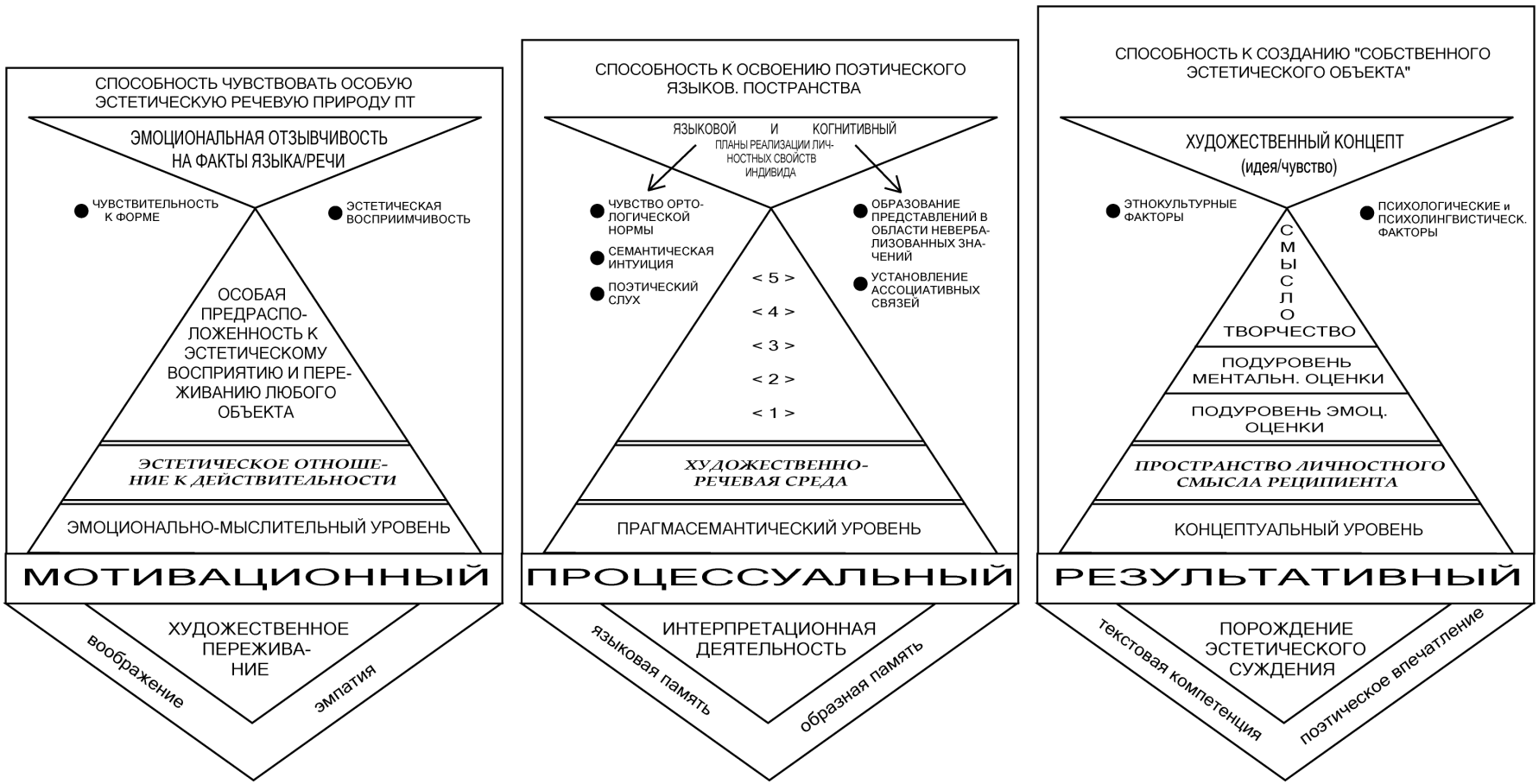
Когнитивный план реализации прагмасемантического компонента обеспечивает работу операций понятийного и художественного мышления, в результате чего осуществляется перевод всего комплекса внешних знаков в область невербализованных значений прежде всего через установление ассоциативных связей.

Работа языкового сознания воспринимающего и мыслящего субъекта в семантико-прагматической плоскости обеспечивается интерпретирующей функцией мышления. Она применяется к текстовым образованиям всех возможных способов экспликации авторских интенций в поэтическом тексте. В особой сфере прагмасемантического компонента модели они представлены как фоносемантический план текста < 1 >, окказионально-смысловые образования < 2 >, метафорика в микроструктурах < 3 >, юмористические смысловые образования < 4 > и область концептуализации художественной идеи (чувства) в макроструктурах < 5 >. Все они по-своему (эксплицитно/имплицитно; апеллируя к языковой/образной памяти; прямо или косвенно) формируют художественно-речевую среду в поле восприятия и способствуют тому, чтобы имеющаяся у субъекта индивидуальная картина мира приобрела художественный характер. Дело даже не в том, что следование поэтизированной мысли обязательно сопровождается порождением у читателя/слушателя «живописного образа» (А. Ф. Лосев), изменением «угла зрения», актуализацией аксиологических норм реципиента. «Отражение отражения», обусловленное желанием понять чужие чувства, мысли, интенции, делает реципиента настолько «гибким», что в структуре его сознания не только появляется новое образование – следствие перестройки фрагмента его образа мира. Возникает индивидуальный продукт речемыслительной деятельности реципиента, его **«собственный» эстетический объект**. И именно этот объект читатель/слушатель представляет, переживает и оценивает.

Таким образом, нами был выделен третий компонент модели – ***результативный***. Результатом интерпретационной креативной деятельности мы считаем не только создание целостного представления о произведении, в том числе об авторской коммуникативной установке, но и близкое к понятию вторичного текста образование концептуального уровня. Это становится возможным благодаря текстовой компетенции, которую мы рассматриваем как возможность осуществить указанные преобразования при прагмасемантической «обработке» текста. Как на ментальном, так и на эмоциональном уровнях возникают субъективные оценки (по различным критериям, в зависимости от целеустановки, мотива и т. д.). Так как главный участник коммуникации в рецептивно-рефлексивной деятельности – читатель/слушатель, именно его (а частично, конечно, и авторские) личностные особенности определяют характер этого продукта в форме ЭСТЕТИЧЕСКОГО СУЖДЕНИЯ о художественном концепте, которое рассматривается нами как результат понимания текста, процесс которого имеет сотворческий характер. Таким образом, продуктом понимания будем считать суждение индивида как смысловое образование, имеющее личностный характер и обладающее определенными эстети-

МОДЕЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

/АСПЕКТ РЕЧЕВОСПРИЯТИЯ ПОЭЗИИ/



ческими характеристиками. Обычно оно продуцируется в интериоризованной форме, хотя поддается вербализации. Таким образом, суждение рассматривается как показатель применения индивидом **смыслотворческой функции,** являющейся в нашей концепции критерием художественно-языковой компетенции.

Художественно-языковую компетенцию мы рассматриваем как неотъемлемое свойство человеческого языкового сознания, позволяющее индивиду декодировать, в принципе, любой текст литературы. По отношению к тексту поэтическому ее интенсиональный аспект можно охарактеризовать через метафору Г. Г. Гадамера, который в своей работе [6, с. 134] говорил о предназначенности бытия художественного произведения для «внутреннего уха», которое «улавливает нечто такое, что услышать невозможно». Это свойство тесно связано со смыслопорождающей способностью носителя языка, которая проходит в онтогенезе речи свой путь через языковые барьеры поэтического дискурса. Как ни парадоксально, чаще всего – в силу разных причин экстралингвистического характера – эта способность подвергается затормаживающим ее развитие тенденциям.

Примечания

1. Попытка повернуть благодаря поэзии психологию лицом к духовности в светском смысле этого слова осуществлена В. П. Зинченко, предостерегающим, подчеркнем, от тотального проектирования («еще один СПИД XX века»), которое «действительно необходимо и полезно», но требует очеловечивания и окультуривания, см. главу 2 в книге «Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии». М., 1997. С. 40-102, а также с. 327).

2. *Бутакова, Л. О.* Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект [Текст] / Л. О. Бутакова. Барнаул, 2001.

3. Однако герменевтическая критика этой позиции основывается на признании типов выдвижения, обоснованных И. А. Арнольд, скорее категориями стилистики кодирования, чем декодирования (их признают формами скорее авторской, а не читательской актуализации – см.: *Байков, В. Г.* Hermeneutics in Russia [Текст] / В. Г. Байков. 1998).

4. В частности, развиваемый в работах Н. Ф. Алефиренко дискурсивно-когнитивный подход к поэтическому тексту, рассматривающий «энергопотоки» поэта и читателя, образующие этнокультурное пространство текста.

5. *Пищальникова, В. А.* Проблема смысла художественного текста. Психолингвистический аспект [Текст] / В. А. Пищальникова. Новосибирск, 1992.

6. Это выражение Г. Г. Гадамера о театре в книге «Актуальность прекрасного» (М., 1991) в концентрированной форме обозначает его философскую концепцию поэзии, которая никогда «полностью не реализует себя в чисто эстетической функции раздражения» (с. 146).

7. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира [Текст] / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова и др. М., 1988.

8. *Залевская, А. А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст [Текст] : избранные труды / А. А. Залевская. М., 2005.

9. Т. А. Гридина считает, что языковая компетенция позволяет индивиду «воздействовать на язык, творчески преобразуя полученный опыт» (в языковой игре), а не ограничиваясь его «пассивным усвоением» благодаря креативности языкового мышления (см. ее монографию «Языковая игра: стереотип и творчество». Екатеринбург, 1996. С. 11).

10. Способность к отдаленному ассоциированию считают одним из показателей нестандартности мышления (*Лук, А. Н.* Психология творчества [Текст] / А. Н. Лук. М., 1978).

11. Л. С. Выготский представлял творческую переработку объекта во «вторично творческом синтезе» как реакцию организма на внешние раздражители (*Выготский, Л. С.* Педагогическая психология [Текст] / Л. С. Выготский. М., 1991).

12. Подробнее об этом см.: Красота и мозг: биологические аспекты эстетики [Текст]. М., 1995.

13. *Зимняя, И. А.* Лингвопсихология речевой деятельности [Текст] / И. А. Зимняя. М.; Воронеж, 2001.

14. *Демьянков, В. З.* Понимание как интерпретирующая деятельность [Текст] / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 58-67.

15. Так, эти «внешние показатели авторского включения», входящие в категорию образа автора, трактуются Ю. Н. Карауловым как возможные способы вмешательства в процесс понимания текста (см.: *Караулов, Ю. Н.* Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности [Текст] / Ю. Н. Караулов. М., 1992).

И. А. Кондакова

КОСВЕННАЯ МЕТАФОРА

Уточняется место метафоры в системе образных средств языка. Проводится анализ косвенной метафоры с топонимическим наполнением с учетом её синтаксической структуры, семантических и аксиологических характеристик, а также с учетом того, какое место топоним занимает в логической структуре образа и как меняется структура значения топонима под влиянием образного контекста.

Метафора традиционно занимает центральное место в системе образных средств языка. Изучаются различные аспекты метафоры: структурно-логический (И. В. Арнольд, С. М. Мезенин и др.), семантический (Н. Д. Арутюнова, A. Ortony и др.), структурно-синтаксический (Н. А. Басилая, E. Riesel и др.), оценочный (Е. М. Вольф и др.), языковой (Г. Н. Скляревская

КОНДАКОВА Ирина Александровна – кандидат филологических наук, и. о. доцента по кафедре лингвистики и перевода факультета лингвистики ВятГГУ
© Кондакова И. А., 2005

и др.), речевой (Г. А. Абрамова, Л. И. Косогова и др.), фразеологический (Т. З. Черданцева и др.), когнитивный (Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.), психолингвистический (Н. Ф. Крюкова и др.), определяется место метафоры в системе тропов (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, С. J. Apter). В последнее время в рамках науки о языке выделилась особая отрасль – метафорология.

В ряде работ метафора определяется как феномен мышления (Лакофф, Джонсон, МакКормак и др.) и как одно из конститутивных условий существования языка (Кассирер). Отмечается метафоричность протоязыка (Николаева, Рикер), констатируется различие генетической природы образного мышления (от метафоры через метонимию к сравнению) и образных средств языка (от сравнения к метафоре).

Как лингвистическое явление, метафора трактуется неоднозначно, имеет место множество определений метафоры. Широкая трактовка метафоры восходит к Аристотелю, который подразумевал под метафорой все образные средства, включая собственно метафору, сравнение, метонимию, синекдоху. Некоторые современные исследователи также применяют термин «метафора» как к собственно метафоре, так и к метонимии (Ю. С. Степанов, Е. Г. Которова, В. К. Харченко и др.), ибо как в случае метафоры, так и в случае метонимии имеет место сдвиг предметной отнесенности, способный привести к изменению значения словесного знака.

Согласно узкой трактовке метафора понимается как образное средство, основанное на переносе по сходству (И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюнова, М. Н. Кожина, Ю. М. Скребнев, Д. Н. Шмелев, M. Black, M. Pei и др.). Определение метафоры как *сокращенного сравнения* восходит к античности [1].

В пользу узкой трактовки метафоры свидетельствуют семантические и структурно-логические особенности, отличающие метафору от метонимии и образного сравнения. Метонимия – это перенос по смежности, метафора – перенос по сходству. В образном сравнении одновременно эксплицированы референт и агент компаративной триады. Для метафоры одновременная экспликация агента и референта не свойственна (отождествления типа N1 is N2, где N1 – референт, N2 – агент, мы, вслед за С. М. Мезениным, относим к особому структурному типу образного средства – квазитождеству). В метафоре вербализован либо только агент, либо референт и основание.

Сочетание референта с основанием, именующим несвойственное действие или качество, вызывающее в воображении реципиента образ имплицитного агента, образует **косвенную метафору** [2].

При рассмотрении косвенных метафор с топонимическим наполнением учитывается их синтаксическая структура, а также место и роль топонима в структуре образа.

В составе косвенной метафоры топоним может быть референтом и входить в состав основания.

В исследованном материале численно преобладают косвенные метафоры с топонимом-референтом (78%). В большинстве рассмотренных косвенных метафор топоним-референт выступает в функции субъекта, основание метафоры – в функции глагольного предиката $\boxed{N_{top}V}$ или предикативного члена предложения $\boxed{N_{top}\ is\ Adj}$, например:

*...**Shenandah Valley** wakes to a summer day (NG. 1970. № 4).*

***The Mediterranean** is mild, can lose its temper, but quickly regains it (Travel in Vogue).*

Сочетание референта *Shenandah Valley* с именем несвойственного действия *wakes* вызывает в воображении образ некоего живого существа. Сочетание референта *the Mediterranean* с именами несвойственных качеств *mild, can lose its temper, quickly regains it* создает образ человека темпераментного и добродушного, вспыльчивого, но отходчивого.

Топоним-референт также может выполнять синтаксическую функцию глагольного дополнения $\boxed{N_1VN_{top2}}$, например:

*Hurricane David gives **Miami Beach** a close shave... (NG. № 9. 1980).*

В основании приведенной метафоры лежат субъектно-объектные отношения. Референты метафоры выражены подлежащим *Hurricane David* и дополнением *Miami Beach*. Семантика основания *gives a close shave* вызывает в воображении образ имплицитных агентов: парикмахера и его клиента.

Косвенная метафора также может выражаться атрибутивным словосочетанием как с препозитивным, так и с постпозитивным определением: $\boxed{AdjN_{top}}$, $\boxed{N_{top}Adj}$. Например: *the sluggish Flint River (Mitchell, M.).* Подобные примеры, вслед за С. М. Мезениным [3], мы относим к эпитету.

В нашем материале значительно преобладают косвенные метафоры-олицетворения (84,7%).

Термин «олицетворение» рассматривается в лингвистической литературе как в широком, так и в узком смысле. В узком смысле олицетворение понимается как перенос человеческих свойств на неодушевленные предметы и отвлеченные понятия (И. В. Арнольд, М. Д. Кузнец, Ю. М. Скребнев). Сторонники узкой трактовки рассматривают термины «олицетворение», «персонификация», «персонализация», «прозопопея» как полные синонимы [4].

Согласно широкой трактовке термины «олицетворение» и «персонификация» следует разграничивать, ибо они состоят в гиперо-гипонимических отношениях. *Олицетворение* здесь понимается как перенос на неодушевленные предметы свойств *живых существ* (С. М. Мезенин, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова). *Персонификация* же рассматривается как частный случай олицетворения, перенос признаков и свойств *человека* на неодушевленные предметы и отвлеченные понятия [5] (разрядка наша. – *И. К.*). Олицетворение определяется как косвенная метафора, основанная на уподоблении элемента неживой природы или абстрактного понятия живому существу – животному или человеку, а также на уподоблении животного человеку [6]. В работе мы придерживаемся широкой трактовки термина «олицетворение».

Как правило, олицетворяется сам топообъект (более 95%): «человек стремится одухотворить все, что его окружает» [7], в том числе и топообъекты. Тот факт, что топообъект значительно чаще сопоставляется с человеком, чем с животным или растением, обусловлен антропоцентричностью человеческого мышления. При этом имеет место перестройка иерархии сем в структуре значения топонима-референта, которая проявляется в том, что на категориальном уровне структуры значения топонима актуализируется сема одушевленности. Могут иметь место также и другие изменения, они определяются семантикой основания и имплицитного агента.

В зависимости от семантики агента олицетворения традиционно подразделяются на антропоморфные, зооморфные и нерасчлененные, имплицитным агентом которых может быть как человек, так и животное.

В нашем материале значительно преобладают *антропоморфные* олицетворения (91%).

При уподоблении топообъекта человеку в структуре значения топонима наряду с семой одушевленности актуализируется сема лица:

***New South Wales** the State that Cradled **Australia** (NG. 1967. № 11).*

В приведенной косвенной метафоре имеет место олицетворение, а именно персонификация двух топообъектов. Новый Южный Уэльс имплицитно уподобляется няньке, Австралия – ребенку. На категориальном уровне структуры значения топонимов *New South Wales* и *Australia* актуализируются семы одушевленности и лица. В структуру значения топонима *New South Wales* индуцируются семы «тот, кто заботится о ком-либо», «старший», а в структуру значения топонима *Australia* – семы «тот, о ком заботятся», «младший».

В составе олицетворения топоним может замещаться личным местоимением *she*, реже – *he*, и притяжательным местоимением *her* (*his*). Это связано с языковой традицией, заключающейся в корреляции по роду между некоторыми типами существительных и заменяющими их местоимениями. Так, «традиционные названия стран соответствуют местоимению женского рода (*England/Australia and **her** people*), тогда как официальные, политические или географические наименования соответствуют местоимению среднего рода (*The United Kingdom and **its** peoples...*)» [8]. Водная стихия (реки, моря, океаны), воплощающая силу и энергию, традиционно ассоциируется с мужским началом, таким образом, референт-гидроним коррелирует с местоимением мужского рода. В подобных случаях в значение топонима индуцируется сема признака «пол», например:

***The United States** opened **her** arms to the refugees of the war (Steel, D.).*

В приведенном олицетворении топоним *the United States* коррелирует с притяжательным местоимением *her*. Государство уподобляется гостеприимной хозяйке – *opened her arms*. В структуре значения топонима актуализируются сема одушевленности, сема лица и сема «женский род».

Олицетворение может принимать форму обращения. Такие олицетворения, как правило, оценочны, например:

*Rummy old **England**! Pox on **you**, **you** old bitch, **you**'ve made worms' meat of us... But still, let me look back upon **thee** (Aldington, R.).*

В приведенном олицетворении топоним *England* употреблен как обращение. Персонаж романа Олдингтона, молодой солдат Уинтерборн, мысленно обращается к своей стране, интересы которой ему и тысячам таких, как он, пришлось отстаивать на полях сражения Первой мировой войны. Это обращение отражает амбивалентный характер отношения молодого человека к своей Родине: он проклинает Англию за то, что она сделала с ним и такими, как он (*you've made worms' meat of us*). В то же время с этой страной он связывает свое прошлое и все, что было хорошего до войны (*let me look back upon thee*). Приведенное олицетворение резко пейоративно. Под воздействием контекста в структуре значения топонима *England* актуализируются категориальные семы одушевленности и лица, сема «женский пол» и сема отрицательной оценки.

Семантика основания нерасчлененного олицетворения (5%) отражает функции живого организма: *be born, live, eat, swallow, breathe, sleep, wake*. На категориальном уровне структуры значения топонима-референта актуализируется сема одушевленности, например:

*...and an early train at a distant station would bear them away on their honeymoon journey, till **London** swallowed them up (Galsworthy, J.).*

Лондону приписывается способность живого существа – глотать, в структуре значения топонима актуализируется сема одушевленности.

Зооморфные олицетворения единичны, причем имеет место отождествление топообъекта с животным вообще, а не с каким-либо определенным представителем фауны (4%):

***New Zealand** was tame compared to this (McCullough, C.).*

Новая Зеландия отождествляется с неким животным, прирученным человеком *(tame)*. В структуре значения топонима актуализируется сема одушевленности, в значение топонима индуцируется и актуализируется сема «животное».

Олицетворения с референтом-топонимом различаются по характеру выражаемой оценки. В нашем материале олицетворения преимущественно нейтральны (67%), в ряде случаев – пейоративны (20%), реже – мелиоративны (13%) (в произведениях Шекспира нейтральные олицетворения составили 77%, пейоративные – 20%, мелиоративные – 3%) (Мезенин, 1984; 50). Оценку чаще выражают антропоморфные олицетворения (персонификации):

*If she could only reach the kind arms of **Tara** and Ellen and lay down her burdens far too heavy for her young shoulders (Mitchell, M.).*

В приведенном олицетворении поместье Тара уподобляется родному и близкому человеку, в значении топонима *Tara*, наряду с семами одушевленности и лица, актуализируется сема положительной оценки.

Нерасчлененные олицетворения большей частью пейоративны:

*With cannibalistic delight **New York** consumes itself... (Brook, St.).*

Приведенное выше олицетворение пейоративно, отрицательная оценка заключается в словах *cannibalistic, consumes itself*, она иррадиируется на все предложение, вследствие чего в структуре значения топонима *New York* актуализируется сема отрицательной оценки.

Итак, в структуре косвенной метафоры топоним является референтом или входит в состав основания. Большую часть косвенных метафор составили олицетворения, среди которых преобладают антропоморфные олицетворения. В структуре значения топонима-референта олицетворения актуализируется архисема одушевленности, в антропоморфных олицетворениях – сема лица и, в зависимости от контекста, семы, связанные с признаком «пол», «возраст», «профессия», «социальный статус», «семейное положение» и др.

Примечания

1. *Мезенин, С. М.* Образные средства языка (на материале произведений Шекспира) [Текст]: учеб. пос. / С. М. Мезенин. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1984. С. 43.

2. *Мезенин, С. М.* Структурные и семантические особенности метафор в языке Шекспира [Текст] / С. М. Мезенин // Грамматические категории в тексте: сб. науч. тр. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1985. С. 42.

3. *Мезенин, С. М.* Образные средства языка. С. 67.

4. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 286.

5. *Розенталь, Д. Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. М.: Просвещение, 1985. С. 207.

6. *Мезенин, С. М.* Образные средства языка. С. 49-50.

7. *Балли, Ш.* Французская стилистика [Текст] / Ш. Балли. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. С. 221.

8. *Гуревич, В. В.* Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков [Текст]: учеб. пос. / В. В. Гуревич. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 11.

С. А. Тимина

АМЕРИКАНИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена актуальной проблеме влияния американского английского на современный русский язык. Рассматриваются причины, источники, пути проникновения американизмов в русский язык, а также основные сферы их употребления. Затрагиваются вопросы языковой политики в отношении иноязычных слов. Представлена попытка анализа причин глобальной «американизации» языков мира.

Связь языка и культуры, языка и общества выражается в немедленном реагировании языковой системы на глобальные процессы, происходящие в обществе, в адаптации языковой системы к изменениям, вызванным этими процессами. Время общественного перелома, время интенсивного изменения политических, социальных и культурных условий жизни общества является также и временем определённой перестройки языковой системы, в первую очередь на лексическом уровне. По словам М. А. Брейтера, лексический уровень языка, наиболее мобильный и подверженный изменениям, с одной стороны, и чётко структурированный – с другой, в эксплицитной форме отражает происходящие в социальной жизни изменения. Лексическая система языка является своеобразным «барометром» общественных изменений и пристрастий членов языкового коллектива. С одной стороны, в лексике отражается общественное сознание, с другой стороны, лексика и язык в целом оказывают влияние на фор-

ТИМИНА Светлана Анатольевна – кандидат филологических наук, профессор-ассистент факультета прикладной лингвистики университета Ши Чиэн, Тайвань
© Тимина С. А., 2005

мирование общественного сознания [1]. Меняющееся общественное сознание приносит изменения в лексическую систему языка в виде огромного количества новых элементов (неологизмов, иноязычных слов, жаргонизмов, сленговых слов и т. д.), выхода из активного употребления множества слов, обозначавших понятия, утратившие актуальность на данном этапе (горсовет, райком, совет министров и др.), появления новых коннотаций у хорошо известных слов (новый русский, олигарх и др.) и т. д. Период бурных перемен и реформ, начавшийся в России во второй половине 80-х гг. XX столетия и продолжающийся до сих пор, затронул все сферы жизни общества, в первую очередь экономическую, политическую и культурную жизнь страны. Поэтому неудивительно, что лексика русского языка последних двух десятилетий привлекает внимание многих исследователей в качестве объекта лингвистического анализа.

Д. Данн, говоря об изменениях в лексической системе русского языка последних двух десятилетий, выделяет три тенденции, первой из которых он называет вестернизацию русского языка (вторая тенденция – смягчение отношения к сленгу и жаргону, третья – возврат к церковнославянской и устаревшей лексике) [2]. Дезинтеграция Советского Союза, распад прежней политической системы, смена политического строя и переход к рыночной экономике широко распахнули границы для иностранного влияния, предоставив носителям русского языка возможность более широкого доступа к разнообразным контактам с представителями других языков и культур. Эти экстралингвистические факторы создали предпосылки для значительной активизации процесса языкового заимствования. По мнению многих лингвистов, это один из наиболее активных лексических процессов, наблюдающихся сегодня в русском языке. Подавляющее большинство иноязычных слов, заимствуемых на протяжении последних двух десятилетий, проникает к нам из американского английского. Влияние американского английского на современный русский язык настолько масштабно, что в этом смысле с ним не сравнится ни один другой язык мира. Поэтому некоторые филологи и журналисты (В. Григорьев, С. Николаев, В. Смилянский и др.) говорят не о вестернизации, а об американизации русского языка конца XX – начала XXI в.

Среди причин заимствования иноязычной лексики выделяют лингвистические и экстралингвистические. Основными лингвистическими причинами традиционно считаются: 1) отсутствие соответствующего наименования (или его «проигрыш» в конкуренции с заимствованием) в языке-рецепторе; 2) обеспечение стилистического (эмфатического) эффекта; 3) установка позитивных или негативных коннотаций, которыми не обладает эквивалентная единица в языке-рецепторе; 4) необходимость разграничить содержательно близкие, но всё же различающиеся понятия; 5) необходимость специализации понятий в той или иной сфере человеческой деятельности; 6) тенденция к «цельному», нерасчлененному обозначению цельного неразделенного на отдельные составляющие объекта или явления, т. е. одним словом, а не сочетанием слов, что зачастую диктуется потребностями принципа языковой экономии; 7) тенденция к устранению омонимии или полисемии исконного слова; 8) тенденция к обогащению языка новыми экспрессивными средствами; 9) эвфемизация и какофемизация и др. [3].

Среди основных экстралингвистических причин лексического заимствования называют: 1) социально-психологические: а) коммуникативная актуальность обозначаемого заимствованным словом понятия, ранее отсутствовавшего в когнитивной базе языка-рецептора и соответствующего ему слова; б) престижность иноязычного слова по сравнению с исконным или ранее заимствованным и обрусевшим, что зачастую является следствием «моды» на иностранные слова [4]; в) намеренное стремление авторов нарушить языковые традиции, сделав высказывание более выразительным и интригующим при помощи иноязычных элементов [5]; г) так называемое «социальное давление», когда иноязычные слова, подобно терминам, предпочитаются исконным как более точные [6]; 2) научно-техническая революция XX столетия; 3) коммуникационная, обусловленная стремительным развитием всемирной коммуникационной сети; 4) демографическая: интенсивная миграция населения земного шара обусловливает все более широкое распространение билингвизма.

Итак, русский язык сегодня переживает своеобразный «бум» на американизмы, проникшие в лексику самых разных сфер жизни нашего общества. На одном из первых мест по частотности употребления американизмов стоит язык СМИ (печатной прессы, электронных масс-медиа, телевидения, радио и кино), поскольку СМИ являются основным посредником при проникновении иноязычных слов в русский язык. Газеты, информационные теле- и радиопрограммы пестрят заимствованиями из английского языка, иной раз непонятными непосвящённому читателю (*блокбастер, брифинг, консенсус, маркетинг, ортодоксальность, плюрализм, постер, провайдер, рейтинг, римейк, сейл, сингл, стагнация, тинэйджер, уикенд, хит* и т.п.). Например:

После короткого ***ленча*** *я поднялся в свой номер.*

Бразильским сериалам не место в ***прайм-тайме****!*

Любители ***фаст-фуда*** *и искусства.*

Иногда в отдельную группу продавцов выделяют ***франчайзинговые*** *компании.*

Так как главными функциями СМИ являются информационная и воздействующая, их основные задачи – снабдить информацией и привлечь внимание читателя к сообщаемой информации. Большинство американизмов органично вписывается в язык СМИ, отлично справляясь с той и другой функциями, придавая языку сообщения достоверность, экономичность и экспрессивность.

Интенсивное вторжение американизмов наблюдается также в политической и экономической лексике, поскольку именно эти сферы нашей жизни подверглись наиболее коренной перестройке в последние два десятилетия. Некоторые из таких англоязычных слов отличаются весьма высокой частотностью употребления, поэтому они быстро осваиваются и не вызывают затруднений в понимании у большинства носителей русского языка (*ваучер, дефолт, имиджмейкер, маркетинг, менеджер, офис, рейтинг, спикер, триколор, холдинг, эмиссия* и мн. др.). Другие же, несмотря на высокую частотность употребления, нередко непонятны или не до конца понятны. Такие американизмы, как правило, носят терминологический характер и относятся к сфере профессиональной лексики (*демпинг, импичмент, истеблишмент, копирайтер, лоббист, офшор, прайвеси, спичмейкер, спичрайтер, франчайзинг* и т. д.).

Ещё 20 лет назад само понятие рекламы товаров и услуг было чуть ли не чуждым нашему обществу. Рекламный бизнес так стремительно ворвался в жизнь постсоветской России, что наш повседневный быт уже невозможно представить без рекламы, а рекламу – без привлекательных и престижных иноязычных слов, как правило, пришедших из американского английского. Одни из них представляют собой наименования всевозможных продуктов, товаров и услуг, расширивших нашу товарную номенклатуру (*блокбастер, гамбургер, драйвер, мейкап, микровен, пейджер, плейер, ремикс, римейк, сникерс, спрей, стилист, триллер, чизбургер, чипсы* и др.). Другие носят терминологический характер, они проникли в русский язык через многочисленные учебники и справочники по рекламному делу, переведённые с английского языка, и прочно укоренились в профессиональном жаргоне создателей рекламы (*бренд, дайджест, копирайтер, ноу-хау, прайс-лист, промоутер, слоган, флайерс и др.*). К третьей группе можно отнести американизмы, заменяющие всем знакомую и привычную русскую лексику из соображений престижности, моды на иностранные слова. Они выполняют роль приманки, интригуют получателя информации, звучат престижно, словом, несут исключительно экспрессивную нагрузку. В основном это неосвоенные слова, так как употребляются они окказионально (причём далеко не всегда уместно, производя комический эффект), являясь плодом творчества копирайтера, владельца магазина, фирмы и т. п. Многие из таких единиц относятся к группе варваризмов, поскольку сохраняют своё оригинальное написание. Ср.: *сандей, снэк, формейшн, чикенз, cash & carry, free, поколение next, push-канал, touchable* и др. Например:

Бутик «Секонд хэнд» (название магазина);

Широкий творческий подход на профессиональной основе является ***ноу-хау*** *Велонды* (реклама продукции фирмы «Велла Долорес»);

Стайлинг (название промышленной компании по изготовлению мебели);

Телешоп (популярная рекламная телепрограмма, а также название отдела в центральном магазине «Детский мир»);

Exclusive & casual (вывеска на магазине одежды);

Дешевизна. ***Cash & carry*** (вывеска на магазине продуктов).

Американизмы прочно вошли также в наш повседневный быт, и не только в виде новых товаров и услуг (*пейджер, роуминг, секонд хэнд, стейк, трафик, шопинг, шоп-тур* и др.). Не осталась в стороне и индустрия моды и развлечений, а также профессиональный жаргон визажистов, стилистов, дизайнеров и т. д. (*гламур, кастинг, креатив, мейк, мейкап, стилист, топ-модель, френч* (особый вид маникюра, так называемый «французский маникюр»), *фэшн, харизма* и др.). С появлением новых спортивных игр или видов спортивных занятий, ставших модными и популярными в последнее время, появились и новые спортивные термины, заимствованные из американского английского языка: *боулинг, бейсер, бодибилдинг, драфт (проект договора о покупке игрока одного клуба другим клубом), куэйкер, дайвинг, скубадайвинг, сноуборд, сноублейд, рестлинг, шейпинг, фитнес* и т. д.

Американский английский язык негласно является официальным языком целой отрасли индустрии – компьютерной. Так, например, компьютерные языки, такие, как Pascal или Basic, – это, по сути, упрощенный и структурированный английский (*байт, бит, браузер, кулер, принтер, сайт, сканер, софт, файл, хард* и т. п.). Из американизмов сформировался компьютерный жаргон, понятный не только профессиональным компьютерщикам и программистам, но и обычным *юзерам*, т. е. пользователям (*апгрейдить, апдейтить, винт* (сокращение от *винчестер*), *кликать, комп* (сокращение от *компьютер*), *софтовая* компания (компания, занимающаяся производством и/или поставками компьютерного про-

граммного обеспечения), *флоппарь* (от *floppy disk*), и др.). Язык русских интернет-сайтов изобилует американизмами, причём зачастую они заменяют всем известные слова и устойчивые выражения нашего родного языка. Например: *видео-футаж* (ср. *видеоролик*), *кукинг* (ср. *кулинарная книга*), *прайс-лист* (ср. *прейскурант*), *хост* или *хостинг* (ср. *главная страница*) и т. д.

Наконец, американизмы обогатили и сленговую лексику русского языка, которая из устной речи всё активнее проникает в язык художественной литературы и кино (ср. *гёрла, гёрлфренда, голда, грины, драйв, фанатеть* и т. п.).

Несмотря на различную степень ассимилированности новейших американизмов, можно, тем не менее, говорить о тенденции к их сравнительно быстрому освоению русским языком, о чём свидетельствуют следующие признаки: 1) американизмы легко принимают грамматические формы и окончания русского языка (*апгрейдить, консалтинговый, маркетинговый, офшорный, пейджинговый, пиарить (от PR – пиар), франчайзинговый* и т. п.); 2) они входят в состав множества сложных слов в качестве одного из составляющих элементов (*арт-директор, видео-арт, дизайн-студия, подарки-экстрим, push-канал, VIP-зал* и др.); 3) встречаются в часто употребляемых устойчивых словосочетаниях (*офшорная зона, поколение некст, чёрный пиар, чёрный маклер, шоп тур* и т. д.).

Столь активный процесс заимствования американизмов современным русским языком вызывает разнообразную реакцию, и не только со стороны специалистов-филологов. При этом заметна некоторая озабоченность по поводу злоупотребления ими, так как употребляются они не всегда правильно и не всегда к месту. Даже наши уважаемые депутаты вершат высокую политику, путая при этом *депортацию* с *департизацией*, *консолидацию* с *консистенцией* и употребляя популярное слово «консенсус» в самых неподходящих местах.

Процессу «американизации» подвержен не только современный русский язык. «Американизация» национальных языков приобретает практически мировые масштабы в настоящее время. К такому выводу приходит Лешек Арсоба, анализируя лингвистические исследования последних двух десятилетий [7]. Одни не видят во вторжении американизмов в родной язык ничего дурного и даже приветствуют его как важный шаг на пути к объединённому миру, как составную часть процесса глобализации [8]. Другие придерживаются мнения, что накопление иностранных слов в родном языке допустимо лишь в определенных пределах, после чего язык перестает быть конкретным языком и превращается в непонятный сленг. Из-за вторжения иностранных слов, в частности американизмов, в родной язык в угрожающих масштабах правительства многих государств ведут политику ограничения их употребления. Среди европейских стран самой активной в борьбе за чистоту национального языка является Франция. Национальным Собранием Франции принят закон, запрещающий неоправданное употребление английских слов. Теперь в официальных речах и СМИ приходится пользоваться словарем, включающим в себя три с половиной тысяч слов, которые отныне следует употреблять так, а не иначе. Забеспокоились о чистоте официального языка и в Италии. Швейцарское правительство также объявило о решении начать борьбу с англицизмами, которые засоряют словарь всех четырех государственных языков этой страны: немецкого, французского, итальянского и ретороманского. Власти намерены начать своеобразный «крестовый поход» против засилья английских слов, разместив в интернете специальный словарь для перевода наиболее употребительных иностранных терминов. Их эквиваленты будут даваться на немецком, французском и итальянском языках. Растут опасения по поводу угрозы цельности национальных языков со стороны английского (и в первую очередь американского английского) в таких странах, как Германия, Испания, Бразилия. В 1998 году в Германии было создано общество защиты немецкого языка [9]. Недовольны британцы, наблюдающие за явной «американизацией» британского английского языка [10]. Австралийцы также опасаются, что в потоке американизмов теряются самые яркие выражения, идиомы и сленговые слова австралийского варианта английского языка. Сглаживается также и австралийский акцент [11]. Появилось и новое средство по «охране и оздоровлению» родного языка – наука лингвоэкология, которая ставит своей целью борьбу со злоупотреблениями иноязычными словами.

Однако любое лингвистическое явление обусловлено определёнными экстралингвистическими факторами. В данном случае следует, вероятно, говорить о ведущей роли США в общественной и политической жизни современного мира, активной культурной экспансии США, принимающей также мировые масштабы. Как пишет Л. Арсоба, американский английский приобрёл международное значение после Второй мировой войны, когда политическое, экономическое и технологическое развитие США обусловило мировые масштабы американского влияния. Именно американский английский оказывает доминирующее влияние на современные языки в силу следующих факторов: 1) численность населения США (количество носителей языка, для которых американский английский является родным языком, в 4 раза больше количества тех, родным языком которых является британский английский); 2) ведущее политическое

и военное положение США в современном мире; 3) высокий уровень развития и масштабы американской экономики; 4) электронная революция, в частности компьютерные технологии и интернет; 5) огромное количество англоязычных мировых СМИ; 6) всемирная популярность американской культуры [12]. Как нам представляется, интенсивное заимствование американизмов русским языком, равно как и другими языками мира, невозможно подвергнуть насильственному сдерживанию, тем более ограничить законодательно. Глянцевые журналы, популярные теле- и радиопередачи вряд ли откажутся от ярких и экспрессивных иноязычных слов. Можно лишь констатировать эту естественную тенденцию на современном этапе нашей истории. Развитие этой тенденции будет зависеть от объективных потребностей всей системы языка в целом и, в первую очередь, от коммуникативных нужд его носителей.

Примечания

1. *Брейтер, М. А.* «Киллер» или «убийца» (попытка системного подхода к описанию современной русской лексики) [Текст] / М. А. Брейтер // Вестник ЦМО МГУ. Часть 2. М., 1998. С. 49.

2. *Данн, Д.* Церковнославянские элементы в языке средств массовой информации [Текст] / Д. Данн // Записки кафедры славянской филологии филологического факультета Печского университета им. Януса Паннониуса. Pesc, 1995. С. 127.

3. *Аристова, В. М.* Англо-русские языковые контакты [Текст] / В. М. Аристова. Л., 1978. С. 11; *Брагина, А. А.* Лексика языка и культура страны [Текст] / А. А. Брагина. М., 1986. С. 139.

3. *Григорьев, В. Г.* Культура языка и языковая политика [Текст] / В. Г. Григорьев // Общественные науки и современность. М., 2003. № 1.

4. *Кацай, И. Н.* Новые слова в немецком языке, возникающие под влиянием английского языка (на материале прессы и публицистики ФРГ) [Текст] / И. Н. Кацай // Лингвистические исследования. Функциональное описание языковых явлений. СПб., 1993. С. 83.

5. *Максимова, Т. В.* О социолингвистическом аспекте активного заимствования англицизмов русским языком [Текст] / Т. В. Максимова // Материалы XII научной конференции профессорско-преподавательского состава Волгоградского государственного университета. Волгоград, 1995, С. 332.

6. *Laird, Charlton.* The Word. A look at the vocabulary of English [Text] / Charlton Laird. N.Y., 1981. С. 83.

7. *Arsoba, Leszek*. Varieties of English: English around the world. 7 p. [Electronic resourse]. http:// kfa.univ.szczecin.pl/histvar/around.html. С. 3-4.

8. *McCrum, Robert*. They're talking our language [Text] / Robert McCrum // The Observer // Guardian Unlimited. March 18. 2001.

9. Ibid.

10. *Arsoba, Leszek*. Varieties of English: English around the world. С. 3-4.

11. *Squires, Nick*. Strewth! Americanisms flush Aussie lingo down the dunny [Text] / Nick Squires // Telegraph News. July 17. 2005.

12. *Arsoba, Leszek*. Varieties of English: English around the world. С. 3.

Н. М. Валеев

К ПРОБЛЕМЕ РУССКО-ТАТАРСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ: НОВЫЕ ФАКТЫ, НОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Перед современной компаративистикой, как и перед всем отечественным литературоведением, сама история поставила сегодня чрезвычайно сложные и ответственные задачи. Они связаны со стремительным изменением общественных отношений в нашей стране, с возможностью иначе, более объективно и полно, осмыслить собственное историко-литературное прошлое.

В данном контексте особую значимость приобретает творческое взаимодействие русской и татарской литератур, интенсивное идейно-художественное взаимообогащение которых является яркой и симптоматичной особенностью российской культуры нового времени. Этот уникальный процесс, с успехом продолжающийся на протяжении последних полутора столетий, имеет богатое прошлое и достаточно продуктивное настоящее. Здесь сложился целый комплекс созидательных традиций, позволяющий выявить как национальное своеобразие указанных литератур, так и общие типологические черты их развития.

Рассматривая эволюцию процесса взаимодействия национальных культур в России, нельзя не заметить, что они особенно активизируются со второй половины XIX в. В атмосфере тектонических сдвигов великой пореформенной эпохи новые буржуазные отношения парадоксально быстро втягивают в свою орбиту большие и малые народы страны. В татарском обществе зарождается мощное социальное движение с четко выраженными культурно-просветительскими задачами. Так было положено начало ключевому, определяющему периоду в исторической судьбе татарского народа, когда был сделан решающий шаг к освоению духовного и культурного опыта российской и европейской цивилизации.

Особенно важными были последовательные качественные изменения в национальном самосознании: именно оно определило новый тип мировидения, общественного мировоззрения и основной вектор нравственных и художественных исканий молодой творческой интеллигенции. Татары, имевшие тысячелетнюю историю своей письменности и многовековое литературное наследие, совершенно естественно воспринимают

ВАЛЕЕВ Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик-секретарь Академии наук Татарстана, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ректор Елабужского государственного педагогического университета
© Валеев Н. М., 2005

европейские культурные традиции, органично используют их и в повседневной жизни, и в собственной писательской практике.

С тех пор в русско-татарских литературных отношениях складывается устойчивая межнациональная культурная общность, где идейно и эстетически поддерживающий ее национальный писатель не чувствует себя чужим. Наоборот, он свободно обращается к ее лучшим традициям, развивает их, приспосабливая к сегодняшним национальным потребностям.

Именно под интенсивным воздействием русской классики в татарской литературе этого, принципиально иного по своим качественным измерениям, времени появляются первая драма, первый роман, первые повести и рассказы. Ее лирическая система обретает современный вид. Театральные представления и литературно-музыкальные вечера становятся неотъемлемой частью культурного бытования татаро-мусульманского сообщества России, поистине революционным событием в их жизни.

Однако сегодня мало констатировать, что, например, драматургия, абсолютно новый род в татарской литературе, сформировалась под благотворным влиянием русской театральной жизни и, соответственно, некоторого канонизированного ряда драматургических произведений. Сегодня мы имеем возможность более дифференцированно осмыслить каждый факт контактных и типологических явлений в русско-татарских литературных взаимосвязях, не нарушая целостный характер этого сложного комплекса в историко-литературном движении.

Важно понять, например, почему один из создателей татарской национальной драмы Галиаскар Камал (1879–1933) называл в числе своих учителей не только максимально близкого ему по содержанию и поэтике своих произведений А. Н. Островского, но и Н. В. Гоголя, а также своего современника А. М. Горького. И тут без знания общих закономерностей литературного процесса, теории эволюции драмы, природы сатирического искусства и т. д., понимания того, что татарская классика переживала замечательный период своего ускоренного развития, не обойтись.

Как искусный бытописатель, склонный к сатирическим обобщениям, будущий татарский классик сразу получил высокое признание у современников. Примечательна прекрасная и точная оценка творчества драматурга, которую, в частности, дал Габдулла Тукай, заявив, что поражается силе его таланта, «сумевшего ярко осветить самые неизвестные уголки татарской жизни, быта казанских мещан». Поэт выразил «свое глубокое преклонение перед Галиаскаром эфенди, вполне заслужившим звание татарского Островского».

Но столь точное художественное воспроизведение действительности в его произведениях не могло быть достигнуто и без писательского опыта А. М. Горького, безоговорочно тогда владевшего умами молодых татарских авторов. Разные формы рецепций, связанных с горьковским творчеством, особенно заметны в драме Г. Камала «Несчастный юноша». Это типологически близкие формы выражения сочувствия к маленьким людям, построения диалогов, сам характер драматургического действия и даже прямое цитирование текстов песен из пьесы «На дне».

Очевидная идейная перекличка с творчеством А. М. Горького наблюдается и в новаторской драматургии Гафура Кулахметова. Автор драм «Две мысли» и «Молодая жизнь» вошел в историю как создатель ярчайших по новизне изобразительных и выразительных средств, необыкновенной образности произведений, где центральное место занимает романтическая символика. Лишь так в облике свободного человека, независимой личности, стремящейся к справедливости, мучительно ищущей свой социальный и жизненный идеал, мог воплотить Г. Кулахметов свои творческие замыслы. И потому, если говорить о горьковских традициях, то здесь большую значимость в сравнении с общностью идеологической доктрины, играет общность эстетических устремлений и поэтических структур.

Художественно убедительные персонажи молодого татарского драматурга служат лучшим тому доказательством. Мятущаяся фигура Даута, героя «Двух мыслей», ищущего себя на перепутье этих мыслей, Красной и Черной, совершенно оригинальна и неповторима в указанном типологическом контексте. В смысловой и эстетической самодостаточности он занимает в истории литературы столь же почетное место, как и горьковские герои. Естественно, их единит романтическая порывистость, жажда новизны, рефлексия борцов за свободу, еще до конца не определившихся в своем жизненном выборе.

Собственно, данному ряду персонажей принадлежит и босяк Юсуф из пьесы «Молодая жизнь», другой знаковый герой Г. Кулахметова, олицетворяющий собой несколько иной социальный и мировоззренческий срез и татарской, и общероссийской жизни. За его революционной риторикой проступает тревожная зыбкость общественного бытия, грандиозных грядущих перемен. Призывы горьковских романтических, часто аллегорически оформленных, героев эхом отзываются в кулахметовском художественном мире.

Столь очевидное и естественное присутствие традиций русской литературы, их своеобразное соучастие в идейных и художественных исканиях татарских писателей невозможно объяснить

сиюминутными творческими интересами, как и каким-то одним, пусть и очень важным, совместным этапом истории. В свое время поразительные и судьбоносные для автора этих строк мысли высказал выдающийся ученый и мыслитель В. В. Кожинов. В письме от 8 октября 1982 г. в ответ на вопрос, по какому направлению идти дальше в науке, он советует «заняться проблемой глубинного соотношения татарской литературы конца XIX в. с исканиями русской литературы в плане *философском, нравственном, эстетическом* (подчеркнуто мной. – *Н. В.*). Это соотношение берется обычно в плане узко социальном. Между тем даже у такого всем известного художника, как Габдулла Тукай, есть искания в духе вечных, высших проблем, перекликающиеся с русской литературой конца XIX – начала XX в. (и, конечно, русской мыслью – даже богословской). Еще более это относится к незаслуженно забываемому Дэрдменду (Закир Рамиев, 1859–1921).

Я понимаю, что выявить эти глубокие духовные искания не так легко. Но именно сейчас это поистине необходимо. Уверен, что многие современные деятели татарской литературы поддержат Вас, если Вы этим займетесь, то есть, покажете, что у татарских писателей (начиная хотя бы с Дэрдменда) есть искания, сближающие их с главным в творчестве Достоевского, В. Соловьева, Блока и т. д.

Работа должна строиться как бы на грани русской и татарской литератур. И, прежде всего, Вам надо глубже вглядеться в искания татарских писателей конца XIX – начала XX в. Увидеть их не только в "текущих" заботах (об этом только и пишут), но и в освоении цельного бытия народа и человечества».

С тех пор прошло почти четверть века, а поразительно созвучные нашим дням мысли В. В. Кожинова обрели еще большую методологическую и практическую значимость. По мере накопления новых исторических и литературных фактов мы все более убеждаемся, что в основе взаимодействия русской и татарской культур лежат глубинные первопричины, некий общий фонд преемственности, оригинально, по-своему, реализуемый в разных национальных структурах и в перспективе ведущий их к новой художественной общности. И если в понятии «советская литература» было много идеологического и, следовательно, генезис эстетического разночтения давал повод сомневаться в его устойчивости, то собственно общероссийские литературные традиции становятся все более актуальными и обретают черты большего целостного единства.

Одновременно именно этот процесс дает нам потенциальные возможности обнаружить исходные во времени и пространстве единые или близкие черты в духовном ландшафте русского, татарского и ряда других народов нашей страны. Стоит ли удивляться, что поэт Михаил Луконин, с волнением рассуждая о притягательности поэзии Г. Тукая, писал: «Может быть, строем речи, исторической атмосферой стиха, может быть, красками моего раннего детства, – а я родился под Астраханью в татарском селе Килинчи, – чем-то родственна мне татарская песня, близок татарский стих, понятен и дорог татарский ход чувства и мысли» [1].

Ощущение подобного родства и близости типично для всех духовно одаренных россиян. И возникло оно не сегодня и не вчера, хотя четко обозначилось в едином общероссийском литературном процессе на рубеже указанных веков. Одним из первых и наиболее значимых представителей татарской интеллигенции, сумевшей воспринять и освоить классические культуры Запада и Востока, был выдающийся писатель и общественный деятель Гаяз Исхаки (1878–1954). Решающую роль в интеллектуальном и творческом прорыве молодого тогда автора сыграло его чуткое и заинтересованное отношение к русской классике.

К сожалению, только теперь нам раскрывается истинный масштаб этой незаурядной личности, обозначившей собой многие явления, которые сейчас должны стать предметом повышенного интереса сравнительно-исторического литературоведения. Научное осмысление жизненного и творческого пути Гаяза Исхаки осложнено тем, что после эмиграции писателя в 1918 г. его художественное и интеллектуальное наследие было на семь десятилетий выключено из научного оборота. А ведь это именно он в 1901 г. перевел на татарский язык и издал повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Несколько позднее в его авторской интерпретации увидели свет «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя. И хотя гоголевская линия в русско-татарских переводах занимала значительное место [2], но лишь Гаяз Исхаки уже в самом начале XX в. сумел прочувствовать глубинный смысл произведений гениального сатирика.

Неоценимым для Гаяза Исхаки стал писательский опыт И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого, чье творчество оказало наибольшее воздействие на становление его художественной системы. Нельзя не заметить, что в его рассказах, повестях и романах, да и в новаторской драматургии, одновременно присутствуют жизненная полнота и поэтическая целесообразность. У него, как и у его русских учителей, мастерство емких образных характеристик сопряжено с тонким психологизмом и философичностью. Можно смело утверждать, что постоянно обогащающаяся система семантических единиц произведений буду-

щего классика проложила путь становления современной художественной прозы у татар, сама стала ее эталонным образцом.

Биографические факты свидетельствуют, что русская литература явилась для талантливого юноши прочным ориентиром в собственных творческих поисках еще в стенах Татарской учительской школы, где он учился в 1898–1902 гг. Герой романа «Нищенка» (1901–1908, изд. 1914), юноша-просветитель Мансур, прототипом которого был сам автор, буквально живет произведениями Тургенева и Толстого. Он признается, что всегда восхищался высотой и ясностью их мысли, проникновенным лиризмом. Хранит у себя, как великие святыни, «Войну и мир», «Анну Каренину», «Воскресенье»...

Вполне закономерно, что именно на Г. Исхаки обратил внимание А. М. Горький, когда задумал издать в 1911–1912 гг. серию сборников из произведений национальных литератур народов России. Маститый к тому времени писатель не только поддержал переписку со своим татарским коллегой, но и способствовал публикации в переводе на русский язык в журналах «Современник» и «Заветы» романа «Жизнь ли это?» под названием «Дневник шакирда», драмы «Брачный договор» и ряда других сочинений.

Принципиально важным нам видится и то, что Гаяз Исхаки был далек от упрощенных взглядов на русско-татарские общественные и культурные взаимоотношения. Единство не означает идиллии, оно крепнет и развивается в совместном преодолении трудностей, неизбежно возникающих противоречий. В повести «Исчезновение через двести лет» (1902–1904), драме «Зулейха» (1907–1912, пост. 1917), в пламенной публицистике он призывает власти и общественность обратить внимание на тяжелое положение родного народа. В 1906 г. в издаваемой со своими единомышленниками газете «Утренняя звезда» обращается с открытым письмом к татарским депутатам Государственной думы, пафос которого беспокойство за своих соплеменников, за будущее России.

Вообще, во взглядах и в ценностных ориентирах одного из лидеров новой татарской литературы, как и идущих вслед за ним Г. Ибрагимова (1887–1938), Ф. Амирхана (1886–1926) и других талантливых авторов, было много общего с жизненными представлениями их русских собратьев по перу. Так, вместе со всеми Г. Исхаки поддается общему настроению надежды на либерализацию, улучшение и стабилизацию жизни в стране после выхода 17 октября 1905 г. царского манифеста о свободах. В названии характерной для этого краткого исторического времени публикации он утверждает: «В России скоро будет новая жизнь...».

Затем молодые татарские писатели, они же национальные политики, принимают активное участие в деятельности общероссийских политических партий. Меняются их взгляды, партийные пристрастия, но в главных ценностях у большинства из них всю жизнь наблюдается удивительное постоянство. Эти определяющие духовный статус татарской творческой молодежи ценности полностью совпадают с аксиологической триадой Вл. Соловьева: любовь, красота, свобода.

Их лояльность находит понимание и заинтересованность у русской прогрессивной общественности. Так, русская пресса называет Гаяза Исхаки одним из основателей и крупнейшим представителем татарской литературы, отцом национального литературного языка. Сам Исхаки в 1908 г. высказал очень важную мысль о консолидирующей роли русской культуры. В частности, он писал: «Русская литература – сторонница свободы и прогресса, защитница слабых и угнетенных – сыграла важную роль... в деле сближения русского и татарского народов».

Гуманистическая направленность русской литературы, ее благородство и выстраданная, а не показная народность были притягательны для многих татарских писателей, становились для них примером бескорыстного и вдохновенного служения людям. Заметим, для сравнительного изучения литератур важны и эти функциональные мотивы в единстве взаимодействующих художественных структур. Без них не может быть полноты причинно-следственных соответствий, текстовых и контекстуальных связей. Сейчас наметилась опасная тенденция игнорирования этих аспектов литературоведения, утверждения примата самодостаточных формально-семантических образований.

В свою очередь, современник Г. Исхаки, выдающийся прозаик, ученый, публицист и общественный деятель Галимджан Ибрагимов в 1913 г. писал: «Общеизвестно, что русская литература занимает почетное место во всем мире именно благодаря тому, что она близка народу, живет для народа, родилась в народном сердце и стремится облегчить его тяжелую долю, осветить его темную жизнь...» [3].

Такое понимание конструктивной тенденциозности русской классики формировало творческую установку самого Г. Ибрагимова. Интересен своей характерностью эпизод из творческой практики татарского прозаика, зафиксированный поэтом Сайфи Кудашем [4].

Во время написания романа «Наши дни» (1914 г., первая редакция) Ибрагимов испытал состояние творческого застоя, из которого вышел благодаря тургеневским произведениям. Вспоминая о процессе написания «Наших дней», он рассказывает, что сначала «писал довольно

быстро. И вдруг ни с того ни с сего... «пропал запал». Писатель мучился день, другой, но ничего не получалось. Тогда он «обратился за помощью» к одному из своих любимых русских писателей – И. С. Тургеневу, – перечитал все его романы. После многодневного «общения» с замечательным художником Ибрагимов писал с небывалым вдохновением... «за месяц с небольшим роман был завершен».

И в этом нет ничего удивительного, ибо, во-первых, уже годом раньше в газете «Йолдыз» от 21 апреля в статье, подписанной псевдонимом «Уйгур», сравнивается роман Ибрагимова «Молодые сердца» (1912) с романами русского классика «Отцы и дети» и «Новь» и говорится о некотором их сходстве. Во-вторых, наличие демократических элементов в творчестве Тургенева было одной из причин привлекательности, того, что духовная атмосфера его произведений захватывала души татарской молодежи. И Галимджан Ибрагимов среди них не был исключением.

Данная тенденция в русско-татарских литературных связях еще раньше была намечена и развита талантливым новеллистом, а впоследствии и романистом – Шарифом Камалом (1884–1942). Начинает он писательскую деятельность в Петербурге, занимаясь поэзией, журналистикой и переводами. Сотрудничает в знаменитой газете «Нур» («Луч»). В 1906 г. выпускает сборник стихотворений «Сада» («Голос»).

Мастерству художественного отражения наиболее симптоматичных явлений жизни в малом жанре он учится у своих национальных писателей, а также у русских и европейских авторов. На всю жизнь кумирами Ш. Камала становятся А. П. Чехов и А. М. Горький. В жизни молодого автора судьбоносным явился 1909 год, когда увидели свет три его новеллы: «Пробуждение», «Увядший цветок» и «В давние времена». В течение следующего года издается более трех десятков произведений Ш. Камала. В них он «стремится рассказать о жизни правду, несмотря на всю ее горечь» [5].

Рассказы начинающего писателя с самого начала отличает особая актуальность проблематики, глубина содержания и стремление к широким философским обобщениям. Их идейно-эстетическая значимость мастерски реализуется через показ масштабного в малом, значительного в обыденном, подчас бытовом. В наследовании художественных традиций он проявляет необходимую избирательность, которая объясняется литературной ситуацией и творческой индивидуальностью воспринимающего автора.

На этой основе возникает концептуальная близость между молодым татарским писателем и его кумиром Максимом Горьким, что ведет к целому комплексу типологических схождений в их творчестве. Оба они в роли «проходящих» постигают народную жизнь, думы людей и настроения. Души их переполнены острыми, на редкость богатыми впечатлениями, а главное – стремлением открыть тайны пестрого и сложного мира. В жажде познания зарождается неистребимая тяга к творчеству.

Из биографий и творчества талантливых художников мы узнаем, что оба «проходящих» с исключительным интересом любили слушать рассказы бывалых людей, излагаемых обычно в форме полусказки-полулегенды. Проблематика современного фольклора была тесно связана с главными вопросами жизни: что есть человек? Почему так изувечена жизнь? Что есть счастье? И потому мир легенды и мир реальный сопрягаются в схожей жизненной и художественной парадигме как у Горького в «Макаре Чудре» или «Старухе Изергиль», так и у Ш. Камала, например, в новелле «Давным-давно».

Иначе в логике историко-литературного развития новой эпохи не могло быть. Ведь на повестку дня ставится вопрос о явлении в мир сильной личности, способной «не соглашаться» с привычными «свинцовыми мерзостями жизни» (Горький), стать победителем в борьбе со злом, утвердить в жизни любовь, красоту и свободу. Продуктивный поиск ее в литературе мог осуществляться только во взаимодействии двух начал – интуиции и анализа, на основе романтико-реалистической двуплановости. Известное стилевое единство самых разнообразных по тематическим и структурно-художественным признакам новелл раннего Горького, а затем и новелл Шарифа Камала, становится программным, наиболее полно отвечающим их художническим устремлениям.

Среди исследователей нет принципиальных разногласий относительно внедрения реалистических деталей в романтические новеллы этих авторов. Говорят даже, имея в виду эту закономерность, об «устойчивом приеме», придающем, например, «творчеству Горького своеобразие, так заметно отличавшее его не только от Чехова... но и от Короленко, хотя тот, как известно, ратовал за синтез реализма и романтизма, видя в этом синтезе новое направление в развитии русской литературы» [6].

Страстное желание изменить уродующие людей обстоятельства на первых порах реализуется в художественной символике, где собственно литературные традиции тесно переплетаются с фольклорными. Данко из «Старухи Изергиль», подобный в своей миссии пророку Моисею, жертвует жизнью, спасая соплеменников. Он приводит их на благодатную землю, вырвав сердце из груди и осветив им последний участок пути. Прекрасные молодые цыгане Радда и Лойко Зобар

любят друг друга, но даже ради самого пленительного чувства не хотят ограничивать собственную волю.

Идеалы жертвенности и слиянности со своим народом, абсолютной ценности свободы возвышают горьковского героя. Такое отношение к человеку рождало, в свою очередь, оптимистическое отношение к жизни. Человек мог и должен был сам стать кузнецом своего и народного счастья на земле.

В новелле Шарифа Камала «Давным-давно» старик-лодочник, подобно Макару Чудре или старухе Изергиль, рассказывает путникам, ищущим «дело поприбыльней» древнюю легенду. Давным-давно одному юноше мать перед смертью завещает не сидеть сложа руки, а поискать свое счастье. Начав поиски, «одного спросил про счастье, другого, у кого ни спросит, никто не знает, где оно». На помощь юноше приходит дервиш-отшельник. На ночь они прячутся в мечети, где хранится волшебный перстень, исполняющий все желания. Для этого было необходимо лишь прочитать имя на вделанном в него камне. Перстень охранялся нечистой силой, но юноша и дервиш сумели им завладеть. Когда «наступило утро, дервиш снова достал перстень, чтобы прочитать выбитое на камне имя. Он не поверил своим глазам, перстень был пуст». Чудесный камень украли черти. Юноша спросил: «Что же будем делать?» «Все кончено, – ответил дервиш, – теперь остается надеяться только на самого себя».

Со временем сами подходы к изображению жизни, как и система поэтических средств, у Горького и Шарифа Камала эволюциируют в одном направлении. Все больше и больше их художественный мир уплотняется реалиями действительности. Обогащается жанровая система, расширяется тематический спектр. Близость творческих задач, стоящих перед ними, тем более удивительна, что в реальном времени они решаются с разрывом в четырнадцать-пятнадцать лет.

Типологические параллели легко обнаружить между новеллами Горького «На плотах», «Однажды осенью» (1895), «Тоска» (1896), «В степи», «Коновалов», «Супруги Орловы» (1897), «Проходимец» (1898) и другими и новеллами Шарифа Камала «Пробуждение», «Увядший цветок» (1909), «В метель» (1910), «В поисках счастья», «Горемыка» (1911), «На чужбине», «Тоска» (1912), «Житейские невзгоды» (1913)...

Очевидно, что молодой татарский новеллист сумел многое творчески освоить из продуктивных художественных открытий Горького. Проще всего это проследить на примере заимствования Шарифом Камалом сюжета новеллы русского классика «Скуки ради» (1887) и создания на его основе рассказа «В вороньем гнезде» (1910). Здесь и по биографическим фактам, и по творческим принципам, приемам, изобразительным средствам хорошо видно, что было определяющим в наследовании традиций русского писателя.

Даже в заимствовании Ш. Камал избегает механистического подхода. В итоге его собственный художественный мир предстает перед читателями и исследователями оригинальным и неповторимым. Это тот случай, когда инонациональный мастер литературного слова и в экстремальной творческой ситуации, следуя за правдой жизни, всегда отдает приоритет жизненным и творческим традициям своего народа. Парадоксально, что и горьковская традиция от этого не страдает. Она выявляет себя именно как традиция, а не слепое, лишенное духа творчества подражание.

В новелле Шарифа Камала описывается трагедия обычной татарской семьи. В шахтерском поселке тихо и мирно живут старик Усман и его несколько неуклюжая, но добрая и отзывчивая жена Марьям. Так же тихо и мирно на маленькой станции живет Арина из рассказа Горького «Скуки ради». У Ш. Камала рабочие-бобыли, чтобы хоть как-то развлечься в этой ужасающе неприглядной и скучной жизни, решили пошутить над бедной семьей, вызвать чувство ревности у Усмана. Результат оказывается трагическим: Марьям кончает самоубийством, а старик покидает шахту.

У Горького стрелочник Гомозов «скуки ради» проводил время с Ариной. Сама Арина очень любила смотреть в степь. Степь будто притягивала ее своей бесконечностью, свободой, простором. Но подлое и мелкое, безжалостный атрибут убогой жизни, ломает ее жизнь. Когда все вокруг узнают об их связи, Гомозов предает Арину и тем самым подталкивает ее к смерти. Конфликт в обеих новеллах строится на трагедии повседневности. Ведь и Гомозов, и обыватели хотели лишь немного «разнообразить» свою жизнь.

И Горький, и Камал показывают, как душевная глухота людей ведет к страшной развязке, к гибели самых незащищенных. Одно грубое движение многих людей совершенно меняет вектор движения одного человека, даже останавливает его. Для Шарифа Камала важно было найти убедительное художественное решение этого явления. И здесь творческий опыт Горького оказывается незаменимым.

Почему же погибают Арина и Марьям? Более скрупулезный анализ выявляет здесь и сходства, и различия. Конечно, трагедия возникает из-за стремления таких же обездоленных людей чуть «приукрасить» свою беспросветную жизнь. Но камаловские герои испытывают гнет несравненно больший. И потому не только недобрые инстинкты людей, но и однообразие тяжелого труда, барачное существование выдвигаются авто-

ром на первый план. У Горького сама обыденная «скука» рождает роковое стечение обстоятельств.

Шариф Камал увидит за жестокостью и неразвитостью человеческих отношений боль и нежность простых людей, душевную щедрость и сочувствие. Правда, большинство рабочих, выведенных в рассказе, показаны автором с отрицательной стороны. Мерзок портрет зачинщика «забавы» Садри, прозванного стариком Усманом за диковатую внешность и гнусный характер шайтаном: курносый, широкие ноздри, зеленые козлиные глаза, двухслойные губы, кривые ноги. Но мерзок и лик зловещей реальности.

Для большей наглядности и убедительности в произведениях татарского новеллиста часто появляются натуралистические детали. Черта столь естественная и характерная для многих произведений Горького, в том числе – и для рассказа «Скуки ради». В связи с обликом Садри заметим, что у многих персонажей и Горького, и Камала прозвища кратко, точно и предельно экспрессивно характеризуют того или иного героя.

Вообще, у русского автора преобладают мир босяцкой вольницы или, как в новелле «Скуки ради», мир мещанства. У Камала – мир национальной общины, сохраняющей устойчивость даже в условиях сезонной миграции рабочих, то есть вчерашних татарских крестьян. И потому зло здесь более наглядно и наказуемо.

Не случайно в центр рассказа «В вороньем гнезде» он ставит шахтера Насрея, человека доброго и отзывчивого. Это он пытается остановить желающих «пошутить». После трагического события Насрей могучим ударом валит с ног мерзкого Садри. Мы видим, что татарский писатель создает глубоко оригинальное произведение. Таково все новеллистическое наследие Шарифа Камала, отличающееся творческим отношением к традициям Горького, других русских писателей и неповторимым национальным своеобразием.

Особое место в русско-татарских литературных взаимосвязях принадлежит Фатиху Амирхану. Широко эрудированный человек, он был хорошо знаком с русской классической литературой, с писательской практикой современной ему России. В его статьях о Н. В. Гоголе, М. Ю. Лермонтове, В. Г. Короленко, Л. Н. Толстом содержатся глубокие мысли об идейном пафосе и художественных особенностях творчества каждого из писателей-классиков. Вместе с его высказываниями об А. С. Пушкине, И. С. Тургеневе, А. П. Чехове, А. М. Горьком, Л. Н. Андрееве эти статьи стали школой зрелого восприятия и для татарского читателя, и для молодых татарских авторов.

Восприняв русскую литературу в совокупности, Амирхан первостепенное значение в своей творческой практике отдавал использованию опыта Гоголя, Тургенева, Чехова и Л. Андреева, что было глубоко закономерным, но не исключало возможности обращения к творческим достижениям других русских писателей.

Гоголь стоял у истоков русского реализма, а талантливый татарский прозаик и драматург прокладывал реализму путь в татарской литературе. Не последнюю роль в этом движении сыграла сложившаяся в его творчестве реалистическая сатира. Испытав плодотворный импульс гоголевской поэтики, Амирхан совершенно оригинально использует в повести «Фатхулла Хазрет» взаимодействие реального и фантастического, живого и мертвого. Глубокое понимание природы гоголевской сатиры, понимание критицизма гениального сатирика как «смех сквозь слезы» не заслоняют будущему татарскому классику примет и явлений современной национальной жизни.

Герои его зрелых произведений способны органично воплощать в себе едином различные жизненные начала. В сатирических произведениях исчезает просветительская раздвоенность. Так, в повести «Любовь Габдельбасыра» Амирхан по-гоголевски сумел найти необычный разрез жизни. На нем рельефно обозначился человек, стоящий на одной из низших ступеней служебной и имущественной иерархической лестницы, но одновременно связанный, пусть и самой тонкой нитью, с сильными мира сего. Шакирд Габдельбасыр – тот же «маленький человек», как и у Гоголя, обреченный обстоятельствами жизни на прозябание. А психолого-нравственный комплекс его – «габдельбасыровщину» – по степени обобщающего начала можно поставить в один ряд с «хлестаковщиной», «чичиковщиной», «маниловщиной»...

Когда молодой автор пытается решить задачу создания образа нового человека в его психологической подвижности, то он обращается за помощью к тургеневскому творчеству, а также к толстовским принципам психологического анализа, выявлению «диалектики души». Быстрое развитие творческих принципов художественного метода Фатиха Амирхана в контексте ускоренного развития татарской литературы начала XX в. приводит его в десятые годы к необходимости освоения универсального чеховского опыта. Наконец, склонность к игре света и тени, к контрастирующим контрапунктам, повышенной экспрессии повествования, символизации образности закономерно сблизила его с художественным миром Леонида Андреева. Кстати, именно Фатих Амирхан переводит одно из самых культовых произведений русского неореалиста «Рассказ о семи повешенных».

Было бы неверным упустить в этом впечатляющем контексте преклонение великого татарского поэта Габдуллы Тукая (1886–1913) перед поэти-

ческим и человеческим величием А. С. Пушкина. В бессмертном наследии русского гения он находит и органично усваивает естественность и гармонию простоты, изысканность изобразительных средств, мечту о свободе и равенстве, неприятие деспотизма, живой патриотизм.

В итоге, еще в дооктябрьский период взаимодействие русской и татарской литератур способствовало формированию устойчивого культурного пространства, способного продуцировать открытый и конструктивный диалог народов разного вероисповедания, уклада жизни и национальных традиций. В той или иной форме он, как мы видели, существовал в течение многих веков. Однако только в начале XX в. появляется то осознанное единство цели и задач, которые в комплексе пытается решить русская и татарская общественность, в рядах которой писатели заняли достойное место. Так закладывался прочный фундамент единения многонациональной России, освященного идеями беззаветного служения Отечеству, высокой духовностью и действенным гуманизмом.

Примечательны в связи с этим личность и творчество крупнейшего татарского поэта, золотопромышленника, миллионера Закира Рамиева, писавшего под псевдонимом «Дэрдмент», что в переводе с арабского означает «Опечаленный». Его уникальная поэзия неповторимых образов-символов, восходящая к восточной философии и образности художественного слова в их древнетюркской типологии, была необычайно созвучна провидческим озарениям Александра Блока.

Эсхатологические предчувствия, тревога за судьбу страны, ожидание неминуемой катастрофы и беды, и в то же время, безграничная преданность Отчизне, смиренная покорность судьбе и светлое покаяние – все это сближает его творчество с мироощущением и мировидением русских художников, которые, несмотря ни на что, продолжали верить в Россию, любить ее искренним сыновним чувством. Кстати, Закир Рамиев, один из самых богатых мусульман Империи, не покинул Родину и умер в полной нищете в 1921 г.

Следует особо подчеркнуть, что и после установления советской власти русско-татарские литературные связи не прервались. Изменился вектор их развития: они приобрели более организованный, интенсивный и целенаправленный характер, что можно оценивать с разных точек зрения. Бесспорно одно, что писатели многонациональной советской литературы объединялись не только по идеологическим и политическим соображениям. Они пытались вместе решать задачи эстетического освоения новой действительности, поиска современных изобразительных средств, созвучных эпохе грандиозных социальных перемен.

Велико было воздействие новаторской поэзии В. В. Маяковского на Хади Такташа, Аделя Кутуя, Хасана Туфана и других татарских поэтов нового поколения. Значительным оказалось поле творческого притяжения А. С. Серафимовича, А. Н. Толстого, А. А. Фадеева, М. А. Шолохова и ряда других русских советских писателей для национальных литератур страны. Еще совсем юные Гумер Баширов, Кави Наджми, Ибрагим Гази вместе с другими татарскими прозаиками успешно развивали творческие традиции русских собратьев по перу, совершали собственные художественные открытия.

Все последующие десятилетия писатели Татарстана продолжают обращаться к классикам, к творчеству А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. М. Горького, А. А. Блока, чьи произведения оставались для них главным критерием эстетического совершенства и нравственной высоты. В новых условиях происходит дальнейшее осмысление и претворение в жизнь на национальной почве бесценных духовных и художественных богатств русской культуры.

Одним из важнейших проявлений взаимодействия разных национальных литератур, его своеобразным результатом, следует считать организационное оформление литературных сил республики, произошедшее в 1934 г. на I съезде писателей ТАССР. Созданный на этом представительном форуме Союз писателей республики сыграл огромную роль в деле консолидации литературных сил, активизировал творческую деятельность, стимулировал издательскую работу, осуществлял поддержку молодых талантов. Все это, безусловно, положительно сказалось на общем развитии татарской национальной поэзии, прозы, драматургии и литературной критики.

Таким образом, можно констатировать, что столь емкая в общероссийском контексте историческая преемственность, открытость, самобытность и типологичность татарской литературы превратили ее в важнейший фактор духовной и культурной жизни нашего государства. Ярчайшим примером этому служит творческое наследие поэта-героя Мусы Джалиля, ставшее образцом писательского патриотизма и оказавшее сильнейшее влияние как на русских поэтов и писателей, так и на художественную общественность других народов бывшего Советского Союза.

Эта линия взаимовлияния и взаимообогащения продолжилась и во второй половине XX в. Не раз об особой близости татарской литературы к русскому искусству и культурной жизни высказывались поэты Н. Доризо, Л. Ошанин, Е. Евтушенко, а также В. Астафьев, С. Баруздин и многие другие писатели. Татарские литераторы вместе со своими русскими современни-

ками все эти годы, включая перестроечные и постперестроечные, продолжали решать общие социальные и творческие задачи. В их произведениях находят воплощение идеал свободной личности, воспевание чистоты и богатства духовного мира человека, преклонение перед памятью предков и безусловный патриотизм, основанный на любви к малой и большой Родине, простым людям – гражданам великой страны.

В наше время стало особенно заметным, что татарская художественная культура была одной из сущностных причин в формировании и затем понимании особой природы Российского государства как крупнейшей евразийской державы, поражающей мир своим полиэтническим и поликультурным своеобразием. Сегодня, на наш взгляд, крайне важно сохранить это единство, эту близость и родство в ярчайшем многообразии. Необходимо продолжать учиться друг у друга, бережно хранить и приумножать классические традиции, помнить о высокой гражданственности подлинной литературы, которая была и будет одним их главных условий духовно-нравственного возрождения наших народов.

Примечания

1. *Луконин, М.* В созвездии Пушкина [Текст] / М. Луконин // Слово о Тукае. Казань, 1986. С. 39.

2. Например, в 1902 г. учитель Нигматжан Еникеев перевел комедию Н. В. Гоголя «Ревизор», а комедия «Женитьба» к 1905 г. имела три разных перевода...

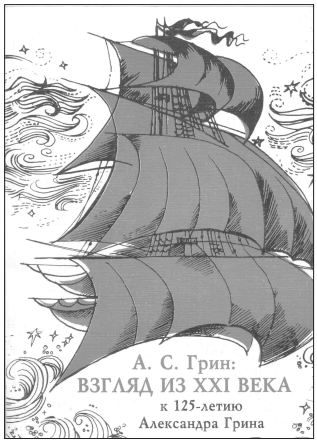
3. История татарской литературы нового времени (XIX – начало XX века) [Текст]. Казань, 2003. С. 379.

4. См.: *Кудаш, Сайфи.* Незабываемые минуты [Текст] / Сайфи Кудаш. Уфа, 1962. С. 132.

5. *Гайнуллин, Мухаммед.* Татарская литература и публицистика начала XX века [Текст] / Мухаммед Гайнуллин. Казань, 1983. С. 212.

6. *Гречнев, В. Г.* Русский рассказ конца XIX–XX века [Текст] / В. Г. Гречнев. М., 1979. С. 157.

НОВЫЕ КНИГИ



А. С. Грин: взгляд из XXI века. К 125-летию Александра Грина [Текст] : сборник статей по материалам Международной научной конференции «Актуальные проблемы современной филологии». – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. – 284 с.

Настоящий сборник включает материалы Международной научной конференции «Актуальные проблемы современной филологии», посвященной 125-летию со дня рождения А. С. Грина. В сборнике представлены статьи исследователей России, Украины, Белоруссии, Латвии, освещающие различные аспекты творчества замечательного мастера русской литературы А. С. Грина.

Сборник носит проблемно-аналитический характер, отличается оригинальностью подходов, новизной прочтения, дискуссионной направленностью.

Сборник адресован ученым-филологам, краеведам, аспирантам, студентам и всем тем, кто любит творчество А. С. Грина.

Труды кафедры русской литературы: анализ художественного текста [Текст] : сборник науч. трудов / под ред. В. А. Поздеева. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. – 115 с.

Сборник трудов кафедры русской литературы Вятского государственного гуманитарного университета продолжает разработку проблем анализа художественного текста на различных уровнях. В сборнике представлены статьи, в которых дается анализ прозаических, поэтических и драматических произведений писателей XIX и XX веков А. П. Чехова, Н. С. Лескова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, А. П. Платонова, Б. Л. Пастернака, А. И. Митропольского (А. Несмелова), Н. Коляды и др. Сборник рассчитан на ученых-литературоведов, преподавателей, студентов.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Г. И. Симонова

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ВОСПИТАННИКОВ

В связи с развитием и распространением социальной педагогики в России в начале 90-х гг. начинается разработка социально-педагогических технологий. Во многом они разрабатываются на стыке социальных и педагогических технологий, хотя, бесспорно, имеют свою специфику.

В контексте социальных технологий Г. К. Селевко выделяет технологии социального воспитания. Он определяет их как отрасль социальных технологий, ориентированную на осуществление важнейшей функции общества – подготовку подрастающих поколений к включению в общественную жизнь, к нормальному функционированию в обществе. Конкретная социально-воспитательная технология – это научно обоснованная система и порядок функционирования всех средств, используемых для решения определенной социально-воспитательной проблемы [1].

Такой подход кажется нам правомерным и обоснованным при рассмотрении процесса педагогического сопровождения социальной адаптации личности. Это связано с тем, что область применения технологий социально-воспитательной деятельности – социальная сфера, представляющая собой совокупность материальных и духовных условий жизни и деятельности человека. Имеется в виду процесс формирования, развития, становления школьников и студентов как в стенах учебного заведения, так и вне его, в открытой среде, во взаимодействии, общении с различными объектами социума. Именно этой деятельности, с точки зрения М. М. Плоткина, соответствуют современные социально-воспитательные технологии. Особый интерес в этом плане представляет технология социально-педагогических комплексов.

На наш взгляд, данная технология предоставляет оптимальные условия для успешной социальной адаптации детей, подростков и молодежи. Социально-педагогические комплексы (СПК) возникли в 60-е гг. прошлого столетия на Урале – в Нижнем Тагиле, Первоуральске, Свердловске. В основе своей они опираются на идеи С. Т. Шацкого, В. А. Зеленко, Е. Н. Медынского. Среди современных исследователей проблемы можно отметить В. Д. Семенова. СПК изначально рассматривался как общественно-управляемая система воспитательных средств на данной территории. Их появление позволяло педагогическим коллективам полноценно осуществлять функции педагогического обеспечения системы социального воспитания. Деятельность образовательного учреждения предполагала организацию педагогического влияния на всех участников воспитательного процесса, проведение диагностики воспитательных влияний на личность, согласование целей, задач, содержания воспитательного процесса. При этом социально-педагогический комплекс – это не простое соединение образовательного учреждения и других социальных объектов – производственных, учебных, культурных, а некая целостная система со своей социально-культурной атмосферой, психологическим климатом, воспитательной системой. В. Д. Семенов отмечает, что социально-педагогический комплекс отличается от традиционного шефства производственных коллективов над школой и различных форм работы в микрорайоне следующим: во-первых, целостностью, комплексностью, системностью воспитательных средств, реализующих план социального развития района, села, города; во-вторых, планирование и организация работы в социально-педагогических комплексах опираются не на ведомственную специфику, хотя она и учитывается, а на цель воспитательного воздействия: включить учащуюся молодежь в общественно значимую деятельность в образовательном учреждении и за его пределами, обогатить сферу их общения, т. е. оказать по возможности более широкое влияние на формирование личности; в-третьих, создавая условия для развития личности, социально-педагогические комплексы позволяют более эффективно решать задачи трудового воспитания детей; в-четвертых, в сфере целенаправленного влияния, оказываемого социально-педагогическими комплексами, находятся не только дети и молодежь, но и семья, учителя, наставники-общественники [2].

СИМОНОВА Галина Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре педагогики ВятГГУ
© Симонова Г. И., 2005

СПК – это открытая дифференцированная система, объединяющая взрослых и детей, профессиональных педагогов и педагогов-непрофессионалов на основе взаимодействия, взаимопонимания, сотрудничества. Важнейшим содержательным признаком СПК является создание воспитывающей среды, социокультурный потенциал которой направлен на социальное, психическое и физическое здоровье человека.

Социально-педагогический комплекс – это открытая воспитательная система, развернутая на внешкольную среду. Поэтому важно обозначить специфику функций различных социальных институтов в деятельности СПК.

Семья. В социально-педагогическом комплексе значительно активизируется деятельность родителей. Они привлекаются к участию в организации досуга, общественно полезного труда, ведут работу по профориентации школьников, участвуют в воспитательном процессе.

Производственные коллективы осуществляют трудовое, экономическое воспитание, профориентацию учащихся, участвуют в организации дел в микрорайоне, оказывают финансовую и материальную помощь в подготовке дел в микрорайоне предприятия.

Административные органы. Участвуют в планировании и подготовке дел на уровне микрорайона, района, города, области, региона. Ведут профилактическую работу, стимулируют социальные инициативы, поддерживают социальные проекты.

Общественные организации. Инициируют проведение социально значимых дел, стимулируют включение различных возрастных и социальных групп населения в жизнедеятельность социума.

Учреждения культуры и спорта. Стимулируют нравственно-эстетическую и спортивно-оздоровительную работу с детьми, подростками, молодежью.

Высшие и средние специальные учебные заведения профессионального образования организуют деятельность педагогических отрядов и волонтеров. Такое сотрудничество имеет двойной эффект: студенты способствуют развитию личности воспитанников и обретают профессиональный опыт, обогащаются сами.

Военкомат способствует военно-патриотическому воспитанию молодежи, стимулирует и готовит юношей к службе в вооруженных силах.

Эти и другие социальные институты способствуют созданию определенной социокультурной среды, обеспечивающей успешную социальную адаптацию воспитанников.

М. М. Плоткин выделяет некоторые модификации технологии СПК в зависимости от конкретных условий социума:

– в условиях большого города, поселка, села, где имеется большое количество учреждений (дополнительного образования, культуры), которые могут вести работу с детьми и в своих стенах и в школе. Школа в этом случае – координатор воспитательных влияний, методический центр по педагогизации окружающей среды;

– содружество школы и производства (в условиях близкого соседства с крупными производственными предприятиями). Возможны варианты школы и сельскохозяйственного производства. Школа – предприятие – это система двухсторонних связей, которая определяет и содержание, и нравственно-воспитательную атмосферу окружающего школу социального пространства, в котором детский коллектив, семья, производственный коллектив взаимосвязаны единым планом, совместными делами, заботами, проблемами, имеют общее социокультурное пространство;

– комплекс социально-педагогической поддержки ребенка, под которым имеется в виду деятельность различных служб общества, которые заинтересованы в охране и защите социальных прав детей. Термин «педагогическая поддержка», введенный в научный оборот О. С. Газманом, подразумевает поддержку психологическую, социальную, медицинскую, поскольку все они интегрируются образовательным учреждением;

– межведомственный социально-педагогический комплекс представляет собой образовательное учреждение, основанное на взаимодействии и сотрудничестве педагогов, родителей, учреждений образования, культуры, спорта, государственных и общественных организаций.

Социально-педагогический комплекс предполагает высокую степень интеграции различных групп населения в социально-воспитательную систему комплекса. СПК обеспечивает разностороннее развитие личности в контексте природных задатков и способностей ребенка в социальном и психолого-педагогическом пространстве; выбор профиля и уровня обучения, педагогов и внеурочной деятельности, доступность разных институтов воспитания, интеграции личности в окружающую среду. Более того, широкий спектр возможностей для ресоциализации и социальной адаптации предлагается для молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Большим потенциалом для организации педагогического сопровождения социальной адаптации этой категории молодежи обладают учреждения дополнительного образования.

Педагогический коллектив Детско-юношеского центра (далее – ДЮЦ) Октябрьского района г. Кирова (директор – Ю. К. Судницын) длительное время осуществлял поиск оптимальных способов социальной адаптации воспитанников. Учитывая, что в состав детско-юношеского центра входят 12 структурных подразделений (клу-

бов по месту жительства), которые охватывают по расположению всю территорию Октябрьского района города, а также тот факт, что учреждение имеет многолетний опыт сотрудничества и совместной деятельности с учреждениями образования, культуры, спорта, общественными организациями по различным направлениям, нами была выбрана технология социально-педагогического комплекса как базовая для организации педагогического сопровождения социальной адаптации воспитанников.

Успешная социальная адаптация личности возможна на основе объединения возможностей всех социальных институтов, поскольку индивид должен овладеть навыками адаптации в таких сферах, как общество, семья, образовательное учреждение, неформальная группа. Для того чтобы образовательное учреждение целостно и системно способствовало социальной адаптации учащихся, необходимо от этой ведущей идеи и цели выстроить определенную логику деятельности учреждения. Как отмечалось выше, одной из технологий социальной адаптации учащихся может стать технология социально-педагогического комплекса. Создание и функционирование социально-педагогического комплекса предполагает реализацию определенной системы – совокупности элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, которая проявляется во внутреннем единстве, взаимообусловленности всех элементов и относительной автономности от окружающей среды.

Социально-педагогический комплекс (СПК) является инновационной организационной моделью и представляет собой структурно упорядоченную и разветвленную сеть служб помощи семье и детству, направленную на социальную защиту и реализацию прав каждого его члена в творческой самореализации, успешном физическом, психическом и социальном развитии личности.

СПК создается на базе образовательного учреждения любого типа и не является юридическим лицом. Все правовые вопросы решает образовательное учреждение, на базе которого создается комплекс.

Содержание деятельности СПК строится в соответствии с Законом РФ «Об образовании», Конвенцией ООН «О правах ребенка», Межведомственной программой развития системы дополнительного образования детей на 2002–2005 гг. Минобразования России, Программой развития воспитания в системе образования России, Уставом учреждения и Положением об СПК.

СПК предполагает создание целого ряда узкоспециализированных служб, деятельность которых направлена на решение задач социальной адаптации личности.

Деятельность СПК осуществляется на основе интеграции воспитательных сил учреждений дополнительного образования, общеобразовательных школ, учреждений культуры, социальной защиты района, что позволяет создать единое воспитательное пространство. СПК является открытой социально-педагогической системой, которая выстраивает связи с общественными и государственными учреждениями, организациями, социальными институтами города и области.

Целью деятельности СПК является создание условий для психолого-педагогического сопровождения социальной адаптации воспитанников.
Задачи СПК:

– изучение и использование социокультурных возможностей среды и интеграция воспитательных сил социума;

– социальное воспитание, социальное образование, социальная защита детства, направленные на формирование социальных качеств личности, самосознания, самоутверждения, самоопределения воспитанников;

– реализация широкого спектра вариативных социально-адаптивных программ, направленных на включение воспитанников в систему социальных отношений и приобретение социального опыта;

– гармонизация жизнедеятельности и социальных отношений отдельного человека, направленная на помощь в социальной адаптации личности;

– саморазвитие и профессиональное совершенствование членов педагогического коллектива.

Цель и задачи определяют выбор **приоритетных направлений содержания социально-педагогической деятельности СПК:**

в области содержания образования:

– реализация образовательных программ разных уровней, типов, сроков освоения художественно-эстетической, физкультурно-спортивной, технической, эколого-биологической, военно-патриотической, социально-педагогической, туристско-краеведческой направленности для детей, подростков, молодежи;

– оказание образовательных услуг семье, направленных на помощь в социальном и профессиональном самоопределении, способствующих успешной социализации, социальной адаптации детей и родителей;

в области социального воспитания:

– социально-педагогическая работа с семьей;

– профилактика социально негативных явлений среди детей и подростков;

– разработка и реализация воспитательных, социально-адаптивных программ и проектов, направленных на формирование навыков ЗОЖ, духовно-нравственное, гражданско-патриотическое воспитание детей, родителей, педагогов;

– социально-педагогическая защита прав детей;

– поддержка и развитие детских и молодежных социальных инициатив;

– организация содержательного досуга разных слоев населения с целью повышения их культурного уровня;

в области научно-методического обеспечения:

– реализация многоуровневой системы повышения профессиональной компетентности управленцев и педагогов;

– повышение квалификации руководителей и педагогов в области социальной педагогики;

– информационно-методическое обеспечение деятельности СПК;

– организация опытно-экспериментальной работы;

– научно-теоретическое сопровождение деятельности педагогического коллектива по социальной адаптации личности;

– совершенствование программно-методического обеспечения в контексте создания условий для социальной адаптации личности воспитанников и их родителей;

– осуществление организационно-аналитической деятельности через прогнозирование, проектирование, анализ инновационной деятельности учреждения как СПК;

– осуществление мониторинга социально-педагогической деятельности ДЮЦ как СПК;

в области психолого-педагогического обеспечения:

– диагностика личностного развития воспитанников;

– коррекционно-развивающая работа с детьми, находящимися в социально опасном положении;

– психолого-педагогическое консультирование и просвещение воспитанников, их родителей, педагогов по проблемам личности, коллектива, семьи;

– оказание воспитанникам помощи в профессиональном и социальном самоопределении;

– психологическое сопровождение деятельности руководителей и педагогов, создание условий для их личностного роста.

Реализация перечисленных выше направлений социально-педагогической деятельности осуществляется через **функционирование СПК в следующей структуре**:

– Центр художественно-эстетического воспитания. Его деятельность направлена на духовное становление, развитие творческого потенциала личности, на раннее выявление, поддержку и развитие детской творческой одаренности.

– Центр гражданско-патриотического воспитания ориентирован на формирование у подрастающего поколения гражданской позиции, подготовку молодежи к службе в армии, духовно-нравственное становление личности.

– Центр развития социальных инициатив детей, подростков, молодежи. Его основная задача – пропаганда детских и молодежных общественных организаций и объединений, поддержка социальных инициатив подростков и молодежи, волонтерского движения.

– Центр по работе с семьей занимается оказанием образовательных услуг семье, организацией содержательного семейного досуга, его деятельность ориентирована на формирование межпоколенных связей и традиций.

– Центр развития технического творчества. Его деятельность направлена на популяризацию детского технического и спортивно-технического творчества, поддержку и развитие детской изобретательской деятельности.

– Центр спортивно-оздоровительной работы с детьми и подростками ориентирован на формирование у подрастающего поколения ценностей и привычек здорового образа жизни, организацию спортивных соревнований, спортивно-массовых мероприятий.

– Центр организации досуговой деятельности занимается проведением досуговых воспитательных мероприятий для воспитанников учреждения, школьников района.

– Служба психологического сопровождения обеспечивает психологическими средствами образовательно-воспитательный процесс, социально-педагогическую деятельность; оказывает содействие формированию развивающего образа жизни воспитанников, их индивидуальности, развитию у них творческих способностей, созданию позитивной мотивации к обучению, а также определению психологических причин нарушения личностного и социального развития и профилактики условий возникновения подобных нарушений. Осуществляет психологическое сопровождение деятельности педагогического коллектива.

– Служба профессионального и социального самоопределения. Ее деятельность ориентирована на оказание социально-педагогической помощи несовершеннолетним, имеющим различные формы дезадаптации, и асоциальным семьям, на профилактику негативных явлений в подростковой среде, на оказание практической помощи детям в социальном и профессиональном самоопределении.

– Служба культурного досуга и анимации. Направлена на организацию досуга детей и подростков как уникального средства формирования духовных потребностей и раскрытия творческого потенциала личности, реализации потребностей в общении, самореализации, самоутверждении.

– Методическая служба. Осуществляет научно-методическое сопровождение образователь-

но-воспитательного процесса, социально-педагогической деятельности.

Управление СПК осуществляется через матричную структуру. Работой СПК руководит Координационный совет, который возглавляет директор образовательного учреждения. В состав Координационного совета СПК входят научный руководитель, заместители директора, руководители «сквозных» воспитательных и социально-адаптивных программ.

Координацию деятельности структурных подразделений по социальной адаптации личности осуществляет Совет руководителей структурных подразделений (центров, служб).

Для реализации «сквозных» воспитательных и социально-адаптивных программ и отслеживания их эффективности создаются Советы программ, которые возглавляют руководители программ. В Советы программ входят методисты, воспитатели, педагоги дополнительного образования, педагоги-организаторы, социальные педагоги.

Для координации воспитательной и социально-педагогической работы в районе проводятся совещания с заместителями директоров школ по воспитательной работе.

С целью привлечения общественности к решению вопросов жизнедеятельности СПК создаются попечительские советы, родительские комитеты. Помощь в реализации социально-адаптивных программ и проектов оказывают органы детского самоуправления.

Ресурсное обеспечение определяет возможности реализации задуманного. В нашем случае ДЮЦ располагает необходимыми ресурсами.

Деятельность СПК финансируется из средств городского бюджета, выделяемых на развитие образовательного учреждения. В целях эффективной организации деятельности могут привлекаться спонсорские и другие финансовые средства.

СПК имеет кадры социальных педагогов, педагогов-организаторов, педагогов дополнительного образования, педагогов-психологов, управленческих работников, методистов, обученных основам социально-педагогической работы.

СПК располагает оборудованными учебными, учебно-экскурсионными помещениями, кабинетами трудового воспитания, помещениями для занятий физической культурой и спортом, залами для занятий хореографией, цирковым искусством, залами для организации досуга и отдыха, компьютерным классом, музейными залами, лыжными базами; имеет необходимую оргтехнику для поддержки и развития образовательно-воспитательного процесса, социально-педагогической деятельности.

Деятельность СПК обеспечена образовательными, воспитательными, социально-адаптивными программами. Имеется фонд научно-методической литературы по социальной педагогике, методике воспитательной работы, банк диагностических материалов и психологических методик по проблеме социальной адаптации личности, видео- и аудиофонд.

Таким образом, педагогическое сопровождение социальной адаптации подростков и молодежи достаточно технологично реализуется в виде организации деятельности социально-педагогического комплекса (СПК) посредством реализации деятельности социальных служб.

Примечания

1. *Селевко, Г. К.* Социально-воспитательные технологии [Текст] / Г. К. Селевко, А. Г. Селевко. М.: Народ. образование, 2002.

2. *Семенов, В. Д.* Взаимодействие школы и социальной среды [Текст] / В. Д. Семенов. М.: Педагогика, 1986. С. 40-41.

В. П. Кузьмина

ЭМПАТИЯ В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ*

Статья посвящена анализу основных параметров феномена эмпатии, которая является важнейшим элементом взаимодействия человека с человеком. Обосновывается необходимость углубленного изучения и развития этого личностного свойства у студентов в процессе обучения в вузе.

Гуманизация современного образования неизбежно влечет за собой внесение коррективов в систему вузовской подготовки специалистов. Особую остроту эта проблема приобретает в связи с повышением требований к качеству и содержанию высшего образования на фоне быстро растущего числа негосударственных образовательных учреждений, «выбрасывающих» на рынок труда огромное количество специалистов.

Востребованными из них будут те, кто наиболее подготовлен не только к работе с объектом профессиональной деятельности, но и к новому типу взаимоотношений между людьми, построенных на гуманистической основе, где на первое место выдвигается подход к человеку как к индивидуальности. Иными словами, истинная гуманизация сферы образования требует более глубокого отражения в структуре профессиональ-

* Статья выполнена при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Формирование эмпатии как условие развития способности к социально-перцептивному предвидению у студентов», проект № 05-06-06254а

КУЗЬМИНА Валентина Петровна – кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой психологии ВятГГУ

© Кузьмина В. П., 2005

ного мышления студента – будущего специалиста способов познания, постижения другого человека.

Способы познания могут быть рациональными, аффективными, поведенческими. Все они формируют способность личности постичь и реконструировать внутренний мир другого человека. В этой триаде аффективная сторона познания определяется понятием «эмпатия» [1].

Эмпатия является ведущей социальной эмоцией и выступает как способность человека эмоционально откликаться на переживания других людей. Она предполагает субъективное восприятие другого человека, проникновение во внутренний мир его чувств, мыслей, поступков.

Эмпатия играет важную роль в профессиональной деятельности педагога, что обусловлено спецификой его работы: необходимостью выявить, представить, понять индивидуальные особенности учащегося. В этом смысле эмпатию можно считать уникальным средством «вхождения» в психоэнергетическое пространство другого человека. Такое возможно, когда педагог проявляет по отношению к другому человеку сопереживание и сочувствие.

Способность видеть радость, горе, умение «вчувствоваться» в переживания школьника, «сопечалиться и совеселиться ему» во многом зависит от характера складывающихся между педагогом и школьником эмпатийных отношений [2]. При этом предполагается, что учащийся выступает как субъект отношений. Если же он объект воздействия со стороны учителя, то тогда у него возникают трудности при формировании гуманных чувств: «со-чувствия», «со-радости», «со-страдания» [3]. Особенно важно педагогу проявлять эмпатическое отношение к ученику, в связи с тем, что дети нередко обладают поведенческими характеристиками, которые не всегда вызывают у окружающих доброе отношение к ребенку и способствуют его полному принятию. В этом случае ребенок может оказаться в ситуации «эмоционального вакуума», что отрицательно скажется на его личностном развитии. Важно, чтобы учитель не только сопереживал и сочувствовал ученику, но и воспитывал его своим эмпатическим отношением к нему.

К. Роджерс, проведя значительное по количеству участников исследование, следующим образом представил связь между высокоэмпатийным учителем и его учениками [4]:

1) меньше пропусков занятий в учебном году;

2) больше личностной автономности;

3) меньше физической и вербальной агрессии;

4) более развитая «Я–концепция», более позитивное самоуважение;

5) меньше дисциплинарных проблем;

6) более высокий интеллект и т. д.

При дефиците эмпатии в отношениях между учителем и учеником процесс психического личностного развития последнего затрудняется и искажается. Нарушение эмпатических отношений между ними приводит к образованию такого свойства личности, как тревожность, которая затрудняет проявление эмпатии в поведении. Трансформация феномена у педагога школьнику неизбежно связана с такими его характеристиками, как способность ставить себя на место другого человека, понимание намерений и настроений других, компетентность во взаимоотношениях с людьми, наблюдательность, способность предвидеть.

В целях эффективного развития эмпатии у студента – будущего педагога нами предпринята попытка выделить в ее структуре наиболее значимые компоненты. На наш взгляд, это, в первую очередь, формы эмпатии.

Основой деления на формы является классификация форм симпатии, введенная М. Шелером и описанная в работе Т. П. Гавриловой [5]. Шелер указывает на наличие высших и низших форм симпатии. К высшим он относит сопереживание – состояние слияния, идентификацию с переживаниями объекта и сочувствие – еще более высокую форму, истинную симпатию, при которой субъект симпатии, участвуя в переживания другого, сохраняет независимость и целостность собственных чувств. В дальнейшем, в определениях сопереживания и сочувствия, в частности у Т. П. Гавриловой, полностью сохраняется идея Шелера о разнонаправленности переживаний – на себя и на другого.

Исследователь называет наиболее типичными личностными формами эмпатии сопереживание и сочувствие. При этом автор под сопереживанием имеет в виду «переживание индивидом тех же чувств, что испытывает другой, но обратно это переживание на себя», то есть предметом переживаний является сам эмпат. Под сочувствием понимается переживание субъектом эмпатии «неблагополучия другого как такового, безотносительно к собственному благополучию».

Предметом сочувствия выступает другой человек – объект эмпатии. Отмечается, что сопереживая, соотнося наблюдаемую ситуацию со своим прошлым опытом, предвосхищая подобную возможность для себя и стараясь уйти от ситуации, избежать повторения нежелательных переживаний, сопереживающий склонен к эгоистически направленному поведению. Напротив, сочувствование является основой альтруистического поведения по отношению к другому человеку. Т. П. Гаврилова отмечает, что сочувствие является более поздней формой эмпатии и возникает в онтогенезе вслед за сопереживанием, когда эмоции приобретают осознанный и обоб-

щенный характер, становясь ведущей формой у зрелой личности [6].

Л. П. Стрелкова, отмечая несомненную теоретическую ценность исследования Т. П. Гавриловой, считает необоснованным отрыв сопереживания от сочувствия, ведущий за собой разрушение целостности эмпатического процесса, а также потерю позитивного значения сопереживания для зрелой личности. Описывая эмпатический процесс, Л. П. Стрелкова выделяет реальное содействие, которое, как и Т. П. Гаврилова, они выносят за пределы психологического феномена эмпатии как следствие [7].

Н. Н. Обозов, выделяя три формы эмпатии: понимание, сопереживание и соучастие – основывается на трехкомпонентной структуре эмпатии. Автор отмечает, что преобладание гностического компонента проявляется в точности и адекватности понимания состояния другого, доминирование аффективного компонента выражается в высокой эмоциональной вовлеченности в состояние другой личности – сопереживания. Преобладание поведенческого компонента ведет к соучастию, то есть не только пониманию состояния другого, но и к активной поддержке объекта эмпатии [8].

Таким образом, но современном уровне состояния проблемы основным расхождением в определении форм эмпатии является вопрос о включенности или невключенности содействия (соучастия, альтруистического акта и т. п.) в содержание понятия эмпатии, и соответственно, выделение его как формы. Неочевидность решения этой дилеммы состоит в том, что эмпатия не всегда заканчивается содействием, а если считать соучастие неотъемлемой частью эмпатии, то содержание значительно суживается.

При анализе феномена эмпатии исследователи выделяют такие ее характеристики, как устойчивость и избирательность.

Затрагивая тему устойчивости эмпатических переживаний, Т. П. Гаврилова подчеркивает, что можно лишь отмечать характерные для индивида тенденции. «Безусловно, устойчиво соучаствующий альтруист в каких-то ситуациях может занять эгоцентрическую позицию, а устойчиво сопереживающий – искренне сочувствовать». Отмечается, что устойчивая эмпатия характерна для сформировавшейся личности и в значительной мере отражает структуру личности индивида, в частности сформированность аффективно-потребностной сферы.

Поведение неустойчиво эмпатийных по отношению к объекту эмпатии характеризуется ситуативностью, неустойчивостью и в значительной степени определяется характером отношений с партнерами.

Мерфи в своей монографии отмечает, что устойчивость эмпатии напрямую связана с предыдущим опытом эмпатии и установкой на эмпатогенную ситуацию [9].

В связи с характером отношений субъекта и объекта эмпатии можно говорить о таком свойстве эмпатии, как избирательность. В работе Е. Либхарта экспериментально доказано, что эмпатические реакции чаще всего вызывают близкие родственники или хорошо знакомые люди [10]. Б. Баркет и С. Баркет уточняют, что если когнитивная и эмоциональная эмпатия возможна при любых типах отношений, то поведенческая характерна только для близких отношений. При этом отмечается роль социальных дистанций в возникновении и форме эмпатического акта [11].

Особо следует выделить функции эмпатического процесса, которые отечественные психологи связывают в большей степени с профессиональной деятельностью, где феномен выступает как один из основных факторов успешности деятельности педагога [12].

Е. А. Ичаловская полагала, что механизм протекания эмпатического процесса представляет собой сменяющие друг друга последовательности [13]:

1) восприятие «открытых переменных» объекта эмпатии;
2) расшифровка внешних сигналов;
3) присоединение к объекту эмпатии и чтение «скрытых переменных»;
4) децентрация субъекта эмпатии;
5) моделирование содействия объекту эмпатии;
6) выражение содействия.

Анализируя причины недооценки данного фактора в реальном педагогическом взаимодействии на основе обзора литературы, автор выделила два барьера, стоящих на пути учителя к эмпатическому пониманию ученика. Первый из них (внешний) базируется на том, что педагогический процесс отражает в миниатюре отношения в обществе в целом; и если в последнем еще сильны авторитарные тенденции, то достаточно сложно культивировать в отдельном педагогическом коллективе воспитание свободной личности [14]. Второй (внутренний) включает в себя два аспекта: индивидуальные особенности личности, не всегда способствующие пониманию и поддержке других, а также гистологические состояния (тревожность, стресс и т. д.), усугубляющиеся спецификой учительского труда.

Формирование эмпатии может быть реализовано в специальной программе психологической подготовки студентов. Целесообразность создания таких программ определяется также и тем, что стандартные учебные программы по психологическим дисциплинам предоставляют мало возможностей для проявления эмпатии и ее развития.

Исследователь Е. А. Ичаловская выявила причины низкой эффективности отдельных компонентов в структуре эмпатических проявлений в системе «учитель – ученик»: 1) незнание, включающее отсутствие психологических знаний; 2) неумение, проявляющееся в неосвоенности способов выполнения действий, обеспечивающих совокупность приобретенных знаний и навыков; 3) несформированность навыков, выражающаяся в отсутствии высокой степени освоения определенных действий, а также поэлементной сознательной регуляции и контроля; 4) неспособность, проявляющаяся в стойкости ошибок в поведении и в нежелании что-либо менять в данной ситуации.

Несмотря на то, что сензитивный период развития эмпатии приходится на детский возраст, необходимо развивать ее как профессиональное качество будущего педагога. Понятно, что школьники, став студентами, проявляют разные уровни эмпатии, что обусловлено предыдущими этапами их жизни. Однако мы говорим об эмпатии как о важнейшей профессиональной характеристике, требующей целенаправленного развития. Положительный результат можно получить, если ввести в практику преподавания психологии в вузе специализированные курсы и тренинги, направленные на эмпатическое взаимодействие субъектов педагогической деятельности. Практика написания выпускных квалификационных работ по данной проблеме показывает, что студенты, прошедшие специальную подготовку по развитию эмпатии, значительно лучше других понимают значимость эмпатии как профессионального качества.

Наряду с этим на начало эксперимента студенты I и V курсов педагогических специальностей в количестве 180 человек показали следующие результаты:

1. Студенты и I и V курсов имеют представление о необходимых качествах учителя как человека, работающего с людьми.

2. Студенты I и V курсов по-разному определяют профессионально значимые качества. I курс на первые места ставит общечеловеческие качества, V курс выделяет профессионально значимые качества.

3. Эмпатия была определена как значимое качество у студентов I и V курсов. Только по степени значимости у первокурсников оно стоит на втором месте – 47%, однако 10,8% поставили это качество на первое место как очень важное. Студенты V курса эмпатию поставили на третье место – 24% и 6% поставили это качество на первое место.

4. У студентов V курса за период обучения изменилось представление о профессионально значимых, важных качествах педагога.

Анализ результатов методики В. В. Бойко позволяет сделать следующие выводы. Для большинства членов обеих экспериментальных групп характерно такое качество, как эмпатия. Высоким уровнем эмпатии обладают 4% испытуемых I курса, и не обладает никто среди испытуемых V курса. Люди с высоким уровнем эмпатии в общении тонко реагируют на настроение собеседника. Люди охотно доверяют им свои тайны и идут за советом. Нередко испытывают комплекс вины, опасаясь причинить людям хлопоты.

Средним уровнем эмпатии обладают 48% испытуемых первокурсников и 43% испытуемых пятикурсников. Люди с данным уровнем эмпатии чувствительны к вопросам и проблемам окружающих, великодушны, склонны многое прощать. Они с неподдельным интересом относятся к людям. Люди со средним уровнем эмпатии умеют не допускать создания конфликтных ситуаций.

Достаточно большой процент испытуемых обеих экспериментальных групп обладают заниженным уровнем эмпатии. Среди первокурсников это 46%, среди пятикурсников – 47%. Такие испытуемые, скорее всего, испытывают затруднения в установлении контакта с людьми. Окружающих они больше ценят за деловые качества, нежели за чуткость и отзывчивость. Людям с заниженной эмпатией трудно найти смысл и понять эмоциональные проявления в поступках окружающих.

Очень низкий уровень эмпатии у 2% испытуемых первокурсников и у 10% испытуемых пятикурсников. У таких людей эмпатийные тенденции личности не развиты. Они затрудняются первыми начать разговор. Во многом не находят взаимопонимания с окружающими. В деятельности слишком центрированы на себе. Могут быть более продуктивными в индивидуальной работе. С иронией относятся к сентиментальным проявлениям.

Таким образом, можно сделать вывод, что в процессе обучения к V курсу у студентов снижается уровень эмпатии и у большинства он становится заниженным, и это положение требует решения.

В структуре эмпатии, среди студентов I и V курсов, наиболее значимыми являются установки, способствующие эмпатии. К таким установкам личности относят любопытство к другим, эмоциональное отношение и переживание к проблемам окружающих. Эти установки считаются социально приемлемыми и одобряемыми, но являются скорее значимыми, чем личностно принятыми.

Далее идут различия. Для испытуемых I курса важным и значительным является также и канал «идентификация» – это умение понять другого на основе сопереживаний, постановки себя на место партнера. Для испытуемых же пятикурсников следующим важным и значимым является эмоциональный канал эмпатии, который выявляет

способность входить в эмоциональный резонанс с окружающими, сопереживать, сочувствовать.

Менее значимыми каналами эмпатии для испытуемых и первого и пятого курсов являются проникающая способность и интуиция. Проникающая способность – свойство человека, позволяющее создавать атмосферу открытости, доверительности, задушевности. Интуитивный канал эмпатии свидетельствует о способности видеть поведение партнеров, действовать в условиях дефицита исходной информации о них, опираясь на опыт, хранящийся в подсознании. Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что в большинстве своем у испытуемых обеих экспериментальных групп наблюдаются эмпатические тенденции. Но эти тенденции скорее рационально знаемы, социально «навязаны», чем безусловно приняты личностью испытуемых.

Объективная причина этого факта в том, то процесс обучения в вузе в основном ориентирован на интеллектуальную сторону, а не на развитие эмоциональной стороны личности. Субъективной причиной снижения уровня эмпатии является то, что студенты, зная о необходимости наличия эмпатии как важного профессионального качества педагога, не руководствуются на практике своими знаниями.

Итак, бесспорно, эмпатия является важным профессиональным качеством педагога, чья деятельность непосредственно связана с другими людьми. За время обучения в вузе у студентов должна быть сформирована направленность на учащихся. Однако без должного уровня теоретической и практической подготовки студента предмет его познания не будет восприниматься как значимый.

Примечания

1. *Юсупов, И. М.* Психология эмпатии (Теоретические и прикладные аспекты) [Текст] : дис. ... д-ра психол. наук / И. М. Юсупов. СПб., 1995. 252 с.

2. *Бодалёв, А. А.* Психология о личности [Текст] / А. А. Бодалёв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 188 с.

3. *Гаврилова, Т. П.* О воспитании нравственных чувств [Текст] / Т. П. Гаврилова. М.: Знание, 1984. 80 с.

4. *Гиппенрейтер, Ю. Б.* Феномен конгруэнтной эмпатии [Текст] / Ю. Б. Гиппенрейтер, Т. Д. Корякина, Е. И. Козлова // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 61-68.

5. *Гаврилова, Т. П.* Понятие эмпатии в зарубежной психологии [Текст] / Т. П. Гаврилова // Вопросы психологии. 1975. № 24. С. 147-155.

6. *Гаврилова, Т. П.* Анализ эмпатийных переживаний младших школьников и младших подростков [Текст] / Т. П. Гаврилова // Психология межличностного познания / отв. ред. А. А. Бодалёв. М., 1981. С. 122-139.

7. *Стрелкова, Л. П.* Психологические особенности развития эмпатии у дошкольников [Текст] : дис. ... канд. психол. наук / Л. П. Стрелкова. М., 1987. 218 с.

8. *Обозов, Н. Н.* Межличностные отношения [Текст] / Н. Н. Обозов. Л., 1979. 151 с.

9. *Murphy, L. B.* Social behavior and child personality: an exploratory study some roots of sympathy [Text] / L. B. Murphy. N.Y.: Colombia Univ. Prees, 1937.

10. *Liebhart, E. H.* Empathy and emergency helping: the effect of personality self concern and acquaintance [Text] / E. H. Liebhart // Sourn. of experim. Soc. Psyghol. 1972. Vol. 8. № 5.

11. *Barcat, B.* Empathy [Text] / B. Barcat, C. Barcat // The Encyclopedis of Psychology: New and updated. Guilford (conn). DPG, 1981. P. 99.

12. *Борисенко, С. Б.* Методы формирования и диагностики эмпатии учителей [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. наук / С. Б. Борисенко. Л., 1998. 14 с.

13. *Ичаловская, Е. А.* Развитие эмпатических способностей педагогов, работающих с творчески одаренными учащимися [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е. А. Ичаловская. Ростов-н/Д., 1999. 15 с.

14. *Орлов, А. Б.* Феномен эмпатии и конгруэнтности [Текст] / А. Б. Орлов, М. А. Хазанова // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 68-73.

Л. А. Мосунова

ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ ПОЛНОЦЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ ИСКУССТВА В ОБЛАСТИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

В статье ставится задача проанализировать и обобщить подходы к проблеме развития полноценного восприятия искусства в области эстетического воспитания. Рассматриваются идеи, разработанные в теории и реализованные на практике представителями смежных областей культуры: искусства и художественно-эстетического воспитания. Первый источник идей – работы ученых, исследовавших особенности художественного восприятия. Второй источник – труды выдающихся деятелей музыки и живописи.

Всегда требуют, чтобы искусство было понятно, но никогда не требуют приспособить свою голову к пониманию.
Казимир Малевич

Не всякий контакт человека с художественным произведением приводит к воздействию искусства на личность, взаимодействие не происходит автоматически. В процессе обучения важны условия, при которых полноценное восприятие будет иметь место в действительности. Нас интересуют принципы обучения, помогающие «приспособить голову» учащегося к пониманию искусства. В решении этой задачи проявятся возможности личностно ориентированного подхода к обучению, ибо художественное познание невозможно без участия личностных смыслов: люди

МОСУНОВА Людмила Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой издательского дела и редактирования ВятГГУ
© Мосунова Л. А., 2005

воспринимают в произведениях искусства лишь то, что лично им важно и значимо, имеет для них смысл.

К проблеме развития адекватного восприятия искусства в разное время с разных сторон обращались и деятели искусств, и ученые – педагоги, психологи, методисты. Все они исходили из того, что способность к полноценному художественному восприятию не является элементарной и прирожденной, что эту способность нужно и можно развивать. Ярче других эту мысль в связи с искусством музыки выразил Б. В. Асафьев: «Как в естествознании нельзя ограничиться прирожденным каждому человеку чувством природы, так и в музыке нельзя базироваться только на врожденных реакциях» [1, с. 30]. Задачу совершенствования эстетического воспитания молодого поколения поднимали в своих работах Д. Б. Кабалевский, Б. В. Асафьев (И. Глебов), Б. М. Неменский, Э. Б. Абдуллин, Т. Е. Вендрова, Е. Д. Критская, А. Г. Крыганова, Л. М. Предтеченская, Г. С. Тарасов, А. Е. Трушин, Л. В. Школяр (музыка и живопись); Г. И. Беленький, Я. С. Билинкис, О. Ю. Богданова, В. В. Голубков, Л. Я. Гришина, Г. А. Гуковский, Н. А. Дмитриева, А. М. Докусов, Л. Г. Жабицкая, Н. В. Колокольцев, Н. О. Корст, Г. Н. Кудина, Н. И. Кудряшев, В. Г. Маранцман, А. А. Мелик-Пашаев, Н. Я. Мещерякова, Н. Д. Молдавская, О. И. Никифорова, З. Н. Новлянская, З. И. Романовская, Н. Н. Светловская, М. А. Снежневская, Т. В. Чирковская, В. П. Ягункова, П. М. Якобсон (литература). Фундаментальные идеи, воплощенные в их трудах, звучат современно и сегодня. Это мысли о единстве воспитания и обучения; об интересе к предмету; об индивидуализации и дифференциации обучения и др. Выделим ряд авторов, идеи которых составили основу понимания того, как следует развивать в молодом поколении способность к полноценному художественному восприятию.

Первым системным подходом к проблеме развития полноценного восприятия искусства в 20-е гг. прошлого века стал подход Б. В. Асафьева и его школы. Трудно переоценить вклад Асафьева – выдающегося музыковеда, композитора, педагога, академика – в осмысление этой проблемы.

Направленность на воспитание активного, осознанного восприятия музыки является главной характеристикой его трудов с точки зрения представителей самого этого подхода и с точки зрения современных концепций эстетического воспитания. Осознанное восприятие, по Асафьеву, – это путь от потребления искусства к сотворчеству, соучастию в его бытии: «Необходимо во что бы то ни стало стремиться вызвать тот или иной вид участия в исполняемом сочинении, то есть переводить статическое поглощение музыки в сознательное усвоение (отнюдь не в смысле профессионально-технического анализа)». Ученый характеризует путь продвижения к сотворчеству, указывая на динамику этого движения и определяя содержание каждой ступени: «От пассивного слушания к осознанному восприятию и к активному участию в работе над музыкальным материалом. Это путь от самоуслаждения к самодеятельности. Таким образом, к организованному наблюдению музыкальных явлений придется идти посредством “слушания музыки” и осознания воспринятого. Слушания не в узком смысле “прослушивания” исполняемого в классе, а планомерного восприятия самой музыки и сведений о музыке» [2, с. 66].

Асафьев, крупнейший теоретик в области музыки, обладал не только полным представлением об осознанном музыкальном восприятии, но и раскрыл его механизм. Этот механизм заключается, мы бы сказали, в структурно-функциональном проектировании звучания, в предчувствии и предвосхищении голосов и гармоний. По Асафьеву, чутье возможного направления движения на основании данных соотношений глубоко присуще музыкальному сознанию. Привычка устанавливать связь между организующими звучание элементами и контролировать логическое продвижение голосов и гармоний, в их взаимодействии и сопряженности, вырабатывает инстинктивное стремление к обобщению происходящих явлений и предвидению последствий. На этом основаны факты предчувствия и предвосхищения, присущие людям музыкально-художественной организации [1, с. 18-19].

Понимание Асафьевым механизмов осознанного музыкального восприятия во многом близко современным концепциям чтения художественных тестов. Их авторы (Ю. М. Лотман, Р. Р. Каракозов, Н. Н. Светловская, О. В. Чиндилова и др.) полагают, что «механизм достраивания целого – предвосхищения смысла художественного сообщения – всегда в той или иной мере присущ акту чтения и обусловливает его целостный характер». Фактор предвидения может быть объяснен семиотическим представлением о художественном тексте как о последовательности событий, диктуемых логикой выбора, и имеющем карту логических возможностей [3, с. 125].

Другой важной характеристикой подхода Асафьева является признание незаменимой роли собственно ученического творчества. Согласно представлениям Асафьева, самостоятельная творческая деятельность, самодеятельность способствует развитию настоящего понимания музыки. «Каждый, кто хоть немного ощутил в какой-либо сфере искусства радость творчества, будет в состоянии воспринимать и ценить все хорошее, что де-

лается в этой сфере, и с большей интенсивностью, чем тот, кто только пассивно воспринимает» [2, с. 92]. Чтобы понять чужое музыкальное произведение, учащийся должен попытаться сочинять сам. Творческая деятельность способна пробудить и поддерживать в учащихся глубокий интерес к занятиям музыкой, являться ее внутренним мотивом: «Единственным выходом, по существу оздоровляющим музыкальный детский инстинкт, является вызывание [подчеркнуто Асафьевым. – *Л. М.*] творческого дара: способности изобретения и комбинирования материала» [2, с. 91]. Асафьев уточнял, что речь идет только о вызывании творческого музыкального инстинкта, который есть у большего числа людей, чем это думают, что речь не идет о подготовке композиторов.

Третий содержательный аспект системы Асафьева связан с функцией преподавателя – посредника между искусством и учащимся. В работах Асафьева мы встречаемся с фундаментальной идеей об особой, психологической, готовности педагогов к приобщению учеников к искусству. Это утверждение требует комментариев в связи с тем, что в то время понятие «психологическая готовность» еще не стало полноправным научным термином. Сегодня готовность рассматривается как фундаментальное условие успешного выполнения любой деятельности. Психологическая готовность, по Асафьеву, заключается в том, что преподаватель обладает умениями воздействия на глубинные, сугубо личностные психические процессы. Он должен уметь управлять восприятием, уметь ввести подопечных в область смыслов, создавая для этого необходимые условия, быть педагогом-психологом. Асафьев называет такого педагога-психолога «индуктором», человеком, «умеющим навести». Трудность проблемы развития полноценного эстетического восприятия во многом определяется тем, что преподаватели такой психологической готовностью не обладают. Не утратила актуальности мысль, высказанная Асафьевым 80 лет назад: «В этом-то и ужас положения музыки в общеобразовательных школах, что мы имеем “об’учателей” хоровому пению, игре на рояле, на скрипке, иногда историков-биографов, иногда даже квалифицированных теоретиков, но не имеем за редким исключением музыкального педагога-инструктора – психолога-руководителя (я бы сказал “индуктора”, человека, умеющего навести), художественно чуткого» [1, с. 28]. Выдвинутый Асафьевым взгляд на музыкальное образование как на воспитание, как на процесс, в центре которого личность учащегося, а не предмет обучения, стал еще одним отличительным признаком системы школы Асафьева.

Наконец, Асафьев связывал развитие адекватного музыкального восприятия с представлениями о специфике изучения искусства в школе. Он подчеркивал специфический характер предметов эстетического цикла, отличающий их от большинства школьных дисциплин. Взгляд на музыку как на предмет школьного обучения вынуждал его настойчиво повторять: музыка – искусство, то есть некое явление в мире, творимое человеком, а не научная дисциплина, которой учатся и которую изучают [1, с. 9]. Будучи крупным специалистом в области образования, он четко определял конкретные предметы в сфере музыкального искусства, которые могут быть «изучены»: «Означает ли это, что мы отрицаем важность изучения музыки, то есть овладения основами музыкальной теории и истории, практическими навыками музыкального исполнительства? Такое предположение не имело бы под собой решительно никакой почвы» [1, с. 27]. Но целостное постижение музыки как искусства, по Асафьеву, полностью находится в сфере развития восприятия.

Сложность проблемы обусловила внешне противоречивый характер некоторых положений ученого. Здесь мы будто бы сталкиваемся с взаимоисключающими позициями. С одной стороны, Асафьев подчеркивал особый характер эстетического восприятия, не зависящий от интеллектуальных усилий: «Всякое пояснение извне, как бы совершенно оно ни было, раскрывает значение технических терминов, уясняет смысл той или иной формы, но оно не в силах дать понимание музыки, исходящее не от сухого анализа средств воплощения, а от живого ощущения и непосредственного вчувствования» [2, с. 18-19]. Исходя из этого, он утверждал, что подлинное понимание музыки достигается только эмпирическим путем. Личное участие в воспроизведении развивает эти свойства, ибо «нельзя воспринять всем существом, а не рассудком только, творческих достижений, если хоть на миг, на малый момент жизни не почувствовать себя творцом или соучастником – носителем и воплотителем чьих-либо творческих замыслов, то есть исполнителем» [там же]. С другой стороны, он полагал, что «не следует отказываться от утверждения интеллектуального начала в музыкальном творчестве и восприятии. Слушая, мы не только чувствуем или испытываем те или иные состояния, но и дифференцируем воспринимаемый материал, производим отбор, оцениваем, следовательно, мыслим» [1, с. 26]. Воплощением этой идеи является понятие индукции, ставшее одним из центральных в подходе Асафьева. «В основе приобщения к музыке должна лежать индукция: как в отношении подготовки восприятия необходимейшей терминологии (термин как неизбежное обобщение предшествующих наблюдений или опытов), так и в отношении выработки вкуса и художественной оценки» [1, с. 30]. Тем самым

открывался теоретический путь художественного познания. Нам думается, что Асафьев обладал цельным представлением о специфике музыкального восприятия. Высказывания его отражают, скорее, различные грани, которыми поворачивается проблема развития полноценного восприятия в тех или иных контекстах.

Вторая большая группа теоретических подходов, к рассмотрению которых мы обратимся, базируется на понимании полноценного восприятия искусства как восприятия смыслового. Здесь авторы исходят из ключевого положения о том, что художественное развитие учащихся не сводится к развитию только их «технических» эстетических способностей. В этих подходах отличительной чертой процесса развития адекватного восприятия является идея обучения смысловому пониманию эстетического явления. Говорится о восприятии объекта искусства как носителя определенных общечеловеческих смыслов и ценностей. Приведенное ниже высказывание характеризует то общее, что объединяет эти подходы и что отличает их от первой группы идей, рассмотренных выше: «Главным в музыке всегда остается человек – его мысли, его чувства, его отношение к окружающему миру» [4, с. 123].

Разделяющие эту общую позицию авторы разворачивают не менее широкий спектр конкретных представлений о развитии восприятия, чем теория Б. В. Асафьева, рассматривающего это развитие в русле идей самодеятельности, собственного творчества. Условно «рассортировать» эти подходы в целях удобства анализа нам помогает выдвинутое Д. А. Леонтьевым положение о факторах, детерминирующих процессы взаимодействия личности с произведением искусства. Перечислим их: групповые нормы и ценности; ценностно-смысловая организация личности; уровень художественной компетентности; культурный фон; потребности; ситуация [5, с. 118]. Отталкиваясь от этой классификации, мы считаем удобным разделить анализируемые нами подходы на 4 группы: а) развитие ценностно-смысловой сферы; б) повышение уровня художественной компетентности и общей культуры; в) развитие эстетических потребностей; г) создание позитивного эмоционального фона.

Теоретическая основа исследований «выращивания» (термин Л. С. Выготского) адекватного восприятия искусства под углом развития смыслового восприятия была заложена в 60–70-е гг. XX в. авторами, не пользовавшимися понятием «смысловое восприятие». Главная роль в этом принадлежит Д. Б. Кабалевскому, заложившему идейные основы музыкального воспитания. Он описывал интересующие нас явления в терминах развития духовного мира личности, нравственного воспитания, влияния на «натуру» человека. Композитор полагал, что любое искусство, независимо от его жанра и характера, влияет на духовный мир человека, а не только на его эстетический вкус. Конкретизируя идеи относительно музыки, он подчеркивал необходимость понимания ее развивающей функции в становлении личности. «Главной задачей массового музыкального воспитания в общеобразовательной школе является не столько обучение музыке само по себе, сколько воздействие через музыку на весь духовный мир учащихся, прежде всего на их нравственность» [6, с. 28]. В современной терминологии духовный мир человека представляют его смыслы и ценности. Справедливо полагать, что речь идет о задаче формирования ценностно-смысловой сферы личности.

Кабалевский в теоретической работе «Прекрасное пробуждает доброе», как ранее Асафьев, поднимает вопрос изучения искусства в школе как проблему, которая занимает важное место в развитии личности. Констатируя известный факт, что задачи эстетического воспитания сводятся к ознакомлению учащихся с искусством, к приобретению ими элементарных познаний и навыков, подменяются задачами художественного образования, Кабалевский называет это серьезной ошибкой. Эстетическое воспитание не ограничивается художественным образованием. Учащиеся обязаны получать в школе эстетические знания и приобретать художественные умения, но это, по Кабалевскому, не главное. Искусство – сугубо иная, нежели наука, часть духовной культуры человечества, обладающая специфичностью своего познания. Единственный путь художественного познания – полноценное, адекватное восприятие произведений искусства. Такому восприятию нельзя обучить, как учат стандартным действиям и операциям. Адекватное восприятие художественных произведений можно только воспитать, «вырастить» [7, с. 246].

В другой своей работе Кабалевский формулирует стратегическое условие «выращивания» полноценного восприятия музыки. Слушатель, если он хочет по-настоящему услышать музыку, должен отдать ей все силы своей души, сердца и ума. В этом контексте Кабалевский описывает эффект взаимодействия с искусством так: «Одно из самых чудесных свойств музыки, как и всякого искусства, состоит в том, что, чем больше душевных сил мы ей отдаем, тем больше новых сил в ней черпаем. А невнимательное, незаинтересованное слушание музыки, точно так же, как невнимательное, незаинтересованное чтение книг или рассматривание картин, только утомляет нас, отбирает наши силы, а взамен ровно ничего не дает, разве что вызывает пагубное заблуждение, будто бы скучно все это, непонятно и неинтересно» [4, с. 9]. Чтобы быть хорошим слушателем,

человек тоже должен учиться, хотя, конечно, по-другому, чем учатся композитор и исполнитель. Источником реализации этого стратегического условия, по Кабалевскому, выступает познавательная потребность. Фактически полноценный характер общения с искусством оказывается оборотной стороной этой потребности, однозначно указывая на ее наличие. Главное, что тут требуется, – это желание, интерес, стремление узнать что-то новое, неизведанное. В этом случае восприятие искусства есть не что иное как прямое средство к удовлетворению потребности.

Выражаемые Кабалевским идеи подчеркивают зависимость полноценного восприятия искусства от развития духовных потребностей учащихся, расширения их духовного опыта. С развитием восприятия пробуждаются не только эстетические потребности личности. Актуализируются духовные и практические способности, жизненный опыт, кристаллизованный в Я. Акт художественного восприятия становится актом познания смысла произведения, того его «общечеловеческого музыкального языка, который, не нуждаясь ни в каких переводах, понятен людям всех национальностей» [4, с. 191].

Много общего с представлениями Кабалевского имеют взгляды выдающегося советского художника, ученого и педагога Б. М. Неменского, разрабатывавшего практически одновременно подходы к развитию восприятия изобразительного искусства. В книге «Распахни окно: Мысли художника об эстетическом воспитании» автор строит систему эстетического воспитания на предмете изобразительного искусства. Он подразделяет элементы системы на общие и специфичные. Среди общих элементов системы эстетического воспитания Неменского мы выделяем представления об универсальной задаче искусства; о специфике психологического воздействия искусства на личность; о диалогическом характере искусства; о сущности предметов эстетического цикла. Как и у Кабалевского, речь идет о развитии личностного, смыслового восприятия искусства. По Неменскому, смыслом существования подлинного искусства всегда было не самоусовершенствование, а осмысление жизни, раскрытие ее сути, донесение этих открытий до каждого [8, с. 53]. Специфичные элементы системы Неменского мы подразделяем на представления о языке изобразительного искусства и о механизмах развития его полноценного восприятия. Последние играют особенно важную роль в развитии личности за счет обогащения и дифференциации ее смысловых структур.

Сравнивая подходы Кабалевского и Неменского к развитию адекватного восприятия искусства, мы видим, что между ними существует большое сходство в понимании назначения предметов эстетического цикла. Главное заключается в том, что в центр обучения оба деятеля ставят ученика, а целью обучения считают воздействие через искусство на духовный мир учащихся. Неменский активно использует понятие развития личности в том значении, которое позволяет нам без колебаний отнести его педагогическую систему к личностно ориентированному подходу. По Неменскому, в предметах эстетического цикла задача развития личности как неповторимой человеческой индивидуальности составляет самую суть дела. Здесь заложены огромные возможности развития индивидуальности ребенка. Без развития индивидуальности невозможно и развитие творческих возможностей личности [8, с. 153].

Философская позиция Неменского, которую он обозначает словами «радость жизни», сводится к следующим положениям. Восприятие произведений искусства должно обязательно сопровождаться чувством радости, вызывать переживание наслаждения, удовольствия. В процессе обучения искусству мы часто забываем эту цель – радость жизни. Забываем, что понимать, постигать красоту как жизни, так и искусства невозможно без переживания наслаждения от этого процесса [8, с. 132]. Развитие эстетических потребностей заключается в развитии, обогащении, расширении положительного эмоционального фона, на котором происходит восприятие произведений искусства или процесс собственного творчества. «Радость творчества имеет огромное воспитательное значение. Именно она, а не само произведение является здесь педагогической целью. Эта радость, если она повторяется, превращается в прочное чувство, у ребенка возникает потребность испытывать ее чаще. И эта потребность – испытывать радость творчества – потом будет проявляться во всех занятиях, во всех видах деятельности. Важно вызвать это чувство и закрепить его как одно из основных, определяющих качеств личности – закрепить через занятия искусством, трудом, наукой» [8, с. 153]. Художник указывал на определяющую роль положительных эмоций в эстетическом воспитании, ссылаясь при этом на мировой опыт и описывая один из традиционных в Японии способов воспитания у детей утонченного художественного восприятия. Это «любование» – поэтапное развитие эстетической чуткости в восприятии мира, способности к его эстетической оценке. «Любование» связано с пробуждением положительных эмоций, с созданием радостного, позитивного эмоционального фона при встрече с прекрасным.

Неменский утверждал, что задачей искусства является раскрытие нового в духовной жизни человека и общества, в развитии моральных, эстетических критериев современности. Он связы-

вал универсальную задачу искусства с вневременной задачей всякой художественной деятельности: «Художники-современники открывают не вечные истины, но сегодняшнее их лицо» [8, с. 49]. Эта задача превращает художника, по Неменскому, в то, чем он должен быть: в тончайший инструмент самопознания и самосовершенствования души народа. Согласно концепции Неменского, специфика психологического воздействия искусства на личность связана с ощущением законов искусства настоящим художником. Суть этих законов автор формулирует следующим образом: «Заглянуть в душу человека. И не просто заглянуть, а внести в нее частицу своего художнического “я”, своего видения жизни. Подлинный художник всегда несет через свое творчество в чужие души крупицы открытий» [8, с. 48]. Искусство, транслируя зафиксированные в социальном опыте человечества смыслы и ценности, конституирует бытие личностных смыслов. Оно помогает пережить все, выпадающее на долю человека, достойным образом, обогащает многовековым опытом человеческих переживаний.

Однако источником, приобщающим индивида к общечеловеческому опыту, искусство становится лишь при условии достижения полноценного сопереживания художественному образу. Человеческий опыт, заложенный в искусстве, – осмысленный художником жизненный опыт его поколения. Нашим достоянием он становится не просто в результате познания фактов, логики мыслей и пересказываемых нам художником чувств, а как *сопереживание*, как наш собственный опыт. Именно такое воздействие искусства формирует душу, обогащает личный опыт опытом человечества. Но это не происходит само собой. Личностные смыслы открываются субъекту в процессе внутренней работы сознания, которую Неменский описывает как проникновение в суть, в смысл произведения. Проникновению препятствуют ложные психологические установки реципиента, внимание которого приковано не к сути, а к форме: «В первую очередь смотрят на то, как “сделана” картина, как выполнена. Даже профессионалы часто бывают так увлечены анализом зримой формы, что с большим трудом проникают через нее к мысли и чувствам, к сути произведения, к тому, что поэт Новелла Матвеева назвала “душой вещей”» [8, с. 49-50]. Неменский отмечает отсутствие психологической культуры восприятия, что затрудняет задачу воздействия искусства на сознание, замедляет процесс приобщения личности к общечеловеческим ценностям.

Усиление интереса к специфике воздействия искусства на личность сочеталось в работах Неменского с глубоким пониманием диалогической природы искусства. Неменский опирался на положение М. М. Бахтина о том, что «произведение, как и реплика диалога, установлено на ответ другого, на его активное ответное понимание» [9, с. 445]. Он внес много нового в разработку представлений о восприятии как общении. В контексте этой системы представлений восприятие рассматривается им как форма общения зрителя с автором, опосредованного художественным произведением, что сближает психологическую ситуацию художественного восприятия с психологической ситуацией диалога. «Искусство рождается как диалог. Все разговоры, что художник пишет только для себя, что это только потребность самовыражения, не думая, не рассчитывая на собеседника, в лучшем случае самообман, в худшем – демагогия. Художник и зритель – это не разное, а единое и неразрывное. Это две стороны единого и неделимого явления, называемого искусством. Так было всегда. Не было, быть не могло ни одного художника, который не мечтал бы, не стремился донести свои, даже малые, находки до людей и почувствовать, что понят ими, принят ими. Мысли, чувства, память зрителя – та среда, в которой картина, симфония, поэма, любое произведение искусства живы. Иначе их как бы и нет. Они как бы мертвы, как семя» [8, с. 43].

Чтобы понять художественное произведение, нужно уметь «общаться диалогически» (термин Бахтина). Задача педагога состоит в том, чтобы подготовить учащихся к общению с произведением. Понимание основывается на знании языка искусства, общего для творца и реципиента. Неменскому близок семиотический взгляд на искусство как на особый язык, выработанный и развитый человечеством за тысячелетия своего существования. Как всякий язык, он создан для передачи человеческого опыта, который невозможно передать иным путем. Языком образов можно сказать то, что недоступно языку научных формул и логических доказательств [8, с. 62]. Однако проблема заключается в том, что этот язык для большинства навсегда остается чужим.

Пафос Неменского направлен на утверждение идеи взаимодействия, на отказ от практики отношения к произведению искусства как готовому продукту. В системе эстетического воспитания он отводил особое место формированию диалогической позиции воспринимающего. Вслед за Бахтиным, Лотманом, Мамардашвили и другими авторами, он настоятельно подчеркивал важность установки реципиента на диалог. «Это хорошо, то плохо, говорим мы в полном убеждении, что наше отношение к художникам заключает в себе главным образом оценку их достоинств, и, заметьте, преимущественно технических, – цитирует Неменский заметки Гаршина о художественных выставках. – Мы не можем по-

нять, что нашего мнения о технических вопросах никто не спрашивает, что художник сам всегда знает, что у него в технике слабо, а что хорошо. Он не просит у нас отметки за рисунок, письмо, колорит и перспективу. Ему хотелось бы заглянуть в нашу душу. И увидеть то настоящее, что мы так упорно скрываем, то впечатление, на которое он рассчитывал всей своей работой, не думая о контурах и колоритах, наше отношение к нему как нехудожника к художнику, ибо *художник менее всего пишет для художников и присяжных критиков, а только для себя (в смысле потребности и удовлетворения ее) и для толпы* [выделено нами. – *Л. М.*]» [8, с. 47].

Подчеркнутая нами мысль перекликается с суждением М. М. Бахтина, который отмечал, что «автор, создавая свое произведение, не предназначает его для литературоведа и не предполагает специфического литературоведческого понимания, не стремится создать коллектива литературоведов» [9, с. 529]. Попытка усовершенствовать эстетическое образование за счет обучения искусствоведческим методам анализа произведения не дает результата. Не учитывается фундаментальный факт, согласно которому художественное восприятие как деятельность по своему психологическому содержанию и структуре не совпадает с деятельностью искусствоведческой. В этом отношении имеет смысл глубокое восприятие произведения. Истоки развития восприятия следует искать в воспитании отзывчивости к художественному миру, потребности и способности к постоянному общению с искусством.

Несмотря на сходство взглядов Кабалевского и Неменского, которое уже отмечалось нами, между ними существовало отличие, касающееся специфических способов повышения уровня художественной компетенции, обусловленных видами искусства. Ратуя за истину, что предмет всех искусств – человеческие отношения, желания, чувства и мысли, Неменский строго следовал положению о том, что каждое искусство имеет свою специфику и в силу этого свою тропинку в душу человека и свой аспект в духовном поиске человечества. Не уделяя специально внимания всем вопросам специфики художественного восприятия, обратим внимание на один важный момент, необходимый для понимания сути его развития. Здесь важно осознать опосредованный характер восприятия искусства как высшего психического процесса. Многие авторы подчеркивают, что восприятие произведений искусства – это процесс, обусловленный сложной аналитико-синтетической работой нашего сознания. Развитие интегративной художественно-эстетической, интеллектуально-эмоциональной, духовно-нравственной и т. д. деятельности несводимо к развитию только физических составляющих данного процесса: «Можно обладать замечательно отлаженным аппаратом слышания музыкально-звуковых сочетаний, их чистоты и гармонии, однако это еще не гарантирует полноценного художественного восприятия музыки» [10, с. 55]. Добавим: можно обладать исключительно острым зрением, различающим тончайшие оттенки цвета, и не «видеть» картины; можно владеть техническими навыками чтения и не уметь читать литературные произведения.

Неменский, анализируя опыт Японии по развитию у детей восприятия цвета, подчеркивал, что это не имеет ничего общего с развитием технических возможностей зрения, а является развитием мозга, ассоциативных форм мышления. Обращаясь к японской системе эстетического воспитания, где стержневой линией является цветовая дистрибуция [лат. distributus – разделенный, распределенный] – умение тонко различать и выстраивать, соотносить цвета, он указывал на роль психологии в ее развитии. «В Японии действует цветовая система “Ироритай”, обязательная для применения на любом производстве. Закон требует соблюдения этой системы. На основе ее Институт цветоведения разработал систему на 240 цветов, которые все школьники обязаны знать. К 7-му классу различительные способности глаза каждого ребенка должны быть доведены до этого уровня. В основу “Ироритай” положены не физические аспекты цвета, а его психологические звучания. Отсюда, кроме работы с “чистым” цветом, постоянно ведется работа с осмыслением его психологического звучания в связи с конкретным материалом, предметом, жизненной ситуацией» [8, с. 130-131]. Японские педагоги помогают школьникам открыть личностный смысл в «звучании» каждого цвета.

Развитие взглядов Асафьева, Кабалевского и Неменского в работах других авторов было связано с расширением понятийного контекста, определяющего условия воспитания полноценного восприятия. Расширение контекста шло за счет понятий культуры, ценностей, личностного смысла, которые встали рядом с понятиями потребностей, интересов, творчества, диалога.

В данной статье мы ставили задачу выяснить условия, принципы и методы, детерминирующие, по мнению специалистов в области художественного воспитания, развитие в молодом поколении подлинного восприятия искусства. Нас интересовали подходы, помогающие «приспособить голову» учащегося к настоящему пониманию искусства. Сформулируем выработанное нами в итоге решения этой задачи ***представление о развитии полноценного художественного восприятия. Эстетическое восприятие не является врожденным и зависит от многих факторов, среди которых важнейшими выступают личностные: общая культура, интересы, ценности. Подлинное восприятие искусства можно развивать. Почвой для «выращивания» полноценного вос-***

приятия является потребность в общении с искусством, которая пробуждается вследствие переживания чувства радости, наслаждения от соприкосновения с прекрасным и усиливается в процессе сотворчества. Глубина сотворчества в свою очередь определяется уровнем художественной компетентности личности. Представление позволяет выделить ***принцип активного и осознанного взаимодействия с произведением искусства*** как основополагающее условие его глубинного, смыслового восприятия.

Примечания

1. *Асафьев, Б. В.* Музыка в современной общеобразовательной школе [Текст] / Б. В. Асафьев // Вопросы музыки в школе. Л., 1926.

2. *Асафьев, Б. В.* Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании [Текст] / Б. В. Асафьев. Л., 1973.

3. *Каракозов, Р. Р.* Процесс смыслообразования при чтении художественной литературы [Текст] / Р. Р. Каракозов // Вопросы психологии. 1987. № 2.

4. *Кабалевский, Д. Б.* Про трех китов и про многое другое [Текст] / Д. Б. Кабалевский. М., 1976.

5. *Леонтьев, Д. А.* Произведение искусства и личность: психологическая структура взаимодействия [Текст] / Д. А. Леонтьев // Художественное творчество и психология. М., 1991.

6. *Кабалевский, Д. Б.* Идейные основы музыкального воспитания в Советском Союзе [Текст] / Д. Б. Кабалевский // Музыкальное воспитание в современном мире. М., 1973а.

7. *Кабалевский, Д. Б.* Прекрасное пробуждает доброе: эстетическое воспитание [Текст] / Д. Б. Кабалевский. М., 1973б.

8. *Неменский, Б. М.* Распахни окно: мысли художника об эстетическом воспитании [Текст] / Б. М. Неменский. М., 1974.

9. *Бахтин, М. М.* Литературно-критические статьи [Текст] / М. М. Бахтин. М.: Худож. лит., 1986.

10. *Тарасов, Г. С.* Психологические особенности музыкального восприятия школьников [Текст] / Г. С. Тарасов // Обучение и воспитание школьников средствами музыкального искусства. М., 1978.

С. А. Васюра

ИДЕНТИФИКАЦИЯ-ОБОСОБЛЕНИЕ КАК ДВУЕДИНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА В ОБЩЕНИИ

(на примере студентов удмуртской национальности)

Статья посвящена вопросам преодоления психологических трудностей общения и взаимопонимания студентов факультета удмуртской филологии УдГУ с помощью социально-психологического тренинга.

ВАСЮРА Светлана Александровна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре общей психологии УдГУ
© Васюра С. А., 2005

В современной психологии большое внимание уделяется психологическим механизмам восприятия и понимания в общении (А. А. Бодалев, Т. П. Гаврилова, Б. Д. Парыгин, Е. А. Хорошилова, И. М. Юсупов и др.). К ним относятся идентификация, эмпатия и рефлексия. В психологической науке под термином «механизм» понимается система различных психических факторов, обеспечивающих тот или иной процесс проявления психических свойств, разные психические изменения и пр. Изучение психологических механизмов ведется с позиций принципов структурности, системности, диалектико-материалистической детерминации. Использование этих принципов исследования позволяет раскрыть всеобщие связи психологических механизмов с другими психическими и психофизиологическими явлениями. «Психологический механизм является отражением в психике физиологических, физических, социальных и других объективных факторов, закономерностей взаимодействия человека с окружающим его миром. Отражение не закодированное, а открытое, содержательное, способное воплощаться в программу побуждения той или иной деятельности и поведения» [4, с. 9].

Реализуясь в межличностном общении, механизмы идентификации, эмпатии и рефлексии способствуют установлению совместимости и самовыражению субъектов общения. Идентификация – отождествление себя с другим, уподобление ему, умение «встать на точку зрения» партнера по общению. Человек отождествляет себя с людьми, нравящимися ему, или с обладателями тех качеств, которые он хотел бы иметь. Эмпатия – эмоциональное познание другого человека посредством вчувствования, включения в данное состояние и обстоятельства другой личности. Осознание человекам того, как он воспринимается партнером по общению, – рефлексия.

Общение – это не только способ жизнедеятельности людей, но и предпосылка развития свойств личности, становления индивидуальности (А. А. Бодалев, С. А. Васюра, Т. В. Волошина, Т. В. Драгунова, В. И. Кабрин, М. И. Лисина, А. В. Мудрик и др.). Важную роль в этом играет механизм идентификации. Без него «был бы невозможен ни процесс сколько-нибудь полного восприятия партнера по общению, ни установления контакта и взаимопонимания между взаимодействующими индивидами, ни передачи психического состояния или способа коммуникативного поведения от одного индивида к другому» [6, с. 186]. В. С. Мухина вводит в психологическую науку понятие диады идентификация-обособление. Это двуединый механизм развития личности, благодаря которому, с одной стороны, человек уподобляется другим людям, с другой стороны, формирует и сохраняет свою индивидуальность,

чувство собственного достоинства [5]. Идентификацию можно рассматривать как переживание человеком своей тождественности с другими людьми, а обособление – как стремление к уникальности, неповторимости, защите «Я» от уравнивающих внешних влияний. В. С. Мухина отмечает, что частным случаем обособления является отчуждение, т. е. эмоциональная холодность, лишение близости и доверия.

Отношения близости, доверия, принятия активно формируются в юношеском возрасте в студенческой среде. В студенческие годы расширяется диапазон общения, оно становится более целенаправленным, развиваются идентификация, эмпатия, рефлексия, способность понимать себя и окружающих. Юноши и девушки, как показывают литературные данные, сталкиваются с рядом объективных и субъективных трудностей в общении, снижающих коммуникативную активность. Показательно в этом плане экспериментальное исследование Т. В. Волошиной. Оно направлено на разработку системы психологических механизмов, средств и методов повышения уровня активности общения личности. Т. В. Волошиной показано, что действие механизма идентификации распространяется на такие показатели активности общения студентов, как экспрессивность, эмпатийность, импульсивность, сотрудничество и результативность [2]. Экспрессивность общения рассматривалась Т. В. Волошиной как передача эмоционального отношения к содержанию речи и к человеку, к которому она обращена. Она оценивалась по выразительности мимики, пантомимики, вербальным проявлениям субъекта в общении, по высоте и тембру голоса человека. Эмпатийность в общении – это сопереживание, принятие субъектом тех чувств, которые испытывает партнер. Эмпатия способствует сбалансированию межличностных отношений. Импульсивность коммуникативного поведения студентов выражалась в склонности строить общение ситуативно с учетом меняющейся обстановки, полагаясь на импровизацию. Сотрудничество в общении определялось как ориентация на равноправие отношений, совместное обсуждение ситуации коммуникативной деятельности. Наконец, реальные достижения, полученные человеком в ходе межличностных отношений, свидетельствовали о результативности общения.

Т. В. Волошиной применялись игровые методы социально-психологического обучения студентов, в которых были задействованы разные психологические механизмы повышения уровня активности общения. Например, использование ролевой игры создает условия для того, чтобы испытуемые могли уяснить нормы активного поведения в общении, а также собственные социальные установки, чувства, мысли, связанные с их выполнением. Развивается умение входить в положение других людей, лучше понимать их позиции и чувства, что непосредственно связано с социально-психологическими явлениями идентификации и эмпатии.

Нами было проведено эмпирическое исследование, задачи которого заключались в выявлении групповой чувствительности к определенным сторонам общения, установлении степени сензитивности к позитивным и негативным чертам общения в студенческой среде. В исследовании приняли участие студенты III и IV курсов факультета удмуртской филологии Удмуртского госуниверситета (всего 88 человек). Для решения поставленных задач использован опросник «Социально-психологические характеристики субъекта общения», разработанный В. А. Лабунской [3]. Опросник включает 68 пунктов, описывающих различные характеристики общения. Мы оценивали комплексы социально-психологических характеристик общения (экспрессивно-речевой, социально-перцептивный, отношение-обращение, навыки взаимодействия, условия общения) партнеров-сверстников удмуртской национальности, находящихся в ролевой позиции «трудный партнер». Полученный нами психологический «портрет» субъекта затрудненного общения позволяет предположительно судить о тех характеристиках, с которыми идентифицируют себя студенты (качества, которые не затрудняют общение) и по каким параметрам происходит обособление (качества, которые затрудняют общение).

Представим по степени значимости те показатели, которые вызывают наибольшие трудности в общении студентов:

– властное отношение к другим людям – 67% испытуемых;

– высокомерное отношение к другим людям – 64,8%;

– желание навязать свою точку зрения – 56,8%;

– неумение поставить себя на место другого человека – 54,5%;

– подозрительное отношение к другим людям – 54,5%;

– неприязненное (враждебное) отношение к другим людям – 54,5%;

– стремление занимать в общении ведущую позицию – 53,4%;

– привычка судить о человеке по его внешности – 53,4%.

Можно предположить, что эти характеристики представляют собой определенные критерии, благодаря которым происходит обособление. Эти критерии относятся к отношению-обращению партнеров друг к другу, социально-перцептивным особенностям участников общения, умениям и навыкам организации их взаимодействия. Через отстранение, обособление развивается индивидуальность студента.

Не вызывают затруднений такие характеристики общения сверстника-удмурта, как:

– доверительное отношение к другим людям;

– умение «читать» по лицу чувства и намерения другого человека;

– умение видеть в другом человеке его индивидуальные особенности, черты характера;

– почтительное отношение к другим людям;

– соответствие выражения лица партнера его словам.

Таким образом, идентификация может реализовываться через воспроизводство указанных эталонов поведения. Как видно, к оптимальным, позитивным характеристикам общения в среде студентов удмуртской национальности относятся отношения-обращения партнеров, социально-перцептивные и экспрессивно-речевые показатели.

Отметим, что за рамки сензитивности студентов-удмуртов вышли такие характеристики, как условия общения – интенсивность контактов, наличие свидетелей, самочувствие (настроение, готовность к общению). Ядром же представлений о партнере по общению у студентов-удмуртов служат отношения-обращения партнеров. В содержательном плане отношения представлены следующими типами:

а) отношениями полюса включенности оси-измерения «дистанция» – доверие;

б) отношениями полюса контроля оси-измерения «позиция» – власть, доминирование;

в) отношениями полюса эмоциональной холодности оси-измерения «валентность» – подозрительность, враждебность.

Таким образом, отношения студентов к другому как субъекту затрудненного общения группируются вокруг полюсов осей-измерений «позиция» и «валентность», а к субъекту незатрудненного общения – вокруг оси-измерения «дистанция».

Полученные нами данные позволяют наметить пути преодоления психологических трудностей общения и повышения взаимопонимания студентов-удмуртов в первую очередь за счет формирования одобряемых, позитивных характеристик общения с помощью социально-психологического тренинга. Развивающим потенциалом обладает курс «Межличностное общение». В ходе лекционных и практических занятий курса «Межличностное общение» у студентов формируется педагогический интерес к вопросам самоанализа, изучения себя как субъекта общения, стремление к совершенствованию путем самовоспитания, благодаря двуединому психологическому механизму идентификации-обособления.

Примечания

1. *Бодалев, А. А.* Психология общения [Текст] / А. А. Бодалев. М.; Воронеж, 1996.

2. *Волошина, Т. А.* Психологические механизмы повышения уровня активности общения [Текст] : дис. ... канд. психол. наук / Т. А. Волошина. Новосибирск, 1996.

3. *Лабунская, В. А.* Психология затрудненного общения [Текст] / В. А. Лабунская, Ю. А. Менджерицкая, Е. Д. Бреус. М., 2001.

4. *Леонтьев, В. Г.* Психологические механизмы мотивации [Текст] / В. Г. Леонтьев. Новосибирск, 1992.

5. *Мухина, В. С.* Проблемы генезиса личности [Текст] : учеб. пособие к спецкурсу / В. С. Мухина. М., 1985.

6. *Парыгин, Б. Д.* Анатомия общения [Текст] : учеб. пособие / Б. Д. Парыгин. СПб., 1999.

Е. В. Ефимова, В. С. Провалов

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РЕГИОНАХ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО РЫНКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

В статье рассматриваются экономические возможности образовательных услуг в связи с интеграцией РФ в мировое экономическое пространство, Болонским процессом, глобализацией высшего образования.

Началом становления международного рынка образовательных услуг, в частности высшей школы, можно считать период образования системы европейских университетов (с эпохи средних веков вплоть до XVIII в.). Именно в этот период наряду с ростом востребованности знаний, заинтересованности студентов и преподавателей в образовании значительно возросла их мобильность, основанная на повсеместном переходе на использование латинского языка в образовательном процессе, а также достаточно свободном доступе во многие университеты того времени [1]. Этот период можно назвать первым этапом интернационализации высшего образования.

С начала XIX в. до конца 40-х гг. XX столетия происходит возрастание так называемого экспорта образовательных услуг из развитых стран в развивающиеся, особенно услуг высшей школы. Это во многом вызвано последствиями длительных войн и необходимостью подъема экономик, разрушенных в их ходе. С конца 1940-х до начала 1990-х гг. наблюдается активизация процессов интернационализации образования, становление мирового рынка образовательных услуг. Значительных успехов на этом поприще достиг-

ЕФИМОВА Елена Васильевна – преподаватель кафедры экономики и управления филиала ВятГГУ в Кирово-Чепецке, соискатель ИППК МГУ им. М. В. Ломоносова

ПРОВАЛОВ Владимир Савельевич – кандидат физико-математических наук, доцент по кафедре экономики и управления филиала ВятГГУ в Кирово-Чепецке

© Ефимова Е. В., Провалов В. С., 2005

ли Соединенные Штаты Америки – к 90-м гг. XX века им принадлежит уже около трети объема мирового рынка образовательных услуг [2] высшего образования. Второе место занимают университеты западноевропейского сообщества (чуть меньше 30% мирового рынка). Третье место – страны Австралии и Новой Зеландии.

К моменту распада социалистического лагеря становится очевидной ситуация, что образование, в том числе и высшее, необходимо рассматривать как часть внешней политики, преследующей геоэкономические и геополитические цели. По данным ВТО, к концу XX столетия ежегодный объем продаж образовательных услуг составил около 50-60 млрд. $ США с объемом потребителей в несколько миллионов человек. За последние 50 лет этот рынок оказался фактически поделенным между ведущими образовательными державами. Устойчивым лидером, бесспорно, являются США, уверенно контролирующие около трети всего мирового финансового образовательного оборота, а образование является пятой по значимости статьей экспорта национальной экономики. Второе место по объемам продаж занимает Великобритания, утроившая за последнее десятилетие прием иностранных студентов. Далее идут Германия (около 10% рынка) и Франция (9% рынка). Завершают этот список Австралия, Канада и Испания, освоившие рынок экспорта образовательных услуг на 7-8%. Доля России на международном рынке образования по числу иностранных студентов составляет всего 4-5%, это лишь 0,5% всего объема мирового рынка образования.

Приведенные цифры говорят о том, что экономические возможности образовательных услуг в России сильно недооценены. В то же время образовательный потенциал в нашей стране пока остается еще достаточно высоким, в частности общепризнанное лидерство России по степени фундаментальности образования и одной из самых низких стоимостей высшего образования: для иностранных студентов [3].

Новые реалии мирового развития – беспрецедентные процессы глобализации экономических процессов, всех сфер жизни и деятельности человечества. Ответом на вызовы времени в системе высшего образования явилась, в частности, интеграция Европейских стран в общее Европейское пространство, закрепленное Болонским соглашением.

«Европа знаний» теперь уже широко признана как незаменимый фактор социального и гуманитарного развития, а также как необходимый компонент объединения и обогащения европейского гражданства, способного к предоставлению его гражданам необходимых сведений для противостояния вызовам нового тысячелетия одновременно с пониманием общности ценностей и принадлежности к общему социальному и культурному пространству.

Основной целью европейской интеграции является создание в Европе «самой конкурентоспособной и динамичной экономики в мире, основанной на знаниях и способной обеспечить устойчивый экономический рост, большее количество и лучшее качество рабочих мест и большую социальную сплоченность», способствующей дальнейшим действиям и более близкому сотрудничеству в рамках Болонского Процесса [4]. Европейская система высшего образования должна приобрести всемирный уровень притяжения, соответствующий экстраординарным культурным и научным европейским традициям [5].

В соответствии с Болонской декларацией к 2010 г. системы высшего образования европейских стран должны быть реформированы в единую систему путем принятия и реализации совместных мероприятий, направленных на их совместное сближение с сохранением фундаментальных ценностей и разнообразия национальных образовательных систем, обогащающих и развивающих друг друга. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи.

1. Принятие системы легко понимаемых и сопоставимых степеней, в том числе через внедрение *Приложения к диплому*, для обеспечения возможности трудоустройства европейских граждан и повышения международной конкурентоспособности европейской системы высшего образования.

2. Принятие системы, основанной, по существу, на двух основных циклах – достепенном и послестепенном. Доступ ко второму циклу будет требовать успешного завершения первого цикла обучения продолжительностью не менее трех лет. Степень, присуждаемая после первого цикла, должна быть востребованной на европейском рынке труда как квалификация соответствующего уровня. Второй цикл должен вести к получению степени магистра и/или степени доктора, как это принято во многих европейских странах.

3. Внедрение системы зачетных единиц по типу ECTS – европейской системы перезачета зачетных единиц трудоемкости как надлежащего средства поддержки крупномасштабной студенческой мобильности. Зачетные единицы могут быть получены также и в рамках образования, не являющегося высшим, включая обучение в течение всей жизни, если они признаются принимающими заинтересованными университетами.

4. Содействие мобильности путем преодоления препятствий эффективному осуществлению свободного передвижения.

5. Содействие европейскому сотрудничеству в обеспечении качества образования с целью разработки сопоставимых критериев и методологий.

6. Содействие необходимым европейским воззрениям в высшем образовании, особенно относительно развития учебных планов, межинституционального сотрудничества, схем мобильности, совместных программ обучения, практической подготовки и проведения научных исследований [6].

Российская Федерация, последовательно проводя линию интеграции в мировое экономическое пространство, «подключилась» к Болонскому процессу, подписав в Берлине 19 сентября 2003 г. Коммюнике Конференции Министров, ответственных за Высшее образование. Участие России с самого начала процесса создания общеевропейской системы высшего образования дает ей возможность активно участвовать в определении задач, методов и скорости их достижения, правил и рамок взаимодействия, обеспечить учет российских интересов, интересов вузов и граждан с позиций повышения их конкурентоспособности на международном рынке. В ходе «Болонских преобразований» роль вузов в обществе должна возрасти и дать России возможность по другому определить сущность высшего образования и направлений научных исследований. За счет европейского признания отечественное образование должно стать более привлекательным для иностранных студентов. «Цели России – удвоение ВВП, поднятие уровня жизни, борьба с бедностью. И этих целей достичь без решения задач образования тоже нельзя. Европа интегрируется давно, и важную роль в этом процессе играет мобильность населения. Например, инженер, получающий образование в Португалии, хочет приехать на работу во Францию и остаться там. Перед Европой стоит задача введения единых требований к образованию, чтобы такого человека действительно приняли на работу в другой стране и были уверены в нем как в специалисте.

По сути, такая же задача стоит и перед Россией. У нас огромная страна. Выпускник вуза из Астрахани, к примеру, хочет жить и работать в Санкт-Петербурге. Или другая сторона этого же вопроса. Какие профессии сейчас наиболее популярны? Экономист, психолог, юрист. Их готовят во множестве вузов. Естественно, хотелось бы, чтобы качество образования во всех этих вузах было одинаково высоким. Повышение качества образования – важнейшая задача России» [7].

Однако, очевидно, высшее образование в России сегодня, его доступность отличаются от образования Европы и Америки. Огромная территориальная протяженность страны, ограниченная мобильность населения, обусловленная в первую очередь низким уровнем доходов в большинстве регионов, сосредоточение элитных вузов в Москве, Санкт-Петербурге и ряде других академических центров создает серьезные проблемы обеспечения качества подготовки специалистов в регионах страны. Неблагоприятной для российской системы образования является и складывающаяся в целом демографическая ситуация, заставляющая вузы изыскивать новые направления в своей деятельности: привлекать иностранных студентов; больше уделять внимания дополнительному образованию взрослых.

Очевидные конкурентные преимущества при этом получат элитные вузы с развитой филиальной сетью, умело применяющие дистанционные технологии, и некоторые региональные вузы, способные оперативно удовлетворять потребности своих территорий в профессиональных кадрах и кооперирующиеся с ведущими вузами страны в «доводке штучной продукции», в том числе для «воспроизводства» и повышения качества своего профессорско-преподавательского состава. Филиалы даже в условиях предоставления платных образовательных услуг повышают доступность образования для широких слоев населения.

Крупные города предоставляют выпускникам высших учебных заведений более широкие возможности трудоустройства и самореализации. Выпускники школ, поступающие в крупные вузы, как правило, обратно не возвращаются. Общение с выпускниками показывает, что даже город Киров, находящийся всего лишь в 40 километрах от Кирово-Чепецка, является для молодых людей более привлекательным как с точки зрения учебы, так и будущей работы. Отток «умной» молодежи и отсутствие возможности готовить специалистов на местах обостряет кадровую проблему предприятий. Так, еще несколько лет назад на Кирово-Чепецкий химический комбинат было практически невозможно устроиться без протекции. Сегодня мы все чаще видим объявления «требуются...». Пока кадровая проблема частично компенсируется сокращением производства и, соответственно, сокращением потребности в персонале. Но намечающиеся тенденции оживления экономики и «старение» персонала в ближайшее время выдвинут проблему кадров на первое место.

Преобладание в России профессиональной мобильности над пространственной вполне закономерно в условиях высоких транспортных тарифов и больших расстояний. К тому же оно требует повышенной фундаментальности подготовки, что отвечает традициям нашего образования, представляет собой его сильную сторону, которая может быть привлекательной для иностранных студентов. Можно сказать, что фундаментальная подготовка представляет собой продолжение общего образования в профессиональном, а российское высшее образование в целом концептуально в большей мере соответствует

требованиям экономики, основанной на знаниях, чем, например, Западной Европы [8].

Закономерное повышение роли периферийных вузов в подготовке кадров в условиях отсутствия планового распределения превращает их в центральное звено всей системы образования в широком ее понимании. Теперь вузы начинают выступать, во-первых, как связующее звено между средней школой и экономикой региона в том, что касается обучения, и, во-вторых, как центр культуры, призванный отвечать за образование в широком смысле региона в целом, включая воспитание через все среды: информационную, управленческую, «досуговую» (прежде всего, семейную) [9].

В научной среде отношение к глобализации высшего образования в целом и присоединение России к Болонскому процессу неоднозначное. Одни положительно относятся к происходящему, чтобы с помощью глобализации разделить эффективность труда для проведения исследовательской работы, совместного содержания оборудования и т. п. Для других глобализация высшего образования вызывает негативную реакцию. Третьи «хотели бы реагировать на угрозы глобализации коллективно, а пользоваться ее возможностями индивидуально» [10].

Естественно, глобализация высшего образования повлияет на все системы высшей школы любой страны. Важно лишь понять, насколько «болезненным и разрушительным будет этот процесс для государственной высшей школы разных стран, смогут ли они конкурировать с международными образовательными корпорациями» [11]. Остается только решить, будем мы активно в этом участвовать или останемся сторонними, пассивными наблюдателями, превращаясь в «образовательную колонию». А чтобы России не стать лишь поставщиком дешевой рабочей силы, людских ресурсов для Европы и США, необходимо создавать «национальную образовательную корпорацию», которая будет двигать российское образование на мировой рынок.

Закончить хотелось бы словами бывшего министра образования В. М. Филиппова: «Я должен откровенно сказать: я считаю, что от вступления России в Болонский процесс вузы в большой степени потеряют. Но и стоять в стороне от этого процесса мы тоже не можем. Когда... они подпишут программу о зачетных единицах и образовании с друг другом, Россия не может оказаться вне этого круга. Развитие рынка образовательных услуг необратимо. С помощью дистанционного образования расширится число образовательных услуг, предлагаемых человеку. И, если эти преподносимые Россией образовательные услуги не будут признаваться во всей Европе, окажись мы в стороне от декларации, иностранных студентов мы себе не получим. Российские студенты также будут стараться получить то же самое образование дистанционным образом, никуда не выезжая из Благовещенска, в странах, дипломы которых признаются в Европе» [12].

Примечания

1. Майбуров, И. А. Глобализация сферы высшего образования [Текст] / И. А. Майбуров // МЭиМО. 2005. № 3. С. 10.

2. К образовательным услугам принято относить не только обучение в школе, вузе, курсы повышения квалификации, дистанционное и дополнительное образование, но и различного рода программные продукты: программное и методическое обеспечение, учебные компакт-диски и книги, а также предоставление высшего образования иностранным студентам. Причем последнее в западноевропейских странах является самым значительным предметом образовательного рынка, занимающим его большую часть.

3. Для сравнения: в США год обучения иностранному студенту обойдется в 15-25 тыс. $, в Англии – 12-20 тыс. $, а в Австралии или Канаде – 6-10 тыс. $, в России – 2-5 тыс. $ в год.

4. «Создание общеевропейского пространства высшего образования». Из преамбулы Коммюнике Конференции Министров, ответственных за Высшее образование, в Берлине 19 сентября 2003 г.

5. Зона европейского высшего образования. Совместное заявление европейских министров образования. г. Болонья, 19 июня 1999 года.

6. Там же.

7. Диев, В. Болонский процесс, или Дорога с односторонним движением [Текст] / В. Диев.

8. Гребнев, Л. С. Российское образование в зеркале демографии [Текст] / Л. С. Гребнев // Вопросы экономики. 2003. № 7. С. 4-25 (см.: www.vopreco.ru).

9. Там же.

10. Ван дер Венде, М. Послесловие к одной дискуссии [Текст] / М. Ван дер Венде // ВВШ «Alma Mater». 2000. № 5.

11. Майбуров, И. А. Глобализация сферы высшего образования [Текст] / И. А. Майбуров // МЭиМО. 2005. № 3. С. 17.

12. Министр образования РФ о Болонском процессе. Выступление В. М. Филиппова на международной конференции. Санкт-Петербург, декабрь 2002 года.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Е. М. Вечтомов

О ТРЕХ РАДИКАЛАХ ДЛЯ ПОЛУМОДУЛЕЙ

Рассматривается понятие радикала для полумодулей над полукольцом. Вводятся три радикала – зероидная часть, модульная часть и сократимая часть полумодулей. Исследуются условия инъективности модульной части полукольца. Показано, что любой полумодуль над полутелом является расширением сократимого полумодуля с помощью идемпотентного полумодуля.

1. Понятие радикала для полумодулей. Дадим общее определение радикала в классе всех полумодулей над фиксированным полукольцом S. Сначала напомним определения полукольца и полумодуля.

Полукольцом (с единицей) называется алгебра $\langle S, +, \cdot, 0, 1\rangle$ с двумя бинарными операциями *сложения* $+$ и *умножения* $\cdot$ и выделенными элементами *нуль* 0 и *единица* 1, удовлетворяющими следующим условиям:

1) $\langle S, +, 0\rangle$ – коммутативный моноид;

2) $\langle S, \cdot, 1\rangle$ – моноид;

3) 0 – *мультипликативный нуль*, т. е. тождественно $0\cdot x = x\cdot 0 = 0$;

4) умножение дистрибутивно относительно сложения с обеих сторон, т. е. в S справедливы тождества $(x+y)z = xz+yz$ и $x(y+z) = xy+xz$.

Полумодулем (унитарным левым S-полумодулем) над полукольцом S называется коммутативный моноид $\langle A, +, 0\rangle$ вместе с отображением $S\times A \to A$, $(s, a) \to sa$, обладающим следующими свойствами (для любых $s, t \in S$ и $a, b \in A$):

(1) $(s+t)a = sa+ta$;

(2) $s(a+b) = sa+sb$;

(3) $(st)a = s(ta)$;

(4) $0\cdot a = 0 = s\cdot 0$;

(5) $1\cdot a = a$.

Будем рассматривать полумодули над некоторым полукольцом S. *Гомоморфизмом* (S-гомоморфизмом) полумодуля A в полумодуль B называется произвольное отображение $f\colon A \to B$, для которого $f(x+y) = f(x)+f(y)$ и $f(sx) = sf(x)$ при всех $x, y \in A$ и $s \in S$. Ясно, что $f(0) = 0$. Непустое подмножество B полумодуля A называется *подполумодулем* в A, если $x+y$, $sx \in B$ для любых $x, y \in B$. Всегда $0 \in B$. Далее, отношение эквивалентности ρ на S-полумодуле A называется *конгруэнцией* на A, если $a\rho b$ и $c\rho d$ влекут $(a+c)\rho(b+d)$ и $(sa)\rho(sb)$ при любых $a, b, c, d \in A$ и $s \in S$ (можно считать, что $c = d$).

Радикалом в классе всех S-полумодулей называется отображение r, ставящее в соответствие каждому полумодулю A его вполне определенный полустрогий подполумодуль $r(A)$ так, чтобы радикал фактор-полумодуля $A/r(A)$ был нулевым: $r(A/r(A)) = \{0\}$.

Определение предполагает наличие универсальной конгруэнции ρ, отвечающей радикалу r, для которой $r(A)$ служит классом нуля $[0] = [0]_\rho$ и A/ρ как раз и обозначается через $A/r(A)$. Для того чтобы подполумодуль B полумодуля A был классом нуля некоторой конгруэнции на A, необходимо и достаточно, чтобы B был *полустрогим* подполумодулем в A, т. е. для любых $x, y \in A$ из x, $x+y \in B$ следует $y \in B$. В качестве универсальной конгруэнции в пунктах 1 и 2 мы берем известное *отношение Бернa*, именно: для всякого полустрогого подполумодуля B полумодуля A соотношение $x\rho y$ $(x, y \in A)$ означает, что $x+a = y+b$ для подходящих элементов $a, b \in B$. Легко видеть, что $[0]_\rho = B$.

Полумодуль A называется *r-радикальным*, если $A = r(A)$, и *r-полупростым*, если $r(A) = \{0\}$. Радикал полумодулей может обладать различными дополнительными свойствами.

Радикал r называется *гомоморфным*, когда

$$f(r(A)) \subseteq r(f(A))$$

для любого S-гомоморфизма $f\colon A \to B$;

идемпотентным, если

$r(r(A)) = r(A)$ для всех S-полумодулей A;

монотонным, когда

$r(A) \subseteq r(B)$ для всякого подполумодуля A любого полумодуля B;

наследственным, если

$r(A) = A\cap r(B)$ для любых полумодуля B и его подполумодуля A.

Заметим, что свойство наследственности радикала полумодулей влечет идемпотентность и монотонность этого радикала.

Наибольшее значение имеют и вызывают интерес идемпотентные и наследственные радикалы полуколец и полумодулей. Они играют важную роль в построении структурной теории. Заметим, что классические радикалы полуколец

ВЕЧТОМОВ Евгений Михайлович – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой алгебры и геометрии ВятГГУ, академик РАЕН

© Вечтомов Е. М., 2005

(Джекобсона, Маккоя, нильрадикал) изучались ранее (см. библиографию в [1]). Однако далеко не все полезные радикалы обладают свойствами идемпотентности или наследственности. Укажем один такой радикал.

Для любого S-полумодуля A определяется его *зероидная часть*:

$zp(A) = \{a \in A: \exists x \in A\ (a+x = x)\}$.

Очевидно, что $zp(A)$ – подполумодуль в A, причем полустрогий. В самом деле, возьмем такие элементы $a \in A$ и $b \in zp(A)$, что $a+b \in zp(A)$. Имеем $b+x = x$ и $a+b+y = y$ для некоторых x, $y \in A$. Тогда $a+x+y = a+b+x+y = x+y$, т. е. $a \in zp(A)$.

При этом $[0] = zp(A)$: для любого $x \in A$ имеем

$$x \in [0] \Leftrightarrow x\rho 0 \Leftrightarrow \exists a,\ b \in zp(A)\ (a+x = b) \Leftrightarrow x \in zp(A).$$

Фактор-полумодуль $A/zp(A)$ имеет нулевую зероидную часть. Действительно, пусть $[a]+[x] = [x]$, т. е. $a+x+b = x+c$, где $b,\ c \in zp(A)$. Тогда $b+u = u$ и $c+v = v$ для некоторых $u, v \in A$, откуда $b+u+v = u+v = c+u+v$. Поэтому $a+(x+u+v) = x+u+v$, т. е. $a \in zp(A)$, стало быть, $[a] = [0]$.

Получаем гомоморфный монотонный радикал zp полумодулей, не являющийся идемпотентным.

Пример 1. Возьмем полукольцо $\mathbf{N}_0$ всех неотрицательных целых чисел с обычными операциями сложения и умножения и присоединим к нему множество $\mathbf{N}_0\omega = \{\omega,\ 2\omega,\ 3\omega,\ \ldots\}$. Как $\mathbf{N}_0$-полумодуль $\mathbf{N}_0\omega \cup \{0\}$ изоморфен $\mathbf{N}_0$. Получаем $\mathbf{N}_0$-полумодуль $N = \mathbf{N}_0 \cup \mathbf{N}_0\omega$ с подполумодулем $\mathbf{N}_0$, в котором $m+n\omega = n\omega+m = n\omega$ для любых $m \in \mathbf{N}_0$ и натуральных n. Тогда $zp(N) = \mathbf{N}_0$ и $zp(\mathbf{N}_0) = \{0\}$.

Заметим, что зероидная часть полукольца является двусторонним идеалом в нем. В следующих пунктах будут рассмотрены два других естественных идемпотентных радикала для полумодулей.

2. Модульная часть полумодулей. Пусть S – произвольное полукольцо. Полумодуль A над S называется *модулем*, если $\langle A, +, 0\rangle$ – группа, и *антимодулем*, если он удовлетворяет квазитождеству $x+y = 0 \Rightarrow x = 0$. Аналогично определяется понятие *антикольца*. Для любого S-полумодуля A определим его модульную часть:

$$mp(A) = \{a \in A: \exists x \in A\ (a+x = 0)\}.$$

Это множество всех аддитивно обратимых элементов полумодуля A, являющееся его строгим подполумодулем и модулем. Подполумодуль B полумодуля A называется *строгим*, если $x+y \in B \Rightarrow x \in B$ для всех $x,\ y \in A$. Получаем гомоморфный идемпотентный монотонный радикал mp, не являющийся наследственным. Mp-радикальными полумодулями являются все модули, а mp-полупростые полумодули совпадают с антимодулями. Заметим, что $mp(A)$ оказывается наибольшим подполумодулем в A, являющимся модулем. Последнее свойство характеризует радикал mp как «настоящий» радикал в классе S-полумодулей.

Пример 2. Полукольцо $\mathbf{N}_0$ служит подполумодулем $\mathbf{N}_0$-модуля $\mathbf{Z}$ всех целых чисел. Имеем $mp(\mathbf{N}_0) = \{0\}$ и $mp(\mathbf{Z}) = \mathbf{Z}$. Значит, $mp(\mathbf{N}_0)$ не совпадает с $\mathbf{N}_0 \cap mp(\mathbf{Z}) = \mathbf{N}_0$.

Полумодуль A над полукольцом S называется *расширением* полумодуля B с помощью полумодуля C, если существует такая конгруэнция σ на A, что полумодуль $[0]_\sigma$ S-изоморфен B, а фактор-полумодуль A/σ S-изоморфен C. Справедлива следующая

Теорема 1 [2, теорема 1]. *Любой S-полумодуль является расширением однозначно определенного (с точностью до изоморфизма) S-модуля с помощью S-антимодуля.*

Исследуем теперь модульную часть самого полукольца S, рассматриваемого в качестве (левого) S-полумодуля. Ясно, что $mp(S)$ – это строгий двусторонний идеал полукольца S, являющийся кольцом (возможно, без единицы). Известно [2, предложение 1], что идеал $mp(S)$ выделяется прямым слагаемым в S тогда и только тогда, когда кольцо $mp(S)$ обладает единицей e, коммутирующей со всеми элементами из S (такой элемент e называется *центральным*). Выясним, когда S-полумодуль $mp(S)$ будет инъективным полумодулем.

S-полумодуль M называется *инъективным*, если для любых полумодуля B и его подполумодуля A всякий S-гомоморфизм $A \to M$ продолжается до S-гомоморфизма $B \to M$. Если вместо A и B брать соответственно левые идеалы полукольца S и само S, то получим определение *инъективного по Бэру* полумодуля M. Полукольцо называется *самоинъективным слева*, если оно является инъективным левым полумодулем над собой.

Теорема 2. *Для произвольного полукольца S, все идемпотенты которого центральны, эквивалентны следующие условия:*

1) S-полумодуль $mp(S)$ инъективен;

2) S-полумодуль $mp(S)$ инъективен по Бэру;

3) $mp(S)$ выделяется прямым слагаемым в S и является самоинъективным слева кольцом.

Доказательство. 1) $\Rightarrow$ 2) очевидно.

2) $\Rightarrow$ 3). Предположим, что S-полумодуль $mp(S)$ инъективен по Бэру. Тождественное отображение полумодуля $mp(S)$ продолжается до S-гомоморфизма $f: S \to mp(S)$. Положим $e = f(1)$. Имеем $e^2 = ef(1) = f(e) = e$. По условию идемпотент e централен. Покажем, что $mp(S) = Se$. Ясно, что $Se \subseteq mp(S)$. Если же $s \in mp(S)$, то $s = f(s) = sf(1) = se \in Se$.

Далее рассмотрим элемент $e_1 \in mp(S)$, противоположный к e: $e+e_1 = 0$. Обозначим $e' = 1+e_1$. Получаем

$$e+ee_1 = 0 = e+e_1e,\ ee_1 = e_1e = e_1,\ e+e' = 1,$$
$$e'e = ee' = e+ee_1 = e+e_1 = 0.$$
$$e_1+e_1e_1 = ee_1+e_1e_1 = 0,\ e_1e_1 = e \text{ и}$$
$$e'e' = 1+e_1+e_1+e_1e_1 = 1+e_1 = e'.$$

Имеем прямое разложение $S = Se \oplus Se'$ в сумму идеалов полукольца S, причем каждый элемент $s \in S$ однозначно представим в виде суммы элементов из Se и Se'. Действительно, $s = se+se'$, и если $s = ae+be'$, то $ae = se$ и $be' = se'$.

Остается доказать, что кольцо $mp(S)$ с единицей e является инъективным левым модулем над собой. Воспользуемся известным критерием Бэра для модулей над кольцом (см. [3, с. 142]). Возьмем любой левый идеал J кольца $mp(S)$ и произвольный $mp(S)$-гомоморфизм f: $J \to mp(S) = Se$. Множество J является и левым идеалом полукольца S, а f будет S-гомоморфизмом: если $s \in S$ и $a \in J$, то $a = ea$, $sa = (se)a \in J$ и $f(sa) = f(sea) = sef(a) = sf(a)$. По условию f продолжается до S-гомоморфизма $S \to mp(S)$, сужение которого на кольцо $mp(S)$ и дает искомое продолжение f до модульного гомоморфизма $mp(S) \to mp(S)$.

3) $\Rightarrow$ 1). Пусть для $mp(S)$ выполнено условие 3). Имеем $S = mp(S) \oplus I$ для некоторого левого идеала I полукольца S. Поэтому $1 = e+e'$ для подходящих $e \in mp(S)$ и $e' \in I$. Значит, $e = ee+ee' = e+0$, откуда $e^2 = e$ и $e'e = ee' = 0$, а также $e'^2 = e'$. Тогда $mp(S) = Se$ и $I = Se'$. Действительно, если $s \in mp(S)$, то $s = se+se' = s+0$, откуда $s = se$ (аналогично, $I \subseteq Se'$).

Далее, пусть даны подполумодуль A S-полумодуля B и S-гомоморфизм f: $A \to mp(S)$. Нужно продолжить f до некоторого S-гомоморфизма g: $B \to mp(S)$. Для полумодулей A и B, как и выше, получаем прямые разложения $A = eA \oplus e'A$ и $B = eB \oplus e'B$. Слагаемые eA и eB являются левыми модулями над кольцом $Se = mp(S)$, а $f_1 = f|_{eA}$ служит Se-гомоморфизмом модулей $eA \to mp(S)$. Заметим, что $f = 0$ на $e'A$: $f(e'a) = e'f(a) = ee'f(a) = 0f(a) = 0$. По условию Se-гомоморфизм f_1 продолжается до Se-гомоморфизма модулей g_1: $eB \to mp(S)$. Получаем Se-гомоморфизм g: $B \to mp(S)$, равный g_1 на eB и 0 на $e'B$ и продолжающий f. Остается проверить, что g есть S-гомоморфизм. Если $s \in S$ и $b \in B$, то $g(sb) = g(seb+se'b) = g(seb) = seg_1(eb) = sg_1(eb) = sg(eb) = sg(eb+e'b) = sg(b)$. Теорема доказана.

Замечание. В условии теоремы 2 достаточно требовать, чтобы центральными были только идемпотенты из модульной части $mp(S)$ полукольца S. Элемент e_1, противоположный e, и элемент $e' = 1+e_1$ тоже будут центральными: $se = es$ и $se+se_1 = 0 = es+e_1s$ влекут $se_1 = e_1s$ и $se' = e's$ при $s \in S$.

Пример 3. Пусть $S = F \times T$ – прямое произведение произвольных поля F и антикольца T. Тогда кольцо $mp(S) = F \times \{0\}$ изоморфно F и самоинъективно. По теореме 2 оно является левым и правым инъективным S-модулем.

3. Сократимая часть полумодулей над полутелом. Пусть теперь S есть *полутело*, т. е. S – антикольцо с ненулевой единицей 1, в котором все ненулевые элементы обратимы. Коммутативное полутело называется *полуполем*. Рассмотрим категорию всех полумодулей над полутелом S. Это определенное обобщение векторных пространств над телами. Элемент a полумодуля A называется *сократимым*, если $a+b = a+c$ влечет $b = c$ для любых b, $c \in A$.

Определим *сократимую часть* $cp(A)$ произвольного S-полумодуля как множество всех его сократимых элементов. Покажем, что $cp(A)$ является строгим подполумодулем полумодуля A. Из определения сократимого элемента сразу следует, что $a+b$ сократим тогда и только тогда, когда сократимы a и b (a, $b \in A$). Сократимость $a \in A$ влечет и сократимость sa ($s \in A$): нулевой элемент $0a$ сократим; если s – ненулевой и $sa+b = sa+c$, то $a+s^{-1}b = a+s^{-1}c$, откуда $s^{-1}b = s^{-1}c$, т. е. $b = c$. Следовательно, $cp(A)$ – строгий подполумодуль в A. Введем на полумодуле A отношение τ:

$x\tau y$ означает, что $a+x = b+x \Leftrightarrow a+y = b+y$ для всех a, $b \in A$.

Ясно, что τ есть отношение эквивалентности на A. Пусть $x\tau y$, $z \in A$ и $0 \neq s \in S$. Тогда

$$a+(x+z) = b+(x+z) \Leftrightarrow (a+z)+x = (b+z)+x \Leftrightarrow$$
$$\Leftrightarrow (a+z)+y = (b+z)+y \Leftrightarrow a+(y+z) = b+(y+z),$$

т. е. $(x+z)\tau(y+z)$, и

$$a+sx = b+sx \Leftrightarrow s^{-1}a+x = s^{-1}b+x \Leftrightarrow$$
$$\Leftrightarrow s^{-1}a+y = s^{-1}b+y \Leftrightarrow a+sy = b+sy,$$

т. е. $(sx)\tau(sy)$. Значит, τ является конгруэнцией на полумодуле A и $[0]_\tau = cp(A)$. Отметим, что аналог конгруэнции τ для полутел без нуля впервые рассмотрел А. Н. Семенов в [4].

Очевидно, что радикал cp является идемпотентным и обладает тем свойством, что $A \cap cp(B) \subseteq cp(A)$ для любых полумодулей $A \subseteq B$.

Пример 4. Радикал cp не гомоморфен и не монотонен. Возьмем полуполе $\mathbf{Q}^+$ неотрицательных рациональных чисел с обычными операциями и $\mathbf{Q}^+$-гомоморфизм $\mathbf{Q}^+$ на двухэлементную цепь $\mathbf{D}$, переводящий ненулевые числа в ненулевой элемент. Рассмотрим также подполумодуль $\mathbf{Q}^+$ $\mathbf{Q}^+$-полумодуля $M = \mathbf{Q}^+ \cup \{\varepsilon\}$, где $\varepsilon + \varepsilon = \varepsilon$, $\varepsilon + q = q + \varepsilon = q$ и $q\varepsilon = \varepsilon$ при $q > 0$, $\varepsilon + 0 = \varepsilon = 0 + \varepsilon$ и $0 \cdot \varepsilon = 0$. Имеем $cp(\mathbf{Q}^+) = \mathbf{Q}^+$, но $cp(\mathbf{D}) = \{0\}$ и $cp(M) = \{0\}$.

Напомним, что полумодуль называется *сократимым*, если сократим каждый его элемент, и *идемпотентным*, если в нем выполняется тождество $x+x = x$.

Теорема 3. *Всякий полумодуль над полутелом является расширением сократимого полумодуля с помощью идемпотентного полумодуля.*

Доказательство. Пусть A – произвольный полумодуль над полутелом S. Его подполумодуль $cp(A)$ сократим и служит классом нуля конгруэнции τ. Покажем, что фактор-полумодуль A/τ идемпотентен. Для этого нужно показать, что $(2x)\tau x$ при любом $x \in A$. Всегда $a+x = b+x \Rightarrow a+2x = b+2x$. Обратно, если $a+2x = b+2x$, то $2a+2x = a+b+2x = 2b+2x$. Умножая последнее равенство слева на 2^{-1}, получаем $a+x = b+x$.

Cp-радикальные полумодули – это в точности сократимые полумодули, а класс *cp*-полупростых полумодулей совпадает с классом идемпотентных полумодулей.

Полумодуль назовем *конгруэнц-простым*, если он имеет ровно две конгруэнции – отношение равенства и одноклассовую конгруэнцию.

Следствие. *Любой конгруэнц-простой полумодуль над полутелом либо сократим, либо идемпотентен.*

4. О радикальных и полупростых полумодулях. Из определения идемпотентного радикала r в классе S-полумодулей следует, что любой полумодуль является расширением r-радикального полумодуля с помощью r-полупростого полумодуля. Поэтому свойства r-радикальных и r-полупростых полумодулей в случае произвольного идемпотентного радикала r имеют определенный интерес (хотя и не в такой степени, как в теории колец и модулей).

Теорема 4. *Пусть радикал r в классе всех S-полумодулей совпадает с одним из радикалов zp, mp или cp (в последнем случае предполагается, что S – полутело). Тогда справедливы следующие утверждения:*

1) $r(\Pi A_i) = \Pi r(A_i)$ и $r(\oplus A_i) = \oplus r(A_i)$ для любого непустого семейства S-полумодулей A_i $(i \in I)$;

2) прямое произведение (прямая сумма) произвольного непустого семейства S-полумодулей есть r-радикальный полумодуль тогда и только тогда, когда все сомножители (слагаемые) r-радикальны;

3) прямое произведение (прямая сумма) произвольного непустого семейства S-полумодулей является r-полупростым полумодулем тогда и только тогда, когда все сомножители (слагаемые) r-полупросты;

4) если $r = zp$ или $r = mp$, то гомоморфные образы r-радикальных полумодулей являются r-радикальными полумодулями (для радикала cp это неверно – см. пример 4).

Доказательство. Пусть $(a_i), (b_i), (c_i) \in \Pi A_i$. Для этих «строк» имеем

$(a_i)+(b_i) = (b_i) \Leftrightarrow a_i+b_i = b_i$ при всех $i \in I$,

$(a_i)+(b_i) = (0) \Leftrightarrow a_i+b_i = 0$ для любого $i \in I$,

а импликация $(a_i)+(b_i) = (a_i)+(c_i) \Rightarrow (b_i) = (c_i)$ равносильна семейству импликаций $a_i+b_i = a_i+c_i \Rightarrow b_i = c_i$ $(i \in I)$, где (a_i) – фиксированная строка, (b_i) и (c_i) – произвольные строки. Это дает 1). Из 1) вытекает 2). Утверждение 3) также следует из приведенных эквивалентностей и определений. Если же $r = zp$ или $r = mp$, то для любого S-гомоморфизма f полумодуля A на полумодуль B имеем $f(r(A)) = r(B)$, что служит усилением свойства гомоморфности радикала r.

Примечания

1. *Golan, J. S.* The theory of semirings with applications in mathematics and theoretical computer science [Text] / J. S. Golan / Longman scientific and technical. Harlow, 1992.

2. *Вечтомов, Е. М.* Две структурные теоремы о полумодулях [Текст] / Е. М. Вечтомов // Абелевы группы и модули (Томск). 2000. Вып. 15. С. 17-23.

3. *Ламбек, И.* Кольца и модули [Текст] / И. Ламбек. М.: Мир, 1971.

4. *Семенов, А. Н.* О строении полутел [Текст] / А. Н. Семенов // Вестник ВятГГУ. 2003. № 8. С. 105-107.

В. В. Чермных

ПОЛУКОЛЬЦА СЕЧЕНИЙ ПУЧКОВ*

В обзоре рассматриваются и анализируются результаты автора последних лет по полукольцам глобальных сечений пучков полуколец. Работа является продолжением обзорной статьи [36].

Введение

В алгебре, топологии, функциональном анализе, дискретной математике важную роль играют различные *алгебры функций*. В абстрактной алгебре эта роль (помимо прочего) связана с *функциональным методом*, состоящим в представлении той или иной алгебры (группы, кольца, решетки) в виде соответствующей алгебры функций. В частности, кольца и полукольца допускают хорошие пучковые представления [2, 14].

Общая теория полуколец изучается с 50-х гг. прошлого века; большая библиография имеется в книге Голана [32]. Полукольца применяются в дискретной математики, в идемпотентном анализе [7]; укажем также работы [5, 6].

Представления колец в пучках колец изучались Гротендиком [33], Пирсом [38], Ламбеком [35], Гофманом [34], Малви [37], Симмонсом [39] и другими. Различные функциональные представления колец рассматривались в монографии [2] и обзоре [41]. Представлениям модулей посвя-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 03-01-07005)

ЧЕРМНЫХ Василий Владимирович – кандидат физико-математических наук, доцент по кафедре алгебры и геометрии ВятГГУ

© Чермных В. В., 2005

щены статьи [26, 35]. С 70-х гг. прошлого столетия пучковые методы стали применяться в теории дистрибутивных решеток [3, 4, 29, 31], почти-колец, универсальных алгебр [30]. Пучковые представления полуколец и полумодулей начали исследоваться сравнительно недавно [9-25, 36].

Приведем исходные для нас определения и обозначения.

Полукольцом называется алгебра $\langle S, +, \cdot, 0, 1\rangle$ такая, что $\langle S, +, 0\rangle$ – коммутативный моноид, $\langle S, \cdot, 1\rangle$ – моноид, умножение дистрибутивно относительно сложения с обеих сторон и тождественно $x0=0x=0$. Полукольцами являются ассоциативные кольца с 1 и ограниченные дистрибутивные решетки. Полукольцо с делением с ненулевой единицей 1, не являющееся кольцом, называется *полутелом*.

Пусть X – топологическое пространство. *Предпучком* P полуколец над X называется функция, сопоставляющая каждому открытому множеству $U\subseteq X$ полукольцо $P(U)$ и каждой паре открытых множеств $U\subseteq V$ гомоморфизм

$$r(V,U): P(V) \to P(U)$$

таким образом, что $r(U,U)$ – тождественный гомоморфизм и $r(V,U)\circ r(W,V)=r(W,U)$, если $U\subseteq V\subseteq W$. Элементы из $P(U)$ называются локальными сечениями предпучка P, а если $U=X$, то глобальными сечениями предпучка.

Рассмотрим два условия *P1* и *P2* на предпучке (P,X).

P1. Пусть $s,t\in P(U)$ и пусть существует такое открытое покрытие $\{U_\alpha\}$ множества U, что

$$r(U,U_\alpha)(s)=r(U,U_\alpha)(t)$$

для всех α. Тогда $s=t$.

P2. Пусть $\{U_\alpha\}, \alpha\in I$, – открытое покрытие множества U и пусть элементы $s_\alpha\in P(U_\alpha)$ удовлетворяют условию

$$r(U_\alpha, U_\alpha\cap U_\beta)(s_\alpha)=r(U_\beta, U_\alpha\cap U_\beta)(s_\beta)$$

для всех $\alpha, \beta\in I$. Тогда существует такой элемент $s\in P(U)$, что $r(U,U_\alpha)(s)=s_\alpha$ для всех α.

Предпучок (P,X) полуколец, удовлетворяющий условиям *P1* и *P2*, называется *пучком полуколец*.

Смысл введенного определения заключается в том, что при выполнении условий *P1* и *P2*, и только в этом случае, предпучок (P,X) канонически изоморфен предпучку своего пучка ростков.

Аналогичное определение можно дать для алгебры произвольной сигнатуры, в частности, мы будем использовать пучок полумодулей над фиксированным полукольцом.

Коммутативный моноид $(A,+)$ называется *правым полумодулем над полукольцом* S, если задано внешнее умножение справа элементов $a\in A$ на элементы $s\in S$, обозначаемое $as\in S$, и при этом для любых $a,b\in A$, $s,t\in S$ выполняются условия:

$$a(st)=(as)t,$$
$$(a+b)s=as+bs,$$
$$a(s+t)=as+at,$$
$$a1=a,\ 0s=0=a0.$$

Равносильное определение пучка в терминах расслоенного пространства можно найти в любой литературе по пучкам, а также в [2,14]. В дальнейшем через $\Gamma = \Gamma(P,X)$ будем обозначать алгебру всех глобальных сечений пучка. *Функциональное*, или *пучковое*, *представление* полукольца S – это гомоморфизм $\alpha: S \to \Gamma(P,X)$; аналогично для полумодулей над полукольцом.

§ 1. Общие пучковые конструкции и их применения

Наибольший интерес представляют изоморфные представления полуколец. При построении конкретных пучковых представлений наибольшую трудность вызывает обоснование его полноты (эпиморфности). Отметим некоторые работы, в которых исследовались условия полноты представлений: для колец [39] и полуколец [11, 23, 36]. Поэтому актуальной является задача нахождения общих пучковых конструкций и выяснение достаточных условий полноты представления сечениями этих пучков. Автором в [11] (см. также [36]) были рассмотрены две общие теоремы о полноте и найдены некоторые их применения. Продолжением указанной статьи являются результаты, анонсированные в [23]. Основным из них является

Теорема 1.1. *Пусть f – представление полукольца S сечениями пучка (P,X), индуцированное открытым семейством конгруэнций $\{\alpha_x: x\in X\}$. Если X компактно и отображение $\varphi:\tau(X)\to Id(S)$, заданное правилом*

$$\varphi(U)=\bigcap\{Ker\alpha_x : x\in X\setminus U\}$$

для всякого $U\in\tau(X)$, сохраняет покрытия, то представление f полно.

Через $\tau(X)$ и $Id(S)$ обозначены решетка открытых множеств из X и решетка идеалов полукольца S соответственно. Скажем, что отображение $\varphi:\tau(X)\to Id(S)$ *сохраняет покрытия*, если $\bigcup_i U_i = X$ влечет $\sum_i \varphi(U_i) = S$. Наконец, семейство конгруэнций $\{\alpha_x: x\in X\}$ на полукольце S, индексированных точками топологического пространства X, называется *открытым*, если множество $U(a,b)=\{x\in X : a\alpha_x b\}$ открыто для любой пары элементов $a,b\in S$.

Сейчас приведем результат, также связанный с полнотой представления. Введем необходимые понятия.

Пучок $P=\cup P_x$, $x\in X$, полуколец назовем *компактным*, если пространство X компактно, через каждую точку накрывающего пространства P проходит некоторое глобальное сечение (*факторность пучка*) и

$$J_x+J_y=\Gamma \qquad (*)$$

для различных $x,y \in X$, где $J_x=\{\sigma \in \Gamma: \sigma(x)=0\in P_x\}$. Аналогично $0_x=\{s\in S: s(x)=0\}$ для любого подполукольца $S\subseteq\Gamma$. Подполукольцо S полукольца Γ называется *факторным*, если естественный гомоморфизм S в каждый слой пучка P сюръективен. Заметим, что условие (*) влечет отделимость различных точек базисного пространства компактного пучка, следовательно, X является компактом.

Теорема 1.2 [15]. *Пусть (P,X) – компактный пучок полуколец, S – факторное подполукольцо полукольца Γ и $0_x+0_y=S$ для любых различных $x,y \in X$. Тогда $S=\Gamma$.*

Сформулированный результат является некоторым аналогом классической теоремы Стоуна–Вейерштрасса о подалгебре банаховой алгебры непрерывных функций. Он позволяет получать конкретные изоморфные пучковые представления, когда исходное полукольцо S вкладывается в полукольцо глобальных сечений компактного пучка и образ S удовлетворяет условиям теоремы 1.2. Для полумодулей аналог теоремы Стоуна–Вейерштрасса принимает следующий вид.

Теорема 1.3 [18]. *Пусть $P=\cup P_x$, $x\in X$, – пучок правых S-полумодулей над компактным пространством X, M_S – факторный подполумодуль полумодуля $\Gamma=\Gamma(P,X)$ и (J_x) – семейство идеалов полукольца S, индексированных точками пространства X, и при этом выполняются условия:*

а) $J_x+J_y=S$ для любых различных $x,y\in X$;

б) для любого $r\in J_x$ найдется такая открытая окрестность U_x точки x, что для любой точки $y\in U_y$ выполняется $P_y r=0(y)$.

Тогда $M_S=\Gamma$.

Покажем некоторые применения этих теорем. Пусть A_S – полумодуль над полукольцом S. Для первичного идеала $P\subseteq S$ рассмотрим подполумодуль

$$z(P)=\{a\in A:(\exists c\in S\setminus P)(aSc=0)\}$$

и конгруэнции на полумодуле A:

$$a\theta(P)b \Leftrightarrow (\exists u, v \in z(P))(a+u=b+v)$$

$$a\theta_P b \Leftrightarrow (\exists c \in S \setminus P)\ (\forall s \in S)(asc=bsc).$$

Предложение 1.4 [18]. *Пусть (L,X) и (L',X) – пучки полумодулей, где*

$$L=\cup A_S/\theta(P),\ L'=\cup A_S/\theta_P$$

и $Max\, S\subseteq X\subseteq Spec\, S$. Тогда естественные гомоморфизмы

$$\varphi : A_S \to \Gamma(L),\ \varphi' : A_S \to \Gamma(L')$$

инъективны.

Полукольцо S называется *строго гармоническим* [10], если для различных максимальных идеалов M и N из S найдутся элементы $a\in S\setminus M$, $b\in S\setminus N$ такие, что $aSb=0$.

По предложению 1.4 A_S можно считать подполумодулем полумодулей $\Gamma(L, Max\, S)$, $\Gamma(L', Max\, S)$, а если S строго гармонично, то выполняется условие 1 теоремы 3.2. Семейство идеалов, упоминавшихся в формулировке теоремы 1.3, – $\{0_M : M\in Max\, S\}$, где $0_M=\{a\in S : (\exists c\in S\setminus M)\ (aSc=0)\}$. Стандартно проверяется выполнение условия 2 и поэтому верно

Предложение 1.5 [18]. *Полумодуль A_S над строго гармоническим полукольцом S изоморфен полумодулям всех глобальных сечений пучков $(L,Max\, S)$ и $(L', Max\, S)$.*

Если A – группа, то конгруэнции $\theta(P)$ и θ_P совпадают, в частности, это справедливо для модулей над кольцами. Конечно, в общем случае конгруэнции различны.

Пример 1.6. Пусть C – более чем двухэлементная цепь, рассматриваемая как полумодуль над собой. Для $P=\{0\}$ имеем $\theta(P)$ – отношение равенства, а θ_P «склеивает» все ненулевые элементы.

§ 2. Риккартовы полукольца

Полукольцо S называется *редуцированным* [10, 14], если $a^2+b^2=ab+ba$ влечет $a=b$. Редуцированные полукольца являются *симметрическими* (с квазитождеством $abc=abd\Leftrightarrow acb=adb$), *полупервичным* (пересечение всех первичных идеалов равно нулю), без ненулевых нильпотентов.

Полукольцо S называется *риккартовым*, если для любого $a\in S$ идеал $Ann\, aS=\{u\in S : aSu=0\}$ порождается дополняемым идемпотентом. Идемпотент $e(=e^2)$ называется *дополняемым*, если он перестановочен с любым элементом полукольца и обладает *дополнением* e' таким, что $e+e'=1$ и $ee'=0$. При этом элемент e' определяется однозначно и также является дополняемым идемпотентом. Множество BS всех дополняемых идемпотентов полукольца S с обычным умножением и сложением

$$e\oplus g=eg'+e'g$$

становится булевым кольцом.

Применение теоремы 1.3 дает

Предложение 2.1 [18]. *Полумодуль A_S над редуцированным риккартовым полукольцом изоморфен полумодулю всех глобальных сечений пучка*

$$(\cup A_S/\rho_M\ ,\ Min\, S),$$

где $a\rho_M\ b \Leftrightarrow a+u=b+v$ для подходящих u, v из множества всевозможных конечных сумм вида as, $a\in A_S$, $s\in 0_M$.

Риккартовы кольца имеют тесную связь с кольцами непрерывных функций [1, 2]. Важным подклассом редуцированных риккартовых полуколец являются стоуновы решетки; стоуновой является, в частности, каждая булева решетка. Отметим, что пучковым представлениям и характеризациям дистрибутивных решеток посвящены статьи [3, 4]; на *arp*-полукольца соответствующие результаты перенесены в [6, 36].

Полукольцо S называется *слабо риккартовым*, если для любого $a\in S$ и любого элемента $b\in Ann\, a$ выполняется $Ann\, aS+Ann\, b=S$. Аннулятор элемента $a\in S$ определим как множество $Ann\, a=\{s\in S : as=0\}$, являющееся в симметрическом полукольц-

це двусторонним идеалом. Также не сложно понять, что в симметрическом полукольце для идеала 0_P совпадают понятия первичности, вполне первичности, псевдопростоты.

Предложение 2.2 [17]. *Для произвольного редуцированного полукольца S равносильны условия:*

1. *S – слабо риккартово.*

2. *Все идеалы 0_P, $P\in Spec\ S$, первичны (эквивалентно вполне первичны, псевдопросты).*

3. *Все идеалы 0_M, $M\in Max\ S$, первичны (эквивалентно вполне первичны, псевдопросты), и $P\subseteq M$ влечет $0_P=0_M$ для любых $P\in Spec\ S$, $M\in Max\ S$.*

4. *Каждый первичный идеал из S содержит единственный минимальный первичный идеал.*

5. $(\forall a,b\in S)(ab=0 \Rightarrow Ann\ a+Ann\ b=S)$.

6. $(\forall a,b\in S)(Ann\ a+Ann\ b=Ann\ ab)$.

7. $(\forall a,b\in S)(D(a)\cap D(b)=\varnothing \Rightarrow cl(D(a))\cap cl(D(b))=\varnothing$.

Через $cl(U)$ обозначено замыкание множества U, а через $Min\ S$ – *минимальный спектр* полукольца S – пространство всех его минимальных первичных идеалов, рассматриваемое как подпространство $Spec\ S$.

Предложение 2.3 [17]. *Для произвольного редуцированного полукольца S равносильны следующие условия:*

1. *S – риккартово полукольцо.*

2. *Для любого $a\in S$ множество $D(a)$ открыто-замкнуто в $Spec\ S$.*

3. *S – слабо риккартово и $Min\ S$ компактно.*

4. *$Min\ S$ – ретракт $Spec\ S$.*

Напомним [10], что каждое симметрическое полукольцо S изоморфно полукольцу всех глобальных сечений пучка Ламбека $(\cup S/\theta_P, Spec\ S)$, слои которого являются факторполукольцами по конгруэнциям θ_P, $P\in Spec\ S$, определяемыми следующим образом:

$$a\theta_P\, b \Leftrightarrow (\exists c\in S\setminus P)(ac=bc).$$

Этот факт и предложение 2.2 позволяют дать следующую пучковую характеризацию.

Предложение 2.4 [17]. *Редуцированное полукольцо слабо риккартово тогда и только тогда, когда все слои его ламбековского пучка являются полукольцами без делителей нуля.*

Более интересным для полуколец этого класса являются представления сечениями пучков, построенных с помощью *отношения Берна*. Для первичного идеала P положим

$$a\theta\,(P)b \Leftrightarrow (\exists u,v\in 0_P)(a+u=b+v).$$

При этом получается пучок $(K_S,\ X)=(\cup S/\theta\,(P),\ Spec\ S)$. Для ограниченной дистрибутивной решетки L такой пучок введен Корнишем [29]. Им же доказан изоморфизм между L и решеткой всех глобальных сечений построенного пучка.

Если сейчас S – редуцированное риккартово полукольцо, то пучок $(K_S,\ Spec\ S)$ будет *локально постоянным* – для каждой точки базисного пространства найдется ее окрестность U такая, что ограничение пучка на U является постоянным пучком.

Теорема 2.6 [17]. *Редуцированное риккартово полукольцо S изоморфно полукольцу всех глобальных сечений пучка $(K_S,\ X)$ в каждом из следующих случаев:*

1) $X=Min\ S$;

2) $X=Max\ S$.

Пусть сейчас A_S – полумодуль над произвольным полукольцом. Введем два вида конгруэнций на A_S, индексированных максимальными идеалами булева кольца BS дополняемых идемпотентов полукольца S.

$$a=_M b \Leftrightarrow (\exists e\in BS\setminus M)(ae=be),$$
$$a\equiv_M b \Leftrightarrow (\exists u,v\in AMS)(a+u=b+v),$$

где AMS – полумодуль над S всевозможных конечных сумм элементов вида ces, $c\in A_S$, $e\in M$, $s\in S$.

Стандартно проверяется, что $(\cup A_S/=_M,\ Max\ S)$ и $(\cup A_S/\equiv_M,\ Max\ S)$ – пучки полумодулей над S.

Предложение 2.7 [18]. *Полумодуль A_S над произвольным полукольцом S изоморфен полумодулям глобальных сечений пучков $(\cup A_S/=_M,\ Max\ S)$ и $(\cup A_S/\equiv_M,\ Max\ S)$.*

Отметим, что из представлений рассмотренных в параграфе полумодулей как следствия вытекают представления соответствующих полуколец [9,10,14].

§ 3. Гельфандовы полукольца

Кольцо R называется *гельфандовым*, если для любых различных максимальных правых идеалов M и N из R найдутся такие элементы $a\in R\setminus M$, $b\in R\setminus N$, что $aRb=0$ [37]. Гельфандово кольцо является строго гармоническим и допускает хорошее описание в терминах пучковых представлений. Так, гельфандово кольцо характеризуется как кольцо глобальных сечений компактного пучка локальных колец [2].

Встает вопрос о разумном обобщении гельфандовости в классе полуколец. Первая такая попытка была предпринята в [10], где рассматривались строго гармонические полукольца, в которых каждый односторонний максимальный идеал является идеалом. Отметим, что дословное перенесение кольцевого определения гельфандовости на полукольца, видимо, непродуктивно.

Пусть S – полукольцо и M – произвольный его максимальный правый идеал. Назовем S *r-полукольцом*, если для любого элемента $a\in S$ либо $a\notin M$, либо $a+1\notin M$.

Предложение 3.1 [19]. *Для r-полукольца S равносильны условия:*

1) *в S существует наибольший собственный правый идеал;*

1′) *в S существует наибольший собственный левый идеал;*

2) *в S существует наибольший собственный идеал, и он является наибольшим правым или наибольшим левым идеалом;*

3) *в S существует наибольший собственный идеал, и он является наибольшим правым и наибольшим левым идеалом;*

4) *множество всех необратимых элементов из S образуют идеал;*

5) *если $a+b=1$, то либо a, либо b обратим;*

6) *если $a+b=1$, то либо a, либо b обратим справа;*

6′) *если $a+b=1$, то либо a, либо b обратим слева.*

Назовем r-полукольцо, удовлетворяющее эквивалентным условиям предложения 3.1, *локальным*. Напомним об известной конструкции *локализации* произвольного коммутативного полукольца по простому идеалу, которые используются при построении пучка Гротендика [10, 33]. Отметим, что локализация в общем случае будет полукольцом с единственным максимальным идеалом, но не обязательно r-полукольцом. Например, локализация полукольца $\mathbf{N}$ неотрицательных целых чисел по максимальному идеалу $M=\mathbf{N}\setminus\{1\}$ изоморфна полукольцу $\mathbf{N}$, которое не является r-полукольцом.

Гельфандовым полукольцом назовем r-полукольцо, в котором для любых различных максимальных правых идеалов M и N найдутся такие элементы $a\notin M$ и $b\notin N$, что $aSb=0$.

Проблема 3.2. *Равносильны ли условия предложения 3.1 для произвольного полукольца? (Предположительно: нет).*

Тесно с предыдущей проблемой связана следующая

Проблема 3.3. *Дать наиболее естественное определение гельфандова полукольца, чтобы не нарушалась связь с локальными полукольцами, именно, чтобы ламбековские слои этого полукольца были локальными. В связи с этим вопросом исследовать полукольца, все максимальные правые идеалы которого полустрогие; конечные по Дедекинду полукольца* (полукольцо называется *конечным по Дедекинду*, если каждый его обратимый справа элемент обратим).

Примеры

1. Локальное полукольцо гельфандово.

2. Простое r-полукольцо (полукольцо, в котором в точности два идеала), не являющееся полутелом, строго гармонично, но не гельфандово.

3. Любое локальное полукольцо, в частности полутело, гельфандово.

4. Полукольцо $C(X,\mathbf{R}^+)$ всех непрерывных неотрицательных действительнозначных функций на топологическом пространстве X гельфандово.

5. Полукольцо всех глобальных сечений компактного пучка локальных полуколец гельфандово.

Предложение 3.4 [14]. *Для произвольного полукольца S эквивалентны утверждения:*

1) *S – строго гармоническое;*

2) *для каждого максимального идеала M идеал 0_M содержится в однозначно определенном максимальном идеале полукольца S (именно, в M);*

3) $0_M+0_N=S$ *для любых двух различных максимальных идеалов M, N полукольца S.*

Определение гельфандова полукольца было дано нами, строго говоря, как полукольца гельфандова справа. Следующим шагом будет устранение этой асимметрии.

Полукольцо S назовем *pm-полукольцом (pmr-полукольцом, pml-полукольцом)*, если каждый первичный идеал из S содержится в однозначно определенном максимальном (соотв. максимальном правом, максимальном левом) идеале.

Предложение 3.5 [19]. *Для гельфандова полукольца S равносильны условия:*

1) *S – pmr-полукольцо;*

2) *S – pml-полукольцо;*

3) *S – pm-полукольцо, каждый максимальный односторонний идеал которого является максимальным.*

Отметим, что условия предыдущего утверждения эквивалентны для произвольного кольца с 1.

Таким образом, из предложения 3.5 вытекает, что множества максимальных, максимальных правых и максимальных левых идеалов гельфандова полукольца совпадают.

Предложение 3.6 [19]. *Для строго гармонического r-полукольца S и его пучка Ламбека* ($L(S)$, *Max S*) *справедливы утверждения:*

1) *для любого замкнутого множества $T\subseteq Max\ S$ и любой точки $M\in Max\ S\setminus T$ найдутся сечения $s,t\in\Gamma(L)$ такие, что $s(M)=1$, $s|_T=0$ и $t(M)=0$, $t|_T=1$;*

2) *для любого $M\in Max\ \Gamma\ (L)$ $f_M(M)$ – максимальный идеал слоя S/θ_M, где f_M – естественный гомоморфизм полукольца Γ в слой над точкой M;*

3) *для любого $M\in Max\ S$ гельфандова полукольца S $0_M=\widetilde{0}_M$, где $\widetilde{0}_M=\{a\in S : (\exists c\notin M)\ (cSa=0)\}$;*

4) *для любого $M\in Max\ S$ гельфандова полукольца S конгруэнции θ_M и $\theta(M)$ совпадают.*

Идеал A полукольца S называется *чистым (равномерно чистым)*, если для любого элемента $a\in A$ выполняется $A+Ann\ a=S$ ($A+Ann\ aS=S$).

Очевидно, каждый равномерно чистый идеал чист.

Предложение 3.7 [19]. *В гельфандовом полукольце каждый чистый идеал равномерно чист.*

Предложение 3.8 [19]. *Для произвольного полукольца S справедливы утверждения:*

1) *если A – чистый идеал полукольца S и $a\in A$, то $ae=a$ для некоторого $e\in A$;*

2) *для произвольных чистых идеалов A,B,C полукольца S выполняется $(A+B)\cap C=A\cap C+B\cap C$;*

3) *пересечение двух чистых идеалов является чистым идеалом;*

4) *сумма произвольного числа чистых идеалов есть чистый идеал.*

Аналогичное утверждение справедливо и для равномерно чистых идеалов.

Наибольший чистый идеал, лежащий в идеале I, назовем *чистой частью идеала* I и обозначим $Vir\ I$. Подобным образом определяется *равномерно чистая часть* идеала.

Для идеала I и множества $U \subseteq Max\ S$ положим:

$$z(I)=Max\ S \setminus D(I)=\{M \in Max\ S: I \subseteq M\}$$

$$0_U=\cap\{0_M \in U\}=\{a \in S: (\forall M \in U)(Ann\ aS \not\subset M)\};$$

Как и для максимального спектра, определим *максимальный правый спектр* $Max_r S$ – пространство максимальных правых идеалов со стоуновской топологией. Через $zr(I)=\{M \in Max_r S: I \subseteq M\}$ обозначим замкнутое подмножество в максимальном правом спектре полукольца S.

Теорема 3.9 [19]. *Для всякого r-полукольца S равносильны условия:*

1) *S – гельфандово;*

2) *S – строго гармоническое pm-полукольцо, в котором каждый односторонний максимальный идеал является идеалом;*

3) *S – гельфандово слева, т. е. для любых различных максимальных левых идеалов M и N найдутся элементы $a \notin M$ и $b \notin N$ такие, что $aSb=0$;*

4) *для любого максимального правого идеала M идеал 0_M содержится только в одном максимальном правом идеале полукольца S;*

5) *$0_M+0_N=S$ для любых различных максимальных правых идеалов M, N;*

6) *$0_A+0_M=S$ для любых замкнутого множества A пространства $Max_r S$ и $M \in Max_r S \setminus A$;*

7) *$0_A+0_B=S$ для любых непересекающихся замкнутых множеств A и B из $Max_r S$;*

8) *$I+J=S$ влечет $Vir\ I+Vir\ J=S$ для произвольных правых идеалов I и J;*

9) *$Vir \sum_\alpha I_\alpha = \sum_\alpha Vir\ I_\alpha$ для произвольного семейства $\{I_\alpha\}$ правых идеалов из S;*

10) *$zr(0_{zr(I)})=zr(I)$ для любого правого идеала I в S;*

11) *$0_{zr(I)} \subseteq M \Rightarrow I \subseteq M$ для любых правого идеала I и $M \in Max_r S$.*

§ 4. Фреймы идеалов полукольца и представление Симмонса

Полукольцо всех эндоморфизмов $End\ A$ правого S-полумодуля A, в котором поточечное сложение и композиция в качестве умножения, является также и полумодулем над S. Очевидно, что полукольцо $End\ S$ всех эндоморфизмов полукольца S, рассматриваемое как полумодуль над собой, изоморфно полукольцу S.

Произвольная дистрибутивная решетка идеалов полукольца S, содержащая 0 и S и замкнутая относительно произвольных сумм, называется *фреймом идеалов полукольца* S. Множества всех чистых или равномерно чистых идеалов полукольца являются примерами фреймов идеалов.

Покажем, как с помощью произвольного фрейма идеалов полукольца строится предпучок полумодулей.

Пусть F – фрейм идеалов полукольца S. Собственный идеал $P \in F$ называется *точечным элементом фрейма* F, если $A \cap B \subseteq P$ влечет $A \subseteq P$ или $B \subseteq P$ для любых $A, B \in F$. Обозначим через pF множество всех точечных элементов из F. Для любого идеала $A \in F$ положим $p^*(A)=\{P \in pF: A \not\subset P\}$. Семейство множеств $\{p^*(A): A \in F\}$ из pF образует базу (стоуновской) топологии, превращая pF в пространство, называемое *точечным спектром* полукольца S. Если в качестве F возьмем фрейм всех чистых идеалов полукольца S, то получим так называемый *чистый спектр* полукольца S.

Теорема 4.1 [13]. *Пусть S – произвольное полукольцо, F – фрейм всех его чистых идеалов. Соответствие $p^*(A) \to End\ A$ для каждого идеала A определяет предпучок $\boldsymbol{P}$ полуколец над точечным спектром pF всех чистых идеалов полукольца S. Предпучок $(\boldsymbol{P}, pF)$ удовлетворяет условию P1. Полукольцо S изоморфно полукольцу всех глобальных сечений этого предпучка.*

Назовем полученный предпучок *предпучком Симмонса* [39]. В некоторых случаях этот предпучок оказывается пучком полуколец. Полукольцо S называется *коммутативным в нуле*, если равенство $ab=0$ влечет $ba=0$ для любых элементов $a, b \in S$.

Теорема 4.2. *Пусть F – фрейм всех чистых идеалов полукольца S. Тогда предпучок $(\boldsymbol{P}, pF)$ является пучком в каждом из следующих случаев:*

1) *S – гельфандово полукольцо* [19];

2) *S – коммутативное в нуле полукольцо* [13];

3) *S – кольцо* [39];

4) *фрейм F всех чистых идеалов из S является цепью* [13].

Аналогичные представления получаются при рассмотрении фреймов равномерно чистых идеалов. В [25] для слабо регулярных полуколец получено представление, подобное представлению, отмеченному в теореме 4.2 (полукольцо S называется *слабо регулярным*, если $a \in (aS)^2$ для произвольного элемента $a \in S$).

Поставим такой вопрос.

Проблема 4.3. *Возможно ли хорошее функциональное представление полуколец, основанное на фрейме конгруэнций? (Предположительно: да).*

При ее решении могут быть полезны результаты работ [11], которые обсуждались в обзоре [36], и [23].

§ 5. О регулярном полукольце

Известно, что регулярное кольцо с 1 очень удобно для изучения с помощью пучковых методов. Укажем работы [8, 27, 28, 38]. С этой точки

зрения регулярное полукольцо (определяемое как и для колец) не столь хорошо. Причина заключается в том, что в регулярных полукольцах, к примеру, в ограниченных дистрибутивных решетках, идемпотенты не обязательно дополняемы. В [21] рассматриваются регулярные полукольца с некоторыми дополнительными условиями. Полукольцо с квазитождеством $ac=bc \Leftrightarrow ca=cb$ называется *слабо симметрическим*.

Теорема 5.1 [21]. *Слабо симметрические регулярные полукольца, в которых каждый идемпотент дополняем, – это с точностью до изоморфизма полукольца глобальных сечений пучков полуколец с делением над нульмерными компактами.*

Произвольное полукольцо S называется *положительным* [40], если $a+1$ является обратимым элементом для любого $a \in S$; очевидно, что произвольное положительное полукольцо не является кольцом. Регулярное положительное полукольцо, каждый идемпотент которого дополняем, называется *булевым*. Поскольку булевы полукольца являются слабо симметрическими, то образуют подкласс слабо симметрических регулярных полуколец с дополняемыми идемпотентами. Слои ламбековского пучка булева полукольца являются положительными полукольцами, следовательно, полутелами. Поэтому справедливо

Следствие 5.2 [6]. *Полукольцо булево тогда и только тогда, когда оно изоморфно полукольцу всех глобальных сечений пучка полутел над нульмерным компактом.*

Примечания

1. *Вечтомов, Е. М.* Кольца непрерывных функций на топологических пространствах. Избранные темы [Текст] / Е. М. Вечтомов. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 1992.

2. *Вечтомов, Е. М.* Функциональные представления колец [Текст] / Е. М. Вечтомов. М.: Моск. гос. пед. ун-т, 1993.

3. *Вечтомов, Е. М.* Дистрибутивные решетки, функционально представимые цепями [Текст] / Е. М. Вечтомов // Фундаментальная и прикладная матем. 1996. Т. 2, № 1. С. 93-102.

4. *Вечтомов, Е. М.* Функциональная характеризация стоуновых решеток [Текст] / Е. М. Вечтомов // Вестник Вятского гос. пед. ун-та. 1999. № 2. С. 9-11.

5. *Вечтомов, Е. М.* Введение в полукольца [Текст] / Е. М. Вечтомов. Киров: Изд-во ВГПУ, 2000.

6. *Вечтомов, Е. М.* Абелево-регулярные положительные полукольца [Текст] / Е. М. Вечтомов, А. В. Михалев, В. В. Чермных // Труды семинара им. И. Г. Петровского. 2000. Т. 20. С. 282-309.

7. *Маслов, В. П.* Идемпотентный анализ и его применение в оптимальном управлении [Текст] / В. П. Маслов, В. Н. Колокольцов. М.: Наука, 1994.

8. *Тюкавкин, Д. В.* Пирсовские пучки для колец с инволюцией [Текст] / Д. В. Тюкавкин. М.: МГУ, 1982. 64 с. Деп. ВИНИТИ, № 3446-82 Деп.

9. *Чермных, В. В.* Представления положительных полуколец сечениями [Текст] / В. В. Чермных // Успехи матем. наук. 1992. Т. 47. № 5. С. 193-194.

10. *Чермных, В. В.* Пучковые представления полуколец [Текст] / В. В. Чермных // Успехи матем. наук. 1993. Т. 48. № 5. С. 185-186.

11. *Чермных, В. В.* О полноте пучковых представлений полуколец [Текст] / В. В. Чермных // Фундаментальная и прикладная матем. 1996. Т. 2. № 1. С. 167-177.

12. *Чермных, В. В.* Ламбековское представление полуколец [Текст] / В. В. Чермных // Вестник Вятского гос. пед. ун-та. Матем., инф., физ. 1996. Вып. 1. С. 19-21.

13. *Чермных, В. В.* О предпучке полуколец эндоморфизмов [Текст] / В. В. Чермных // Вестник Вятского гос. пед. ун-та. Матем., инф., физ. 1997. Вып. 3. С. 33-36.

14. *Чермных, В. В.* Полукольца [Текст] / В. В. Чермных. Киров: Изд-во Вят. гос. пед. ун-та, 1997.

15. *Чермных, В. В.* Аналог теоремы Стоуна-Вейерштрасса для полуколец [Текст] / В. В. Чермных // Науч. вестник Кировского филиала МГЭИ. 1998. Вып. 1. С. 193-196.

16. *Чермных, В. В.* Ламбековское представление полумодулей [Текст] / В. В. Чермных // Вестник ВятГГУ. 2003. № 8. С. 107-109.

17. *Чермных, В. В.* Редуцированные риккартовы полукольца и их функциональные представления [Текст] / В. В. Чермных // Фундаментальная и прикладная матем. (в печати).

18. *Чермных, В. В.* Представления полумодулей сечениями пучков [Текст] / В. В. Чермных // Фундаментальная и прикладная матем. (в печати).

19. *Чермных, В. В.* Гельфандовы полукольца и их представления сечениями [Текст] / В. В. Чермных // Чебышевский сборник. 2004. Т. 5. № 2. С. 131-148.

20. *Чермных, В. В.* Двойственность Малви для гельфандовых полуколец [Текст] / В. В. Чермных // Вестник ВятГГУ. 2004. № 10. С. 64-66.

21. *Чермных, В. В.* О регулярных полукольцах с некоторыми условиями [Текст] / В. В. Чермных // Вестник ВятГГУ. 2004. № 11. С. 147-149.

22. *Чермных, В. В.* О двойственности Малви для гельфандовых полуколец [Текст] / В. В. Чермных // Тезисы докладов Междунар. алгебраич. конф. МГУ. 2004. С. 136-137.

23. *Чермных, В. В.* О полноте пучкового представления полуколец [Текст] / В. В. Чермных // Тезисы докладов Междунар. алгебраич. конф. Екатеринбург, УрГУ. 2005. С. 114-115.

24. *Чермных, В. В.* О полном пучковом представлении полуколец [Текст] / В. В. Чермных // Вестник ВятГГУ. Информатика. Математика. Язык. Вып. 3. 2005.

25. *Ahsan, J.* Representations of weakly regular semirings by sections in a presheaf [Text] / J. Ahsan, R. Latif, M. Shabir // Comm. Algebra – 1993. V. 21(8). P. 2819-2835.

26. *Borceux, F.* Van den. A sheaf representation for modules with applications to Gelfand rings [Text] / F. Borceux, H. Simmons, G. Bossche // Proc. London Math. Soc. 1984. V. 48, № 2. P. 230-246.

27. *Burgess, W.* D. Pierce sheaves of non-commutative rings [Text] / W. D. Burgess, W. Stephenson // Comm. Algebra – 1976. V. 6. P. 51-75.

28. *Burgess, W.* D. An analogue of the Pierce sheaf for non-commutative rings [Text] / W. D. Burgess, W. Stephenson // Comm. Algebra – 1978. V. 6(9). P. 863-883.

29. *Cornish, W.* H. 0-ideals, congruences and sheaf representations of distributive lattices [Text] / W. H. Cornish // Rev. Roum. Math. Pures Appl. 1977. 22, № 8. P. 200-215.

30. *Davey, B. A.* Sheaf spaces and sheaves of universal algebras [Text] / B. A. Davey // Math. Z. 1973. 134, № 4. P. 275-290.

31. *Filipoui, A.* Compact sheaves of lattices and normal lattices [Text] / A. Filipoui // Math. Jap. 1991. 36, № 2. P. 381-386.

32. *Golan, J. S.* The theory of semirings with applications in mathematics and theoretical computer science. Pitman monographs and surveys in pure and applied mathematics [Text] / J. S. Golan. V. 54. 1992.

33. *Grothendieck, A.* Elements de Geometrie Algebrigue 1 [Text] / A. Grothendieck, J. Dieudonne. I.H.E.S., Publ. Math. 4/ Paris, 1960.

34. *Hoffmann, K. H.* Representations of algebras by continuous sections [Text] / K. H. Hoffmann // Bull. Amer. Math. Soc. 1972. V. 78. № 3. P. 291-373.

35. *Lambek, J.* On the representation of modules by sheaves of factor modules [Text] / J. Lambek // Can. Math. Bull. 1971. V. 14. № 3. P. 359-368.

36. *Mikhalev, A. V.* Semirings: sheaves and continuous functions [Text] / A. V. Mikhalev, E. M. Vechtomov, I. I. Artamonova, V. V. Chermnykh, V. I. Varankina // Semigroups with applications, including semigroup rings. Sankt-Peterburg, 1999. P. 23-58.

37. *Mulvey, C. J.* Representations of rings and modules [Text] / C. J. Mulvey // Lect. Notes Math. 1979. 753. P. 542-585.

38. *Pierce, R. S.* Modules over commutative regular rings [Text] / R. S. Pierce // Mem. Amer. Math. Soc. 1967. V. 70. P. 1-112.

39. *Simmons, H.* Sheaf representation of strongly harmonic rings [Text] / H. Simmons // Proc. Roy. Soc. Edinburgh. 1985. A99. № 3-4. P. 249-268.

40. *Slowikowski, W.* A generalization of maximal ideals method of Stone and Gelfand [Text] / W. Slowikowski, A. Zawadowski // Fund. Math. 1955. V. 42, № 2. P. 215-231.

41. *Vechtomov, E. M.* Rinds and sheaves [Text] / E. M. Vechtomov // J. Math. Sciences (USA). 1995. V. 74. № 1. P. 749-798.

Н. П. Савиных

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ И АВТОНОМИЗАЦИЯ ВЕГЕТАТИВНОГО ТЕЛА ЦВЕТКОВЫХ РАСТЕНИЙ

С использованием системного подхода и представлений о модульной организации проведен анализ жизненных форм растений. Установлено, что их эволюционные изменения согласуются с известными изменениями систем: количественные и качественные преобразования иерархически соподчиненных элементов, приводящие к образованию нового целого. Получено новое подтверждение первичности древесных жизненных форм по сравнению с травянистыми биоморфами.

САВИНЫХ Наталья Павловна – доктор биологических наук, профессор, зав. кафедрой ботаники ВятГГУ
© Савиных Н. П., 2005

Одной из наиболее значительных идей, появившихся в науке в последние десятилетия, стало осознание растения как модульного организма, тело которого формируется в результате закономерного и последовательного накопления однотипных структурных элементов. Их в разное время разные авторы называли по-разному: модули [1], ростовые единицы [2], метамеры [3, 4], единицы модулярного роста [5], блоки. Анализ этих понятий [6] показал, что для целей морфологического анализа растений наиболее приемлемо понятие «модуль». Кроме структурных особенностей, оно в значениях такт, ритм, мелодия отражает ритмологические и временные закономерности формирования модулей – их циклический морфогенез [7]. В соответствии с представлениями Л. Е. Гатцук [8, 9, 10], Л. М. Шафрановой [3, 4], Н. Н. Марфенина [7], И. С. Антоновой и О. В. Азовой [11], И. С. Антоновой и Н. Г. Лагуновой [12], мы определили **модуль** как однотипную структуру тела растения, закономерно повторяющуюся во времени и в пространстве и возникающую в результате одного цикла формообразования. Совокупность модулей образует новое целое с появлением у последнего своих собственных свойств. Возникшая система способна в дальнейшем стать еще более сложной в результате накопления модулей и войти в новую систему как ее составной элемент.

Основой модульного роста является повторяющийся морфогенез – мультипликация. В результате возникают модули разных размеров, но все они иерархически соподчинены [7]. В связи с этим модули представляют собой в определенном смысле инструмент для морфологического анализа [13, 14].

Т. В. Кузнецова [14] определила требования к выделению модулей в структуре растения: четкое вычленение в теле особи, закономерное повторение их, с одной стороны, с другой – четкое представление автора о целях выделения этих единиц.

Наши исследования биоморфологии видов рода *Veronica* L. [6, 15, 16] показали, что наиболее значимы для характеристики, сравнения и оценки эволюционных взаимоотношений биоморф, мониторинга и демонстрации морфологической и размерной поливариантности [17, 18] три типа модулей: элементарный, универсальный и основной [16, 19]. Они выполняют разную роль в сложении тела растения. **Элементарный модуль** – мельчайший простейший (далее неделимый) – метамер s. st. – элементарный метамер [20], состоящий из нижележащего междоузлия, узла, листа и почки или ее производных. Это – элементарная биоморфологическая единица побега, которая закладывается в течение одного пластохрона (период между заложением двух

последовательных листовых зачатков на конусе нарастания побега).

Совокупность элементарных модулей образует новое целое – одноосный побег. Это – **универсальный модуль**. Одноосный побег возникает так же ритмично, регулярно и циклически, как и элементарный модуль, и наряду с определенным строением тоже обладает временной характеристикой. Время формирования универсального модуля определяется длительностью моноподиального нарастания одноосного побега за счет его верхушечной меристемы. Универсальность этого модуля проявляется в возможности применения его для решения многих задач: характеристики особей на уровне органа, системы органов и организма в целом и на всех этапах их (побега и организма) развития. Применение универсального модуля позволяет сравнивать изменения побегов на разных этапах онтогенеза растений, описывать побеги разных биоморф, оценивать степень специализации, дифференциации, автономности частей особи, сравнивать биоморфы на уровне органов, включать в сравнительно-морфологический анализ временной параметр. Новое целое, возникающее в результате мультипликации универсального модуля, – основной модуль.

Основной модуль определяет основу и составляет сущность биоморф. Это – элементарная биоморфологическая единица особи: пространственно-временная структура, которая формируется на основе целого универсального модуля или его части и закономерно повторяется в строении зрелых генеративных особей. Совокупность основных модулей определяет тип биоморфы. В связи с этим многолетнее растение можно считать мультимодульным (состоящим из нескольких основных модулей). Однолетники вегетативного происхождения, однолетники-монокарпики образованы одним основным модулем. Их можно считать мономодульными, но не приближающимися к унитарным, как это склонны считать Н. Н. Марфенин [7], а также И. С. Антонова и Н. Г. Лагунова [12].

Основной модуль для многоствольных деревьев – крона [12], для одноствольного дерева – ветвь от ствола [12], для кустарников – система побега формирования [21], для многих длиннокорневищных трав – парциальный куст, для стелющихся растений – система побегов 3-4-х порядков ветвления, аналог системы побега ветвления [21].

Тип структуры модуля заложен генетически, и именно поэтому он закономерно повторяется. Более того, генетически заложено не только строение, но и последовательность заложения модулей. Особенно это относится к элементарному модулю, а именно: строению его боковых частей (листьев, почек и их производных), длине междоузлий. Поэтому на определенном этапе развития побега формируется определенный тип элементарного модуля, а в строении побега в фазе цветения и плодоношения четко выделяются структурно-функциональные зоны (см. рис. 1).

Бесконечное накопление модулей в системе взрослого растения на одной оси невозможно. Это обусловлено большой массой, например у деревьев, а также удалением растущих частей побеговых систем от питающих органов, в частности от корней. Поэтому на определенном этапе жизни возникает противоречие между способностью и необходимостью дальнейшего нарастания и связи растущих и питающих частей особи. Анализ имеющихся данных по биоморфологии растений показал, что решение этих противоречий в природе могло происходить несколькими путями. Во-первых, это – формирование новых основных модулей из спящих почек у основания ствола – путем пролонгации онтогенеза особи [23]. В результате сформировалась новая биоморфа – кустарники и кустарнички. **Их структура осталась прежней**, но в отличие от деревьев изменилось взаимное расположение основных модулей и положение почек их возобновления в пределах всего растения. Тем не менее это позволило кустарникам и кустарничкам стать более независимыми от внешних условий, поскольку у каждой такой единицы формировалась еще и собственная корневая система. В результате многие из них, особенно кустарнички, стали практически бессмертными, поскольку их жизнь сопровождается постоянным обновлением за счет образования новых основных модулей.

Более значительные изменения биоморф происходили при формировании трав сезонного климата [24, 25]. Простое накопление универсальных модулей оказывало на растения то же воздействие, что и на древесные растения. Выходом из создавшейся ситуации стало **полегание побегов без специализации их частей и укоренение**, а в результате – приближение питающих органов (корней) к меристеме побега. В связи с этим верхушки побегов перестали зависеть от более старых частей особи, стало возможно освобождение от них путем отмирания с базального, проксимального, конца [26]. Возникла неспециализированная морфологическая дезинтеграция, которая обеспечила вегетативное размножение с образованием клонов (совокупности вегетативно возникших потомков), а следовательно, и удлинила онтогенез растения практически до бесконечности. Заметим, что изменения структурных элементов побеговой системы в этом случае также не было. Изменения этого уровня затрагивали главным образом стратегию поведения растения как системы (смена положения в пространстве, освобождение от неработающих ее элементов), т. е. ее внутренние взаимодействия.

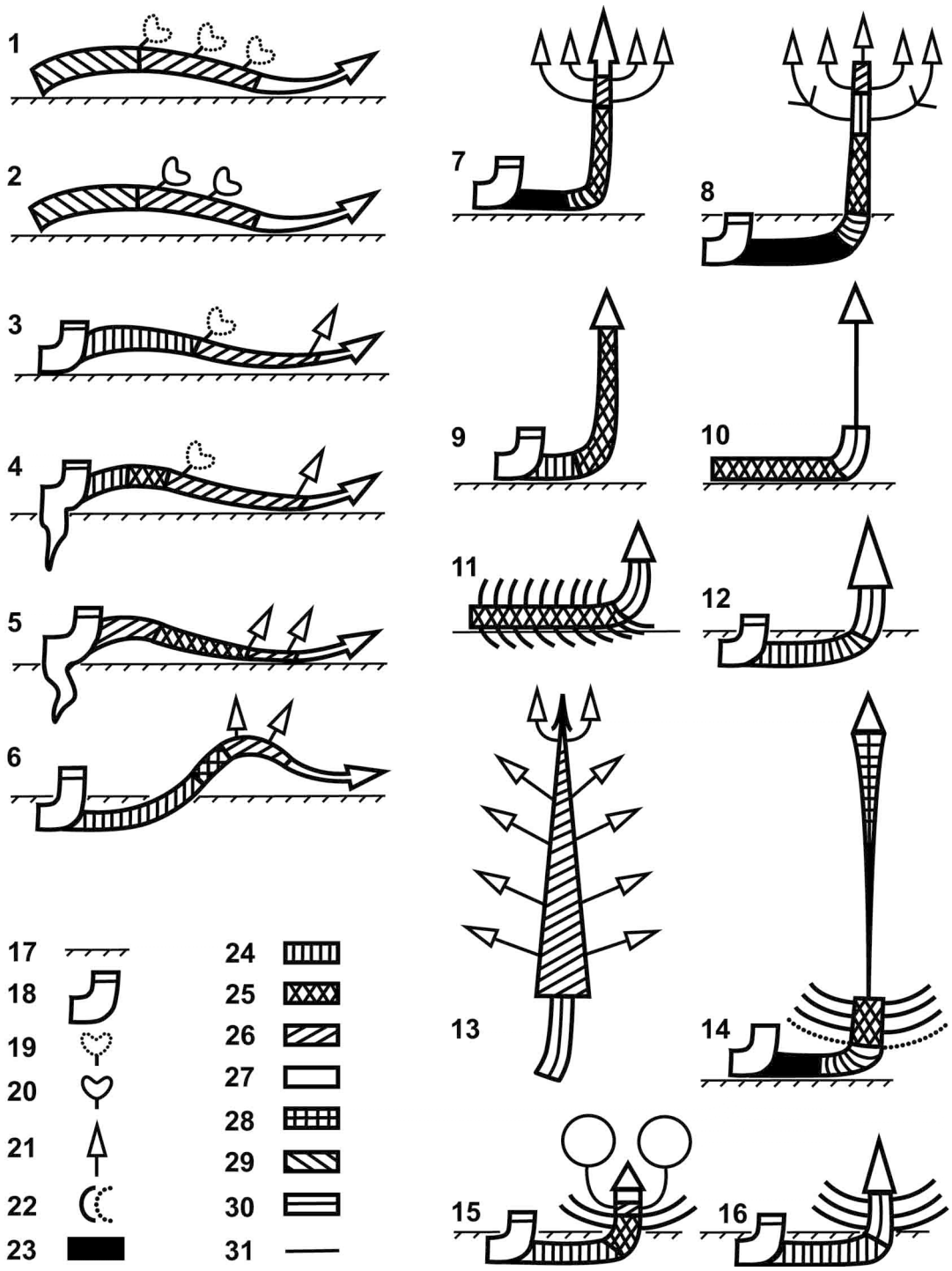


Рис. 1. Строение побегов вероник:

1 – *Veronica officinalis*, 2 – *V. filiformis*; 3 – *V. umbrosa*; 4 – *V. multiflora*; 5 – *V. prostrata*; 6 – *V. chamaedrys*; 7 – *V. jacquinii*; 8 – *V. longifolia*; 9 – *V. pinnata*; 10 – *V. serpyllifolia*; 11 – *V. telephiifolia*; 12 – *V. macrostemon*; 13 – *V. anagallis-aquatica*-гидрофит; 14 – *V. gentianoides*; 15 – *V. bogosensis*; 16 – *V. schmidtiana*; 17 – уровень почвы; 18 – резиды; 19 – плоды прошлых лет; 20 – плоды текущего года; 21 – простые кисти; 22 – листья. Зоны на побеге: 23 – нижняя торможения; 24 – возобновления; 25 – средняя торможения; 26 – вегетативно-генеративная; 27 – вторичного вегетативного нарастания; 28 – скрыто генеративная; 29 – вегетативная; 30 – обогащения; 31 – верхняя торможения. Придаточные корни не указаны.

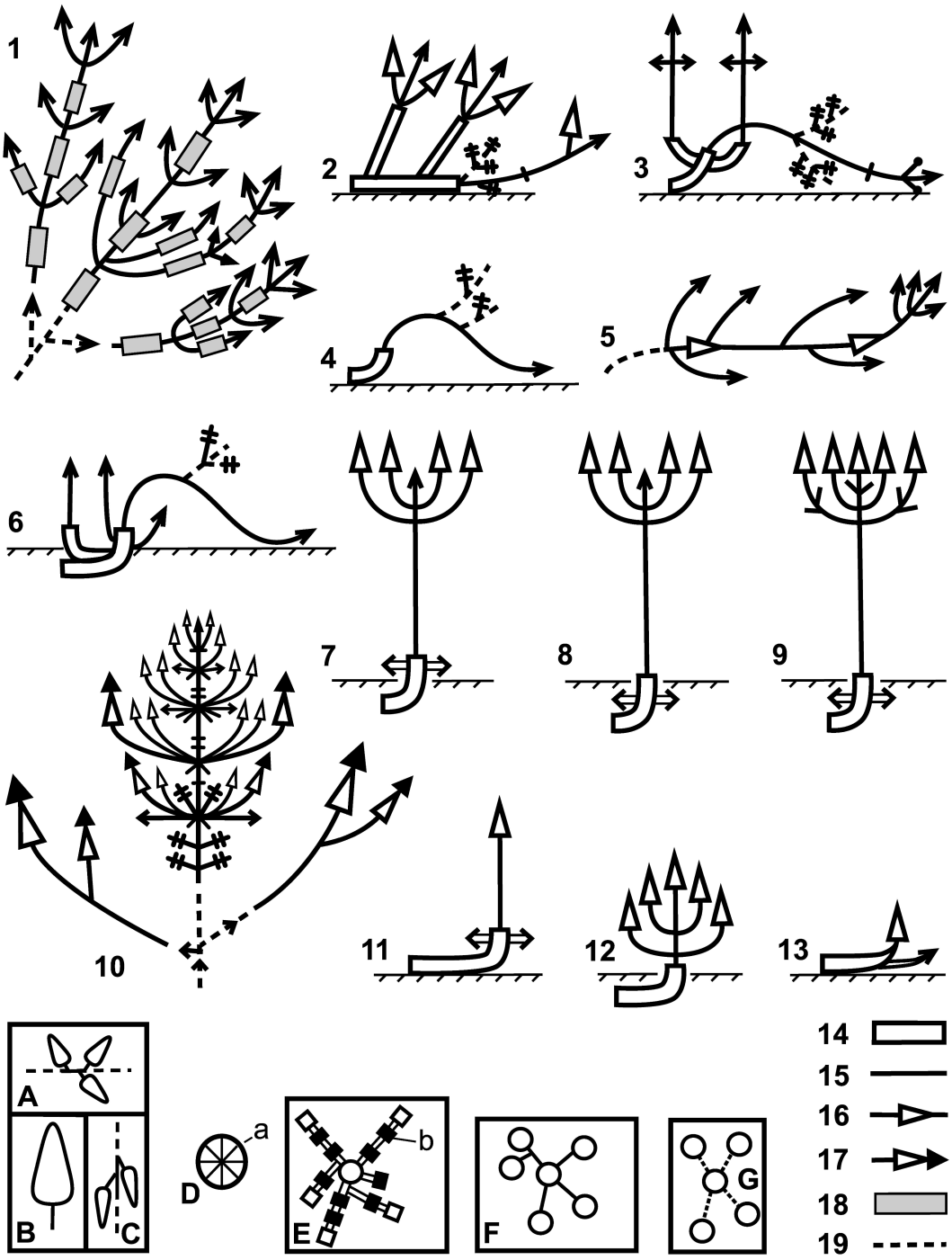


Рис. 2. Строение систем побегов и особей вероник:

1 – *Veronica officinalis*, *V. beccabunga*; 2 – *V. umbrosa*; 3 – *V. multiflora*; 4 – *V. prostrata*; 5 – *V. filiformis*; 6 – *V. chamaedrys*; 7 – *V. jacquinii*; 8 – *V. teucrium*; 9 – *V. longifolia*; 10 – *V. anagallis-aquatica*; 11 – *V. serpyllifolia*; 12 – *V. macrostemon*; 13 – *V. telephiifolia*; 14 – многолетние части побегов; 15 – однолетние части побегов; 16 – простые интеркалярные кисти; 17 – паракладии; 18 – интеркалярные соцветия; 19 – отмершие части побегов; A-G – вид сверху: а – первичный куст; б – побеги прошлых лет.

Древесные жизненные формы отличаются от трав сезонного климата с прямостоячими и приподнимающимися побегами длительным существованием последних в составе многолетнего тела растения. Надземные участки у трав сезонного климата с вышеупомянутыми побегами отмирают в конце вегетационного периода – осенью. У них разрешение противоречия между длительным нарастанием и максимальным приближением корневой системы к растущим частям растения решалось иным образом. На примере видов рода *Veronica* L. установлены [27] модусы преобразования слабо дифференцированного на зоны полициклического поликарпического побега в типичный монокарпический побег трав сезонного климата. Ведущими в этих преобразованиях были следующие изменения: смена акросимподиального нарастания систем побегов мезосимподиальным, а затем и базисимподиальным; ежегодное возобновление побегов; уменьшение длины резида, образующегося из надземной части побега, а также – геофилия (погружение части растения в почву).

Монокарпический побег – такой побег, жизненный цикл которого заканчивается цветением и плодоношением. Более поздними исследованиями его с позиций W. Troll [29] была показана **дифференциация** его **на структурно-функциональные зоны** (см. рис. 1): нижнюю торможения, возобновления, среднюю торможения, обогащения, верхнюю торможения и главное соцветие [30, 31]. Это стало возможно благодаря многочисленным базальным, медиальным и терминальным девиациям: изменениям элементарных модулей всех или их частей, а также – аббревиациям, особенно терминальным [23]: обрыву, прекращению формирования новых элементарных модулей. В результате на основе типичного для цветковых, многократно повторяющегося при формировании побегового тела растения элементарного модуля возникло большое число этих структурных единиц другого типа. Строение и порядок заложения элементарных модулей, как уже указывалось, были определены генетически. Время заложения и число регулировалось условиями среды. Монокарпические побеги формируются не только у трав, но и у некоторых древесных растений: *Syringa vulgris* L., *Viburnum opulus* L. и многие другие, еще в пределах древесных биоморф.

Само по себе появление таких монокарпических, однажды цветущих, побегов не привело к образованию трав. Важнейшим ароморфным изменением, в значительной степени обусловившим приспособленность организмов к существованию в условиях сезонного климата и приведшим к появлению этих биоморф, стало укоренение монокарпических побегов в год их образования и смещение в результате этого зоны возобновления в приземные горизонты или в почву. Монокарпический побег с собственными системами почвенного и воздушного питания, а также семенного размножения стал независим от целого – всего растения. Часть особи в виде ее универсального модуля, обладая всеми функциями целого, стала автономна. Произошла дифференциация не только в пределах универсального модуля – отдельного одноосного побега, но и всего целого – особи. Это имело важнейшее значение в эволюции трав сезонного климата, стало определенной ступенью в трансформации биоморф. Поэтому монокарпический побег, в понимании И. Г. Серебрякова [28], высшая форма специализации универсального модуля у трав с ортотропными и приподнимающимися побегами [27].

Универсальные модули у разных видов в зависимости от условий обитания, как уже указывалось, по-разному объединяются между собой и формируют основные модули разных типов: парциальные кусты, разнообразные типы симподиев из резидов прошлых монокарпических побегов (см. рис. 2).

Эти биоморфы являются многомодульными при оценке их с позиций всех типов модулей. Такие травы являются в основном мезофитами, мезоксерофитами и ксерофитами.

У некоторых водных и прибрежно-водных растений (виды рода *Sparganium* L. И др.) эти свойства наземных трав сохраняются. У типичных гидрофитов, погружающихся и погруженных в толщу воды, плавающих на ее поверхности, реализуются собственные тенденции в специализации вегетативного тела. Практически у всех происходит ранняя морфологическая дезинтеграция, и растение очень недолго является мультимодульным. Большая часть этих растений – малолетники и однолетники вегетативного происхождения, представленные в результате морфологической дезинтеграции всего одним основным и даже универсальным модулем. У них проявляется сочетание двух вышеназванных тенденций: сохраняется дифференциация универсального модуля на структурно-функциональные зоны [32] и усиливается вегетативное размножение. Но реализуется все это уже на новом уровне и в другой (гигро- или гидрофильной) линии эволюции. В любом случае возникновение **нового целого** обусловлено **не количественным усложнением** системы, а **качественными изменениями** ее **частей**, приведшими к возникновению нового целого. Кажущееся упрощение является, по сути, важнейшим ароморфным изменением, в значительной степени увеличивающим приспособленность особи к специфическим условиям водоема. Это явление прекрасно демонстрирует водокрас лягу-

шачий *Hydrocharis morsus-ranae* L. (Сем. *Hydrocharitaceae*), изученный Д. Ю. Петуховой. По ее данным, у этого однолетника вегетативного происхождения отдельные части особи внешне имеют вид небольших верхнерозеточных побегов, из пазушных почек листьев срединной формации которых формируются и цветки, и боковые побеги, на основе которых в тот же вегетационный период разовьются новые подобные системы. Вся же особь вегетативного происхождения к концу вегетационного периода будет представлена совокупностью таких образований. Более того, кажущийся одноосным побег (по сути, его можно бы назвать универсальным модулем) при детальном рассмотрении оказался представлен системой, возникшей в результате, как и у большинства других видов, итеративного ветвления (образование новых силлептических побегов из почек обогащения: без периода покоя). Поэтому этот структурный элемент является основным модулем. Он, как и монокарпический побег у длиннопобеговых и полурозеточных трав с базальной розеточной частью, обладает всеми свойствами целого: является структурой, обеспечивающей расселение, питание, размножение и закрепление в пространстве (в данном случае придаточные корни обеспечивают равновесие). Усиливают эффект автономности этих растений специализированные органы перезимовки, размножения и расселения, образующиеся в конце вегетационного периода, – гибернакулы (турионы в узком смысле). Они образуются на концах столонов вместо розеточных участков в конце вегетационного периода, имеют запас питательных веществ в виде крахмала и поэтому от тяжести опускаются на зиму на дно водоема, почку. Фактически являясь почкой – зачаточным побегом, функционально гибернакулы выполняют роль органов размножения и расселения и, возможно, аналогичны семенам. Поэтому дочерние растения в этом случае в значительной степени омоложены по сравнению с материнской, и никогда не удастся узнать и определить конец их жизни. Они поистине бессмертны.

Таким образом, анализ биоморф цветковых растений с позиций системного анализа и модульной организации показал, что их эволюционные изменения согласовываются с известными изменениями систем. С одной стороны, они были обусловлены накоплением элементов, что приводило к усложнению системы в виде ее грандизации. Увеличение размеров и объема любой системы возможно до определенных пределов. Лимитирующим фактором в данном случае стал прикрепленный образ жизни и высота, на которую растение способно переносить вещества.

Второй способ сохранения целого – распад системы на составляющие элементы без значительных структурных перестроек. Жизнеспособность этих новых систем у растений обусловила компенсация в виде раннего укоренения побегов за счет образования стеблеродных придаточных корней.

Третий способ – качественные изменения элементов системы и создание на их основе принципиально нового целого. Этот путь изменения растения как целостного организма реализовался при возникновении самых совершенных в условиях данной геологической эпохи биоморф – наземных и особенно водных трав сезонного климата.

Проведенное исследование является еще одним новым подтверждением первичности древесных жизненных форм по сравнению с травянистыми биоморфами.

Примечания

1. *Pervost, M. F.* Architecture del quelques Apocynacees ligneuses [Text] / M. F. Pervost // Mem. Soc. Bot. Fr., 1967. V. 114. P. 24-36.

2. *Савиных, Н. П.* Сравнительное морфогенетическое исследование жизненных форм вероник секции *Veronica* [Текст] : автореф. дис. ... канд. биол. наук / Н. П. Савиных. М., 1979. 16 с.

3. *Шафранова, Л. М.* О метамерности и метамерах у растений [Текст] / Л. М. Шафранова // Журн. общ. биол. 1980. Т. 41, № 3. С. 437-447.

4. *Шафранова, Л. М.* Ветвление растений: процесс и результат [Текст] / Л. М. Шафранова // Жизненные формы: структура, спектры и эволюция. М.: Наука, 1981. С. 179-213.

5. *Бигон, М.* Экология: Особи, популяции и сообщества / М. Бигон, Дж. Харпер, К. Таунсенд. М.: Мир, 1989. Т. 1. 667 с.

6. *Савиных, Н. П.* Биоморфология вероник России и сопредельных государств [Текст] : автореф. дис. ... д-ра биол. наук / Н. П. Савиных. М., 2000. 32 с.

7. *Марфенин, Н. Н.* Концепция модульной организации в развитии [Текст] / Н. Н. Марфенин // Журн. общ. биол. 1999. Т. 60, № 1. С. 6-17.

8. *Гатцук, Л. Е.* Геммаксиллярные растения и система соподчиненных единиц их побегового тела [Текст] / Л. Е. Гатцук // Бюлл. МОИП. Отд. биол. 1974. Т. 74, вып. 1. С. 100-112.

9. *Гатцук, Л. Е.* Иерархическая система структурно-биологических единиц растительного организма, выделенных на макроморфологическом уровне [Текст] / Л. Е. Гатцук // Успехи экологической морфологии и ее влияние на смежные науки: Межвузовский сборник научных трудов. М.: Прометей, 1994. С. 18-19.

10. *Гатцук, Л. Е.* Комплементарные модели побега и их синтез [Текст] / Л. Е. Гатцук // Бот. журн. 1995. Т. 80. № 6. С. 1-4.

11. *Антонова, И. С.* Архитектурные модели кроны древесных растений [Текст] / И. С. Антонова, О. В. Азова // Бот. журн. 1999. Т. 84, № 3. С. 10-32.

12. *Антонова, И. С.* О модульной организации некоторых групп высших растений [Текст] / И. С. Антонова, Н. Г. Лагунова // Журн. общ. биол. 1999. Т. 60, № 1. С. 49-59.

13. *Эсау, К.* Анатомия семенных растений [Текст] / К. Эсау. М.: Мир, 1980. 558 с.

14. *Кузнецова, Т. В.* К истории развития представлений о плане строения побега сосудистых растений и о месте филлома в нем [Текст] / Т. В. Кузнецова // Бот. журн. 1995. Т. 80. № 7. С. 1-11.

15. *Савиных, Н. П.* О жизненных формах водных растений [Текст] / Н. П. Савиных // Гидроботаника: методология, методы: Материалы Школы по гидроботанике (п. Борок, 8-12 апреля 2003 г.). Рыбинск: ОАО «Рыбинский Дом печати», 2003. С. 39-48.

16. *Савиных, Н. П.* Модули у растений [Текст] / Н. П. Савиных // Тезисы докл. II Междун. конф. по анатомии и морфологии растений (14-18 октября 2002 г.). СПб., 2002. С. 95-96.

17. *Савиных, Н. П.* Поливариантность особей и ее эволюционное значение [Текст] / Н. П. Савиных // Методы популяционной биологии: Сб. материалов докладов VII Всероссийского популяционного семинара (Сыктывкар, 16-21 февраля 2004 г.). Сыктывкар, 2004. Ч. 1. С. 186-187.

18. *Савиных, Н. П.* Экологический и эволюционный аспект модульной организации растений [Текст] / Н. П. Савиных // Актуальные проблемы регионального экологического мониторинга: научный и образовательный аспекты. Материалы Всероссийской научной школы (Киров, 24-25 ноября 2005 г.). Киров, 2005. Вып. 3. С. 15-21.

19. *Савиных, Н. П.* Побегообразование, морфогенез *Veronica gentianoides* (*Scrophulariaceae*) [Текст] / Н. П. Савиных // Бот. журн. 1999. Т. 84. № 6. С. 20-31.

20. *Барыкина, Р. П.* Элементарный метамер побега цветкового растения [Текст] / Р. П. Барыкина, М. А. Гуленкова // Бюл. МОИП. Отд. биол., 1983. Т. 84, Вып. 4. С. 114-124.

21. *Мазуренко, М. Т.* К биолого-морфологической характеристике кустарничков таежной зоны восточной Сибири [Текст] / М. Т. Мазуренко, А. П. Хохряков // Биология и продуктивность растительного покрова Северо-Востока. Владивосток, 1976. С. 3-48.

22. *Жукова, Л. А.* Популяционная жизнь луговых растений [Текст] / Л. А. Жукова. Йошкар-Ола: РИИК «Ланар», 1995. 224 с.

23. *Серебрякова, Т. И.* О некоторых модусах морфологической эволюции цветковых растений [Текст] / Т. И. Серебрякова // Журн. общ. биол. 1983. Т. 44, № 5. С. 579-593.

24. *Гатцук, Л. Е.* Содержание понятия «травы» и проблема их эволюционного положения [Текст] / Л. Е. Гатцук // Проблемы экологической морфологии растений. М.: Наука, 1976. С. 55-130.

25. *Savinykh, Natalya P.* Biomorphology of Veronicas of Russia and neighbouring states [Text] / Natalya P. Savinykh // Wulfenia. Vitteilungen des Kdrntner Botanizentrums Klagenfrut. Band 10. 2003. S. 73-102.

26. *Савиных, Н. П.* К вопросу о происхождении ползучих травянистых растений [Текст] / Н. П. Савиных // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1986. Т. 91. Вып. 1. С. 64-71.

27. *Савиных, Н. П.* Эволюционные преобразования побеговых систем при формировании трав сезонного климата (на примере секции *Veronica* рода *Veronica* L.) [Текст] / Н. П. Савиных // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1982. Т. 86. Вып. 5. С. 89-98.

28. *Серебряков, И. Г.* Морфология вегетативных органов высших растений [Текст] / И. Г. Серебряков. М.: Сов. наука, 1952. 391 с.

29. *Troll, W.* Die Infloreszenzen [Text] / W. Troll. Jena: Fischer Verlag, 1964. B. 1. 615 s.

30. *Мусина, Л. С.* Побегообразование и становление жизненных форм некоторых розеткообразующих трав [Текст] / Л. С. Мусина // Бюлл. МОИП. Отд. биол. 1976. Т. 81. Вып. 6. С. 123-132.

31. *Борисова, И. В.* Разнообразие функционально-зональной структуры побегов многолетних трав [Текст] / И. В. Борисова, Г. А. Попова // Бот. журн. 1990. Т. 75, № 10. С. 1420-1426.

32. *Семакина Е. В.* Биоморфологическая характеристика побегов *Sparganium emersum* Rehm [Текст] / Е. В. Семакина // Актуальные проблемы биологии и экологии: Материалы докладов Двенадцатой молодежной научной конференции (Сыктывкар, Республика Коми, Россия, 2005 г.). Сыктывкар, 2005. С. 211-212.

А. Д. Чупров, Ю. В. Кудрявцева

НЕОБХОДИМЫЙ МИНИМУМ ЗНАНИЙ ПО ОФТАЛЬМОЛОГИИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ЛЮБОГО СПЕЦИАЛИСТА НЕМЕДИЦИНСКОГО ПРОФИЛЯ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ЗАБОЛЕВАНИЙ ОРГАНА ЗРЕНИЯ

В статье рассматривается роль санитарно-просветительского обучения специалистов немедицинского профиля в профилактике офтальмологических заболеваний.

Из всех органов чувств человека глаз всегда признавался наилучшим даром и чуднейшим произведением творческой силы природы.

Г. Гельмгольц

Известно, что через зрительный анализатор поступает до 90% информации об окружающем мире, и это в процессе эволюции человека сформировало достаточно высокую устойчивость органа зрения к постоянным визуальным раздражителям. Тем не менее даже прошлые века существовали профессии с избыточной нагрузкой на орган зрения (часовщики и т. д.) Бурное развитие компьютерной и телевизионной техники привело к резкому увеличению зрительной нагрузки. Особенности изображения на мониторе являются «нетрадиционными» для зрения, что позволяет рассматривать их в качестве медико-технических факторов риска развития зрительных

ЧУПРОВ Александр Дмитриевич – доктор медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой офтальмологии, главный врач Кировской клинической офтальмологической больницы

КУДРЯВЦЕВА Юлия Владимировна – кандидат медицинских наук, ассистент кафедры офтальмологии, врач-офтальмолог Кировской клинической офтальмологической больницы

© Чупров А. Д., Кудрявцева Ю. В., 2005

нарушений [1]. Многие заболевания, связанные ранее с пожилым возрастом, диагностируются уже в достаточно молодом, трудоспособном возрасте, значительно ограничивая возможности человека и снижая качество его жизни. Свои коррективы в структуру заболеваемости вносят экологические факторы окружающей среды, плохое питание людей, профессиональная патология, связанная с напряженным зрительным трудом. Появляются новые нозологические формы глазных болезней, требующие дополнительных затрат на их лечение. Растет число пациентов с острыми сосудистыми заболеваниями глаз, причем отмечается тенденция к увеличению числа пациентов не только пожилого, но и молодого, трудоспособного возраста. Острые нарушения кровообращения в сосудах сетчатки и зрительного нерва являются тяжелой формой патологии глаза, которые чаще всего сопровождаются резким ухудшением зрительных функций и в 50% сопровождается поражением парного глаза [2]. Острая сосудистая патология глазного дна требует экстренного адекватного вмешательства специалиста-офтальмолога. Наиболее эффективна помощь в первые несколько часов. Пациент должен знать, что чем быстрее он обратится к врачу, тем более эффективно будет лечение. В то же время эти заболевания являются следствием общих заболеваний организма, таких, как гипертоническая болезнь, сахарный диабет и другие. В качестве профилактики рекомедуется ведение здорового образа жизни, своевременное обращение к врачу и аккуратное соблюдение врачебных предписаний.

Повреждения органа зрения с 1990 г. вышли на первое место в структуре причин инвалидности по зрению. Увеличился вес бытового и криминального глазного травматизма, по сравнению с производственным [3]. Важным этапом в лечении и реабилитации больных с травмами является первая доврачебная помощь. Иногда грамотная и быстрая первая помощь позволяет спасти пострадавшему зрение.

Прогрессирование миопии, несмотря на пристальное внимание специалистов, остается серьезной социальной проблемой. Существенно возросла зрительная нагрузка за счет увеличения школьных программ. Дети зачастую не справляются с чрезвычайно высокой зрительной и эмоциональной нагрузкой и находятся на грани срыва защитных механизмов [4]. Хроническое зрительное утомление можно рассматривать как преморбидное расстройство зрительной системы, кумуляция которого при отсутствии лечебных и профилактических мероприятий может способствовать заболеванию, что в целом снижает остроту зрения вдаль и может привести к выраженным затруднениям в выполнении зрительной работы вплоть до отказа от определенного вида зрительной деятельности. Ежегодный прирост количества детей с миопией в современном общеобразовательном учреждении составляет в среднем 5%. Правильная организация работы на близком расстоянии, чередование периодов труда и отдыха позволяет в большинстве случаев избежать серьезных проблем со зрением.

Кроме того, существует группа хронических заболеваний, таких, как глаукома, при которых постепенно и иногда незаметно для пациента происходит необратимая потеря зрения и только своевременное обращение к врачу может спасти больного от полной слепоты. Единственный способ избежать такого поворота событий – регулярная профилактическая диагностика зрения и состояния здоровья глаз у офтальмолога.

Таким образом, при подготовке специалистов важное место должно занимать санитарно-просветительское обучение в виде системы образования, включающей в себя комплексную просветительскую, обучающую и воспитательную деятельность, направленную на повышение информированности по вопросам охраны зрения, на формирование культуры здорового образа жизни, а также закрепление гигиенических навыков, обеспечивающих оптимальные условия зрительного восприятия.

Примечания

1. *Овечкин, И. Г.* Функциональная коррекция зрения [Текст] / И. Г. Овечкин, К. Б. Першин, В. Д. Антонюк. СПб., 2003. 96 с.

2. *Мошетова, Л. К.* Роль антикоагулянтов в лечении острой сосудистой патологии сетчатки и зрительного нерва [Текст] / Л. К. Мошетова, О. Ю. Яценко, А. П. Мизгирева, И. Ф. Борисенко // Клиническая офтальмология. М., 2005. Т. 6. № 3. С. 93-98.

3. *Гундорова, Р. А.* Клинический атлас травмы глаза [Текст] / Р. А. Гундорова, В. В. Кашников, В. В. Нероев. Новосибирск, 2005.

4. *Коротких, С. А.* Профилактика и лечение спазма аккомодации у детей [Текст] / С. А. Коротких, Е. А. Степанова, Н. А. Шеломенцев // Клиническая офтальмология. М., 2005. Т. 6. № 1. С. 37-40.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

А. В. Зонова, Л. А. Адамайтис

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ

В статье рассматриваются современное состояние, перспективы и основные проблемы развития банковского сектора России в различных аспектах: в отношении размеров банков (крупные, средние, мелкие); в отношении территориальной принадлежности (банки крупных мегаполисов и регионов). Представлена точка зрения авторов по вопросу интеграции России и ее банковской системы в Европейское экономическое и финансовое пространство.

Современная банковская индустрия России представляет собой мощную народно-хозяйственную отрасль по оказанию широкого спектра разнообразных услуг: от традиционных депозитно-ссудных и расчетно-кассовых операций, определяющих основу банковского дела, до новейших форм денежно-кредитных и финансовых инструментов, используемых банковскими структурами для удовлетворения потребностей различных клиентов.

Организованная на рыночных началах конкуренции, она взаимодействует со всеми заинтересованными сторонами и стремится к сохранению общественного доверия к банковскому сектору в целом путем достижения эффективной и стабильной работы каждого банка, выступающего самостоятельным участником банковского рынка.

В настоящее время банковские институты сосредоточивают у себя значительные объемы ссудного капитала путем привлечения свободных денежных средств предприятий, правительственных учреждений, сбережений населения.

Еще никогда в распоряжении банковского сектора не находился такой значительный объем средств, как сегодня. Громадный рынок, его рост, значительный уровень рентабельности характеризуют в настоящий момент этот сегмент российской экономики.

Между тем экономические, политические и социальные явления, происходящие как внутри страны, так и в мировом экономическом сообществе, обусловливают определенные тенденции и проблемы в развитии отечественного банковского сектора.

Можно выделить три основные тенденции в порядке их важности и силы влияния на перспективы развития банковской системы России.

Самой мощной тенденцией является международная конкуренция. И это не общие слова, а реальные факты.

Федеральным законом №173-ФЗ от 10.12.2003 г. «О валютном регулировании и валютном контроле» (с изменениями от 29.06.2004 г.) российским резидентам были разрешены практически все виды банковских услуг не только на территории РФ, но и за ее пределами.

В результате крупнейшие российские компании (крупнейшие и лучшие клиенты российских банков), испытывая недостаток в объемных и качественных банковских услугах, все большую и большую долю своего так называемого «банковского кошелька», своего потребления банковских услуг производят за счет поставщиков этих услуг, находящихся за пределами РФ. Соответственно российские банки проигрывают конкуренцию за лучшего клиента. Даже такие крупнейшие банки, как Сбербанк, Внешторгбанк, не говоря уже о более мелких частных банках, вынуждены отдавать значительную и лучшую часть клиентского сегмента иностранным банкам.

В сложившейся ситуации встает проблема выживаемости отечественных банков. Крупные российские банки примерно уже 2-2,5 года ведут активную политику проникновения в сектор средних российских предприятий, заменяя ими выбытие более крупных клиентов, вытесняя более мелкие банки в малый российский бизнес. Таким образом, возникает своеобразная волна, проходящая через всю российскую банковскую систему и порождающая видимые ее последствия – значительное число малых российских банков чувствует себя все более и более напряженно и готовится к одному из следующих сценариев.

Первый сценарий – продажа себя в качестве филиалов крупнейшим российским банкам.

Второй сценарий – объединение малых банков на региональном уровне на тех или иных условиях.

Третий сценарий, в значительной степени связанный с предыдущим, – это специализация бан-

ЗОНОВА Алевтина Вениаминовна – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой бухгалтерского учета и налогов, декан факультета экономики ВятГГУ
АДАМАЙТИС Людмила Афанасьевна – кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой экономического анализа и аудита ВятГГУ
© Зонова А. В., Адамайтис Л. А., 2005

ков в какой-либо географической или отраслевой клиентской нише с целью стать более конкурентоспособным в определенном небольшом клиентском сегменте и тем самым выжить.

Четвертый сценарий для тех, кто не решится на предыдущие, – уход с банковского рынка.

Следует при этом отметить, что государство не подталкивает эти процессы, допуская конкуренцию, которая, как предполагается, должна положительно сказаться на российской банковской системе.

Вторая тенденция связана с общеэкономическим ростом, на фоне которого происходит развитие банковской системы. Поэтому, несмотря на то что первая тенденция – конкуренция – усиливается, но общий рост экономики (и сохранение этой тенденции в будущем) повышает спрос на банковские услуги.

Третья тенденция, опять же непосредственно связанная с усиливающейся конкуренцией, – это существенное изменение структуры банковской системы.

Традиционно банковская система делится на крупные, средние и малые банки. В настоящее время целесообразен и другой принцип классификации: банки крупных мегаполисов (прежде всего это столичные банки) и «немосковские» банки. Это разница не просто в географическом положении, но, прежде всего, в качестве работы.

Преобладающая часть региональных банков – это средние и малые банки. По эффективности, качеству работы региональные банки лучше. Они проще организованы, традиционные банковские операции предоставляются прямо, связи многолетние. В целом деятельность региональной банковской системы, по мнению представителей ЦБ России, значительно более прозрачна.

В Москве спектр банков шире – от сверхкрупных до мелких; интенсивнее банковский бизнес, его связи, управление и банковские операции сложнее. Огромная клиентская ниша, жесточайшая конкуренция, ментальность представителей столичной банковской системы делают этот сегмент банковского рынка самым сложным в России.

В этих условиях тенденция к сегрегации банковской системы проявляется в Москве наиболее остро, и в ближайшие два года она еще более усилится. Перспективы выживания малых столичных банков, в отличие от регионов, крайне незначительны, они должны как можно быстрее специализироваться в небольшой клиентской нише либо исчезнуть. Обратная, негативная сторона этой проблемы заключается в том, что малые столичные банки, не видя позитивных для себя перспектив на рынке, начинают активно заниматься грязными банковскими технологиями, что в конечном итоге также должно привести к их ликвидации.

Антикриминальная политика становится неотъемлемой частью регулирования банковского сектора в международном масштабе. Сплочение усилий против отмывания денег, незаконного вывоза капитала за рубеж и других проявлений криминальности в банковском секторе становится одной из основных целей в борьбе с нелегальным бизнесом в целом. С другой стороны, опыт функционирования экономических систем показывает, что контроль никогда еще не удавался на все сто процентов. Более того, опыт России явно показал, что чем выше уровень контроля экономики, тем менее эффективно его практическое значение. Поэтому правовое преследование преступности и отмывания денег – очень глубокий и сложный в условиях рыночной системы вопрос, предполагающий свободный обмен товарами и услугами, свободное перемещение капитала, свободу формирования различных организаций и союзов, что требует большого внимания, усилий и профессионализма в борьбе за легализацию операций в банковской индустрии.

В связи с этим необходимо и существенное изменение психологии банковской культуры, формирование мнения о безусловном выполнении банковского законодательства, переход от тезиса «Знай своего клиента» к тезису «Знай клиента своего клиента».

Наконец, немного о банковских реформах. За последние годы правила игры в банковской сфере существенно изменились.

Конкретные, наиболее значимые изменения, которые государство в лице Центрального банка провело в банковской системе, следующие:

· Самое заметное и серьезное изменение связано с введением системы страхования вкладов. Это непростой процесс, и здесь ставятся следующие задачи:

– укрепить доверие населения к национальной банковской системе,

– создать систему страхования вкладов как элемент финансовой стабильности и страны в целом.

· Повышение качества отечественной банковской системы.

Чтобы не потерять конкурентные преимущества, российские банки должны постоянно совершенствовать свои операции и услуги в ответ на растущие потребности клиентов, учитывая их качественно изменившиеся запросы, склонность к риску, внедрять более прогрессивные структуры управления и информационные технологии, которые позволяли бы гибко реагировать на изменяющиеся внешние условия.

Целый ряд нормативно-инструктивных актов, разработанных ЦБ, был направлен на повышение качества кредитного портфеля, на улучше-

ние управления ликвидностью, совершенствование внутреннего контроля и т. д.

· Кадровый вопрос. Современным банкам нужны:

– высококвалифицированные кредитные аналитики, умеющие грамотно оценить качество банковских активов, структурировать и монтировать кредитные сделки, выполнять требования ЦБ по качеству кредитного портфеля и оградить собственные банки от чрезмерной критики оппонентов;

– аналитики финансово-хозяйственной деятельности клиентов;

– бухгалтеры-аудиторы, способные применять международные стандарты учета и отчетности в банковской сфере;

– менеджеры среднего и нижнего звена, располагающие инструментарием принятия стратегических решений, хорошо разбирающиеся в банковском маркетинге;

– специалисты по борьбе с отмыванием грязных денег, с незаконными доходами, проходящими через банковскую систему;

– специалисты с блестящим знанием иностранных языков как общеразговорного, так и профессионального плана. Без всего этого любой специалист кредитной системы работать не может. Для крупных банков это уже сегодняшняя реальность.

Объективной тенденцией является интеграция России в мировое и, в первую очередь, европейское экономическое и финансовое пространство, которая будет иметь большие последствия, как положительные, так и определенные отрицательные результаты для экономики (особенно для ее неконкурентоспособных отраслей, какие у нас пока что преобладают), а также занятости населения и его благосостояния.

Аргументами в пользу такого сценария являются: заинтересованность ЕС в России как будущем огромном рынке, обширной ресурсной базе и инвестиционном поле, энергетическая зависимость ЕС от России, причем в ближайшие 20-25 лет других альтернатив российским поставкам не предвидится, значительная доля ЕС в экспорте России, в иностранных инвестициях в России и ее внешнем долге, наконец, экономические, политические и социальные интересы значительного слоя российского общества в вопросе стратегического сотрудничества с Евросоюзом.

Однако можно перечислить и множество аргументов против подобной интеграции. Противников интеграции достаточно не только в ЕС, но и в самой России. При этом многие считают (и их большинство), что Россия ни географически, ни политически, ни экономически не «поместится» в ЕС.

Какую позицию в отношении основных проблем интеграции в единое экономическое и финансово-кредитное пространство с ЕС должна занять Россия и какая модель сотрудничества для нее приемлема в свете определенных негатив для денежно-кредитной сферы и, возможно, увеличения рисков? Возможен ли сценарий их стратегического сотрудничества в какой-либо форме в долгосрочной перспективе? В ближайшие 5-7 лет вхождение России в ЕС маловероятно или почти исключено. Однако через 10-15 лет вполне допустимо членство в Европейском экономическом и валютном союзе в той или иной форме.

Что же касается уже предположительно недалеких перспектив вступления в ВТО с точки зрения банковской системы, то, безусловно, что возрастет открытость банковской системы, еще более усилится внешняя конкуренция. Однако есть одна тема, которая навязывается России, и связана она с попытками заставить нас предоставить иностранным банкам на территории страны лучшие условия, в сравнении с теми, в которых работают отечественные банки. В частности, предлагается убрать все границы для открытия филиалов. Это означает, что иностранные банки желают работать через прямые филиалы. Следовательно, они будут менее контролируемы и с большими финансовыми возможностями. Прямые филиалы неприемлемы, и российское банковское сообщество отстаивает интересы России и ее банковской системы на всех международных переговорах по вступлении в ВТО.

В заключение заметим, что банковский сектор страны все еще в состоянии «переходности». Следовательно, его необходимо преодолеть, чтобы устойчиво и динамично развиваться. Создание устойчивой, гибкой и эффективной банковской инфраструктуры – важная и чрезвычайно сложная задача экономических реформ и преобразований современной российской экономики.

Л. Ф. Суходоева

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ФИРМЕ

В статье рассматривается сущность и структура организационного взаимодействия в фирме, анализируется взаимосвязь между успехом коммерческой фирмы и наличием организационного взаимодействия, предлагается триада (эффективный сотрудник, структура подразделения и эффективный документооборот), на которой базируется эффективный отдел.

Взаимодействие – это начало всякого упорядоченного организационного усилия. Есть две формы взаимодействия: во-первых, взаимодействие между людьми, которые собираются вместе либо вступают в ассоциацию для достижения поставленной цели; во-вторых, это может быть взаимодействие между умом сознательным и подсознательным, с помощью которого вырабатывается способность человека успешно налаживать контакты и устанавливать связи.

Взаимодействие между людьми, которые объединяются или собираются в группу ради достижения заданной общей цели, осуществляется с помощью организационных усилий. Мы живем в век совместных усилий. Почти любой процветающий бизнес ведется в той или иной степени взаимодействия с поставщиками, потребителями, конкурентами. То же самое можно сказать о производстве, финансах, о предоставляемых услугах.

Сила – это организованное усилие. Личная сила накапливается за счет развития, организации и координации умственных способностей. Этого можно достичь с помощью усвоения и применения основных принципов.

Расширение личных возможностей позволяет наращивать потенциальную силу, достичь максимума которой возможно лишь с помощью организационного взаимодействия.

Все люди, заработавшие крупные состояния, отличаются своими неординарными организаторскими способностями. Это означает, что они умели воспользоваться взаимодействием многих людей, обладающих талантом и возможностями, каких нет у самого «организатора».

Во всех коммерческих фирмах возникает потребность в трех разновидностях проявлений профессионального таланта: связанных с куплей, продажей и знанием финансовой системы. Партнеры с такими способностями организуют и координируют свои усилия на основе организационного взаимодействия.

Многие коммерческие фирмы не имеют успеха только потому, что ими руководили люди, имеющие один талант из трех необходимых: либо торговец, либо финансист, либо снабженец. Эти три категории людей несомненно важны для успеха коммерческого предприятия, но каждый в отдельности, без организационного взаимодействия, не приносит достойного результата.

Руководствуясь этим представлением, каждый раз можно выйти на конкретную область, в которой скрыта причина низкой эффективности, найти решение, которое исправит ситуацию в нужную сторону, и затем просто отдать набор распоряжений и проконтролировать их выполнение. Для организационного взаимодействия необходимы следующие составляющие: эффективный и управляемый отдел, а также потенциал команды.

Эффективным может считаться отдел, где есть такие составляющие, как эффективный сотрудник, который, в свою очередь, обладает пониманием, желанием, умением. Если у сотрудника есть понимание, желание и умение, он будет эффективным. Если он неэффективен, то есть не понимает, что надо делать, или не умеет, или не хочет, то эффективность отдела не достигается.

Вторым составляющим эффективного отдела является структура подразделения. Она должна быть построена так, чтобы в ней была персональная ответственность, определены показатели деятельности и для выполнения функций были сотрудники.

И третий компонент эффективного отдела – это эффективный документооборот. Он включает: инструкции, стандарты и планы.

Чтобы система под названием «отдел» работала, требуется необходимая формализация внутренних документов и эффективная организационная структура. Только три составляющих формируют эффективно работающий отдел.

Эффективно работающий отдел должен быть управляемым. Управляемый отдел должен иметь авторитетного руководителя, умеющего сочетать твердость в целях и гибкость в способах достижения этих целей. Он умеет мотивировать себя, прежде чем мотивировать других. Он должен быть подготовленным руководителем: во-первых, компетентным в своей профессиональной деятельности; во-вторых, владеть технологией управления, в-третьих, владеть навыками этики и коммуникаций.

Все это позволяет установить рабочие отношения в коллективе, при которых сотрудники умеют разделять деловое и личное.

Когда у нас есть подготовленный, авторитетный руководитель и, как результат, эффективно построенные отношения, то получается управляемый отдел.

Таким образом, организационные взаимодействия позволяют создать эффективный потенциал команды, с помощью которого развивается бизнес фирмы.

СУХОДОЕВА Людмила Федоровна – кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой коммерции Нижегородского государственного университета им. Лобачевского
© Суходоева Л. Ф., 2005

С. В. Савиных

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Раскрывается понятие потенциала развития образования в регионе в «производственной модели» деятельности системы профессионального образования.

Финансирование системы образования осуществляется на общегосударственном, региональном и местном уровнях, причем долевое участие тех или иных государственных и негосударственных структур в финансировании зависит от многих факторов, в частности от традиций, обычаев, от политики, проводимой в сфере развития производительных способностей человека.

В России основное бремя по финансированию образования ложится на регионы. Например: общие расходы на образование в составе консолидированного бюджета за 2002 г. на местные бюджеты приходилось 62%, бюджеты субъектов России – 20%, на федеральный бюджет – 18%.

Тенденция увеличения доли территориальных бюджетных фондов в финансировании системы образования характерна и для многих стран с развитой рыночной экономикой. В Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии в среднем из территориальных бюджетов финансируется 75% государственных вложений в образование.

Важным практическим основанием усиления именно территориальной поддержки системы воспроизводства кадров является то обстоятельство, что его носители (специалисты) в большинстве своем являются жителями данного региона, а значит, останутся здесь и будут реализовывать накопленные производительные способности в рамках региональной экономики. С этой точки зрения собственно само централизованное финансирование образования на федеральном уровне представляется как выделение целевых субвенций территориям.

В последнее время регионализацию рассматривают как доминирующую тенденцию российской экономики. Система образования также включена в этот процесс, поэтому возникает необходимость ввести в научный оборот понятие «потенциал развития образования в регионе», под которым понимается совокупность всех ресурсов региона, которые могут оказать влияние на уровень развития системы образования в данном регионе. Другими словами, потенциал развития образования – это выявление и использование возникающих совокупных возможностей региона, призванных обеспечить достижение экономического роста за счет факторов, зависящих от человека и человеческого капитала, необходимых для принятия практических решений и действий на всех уровнях хозяйствования в целях создания условий для одновременного и сбалансированного повышения социально-экономического развития и России, и отдельных регионов.

Как показывают научные исследования, в настоящее время существует неравномерность распределения научно-образовательного и производственного потенциалов по регионам России. Распределение регионов по всем приведенным показателям крайне неравномерно. Первые восемь субъектов Федерации при численности населения 26,6% производят 40,1% промышленной продукции, 49,5% суммарного ВРП, при этом на эти регионы приходится 41% численности общероссийского студенческого контингента и 62,5% всех внутренних затрат на исследования и разработки. В то же время на долю 39 субъектов с наихудшими экономическими показателями при схожей доле населения в 23,6% приходится всего 12,6% суммарного ВРП, 12,9% совокупного объема промышленной продукции, 16,6% общей численности студентов и 6,8% всех внутренних затрат на исследования [1].

Таким образом, в настоящий момент для большей части регионов возможность использовать систему образования для ориентации промышленности на инновационный путь развития становится проблематичной, хотя не вызывает сомнения тот факт, что развитие системы образования положительно влияет на активность промышленного производства.

Возникает необходимость дать оценку потенциала развития образования в регионе. В данном случае можно исходить из общепринятого набора качественных параметров и оценок образовательной сферы, описывающих ее состояние: качество, доступность, непрерывность, эффективность, открытость, а также рассматривать показатели, имеющие количественную характеристику системы образования: кадровый состав, материально-техническую базу, информационную базу, научно-методическое обеспечение, финансовые ресурсы.

Однако, как ни важны все указанные характеристики, они не дают целостной картины. Более того, их описание с позиций только системы образования оказывается противоречивым или практически невозможным.

Таким образом, представляется целесообразным построить «производственную» (экономическую) модель деятельности системы профессионального образования, рассматривая ее как «производство» специалистов из неподготовленного «сырья» (см. рис. 1).

САВИНЫХ Светлана Викторовна – старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и налогов ВятГГУ
© Савиных С. В., 2005

Потенциал системы развития образования можно описать, оценивая каждую из этих трех составляющих «производственного процесса», т. е. качество «сырья» (выпускников средней школы), эффективность самого производственного процесса и, наконец, качество и востребованность выпускников системы профессионального образования.

«Сырьем», поступающим в систему профессионального образования, являются контингент выпускников 9-11-х классов средней школы, которые характеризуются: численностью, структурой, качеством образования в неполной или полной средней школе.

«Производственный процесс» можно описать следующими параметрами: сеть организаций системы профессионального образования, ее мощность, структура и пространственная организация, набор направлений и специальностей подготовки, реализуемых в системе, объем и структура подготовки по каждому направлению и специальности, стандарты подготовки, учебные планы и программы, кадровый состав, материально-техническая база, педагогические технологии, научно-методическое обеспечение учебного процесса, информационное обеспечение учебного процесса, развитость научных исследований в системе профессионального образования, институциональная база системы профессионального образования, система финансирования и система управления.

«Продукция» системы профессионального образования также описывается определенным набором характеристик: численностью выпускников по каждому уровню подготовки, структурой выпусков по направлениям и специальностям подготовки, востребованностью выпускников различных направлений и специальностей подготовки на локальных, региональных, национальном и мировом рынках труда, конкурентоспособностью выпускников на рынке труда [2].

Таким образом, посредством рынка труда специалисты, подготовленные в системе образования, становятся основой экономического потенциала страны и социально-экономического развития региона.

Сложившаяся в настоящее время в Кировской области система профессионального образования не соответствует потребностям экономики. Это выражается в дисбалансе спроса и предложения рабочей силы, поскольку объемы и структура подготовки кадров все больше ориентиру-

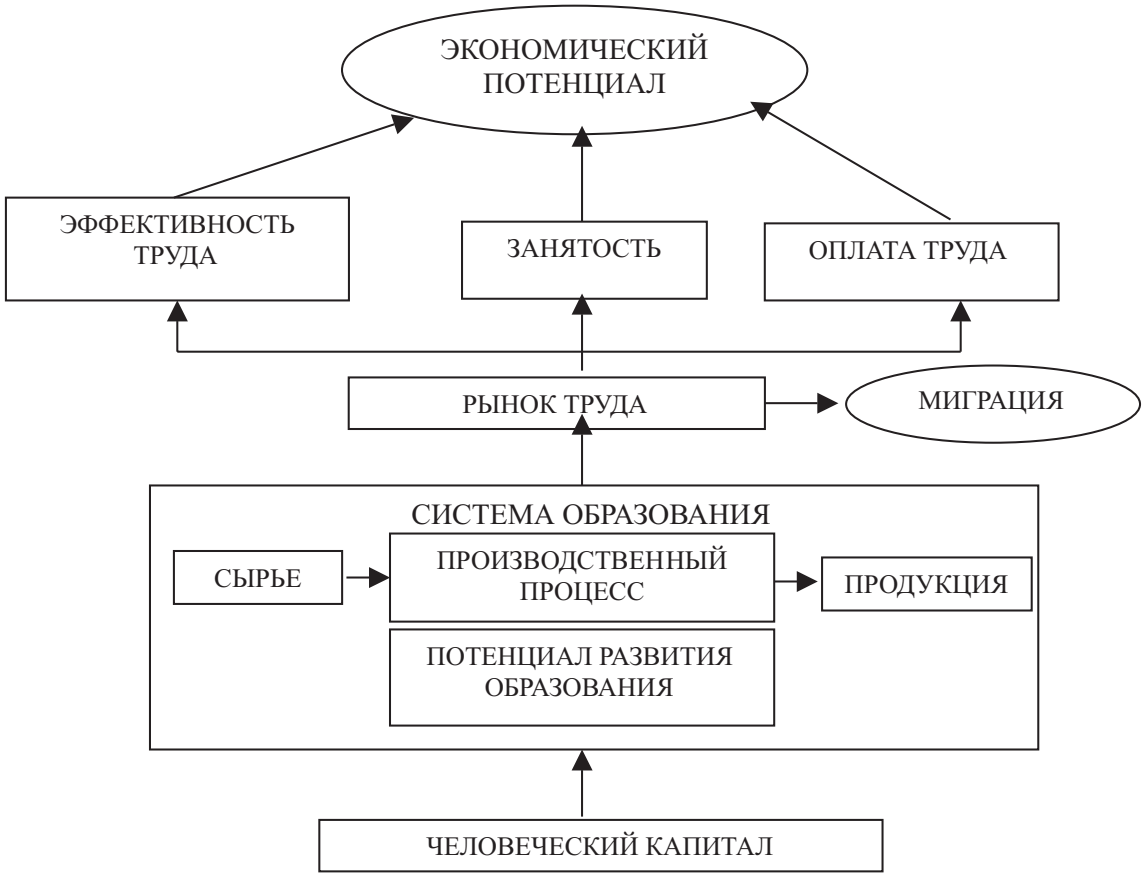


Рис. 1. Взаимосвязь экономического потенциала и потенциала развития образования

ются не на реальные потребности экономики, не на происходящие изменения в структуре спроса на профессии и специальности, а на сформированные неверным образом потребности населения (родителей и абитуриентов) в образовательных услугах.

Так, в общественном мнении Кировской области, как и всей страны, в годы рыночных реформ оформился устойчивый перечень наиболее престижных в рыночной экономике профессий, который и определяет спрос на услуги учреждений профессионального образования. В результате чего произошла значительная коммерциализация системы образования, включая госсектор, и огромное перепроизводство невостребованных на рынке труда кадров. Прежде всего, это коснулось юристов, экономистов, бухгалтеров, менеджеров, то есть специалистов социально-гуманитарного профиля, где предложение в несколько раз превышает реальный спрос.

По данным Департамента Федеральной государственной службы занятости населения по Кировской области (ФГСЗН), по состоянию на 1 апреля 2004 г. предложение превышает спрос: на юрисконсультов – в 18 раз, то есть на каждую вакансию юрисконсульта претендует 18 безработных, экономистов – в 8 раз, бухгалтеров – в 5 раз, модельеров-конструкторов – в 4 раза.

Рис. 2. Формы участия фирм в финансировании системы подготовки кадров

И наоборот, спрос превышает предложение в несколько раз по таким профессиям, как врач-терапевт (в 31 раз, то есть на 31 вакансию приходится всего один претендент), инженер-химик (в 13 раз), программист (в 8 раз), инженер-строитель (в 6 раз), менеджер по рекламе (в 3 раза) [3].

Кроме того, предложение по отдельным профессиям не соответствует спросу не только по количеству, но и по качеству. Так, многими работодателями, заявляющими в службу об имеющихся у них свободных рабочих местах, предъявляются настолько высокие требования к претендентам и их квалификации, что среди безработных, имеющих нужную работодателю профессию, не находится соответствующих этим требованиям.

По этой причине значительная часть вакансий остается незаполненной, то есть спрос на высококвалифицированную рабочую силу остается неудовлетворенным. Эти особенности формирования текущего спроса и предложения рабочей силы, отмечаемые в анализируемых службой занятости сегментах рынка труда, являются характерными и для формирования полного (совокупного), в масштабах всей области, текущего и перспективного спроса и предложения рабочей силы.

Как уравновесить спрос и предложение в специалистах, подготавливаемых системой образования? Так как основными потребителями специалистов являются фирмы, актуальной становится задача привлечь средства фирм для подготовки нужных им специалистов, что особенно важно на фоне трудности формирования ресурсной базы бюджетов и бюджетного дефицита региона в части финансирования системы образования.

В условиях современного инновационного производства политика фирм в отношении накопления кадрового потенциала является одним из главных направлений ее внутренней политики, определяющим перспективы положения фирмы на рынке. А потому расходы, связанные с формированием и накоплением кадрового потенциала, превращаются в статью инвестиций фирмы. Причем такие инвестиции определяются и непосредственными сигналами рынка, и долгосрочной хозяйственной стратегией.

Формы участия предприятий в финансировании подготовки специалистов многообразны (см. рис. 2).

Однако наибольшее значение имеет их деятельность в направлении накопления квалификации (человеческого капитала) своих работников. Инвестиции в обновление основного капитала, изменение структуры и повышение квалификационного уровня сотрудников являются взаимосвязанными и необходимо предполагают друг друга.

В современных экономических условиях фирмам сложно наращивать инвестиции в человеческий капитал своих сотрудников ввиду финансовой неустойчивости организаций и незнания основ менеджмента руководителями. Так, например, в Кировской области число убыточных предприятий в последние годы растет угрожающими темпами. К сожалению, в российском бизнесе не сложилось пока условий для полноценного воспроизводства кадров, хотя в ведущих странах мира, напротив, фирмы принимают активное участие в финансировании программ подготовки своих кадров.

Интересы большинства фирм ограничиваются преимущественно краткосрочной перспективой, в лучшем случае – среднесрочной. Приведем список характерных проблем управления кадрами для российских организаций:

а) руководители уверены, что повышение квалификации работника – это издержки, а не капиталовложения;

б) нет бухгалтерского учета стоимости кадрового потенциала;

в) налоговое законодательство не стимулирует и не разрешает капитализацию расходов на повышение квалификации;

г) существует боязнь потерять хорошо обученного специалиста;

д) руководители часто не заинтересованы в повышении собственной квалификации.

Чтобы изменить эту тенденцию, необходимо разработать новую систему учета затрат на обучение персонала, а также найти критерии оценки результатов проведенного обучения. В зарубежной практике применяется модель учета вложений в человеческий капитал [4]. Наиболее приемлемой формой учета вложений в кадры фирмы может стать модель учета затрат, в основе которой лежит система бухгалтерского учета основных средств (нематериальных активов), переработанная на основе особенностей человеческого капитала. Учет может производиться на специальных счетах бухгалтерского учета. Основными статьями затрат могут быть: набор и отбор персонала, ввод в должность, первоначальное обучение, обучение в период работы и т. д. Характеристиками могут служить:

Первоначальная стоимость будет равняться сумме расходов на отбор, набор персонала, ввод в должность и первоначальное обучение.

Восстановительная стоимость – это затраты, связанные с обучением за период работы (повышение квалификации, смена специализации).

Срок амортизации можно определить временем отработки затраченных средств, для этого каждому работнику следует установить предполагаемый срок занятости с учетом возраста, пола, стажа и степени мотивации.

Исходя из этого можно рассчитать балансовую стоимость кадров:

Балансовая стоимость = Восстановительная стоимость – Амортизация.

В отчетности по управленческому учету целесообразно ввести статью «Инвестиции в кадры», и все средства, направляемые на обучение персонала, целесообразно отражать в данной статье, так как в настоящее время в бухгалтерском балансе такой статьи не предусмотрено.

Таким образом, ведение обособленного учета кадров (человеческого капитала) как основного фактора производства, – одно из направлений оценки образовательного потенциала региона, которое позволит:

– оценить эффект кадровых инвестиций;

– способствовать рациональному использованию человеческих ресурсов;

– уравновесить спрос и предложение в специалистах на рынке труда;

– настроить систему образования и подготовки кадров на реальные запросы экономики региона;

– привлечь дополнительные финансовые ресурсы в систему образования.

В целом же интегральный характер воздействия уровня развития системы образования на все сферы жизнедеятельности регионов свидетельствует о возможностях использования образовательного потенциала региона как одного из наиболее эффективных средств сглаживания межрегиональных различий в темпах социально-экономического развития.

Оценка образовательного потенциала региона или страны в целом необходима. Она дает возможность составить долгосрочные планы развития региона (страны), предварительно оценить результаты инвестирования в систему образования, своевременно принять ряд мер для улучшения ситуации.

Оценка уже имеющегося потенциала позволит выявить его слабые стороны и, повлияв на соответствующие составляющие, увеличить имеющийся потенциал.

Примечания

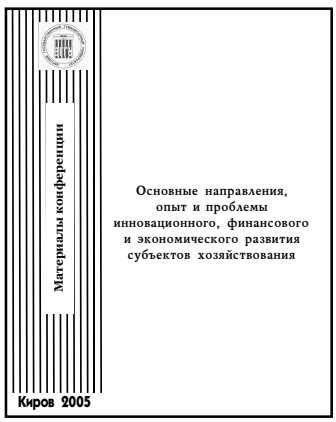
1. *Майбуров, И.* Высшая школа в регионе: механизм финансирования [Текст] / И. Майбуров // Высшее образование в России. 2004. № 1. С. 28.

2. *Клячко, Т. Л.* Модернизация российского образования: ресурсный потенциал и подготовка кадров [Текст] / Г. И. Беляев, Т. Л. Клячко; под ред. Т. Л. Клячко. М.: ГУ ВШЭ, 2002. С. 44. (Сер. «Библиотека развития образования».)

3. Мониторинг подготовки кадров в соответствии с потребностями экономики Кировской области. Формирование спроса и предложения выпускников учреждений системы профессионального образования, механизм взаимодействия рынка образовательных услуг с рынком труда на территории Кировской области [Текст]. Киров: КГМА, 2004. С. 47.

4. *Рощина, А. А.* Оценка стоимости информационных продуктов как объектов интеллектуальной собственности [Текст] / А. А. Рощина. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2002. С. 32.

НОВЫЕ КНИГИ



Основные направления, опыт и проблемы инновационного, финансового и экономического развития субъектов хозяйствования [Текст] : материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. – 104 с.

В сборнике представлены материалы межрегиональной научно-практической конференции, участниками которой стали преподаватели и аспиранты вузов гг. Кирова, Екатеринбурга, Стерлитамака, Ухты и др. Мероприятие, впервые проведенное на факультете экономики ВятГГУ, явилось новой формой привлечения ученых к решению актуальных проблем инновационного, финансового и экономического развития субъектов хозяйствования.

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

О. В. Старостина

КОНГРУЭНЦИИ И ГОМОМОРФИЗМЫ АБЕЛЕВО-РЕГУЛЯРНЫХ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ПОЛУКОЛЕЦ

Получено описание конгруэнций и гомоморфизмов произвольных абелево-регулярных положительных полуколец.

1. Введение

Алгебра $<S, +, \cdot, 0, 1>$ называется *полукольцом*, если $<S, +, 0>$ – коммутативный моноид, $<S, \cdot, 1>$ – моноид, $1 \neq 0$, выполняются законы дистрибутивности умножения относительно сложения и тождество $0 \cdot x = x \cdot 0 = 0$. Полукольцо с делением, не являющееся кольцом, называется *полутелом*. Если в нем выкинуть нуль, то получится *полутело без нуля*.

Полукольцо S называется *абелево-регулярным положительным*, или *arp-полукольцом*, если S – абелево-регулярное (т. е. для любого $a \in S$ найдется такой элемент $x \in S$, что $axa = a$ и каждый его идемпотент e коммутирует с любым элементом из S) и положительное полукольцо (т. е. для любого элемента $a \in S$ элемент $a + 1$ обратим в S).

Этот класс полуколец введен в работе [1], где была развита структурная теория *arp*-полуколец.

Относительно операций сложения $+$ и умножения $\cdot$ в S множество всех обратимых элементов $U(S)$ полукольца S образует полутело без нуля. А относительно умножения $\cdot$ полукольца S и сложения $\vee$ множество всех идемпотентов $L(S)$ является дистрибутивной решеткой с 0 и 1. При этом операция сложения $\vee$ определяется следующим образом: каждый элемент a *arp*-полукольца S представляется в виде произведения $a = e_a \cdot u$ обратимого элемента $u \in U(S)$ и однозначно определенного идемпотента $e_a \in L(S)$ [1, предложение 2.1], поэтому полагают $f \vee g = e_{f+g}$.

Для каждого *arp*-полукольца S также рассматриваются решеточный антигомоморфизм $\varphi_S : L(S) \to \mathrm{Con}U(S)$, сопоставляющий каждому идемпотенту $e \in L(S)$ конгруэнцию $\varphi(e)$ [1]:

$$u\varphi(e)v \Leftrightarrow eu = ev,\ u,\ v \in U(S),$$

и решеточный гомоморфизм $\psi_S : L(S) \to \mathrm{Con}U(S)$, $e \to \psi(e)$, сохраняющий 0 и 1:

$$u\psi(e)v \Leftrightarrow u + ex = v + ey$$

для некоторых $x,\ y \in U(S)$.

При этом для каждого идемпотента $e \in L(S)$ конгруэнции $\varphi(e)$ и $\psi(e)$ дополняют друг друга, т. е. $\psi(e) \circ \varphi(e) = 1$ и $\psi(e) \cap \varphi(e) = 0$ [2].

Кроме того, конгруэнции $\varphi(e)$ и $\psi(e)$ являются дистрибутивными и стандартными элементами в модулярной решетке $\mathrm{Con}U(S)$, т. е. для $\varphi(e)$ и любых конгруэнций $\tau_1,\ \tau_2 \in \mathrm{Con}U(S)$ имеют места равенства

$$\varphi(e) \circ (\tau_1 \cap \tau_2) = (\varphi(e) \circ \tau_1) \cap (\varphi(e) \circ \tau_2)$$

$$\text{и } \tau_1 \cap (\varphi(e) \circ \tau_2) = (\tau_1 \cap \varphi(e)) \circ (\tau_1 \cap \tau_2).$$

Соответствующие равенства выполняются и для конгруэнции $\psi(e)$.

Абстрактная тройка $<L, U, \varphi>$, состоящая из ограниченной дистрибутивной решетки L, полутела без нуля U и решеточного антигомоморфизма φ: $L \to \mathrm{Con}U$, переводящего 0 в 1 и 1 в 0, которая соответствует некоторому *arp*-полукольцу S, называется *индуцированной*. Можно также рассматривать абстрактную тройку вида $<L, U, \psi>$, которую также назовем *индуцированной*, если она соответствует некоторому *arp*-полукольцу.

Установлено, что абстрактная тройка $<L, U, \varphi>$ (или $<L, U, \psi>$) является индуцированной тогда и только тогда, когда все элементы $\varphi(L)$ ($\psi(L)$) дополняемы в $\mathrm{Con}U$. И два произвольных *arp*-полукольца изоморфны тогда и только тогда, когда изоморфны их индуцированные тройки (см. [1, 2]).

Операции в произвольном *arp*-полукольце S сводятся к операциям над элементами дистрибутивной решетки $L(S)$ и полутела без нуля $U(S)$ следующим образом: для любых $e,\ f \in L(S)$, $u,\ v \in U(S)$

$$(eu) \cdot (fv) = ef \cdot uv \text{ и } eu + fv = (e \vee f)w,$$

где обратимый элемент w однозначно определяется соотношениями

$$w\varphi(ef)(u + v),\ w(\varphi(e) \circ \psi(f))u,\ w(\varphi(f) \circ \psi(e))v.$$

Итак, с каждым *arp*-полукольцом можно связать тройку $<L(S), U(S), \varphi_S>$, или $<L(S), U(S), \psi_S>$, и вести изучение *arp*-полуколец в терминах таких троек.

2. Конгруэнции на *arp*-полукольцах

В [1, §4] было изучено строение конгруэнций на предбулевых полукольцах и доказано, что существует биекция между множеством всех конгруэнций ρ на предбулевом полукольце S и множеством всех согласованных пар $(\sigma;\ \tau)$ конгру-

СТАРОСТИНА Ольга Валентиновна – аспирант кафедры алгебры и геометрии ВятГГУ
© Старостина О. В., 2005

энций на $L(S)$ и $U(S)$. В данной статье этот результат распространен на произвольные *arp*-полукольца.

Напомним, что *arp*-полукольцо S называется *предбулевым*, если для каждого идемпотента $e \in L(S)$ найдется такой идемпотент $e_1 \in L(S)$, что для любых двух обратимых элементов u, $v \in U(S)$ существует единственный обратимый элемент $w \in U(S)$, удовлетворяющий равенствам $eu = ew$ и $e_1 v = e_1 w$. Предбулевость полукольца S равносильна тому, что $\mathrm{Im}\varphi_S$ является булевой подрешеткой в решетке $\mathrm{Con}U$.

Предложение 1. *Пусть ρ – произвольная конгруэнция на arp-полукольце S, $\sigma = \rho|_{L(S)}$ и $\tau = \rho|_{U(S)}$. Тогда σ и τ – конгруэнции на $L(S)$ и $U(S)$ соответственно, и для любых e, $f \in L(S)$, u, $v \in U(S)$ выполняются условия*:

1) $(eu)\rho(fv) \Leftrightarrow e\sigma f$ *и* $u(\tau \circ \varphi(e))v$;

2) $e\sigma f \Rightarrow \tau \circ \varphi(e) = \tau \circ \varphi(f)$.

Доказательство. Очевидно, что τ является конгруэнцией на полутеле $U(S)$ и отношение эквивалентности σ сохраняет операцию умножения в $L(S)$. Ниже будет показано, что $e\sigma f$ влечет $(e \vee g)\sigma(f \vee g)$, e, f, $g \in L(S)$, а значит, σ является конгруэнцией на $L(S)$.

Пусть $(eu)\rho(fv)$. Тогда $e\rho f(vu^{-1})$ и $e\rho f(vu^{-1})^2$. Откуда $f(vu^{-1})\rho f(vu^{-1})^2$, или $f\rho f(vu^{-1})$. Из имеющихся соотношений $e\rho f(vu^{-1})$ и $f\rho f(vu^{-1})$ следует $e\rho f$, что эквивалентно соотношению $e\sigma f$. Тогда $(e + g)\rho(f + g)$, или $(e \vee g)u\rho(f \vee g)v$ для некоторых элементов u, $v \in U(S)$. Откуда $(e \vee g)\sigma(f \vee g)$.

Пусть $(eu)\rho(fv)$, тогда по доказанному $f\rho e$, а значит, $(fv)\rho(ev)$ и $(eu)\rho(ev)$. Прибавим к обеим частям последнего соотношения элементы u и v, получим соответственно $u(e + 1)\rho(ev + u)$ и $(eu + v)\rho(e + 1)v$. Откуда

$$u\rho(ev + u)(e + 1)^{-1} \text{ и } 1\rho(e + 1)(eu + v)^{-1}v,$$

так как $e + 1$ коммутирует с любым обратимым элементом полукольца S. Перемножим почленно два последних соотношения $u\rho(ev + u)(eu + v)^{-1}v$ и заметим, что

$$e(ev + u)(eu + v)^{-1}v = e(v + eu)(eu + v)^{-1}v = ev.$$

Значит, $u\rho(ev + u)(eu + v)^{-1}v\varphi(e)v$, или $u(\tau\circ\varphi(e))v$.

Обратно, если $e\sigma f$ и $u(\tau \circ \varphi(e))v$, то для некоторого $x \in U(S)$ имеем utx, $x\varphi(e)v$, $e\rho f$ и $u\rho x$. Тогда $(eu)\rho(ex)$, $ex = ev$ и $(ev)\rho(fv)$. Откуда $(eu)\rho(fv)$.

Утверждение (2) следует из (1), поскольку если $e\sigma f$, то условие $u(\tau \circ \varphi(e))v$ равносильно $(eu)\rho(fv)$, а оно, в свою очередь, равносильно $u(\tau \circ \varphi(f))v$.

Пусть σ – конгруэнция на дистрибутивной решетке $L(S)$ и τ – конгруэнция на полутеле $U(S)$. Пара конгруэнций $(\sigma;\ \tau)$ называется *согласованной*, если она удовлетворяет условию:

$$e\sigma f \Rightarrow \tau \circ \varphi(e) = \tau \circ \varphi(f).$$

Замечание 1. Так как в интервале $[\tau;\ 1]$ любая конгруэнция решетки $\mathrm{Con}U(S)$ имеет не более одного дополнения [3], то условие $\tau \circ \varphi(e) = \tau \circ \varphi(f)$ равносильно равенству $\tau \circ \psi(e) = \tau \circ \psi(f)$. Поэтому пара конгруэнций $(\sigma;\ \tau)$ является согласованной тогда и только тогда, когда она удовлетворяет условию

$$e\sigma f \Rightarrow \tau \circ \psi(e) = \tau \circ \psi(f).$$

Лемма. $\tau \circ \varphi(e) = \tau \circ \varphi(f) \Leftrightarrow (\varphi(e) \circ \varphi(f) \cap \cap \psi(e) \circ \psi(f)) \subseteq \tau$.

Доказательство. Пусть $\tau \circ \varphi(e) = \tau \circ \varphi(f)$, тогда $\tau \circ \varphi(e) \circ \varphi(f) = \tau \circ \varphi(f)$ и согласно замечанию $\tau \circ \psi(e) = \tau \circ \psi(f)$, $\tau \circ \psi(e) \circ \psi(f) = \tau \circ \psi(f)$. Откуда $\tau \circ (\varphi(e) \circ \varphi(f) \cap \psi(e) \circ \psi(f)) = \tau \circ \varphi(e) \circ \varphi(f) \cap \tau \circ \psi(e) \circ \psi(f) = \tau \circ \varphi(f) \cap \tau \circ \psi(f) = \tau$. А это означает, что $(\varphi(e) \circ \varphi(f) \cap \psi(e) \circ \psi(f)) \subseteq \tau$.

Обратно, если $(\varphi(e) \circ \varphi(f) \cap \psi(e) \circ \psi(f)) \subseteq \tau$, то $\tau \circ \varphi(e) \circ \varphi(f) = \tau \circ \varphi(e) \circ (\varphi(e) \circ \varphi(f) \cap \psi(e) \circ \psi(f)) \subseteq \tau \circ \varphi(e)$. Откуда $\tau \circ \varphi(e) \circ \varphi(f) = \tau \circ \varphi(f)$. Аналогично доказывается, что $\tau \circ \varphi(e) \circ \varphi(f) = \tau \circ \varphi(f)$. Значит, $\tau \circ \varphi(e) = \tau \circ \varphi(f)$.

Из леммы следует, что конгруэнции полутела $U(S)$, согласованные с фиксированной конгруэнцией $\sigma \in \mathrm{Con}L(S)$, – это в точности те конгруэнции, которые находятся в интервале $[\tau_{\min};\ 1]$, где наименьшая конгруэнция $\tau_{\min}$ полутела $U(S)$ равна $\tau_{\min} = \bigvee\limits_{e\sigma f} (\varphi(e) \circ \varphi(f) \cap \psi(e) \circ \psi(f))$. В частности, если $L(S)$ – булева решетка, то $\tau_{\min} = \bigvee\limits_{e \in [0]_\sigma} \psi(e)$, так как $\varphi(e) \circ \varphi(f) \cap \psi(e) \circ \psi(f) = (\varphi(e) \cap \psi(f)) \circ (\varphi(f) \cap \psi(e)) = (\psi(e') \cap \psi(f)) \circ (\psi(f') \cap \psi(e)) = \psi(e'f \vee ef')$, а для любых e, $f \in L(S)$ таких, что $e\sigma f$, $e'f \vee ef' \in [0]_\sigma$, и для любого идемпотента $e \in [0]_\sigma$. $e' \cdot 0 \vee e \cdot 1 = e$.

Если фиксирована конгруэнция τ на полутеле $U(S)$, то все конгруэнции $\sigma \in \mathrm{Con}L(S)$, согласованные с τ, совпадают с конгруэнциями из интервала $[0;\ \sigma_{\max}]$ и наибольшая согласованная с ней конгруэнция $\sigma_{\max} \in \mathrm{Con}L(S)$ задается формулой: $e\sigma_{\max} f \Leftrightarrow \tau \circ \varphi(e) = \tau \circ \varphi(f)$.

Предложение 2. *Пусть S – arp-полукольцо, и $(\sigma;\ \tau)$ – произвольная согласованная пара конгруэнций на $L(S)$ и $U(S)$. Бинарное отношение ρ на S, заданное формулой*

$$(eu)\rho(fv) \Leftrightarrow e\sigma f \text{ и } u(\tau \circ \varphi(e))v, \qquad (1)$$

является конгруэнцией на полукольце S, при этом $\rho|_{L(S)} = \sigma$ и $\rho|_{U(S)} = \tau$.

Доказательство. В силу согласованности пары $(\sigma;\ \tau)$ отношение ρ определено корректно.

Рефлексивность и симметричность ρ очевидны. Докажем транзитивность ρ. Пусть $(eu)\rho(fv)$ и $(fv)\rho(gw)$, где e, f, $g \in L(S)$ и u, v, $w \in U(S)$. Тогда

$$u(\tau \circ \varphi(f))v,\ v(\tau \circ \varphi(f))w,\ e\sigma f \text{ и } f\sigma g,$$

причем, в силу согласованности $(\sigma;\ \tau)$, $\tau \circ \varphi(e) = \tau \circ \varphi(f) = \tau \circ \varphi(g)$. Откуда $e\sigma g$ и $u(\tau \circ \varphi(e))w$, и, следовательно, $(eu)\rho(gw)$. Таким образом, ρ является отношением эквивалентности.

Отношение $(eu)\rho(fv)$ влечет $(eu \cdot gz)\rho(fv \cdot gz)$, e, f, $g \in L(S)$ и u, v, $z \in U(S)$. Действительно, если $(eu)\rho(fv)$, то $e\sigma f$ и $u(\tau \circ \varphi(e))v$. Откуда $(eg)\sigma(fg)$ и

$(uz)(\tau\circ\varphi(e))(vz)$, и тем более $(uz)(\tau\circ\varphi(e)\circ\varphi(g))(vz)$. Тогда по определению ρ имеем $(eg\cdot uz)\rho(fg\cdot vz)$.

Осталось показать, что ρ сохраняет операцию сложения, т. е. имеет место импликация $(eu)\rho(fv) \Rightarrow (eu + gz)\rho(fv + gz)$. Пусть $eu + gz = (e \vee g)w_1$ и $fv + gz = (f \vee g)w_2$, где обратимые элементы w_1 и w_2 удовлетворяют условиям: $u(\varphi(e)\circ\psi(g))w_1$, $z(\varphi(g)\circ\psi(e))w_1$, $(u + z)\varphi(eg)w_1$ и $v(\varphi(f)\circ\psi(g))w_2$, $z(\varphi(g)\circ\psi(f))w_2$, $(v + z)\varphi(fg)w_2$. Надо показать, что $((e \vee g)\cdot w_1)\rho((f \vee g)\cdot w_2)$, т. е. $(e \vee g)\sigma(f \vee g)$ и $w_1(\tau\circ\varphi(e \vee g))w_2$.

Очевидно, если $e\sigma f$, то $(e \vee g)\sigma(f \vee g)$. Кроме того, так как σ – конгруэнция на решетке $L(S)$ и $(\sigma;\ \tau)$ – согласованная пара конгруэнций, то $e\sigma(ef)$, $e\sigma(e \vee f)$ и $\tau\circ\varphi(e) = \tau\circ\varphi(f) = \tau\circ\varphi(ef) = \tau\circ\varphi(e \vee f)$. Тогда в силу замечания $\tau\circ\psi(e) = \tau\circ\psi(f) = \tau\circ\psi(ef) = \tau\circ\psi(e \vee f)$.

Из соотношений $w_1(\varphi(e)\circ B\psi(g))u$, $u(\tau\circ\varphi(e))v$, $v(\varphi(f)\circ\psi(g))w_2$ и равенства $\tau\circ\varphi(e) = \tau\circ\varphi(e)\circ\varphi(f)$ вытекает $w_1(\tau\circ\varphi(e)\circ\psi(g))w_2$. Аналогично, из $w_1\varphi(eg)(u + z)$, $(u + z)(\tau\circ\varphi(e))(v + z)$ и $(v + z)\varphi(fg)w_2$ получаем $w_1(\tau\circ\varphi(eg))w_2$. А из $w_1(\varphi(g)\circ\psi(e))z$, $z(\varphi(g)\circ\psi(f))w_2$ и равенства $\tau\circ\psi(e) = \tau\circ\psi(e)\circ\psi(f)$ следует $w_1(\tau\circ\varphi(g)\circ\psi(e))w_2$.

Откуда $w_1(\tau\circ\varphi(e \vee g))w_2$, так как

$$(\tau\circ\varphi(e)\circ\psi(g))\cap(\tau\circ\varphi(eg))\cap(\tau\circ\varphi(g)\circ\psi(e)) =$$
$$= [\tau\circ\varphi(e)\circ(\psi(g)\cap\varphi(g))]\cap[\tau\circ\varphi(g)\circ(\psi(e)\cap\varphi(e))]=$$
$$= \tau\circ\varphi(e)\cap\tau\circ\varphi(g) = \tau\circ(\varphi(e)\cap\varphi(g)) = \tau\circ\varphi(e\vee g).$$

Покажем, что если для произвольной согласованной пары $(\sigma;\ \tau)$ построить конгруэнцию ρ по формуле (1), то $\rho|_{L(S)} = \sigma$ и $\rho|_{U(S)} = \tau$. Действительно, $u\rho v \Leftrightarrow (1\cdot u)\rho(1\cdot v) \Leftrightarrow u(\tau\circ\varphi(1))v \Leftrightarrow u\tau v$, и $e\rho f \Leftrightarrow (e\cdot 1)\rho(f\cdot 1) \Leftrightarrow e\sigma f$.

Теорема 1. *Отображение* $\alpha : \rho \to (\rho|_{L(S)};\ \rho|_{U(S)})$ *является изоморфизмом решетки всех конгруэнций Con*S *arp-полукольца* S *на подрешетку всех согласованных пар конгруэнций на* $L(S)$ *и* $U(S)$ *решетки Con*$L(S)\times$*Con*$U(S)$, *более того, Con*S *является подпрямым произведением решеток Con*$L(S)$ *и Con*$U(S)$ *и* $\alpha(0) = (0;\ 0)$, $\alpha(1) = (1;\ 1)$.

Доказательство. Несложно убедиться в том, что отображение α является биекцией между множеством всех конгруэнций *arp*-полукольца S и множеством всех согласованных пар конгруэнций на $L(S)$ и $U(S)$. Согласно предложению 1 пара $(\rho|_{L(S)};\ \rho|_{U(S)})$, где ρ – конгруэнция *arp*-полукольца S, является согласованной. Если ограничения на $L(S)$ и $U(S)$ двух конгруэнций ρ и ρ_1 равны $\rho|_{L(S)} = \rho_1|_{L(S)} = \sigma$ и $\rho|_{U(S)} = \rho_1|_{U(S)} = \tau$, то и сами конгруэнции равны. Действительно, отношение $(eu)\rho(fv)$ равносильно по предложению 1 условиям $e\sigma f$ и $u(\tau\circ\varphi(e))v$, а они также равносильны $(eu)\rho_1(fv)$. Значит, рассматриваемое отображение всюду определено и инъективно. Сюръективность отображения следует из предложения 2.

Если пары конгруэнций $(\sigma_1;\ \tau_1)$ и $(\sigma_2;\ \tau_2)$ согласованы, то $(\sigma_1\cap\sigma_2;\ \tau_1\cap\tau_2)$ и $(\sigma_1\vee\sigma_2;\ \tau_1\circ\tau_2)$ также являются согласованными парами конгруэнций, т. е. $\mathrm{Im}\alpha$ образует подрешетку в решетке Con$L(S)\times$Con$U(S)$. Согласованность пары конгруэнций $(\sigma_1\cap\sigma_2;\ \tau_1\cap\tau_2)$ очевидна. Пусть $e(\sigma_1 \vee \sigma_2)f$, или $e\sigma_1e_1\sigma_2e_2\sigma_1e_3\ldots e_n\sigma_1f$, где $e_i\in L(S)$, $i=1, \ldots, n$. Тогда в силу согласованности $(\sigma_1;\ \tau_1)$ и $(\sigma_2;\ \tau_2)$ имеем $\tau_1\circ\varphi(e) = \tau_1\circ\varphi(e_1)$, $\tau_2\circ\varphi(e_1) = \tau_2\circ\varphi(e_2)$, $\tau_1\circ\varphi(e_2) = \tau_1\circ\varphi(e_3)$, ..., $\tau_1\circ\varphi(e_n) = \tau_1\circ\varphi(f)$. Откуда

$$\tau_1\circ\tau_2\circ\varphi(e) = \tau_1\circ\tau_2\circ\varphi(e_1) = \tau_1\circ\tau_2\circ\varphi(e_2) =\ldots$$
$$= \tau_1\circ\tau_2\circ\varphi(e_n) = \tau_1\circ\tau_2\circ\varphi(f)$$

А это означает согласованность пары $(\sigma_1\vee\sigma_2;\ \tau_1\circ\tau_2)$.

Из того, что для любых конгруэнций $\tau\in$Con$U(S)$ и $\sigma\in$Con$L(S)$ пары $(0;\ \tau)$ и $(\sigma;\ 1)$ являются согласованными, следует, что Con$S$ – подпрямое произведение решеток Con$L(S)$ и Con$U(S)$.

Наконец, покажем, что биекция α является изоморфизмом. Пусть ρ_1, ρ_2 – произвольные конгруэнции *arp*-полукольца S и $(\sigma_1;\ \tau_1)$, $(\sigma_2;\ \tau_2)$ – их соответствующие согласованные пары конгруэнций на $L(S)$ и $U(S)$. Очевидно, что $(\rho_1\cap\rho_2)|_{L(S)} = \sigma_1\cap\sigma_2$ и $(\rho_1\cap\rho_2)|_{U(S)} = \tau_1\cap\tau_2$. Убедимся в том, что $(\rho_1\vee\rho_2)|_{L(S)} = \sigma_1\vee\sigma_2$ и $(\rho_1\vee\rho_2)|_{U(S)} = \tau_1\circ\tau_2$.

Если $e(\rho_1 \vee \rho_2)f$, т. е. $e\rho_1(e_1u_1)\rho_2(e_2u_2)\rho_1(e_3u_3)\ldots(e_nu_n)\rho_1f$, где $e_i\in L(S)$, $u_i\in U(S)$, $i=1, \ldots, n$, то по предложению 1 имеем $e\sigma_1e_1\sigma_2e_2\sigma_1e_3\ldots e_n\sigma_1f$, или $e(\sigma_1 \vee \sigma_2)f$. Обратно, если $e\sigma_1e_1\sigma_2e_2\sigma_1e_3\ldots e_n\sigma_1f$, где $e_i\in L(S)$, $i=1, \ldots, n$, то $e\rho_1e_1\rho_2e_2\rho_1e_3\ldots e_n\rho_1f$ и $e(\rho_1 \vee \rho_2)f$.

Пусть $u(\rho_1 \vee \rho_2)v$, т. е. $u\rho_1(e_1u_1)\rho_2(e_2u_2)\rho_1(e_3u_3)\ldots(e_nu_n)\rho_1v$, где $e_i\in L(S)$, $u_i\in U(S)$, $i=1, \ldots, n$. Тогда согласно предложению 1 $u\tau_1u_1(\tau_2\circ\varphi(e_1))u_2(\tau_1\circ\varphi(e_2))u_3\ldots u_n(\tau_1\circ\varphi(e_n))v$, или в силу перестановочности конгруэнций в решетке Con$U(S)$ имеем $u(\tau_1\circ\tau_2\circ\varphi(e_1)\circ\varphi(e_2)\circ\ldots\circ\varphi(e_n))v$. Кроме того, $\tau_1 = \tau_1\circ\varphi(e_1)$, $\tau_2\circ\varphi(e_1) = \tau_2\circ\varphi(e_2) = \tau_2\circ\varphi(e_1)\circ\varphi(e_2)$, ..., $\tau_2\circ\varphi(e_{n-1}) = \tau_2\circ\varphi(e_n) = \tau_2\circ\varphi(e_{n-1})\circ\varphi(e_n)$, $\tau_1\circ\varphi(e_n) = \tau_1$, откуда $\tau_1\circ\tau_2 = \tau_1\circ\tau_2\circ\varphi(e_1) = \tau_1\circ\tau_2\circ\varphi(e_1)\circ\varphi(e_2) =\ldots= \tau_1\circ\tau_2\circ\varphi(e_1)\circ\varphi(e_2)\circ\ldots\circ\varphi(e_n)$ и $u(\tau_1\circ\tau_2)v$. Обратно, $u\tau_1x\tau_2v$, $x\in U(S)$, означает $u\rho_1x\rho_2v$, или $u(\rho_1 \vee \rho_2)v$.

Следствие. *Решетка конгруэнций Con*S *произвольного arp-полукольца* S *модулярна.*

Доказательство. Из теоремы 1 и из того, что решетка конгруэнций Con$L(S)$ решетки $L(S)$ дистрибутивна [4, с. 110], а решетка Con$U(S)$ полутела $U(S)$ модулярна [1, с. 289], следует модулярность решетки конгруэнций Con$S$.

Теорема 2. *Решетка конгруэнций Con*S *arp-полукольца* S *дистрибутивна тогда и только тогда, когда решетка Con*$U(S)$ *полутела* $U(S)$ *дистрибутивна.*

Доказательство. Если решетка Con$U(S)$ дистрибутивна, то из теоремы 1 вытекает дистрибутивность решетки конгруэнций Con$S$.

Пусть решетка конгруэнций Con$S$ *arp*-полукольца S дистрибутивна. В силу теоремы 1 она является подпрямым произведением

решеток Con$L(S)$ и Con$U(S)$. Поэтому решетка Con$U(S)$ так же дистрибутивна, как гомоморфный образ решетки Con$S$.

3. Гомоморфизмы *arp*-полуколец

Изучение гомоморфизмов *arp*-полуколец было начато в статье [1], где установлено, что класс всех *arp*-полуколец замкнут относительно гомоморфных образов [1, предложение 2.4], и доказано, что соответствие $S \to \langle L(S), U(S), \varphi_S \rangle$, α 6 $(\alpha|_{L(S)}; \alpha|_{U(S)})$ осуществляет эквивалентность между категорией всех предбулевых полуколец и их строгих гомоморфизмов и категорией всевозможных предбулевых троек и их строгих морфизмов [1, теорема 4.4].

Предполагается, что гомоморфизмы полуколец сохраняют 0 и 1. Гомоморфизм $\alpha: S \to T$ *arp*-полуколец называется *строгим*, если для любого $e \in L(S)$ равенство $\varphi_S(e) = \rho$ влечет $\varphi_T(\alpha(e)) = \rho$ для $\rho = 0$ или $\rho = 1$. *Строгим морфизмом* троек $\langle L, U, \varphi \rangle$ и $\langle M, V, \varphi_0 \rangle$ называется пара (β, γ), где $\beta: L \to M$ – решеточный гомоморфизм, сохраняющий 0 и 1, $\gamma: U \to V$ – гомоморфизм полутел, при этом для любых $e \in L$, u, $v \in U$ из $u\varphi(e)v$ следует $\gamma(u)\varphi_0(\beta(e))\gamma(v)$ и для каждого $e \in L(S)$ равенство $\varphi(e) = \rho$ влечет $\varphi_0(\beta(e)) = \rho$ при $\rho = 0$ или $\rho = 1$.

Однако не каждая пара гомоморфизмов (β, γ) из произвольной тройки $\langle L(S), U(S), \varphi_S \rangle$ в тройку $\langle L(T), U(T), \varphi_T \rangle$, удовлетворяющая перечисленным условиям, индуцирует гомоморфизм α полукольца S в полукольцо T. Это показывает следующий пример.

Пример. Рассмотрим множество $S = (Q^+ \times Q_0^+) \cup \{(0; 0)\}$, где Q^+ – множество положительных рациональных чисел, Q_0^+ – множество неотрицательных рациональных чисел. Несложно убедиться в том, что множество S с покоординатно заданными обычными операциями сложения и умножения образует *arp*-полукольцо, идемпотентами которого являются элементы (0; 0), (1; 0) и (1; 1), а обратимыми элементами – $(q_1; q_2)$, $q_1, q_2 \in Q^+$. Множество всех обратимых элементов образует полутело без нуля $U(S)$, а множество всех идемпотентов относительно поточечно определенной операции сложения *max* и умножения полукольца S образует трехэлементную цепь $L(S)$. Зададим отображение $\alpha: S \to S$, полагая $\gamma = \alpha|_{U(S)}: (q_1; q_2) \to (q_1; q_1)$, $\beta = \alpha|_{L(S)}$ – тождественное отображение и $\alpha(eu) = \beta(e)\gamma(u)$. Очевидно, что β – решеточный гомоморфизм, γ – гомоморфизм полутела и для любых $e \in L(S)$, u, $v \in U(S)$ выполняется условие $eu = ev \Rightarrow \beta(e)\gamma(u) = \beta(e)\gamma(v)$. Но α не является полукольцевым гомоморфизмом S, так как $\alpha((q_1; q_2) + (1; 0)) = (q_1 + 1; q_1 + 1) \neq (q_1 + 1; q_1) = \alpha(q_1; q_2) + \alpha(1; 0)$.

Теорема 3. *Отображение $\alpha: S \to T$ является гомоморфизмом arp-полукольца S в arp-полукольцо T тогда и только тогда, когда $\beta = \alpha|_{L(S)}$ – решеточный гомоморфизм $L(S)$ в $L(T)$, сохраняющий 0 и 1, $\gamma = \alpha|_{U(S)}$ – гомоморфизм полутела $U(S)$ в полутело $U(T)$ и для любых $e \in L(S)$, u, $v \in U(S)$*

$$u\varphi_S(e)v \Rightarrow \gamma(u)\varphi_T(\beta(e))\gamma(v) \text{ и}$$
$$u\psi_S(e)v \Rightarrow \gamma(u)\psi_T(\beta(e))\gamma(v)$$

причем $\alpha(eu) = \beta(e)\gamma(u)$.

Доказательство. *Необходимость*. Достаточно доказать, что $\beta = \alpha|_{L(S)}$ – решеточный гомоморфизм $L(S)$ в $L(T)$, остальные условия очевидны. Рассмотрим ядерную конгруэнцию ρ гомоморфизма $\alpha: (eu)\rho(fv) \Leftrightarrow \alpha(eu) = \alpha(fv)$, e, $f \in L(S)$, u, $v \in U(S)$. По предложению 1 $\rho|_{L(S)} = \sigma$ – конгруэнция на $L(S)$, при этом $e\sigma f \Leftrightarrow \alpha(e) = \alpha(f)$. Следовательно, $\alpha|_{L(S)}$ – гомоморфизм решетки $L(S)$ в решетку $L(T)$.

Достаточность. Пусть β: $L(S) \to L(T)$ – решеточный гомоморфизм и γ: $U(S) \to U(T)$ – гомоморфизм полутел. Обозначим через σ ядерную конгруэнцию β ($e\sigma f \Leftrightarrow \beta(e) = \beta(f)$), а через τ ядерную конгруэнцию γ ($u\tau v \Leftrightarrow \gamma(u) = \gamma(v)$). Зададим отображение $\alpha: S \to T$, полагая $\alpha(eu) = \beta(e)\gamma(u)$, $e \in L(S)$, $u \in U(S)$. Отображение α определено корректно, так как если $eu = fv$, то $e = f$ и $u\varphi_S(e)v$, откуда $\beta(e) = \beta(f)$, $\gamma(u)\varphi_T(\beta(e))\gamma(v)$ и $\alpha(eu) = \beta(e)\gamma(u) = \beta(f)\gamma(v) = \alpha(fv)$.

Докажем, что $\beta(e)\gamma(u) = \beta(f)\gamma(v)$ равносильно условиям $e\sigma f$ и $u(\varphi_S(e) \circ \tau)v$. Пусть $\beta(e)\gamma(u) = \beta(f)\gamma(v)$, тогда $\beta(e) = \beta(f)$ и $\gamma(u)\varphi_T(\beta(e))\gamma(v)$. Для некоторого элемента $x \in U(S)$ имеем $u\varphi_S(e)x\psi_S(e)v$, а значит, $\gamma(u)\varphi_T(\beta(e))\gamma(x)$ и $\gamma(x)\psi_T(\beta(e))\gamma(v)$. Откуда $\gamma(x)\varphi_T(\beta(e))\gamma(v)$, $\gamma(x)\psi_T(\beta(e))\gamma(v)$ и $\gamma(x) = \gamma(v)$. Следовательно, $e\sigma f$ и $u\varphi_S(e)x\tau v$. Обратно, из $e\sigma f$ и $u\varphi_S(e)x\tau v$ следует $\beta(e) = \beta(f)$, $\gamma(v) = \gamma(x)$ и $\gamma(x)\varphi_T(\beta(e))\gamma(u)$. Откуда $\beta(e)\gamma(u) = \beta(e)\gamma(x) = \beta(e)\gamma(v) = \beta(f)\gamma(u)$.

Из доказанного следует, что $e\sigma f$ влечет $\varphi_S(e) \circ \tau = \varphi_S(f) \circ \tau$. Значит, $(\sigma; \tau)$ – согласованная пара конгруэнций на $L(S)$ и $U(S)$, и по ней однозначно строится конгруэнция ρ на *arp*-полукольце S. Конгруэнция ρ совпадает с отношением равнообразности отображения α:

$$(eu)\rho(fv) \Leftrightarrow e\sigma f \text{ и}$$
$$u(\tau \circ \varphi_S(e))v \Leftrightarrow \beta(e)\gamma(u) = \beta(f)\gamma(v) \Leftrightarrow \alpha(eu) = \alpha(fv).$$

Следовательно, $\alpha: S \to T$ является гомоморфизмом *arp*-полукольца S в *arp*-полукольцо T.

Замечание 2. Для каждой конгруэнции $\varphi(e) \in \mathrm{Im}\varphi_S$ дополнение $\psi(e)$ определяется однозначно. Поэтому если $\gamma: U(S) \to U(T)$ – изоморфизм полутел, то $un_S(e)v \rceil \gamma(u)n_T(\beta(e))\gamma(v)$ равносильно $u\psi_S(e)v \Leftrightarrow \gamma(u)\psi_T(\beta(e))\gamma(v)$. В самом деле, пусть $u\varphi_S(e)v \Leftrightarrow \gamma(u)\varphi_T(\beta(e))\gamma(v)$. Зададим на полутеле $U(T)$ бинарное отношение ρ, полагая $w_1\rho w_2 \Leftrightarrow u\psi_S(e)v$, где $\gamma(u) = w_1$ и $\gamma(v) = w_2$. Отношение ρ определено корректно в силу инъективности γ и, очевидно, является конгруэнцией на $U(T)$. Покажем, что ρ является дополнением

$\varphi_T(\beta(e))$, а значит, $\rho = \psi_T(\beta(e))$. Пусть $\gamma(u)$, $\gamma(v)$ – произвольные элементы полутела $U(T)$. Для некоторого $x \in U(S)$ выполняется $u\varphi_S(e)x\psi_S(e)v$, откуда $\gamma(u)\varphi_T(\beta(e))\gamma(x)\rho\gamma(v)$ и $\varphi_T(\beta(e)) \circ \rho = 1$. Если $\gamma(u)\varphi_T(\beta(e))\gamma(v)$ и $\gamma(u)\rho\gamma(v)$, то $u\varphi_S(e)v$, $u\psi_S(e)v$ и $u = v$, значит, $\varphi_T(\beta(e)) \cap \rho = 0$.

Рассмотрим абстрактную индуцированную тройку $<L, U, \varphi>$, состоящую из ограниченной дистрибутивной решетки L, полутела без нуля U и решеточного антигомоморфизма $\varphi : L \to \mathrm{Con}U$, переводящего 0 в 1 и 1 в 0. Известно, что абстрактная тройка $<L, U, \varphi>$ является индуцированной тогда и только тогда, когда все элементы $\varphi(L)$ дополняемы в $\mathrm{Con}U$ (см. [1, 2]).

Морфизмом троек $<L, U, \varphi>$ и $<M, V, \varphi_0>$ назовем такую пару (β, γ), состоящую из решеточного гомоморфизма $\beta: L \to M$, сохраняющего 0 и 1, и гомоморфизма полутел $\gamma: U \to V$, что для любых $e \in L$, $u, v \in U$ $u\varphi(e)v \Rightarrow \gamma(u)\varphi_0(\beta(e))\gamma(v)$ и $u\psi(e)v \Rightarrow \gamma(u)\psi_0(\beta(e))\gamma(v)$.

Из теоремы 3 вытекает

Теорема 4. *Соответствие* $S \to <L(S), U(S), \varphi_S>$, $\alpha \to (\alpha|_{L(S)}; \alpha|_{U(S)})$ *осуществляет эквивалентность между категорией всех arp-полуколец и их гомоморфизмов и категорией всевозможных индуцированных троек и их морфизмов.*

Примечания

1. *Вечтомов, Е. М.* Абелево-регулярные положительные полукольца [Текст] / Е. М. Вечтомов, А. В. Михалев, В. В. Чермных // Труды семинара им. И. Г. Петровского. 1997. Т. 20. С. 282-309.

2. *Старостина, О. В.* К теории абелево-регулярных положительных полуколец [Текст] / О. В. Старостина // Вестник ВятГГУ. Информатика. Математика. Язык. 2005. № 3.

3. *Семенов, А. Н.* О решетке конгруэнций полутел [Текст] / А. Н. Семенов // Вестник ВятГГУ. 2003. № 8. С. 92-95.

4. *Гретцер, Г.* Общая теория решеток [Текст] / Г. Гретцер. М.: Мир, 1982.

Е. А. Счастливцева

ГУСТАВ ШПЕТ ОБ ОБЪЕКТИВНОСТИ ИСТОРИИ

Статья раскрывает один из аспектов феноменологического метода Г. Г. Шпета, в основе которого лежит проблема «социального» как особой организации, в которой каждая вещь выполняет функцию социального знака. Объективность феноменологического описания действительности, по мысли Шпета, свидетельствует об объективности самого исторического процесса. Объективность феноменологического метода философ доказывает объективностью логического восприятия и описания цели, являющихся одним из значительных моментов его феноменологии.

СЧАСТЛИВЦЕВА Елена Анатольевна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии ВятГГУ
© Счастливцева Е. А., 2005

Работы Г. Г. Шпета могут служить прекрасной иллюстрацией к феноменологическому описанию действительности. В них читатель найдет способ применения феноменологического метода к истории. В то же время история с ее каузальными связями хорошо встраивается в феноменологический метод философа. Так, Т. Г. Щедрина утверждает, что феноменология истории в понимании Шпета есть «феноменологическое описание исторической действительности» [8, с. 138].

Историческое описание у Г. Г. Шпета принимает объективный характер. В этом вопросе взгляды Шпета оттачивались в полемике с представителями логического монизма: Хр. Зигвартом и В. Вундтом.

Именно история раскрывает перед нами все многообразие явлений в их причинной логической связи, а специфичность истории мы наблюдаем в ее предмете, явленном нам в виде социальных знаков, один из которых – цель.

Логический подход Шпета через понятие к проблеме исторической действительности представляется сегодня своевременным по ряду причин. Во-первых, с позиции, к примеру, неокантианского подхода концепция Шпета представляется новой, свежей, по-иному трактующей проблему логического в исторической действительности. Если в неокантианстве история рассматривается сквозь призму «ценностей» и объяснение осуществляется здесь с помощью законов, которые оказываются сходными с естественнонаучными, то это вызывает некоторого рода сомнения: а применимо ли понятие механического закона природы в гуманитарной области, ведь в последнем случае мы имеем дело с пониманием смыслов?

Развитие неокантианского понимания закона в «науках о духе» способствовало разработке вопроса о психологическом характере их законов, а значит, и утверждению психологической причинности, психологических принципов для гуманитарных наук, для которых вводится термин «психологическое объяснение». Но что такое психологизм в истории? Четкого определения монизм этому понятию не дает. Он только рассматривает некоторые параметры, из которых выводит некую психологическую причинность: мотивы, цели. Но цель-мотив не может быть объяснительным принципом, поскольку переход от цели к причине (или от следствия к причине) есть переход регрессивный, поскольку идет от действия к причине, а не наоборот. Этот процесс, отыскивающий причины явлений, является процессом дедуктивным (не индуктивным), уже установленным, процессом, исключающим выяснение причин, к которым так стремился Вундт. По мнению Шпета, «дедуктивное заключение» не может быть настоящим объяс-

нением, поскольку «ничего единичного» и конкретного из дедукции объяснить невозможно, но можно только описать [см.: 4, с. 785]. Но каким же будет описание из цели? Шпет убедительно показал, что психологическим объяснением оно не станет, в силу своего дедуктивного характера, а вот феноменологическим описанием оно, действительно, может быть, поскольку обнаруживает себя как «знак».

Проблема соотнесения смысла и «знака» представляется актуальнейшей, так как отсылает нас к категории понимания, востребованной современной гуманитарной наукой. По мнению, например, Р. Арона, «понимание имеет логическую ценность» [2, с. 284]. Понимание здесь должно предполагать возможность восстановления «логики ситуации, воспринимаемых участниками событий, оно, собственно, интеллектуальный ход, интеллектуальное восстановление поведения или личности исторического деятеля».

Шпет уже почти сто лет назад писал о том, что и сейчас полезно знать, чтобы не путать два понятия: понимание и интерпретация. Понимание не должно «представлять собой эмоциональной причастности» [2, с. 290]. Шпет писал, что логика должна найти основание в самом предмете, тогда она действительно будет логикой объяснения. Так, «показание некоторого свидетеля, которое интерпретируется, есть «описание», если мы дальше этого не идем, мы остаемся в области герменевтических предписаний, но, давая вновь «описание описания», мы уже совершаем логическую работу и от эвристики переходим к логике» [4, с. 725]. В последнем случае появляется уже предмет описания. Интерпретация, таким образом, приобретает двойное значение и смысл: сообразно нашему пониманию и сообразно свидетелю и рассказчику. Понимание другого пассивно (репродуктивно-психологично), поскольку мы производим его мысли, и логическое значение интерпретации начинает играть роль только в том случае, когда мы имеем цель исследования. Если мы пользуемся лишь пониманием другого, мы остаемся только «как бы передатчиками его мнений» и не восходим до самого их содержания, «до вещей, процессов и объектов, о которых он повествует». А вот если мы начинаем претендовать на нечто большее, а именно: «знать самое вещь лучше» другого, тут мы «восходим к самой вещи». Поэтому активная интерпретация «дает нечто и для познания самого предмета». Таким образом, пассивную (психологическую) интерпретацию мы можем называть собственно интерпретацией, а активную интерпретацию – собственно *пониманием*.

Шпет решает и проблему «перехода от знака к значению», заданную еще Аврелием Августином. Так, знаком выступает слово, стремящееся к раскрытию своей вещной природы (т. н. «слововещь»). Само слово Шпетом понимается неразрывно от контекста, целого, цели его значения. И цель, и слово, и контекст – для нас выступают знаками, с помощью которых нами постигается смысл. Логическое, по Шпету, – это «объективно-предметное» в нашем мышлении. В истории «действительным развитием» ее как науки должен выступить такой критерий, на котором можно было бы построить истину, а не чьи-то «мнения». Таким критерием в историческом познании выступает действительный (реальный) предмет-явление. Проходя через наше сознание (логику), предмет-вещь становится предметом сознания, и вся действительность для него – всего лишь «социальный знак», отголосок целевой направленности вещи.

Шпет показал глубокое понимание проблемы объективного описания в историческом процессе, включающее в себя цель, понятие и предмет как «социальные знаки» действительности. Он также обосновывает положение о том, что герменевтика сродни логике; во-вторых, раскрывает понимание логического как объекта, выраженного в понятиях, отсюда *объективное описание* в истории предполагает обязательно логику сознания, выражаемую с помощью понятий; в-третьих, разграничивает понятие интерпретации и объяснения и обосновывает предметный характер понимания; в-четвертых, раскрывает ошибку Милля в вопросе о «переходе от причины к действию (реально) или от основания к следствию (логически)» – найден эквивалент логического в природе. «Выведение» причины из «закона» (Милль) носит более узкий и абстрактный характер, по отношению к переходу Юма от причины к действию; в-пятых, Шпет дает критический анализ телеологическому объяснению в истории и делает вывод о том, что цель не может быть причиной, в то же время, несмотря на это обстоятельство, цель может носить объяснительный характер и потому входит в *объективное описание* как признак вещи, привносящийся познанием, направленным на вещи (связь логики с гносеологией). Между тем интерпретация, в отличие от понимания, носит исключительно эвристический характер, поскольку имеет объектом своего изучения не предмет, а сообщение.

В целом учение Г. Г. Шпета кажется более привлекательным для нас теперь, более новым взглядом на проблемы гуманитарного знания, чем концепция В. Вундта, концепция логического монизма. Шпет последовательно отстаивает свой особый подход к истории как науке о единичном и конкретном – так называемом специфическом знании (сродни марксизму). Между тем он вводит понятие «объективности исторического описания», что включает в себя уже феноменологи-

ческое описание действительности, выражаемой «знаками» социальной организации.

Феноменологическое описание оказывается предпочтительнее логического монизма по следующим основаниям: во-первых, Г. Г. Шпет конкретизирует понятие понимания, отделяя его, собственно, от понятия интерпретации, что для проблемы объяснения в историческом процессе играет не последнюю роль, ведь объяснение из психологических причин грешит психологизмом и сильно оторвано от предмета-вещи; во-вторых, введение Г. Г. Шпетом феноменологического описания в историческое объяснение как раз и приближает познание к конкретному предмету, вещи как таковой (сближение в тождестве). В-третьих, «знаковая» теория продвигает нас вперед в логическом восприятии вещи, как наиболее близко стоящая к понятию смысла в современной эпистемологии. Восприятие как знак – уже вопрос не психологии, но сознания [см.: 6, с. 127, 163]. Только Шпет определял проблему следующим образом: что мы можем называть «знаком». Феноменологическая переработка начинается как раз тут, ведь мы теперь говорим не о субъекте (психологический гносеологизм, имеющий место в логическом монизме), а о предмете, который показывает себя как «фактическая данность» во всем своем многообразии (логический метод). По сути, Г. Г. Шпет разводит понятия логического и объективного, указывая, что логическое немного отстоит от предметного, практически сливаясь с ним; понятие же объективного включает в себя логическое как предмет, собственно, сливаясь с предметом сознания. Ведь логическое, по Шпету, – это и есть «объективно-предметное» [4, с. 741]. Поэтому предмет и есть то самое объективное, по-иному, понятие. Отсюда отношение предмета сознания и «знака» пролегает в плоскости объективно-логического, сливаясь с ним в едином акте восприятия действительности, выраженном в форме понятия. Понятие – это словесная действительность, поэтому далее Шпет разрабатывает учение о *слове*, наметки о котором мы уже могли наблюдать в более ранних работах Шпета, скажем, в его «Герменевтике и ее проблемах» (1918 г.). Здесь же, в «Истории как проблеме логики» (1916 г.), Г. Шпет только очерчивает границы своего дальнейшего поиска действительности ее *знаковой функцией*.

В трудах других ученых (Э. Кёнига, А. Арнольда) мы читаем, что основополагающий пункт вундтовской философии в том, что он «существование субъекта считал независимым от объекта реальности (Realitat), действительности» [6, S. 73]. В то же время и Э. Кёниг замечает, что Вундт критикует неокантианцев за имманентизм. Э. Кёниг полагает, что в противоположность системам идеализма и реализма, теория познания Вундта является монистической, поскольку ее исходным пунктом служит *единство сознания и бытия*, т. е. действительное единство представления и объекта, которое все мы признаем в практической жизни. Однако система Вундта в равной степени отличается не только от гегелевской, но и от *имманентной* философии, утверждающей, что объект и субъект даны в неразрывном единстве, что мы не можем мыслить субъект без объекта и объект без субъекта. Действительно, на первый взгляд кажется, что Вундт противоречит сам себе, утверждая, с одной стороны, что понятие вещи в себе (не представляемого объекта) – чистая фикция, а с другой стороны, отрицая, что учение, по которому объект находится в неразрывной связи с субъектом. На самом же деле Вундт считал, что лишь с прогрессом и развитием форм познания возникает понятие субъекта [3] и, следовательно, противопоставление субъекта и объекта. Исходным же пунктом этого развития является их нераздельное единство или безразличие [см.: 5, с. 44-45].

Г. Г. Шпет утверждает, что уже философия Дильтея – это шаг вперед от монизма к *дуализму*, его «огромная заслуга» [4, с. 835]. Несмотря на сделанные выше замечания по поводу понимания Шпетом монизма В. Вундта, все же надо сказать, что монизм – это не дуализм и он тяготеет к имманентизму, в то время как дуализм четко разграничивает субъект и объект. Теперь рассмотрим, как это разграничение повлияло на становление научной почвы, на понимание *предмета науки*. Если монизм в предмете науки соединял объективное и реальное, а естествознание сближалось с психологией, то «логический дуализм» защищает автономию логик естествознания и наук о духе, приходя к выводу о многообразии «логических предметов и методов» [4, с. 836]. Однако и Дильтей «не заметил специфичности объекта социальных наук и истории».

Дильтей выявил тот метод, присущий психологии, который отличает ее от естествознания и сближает с социальными и историческими науками [см.: 4, с. 840]. Единственный выход из психологии возможен, если «условия» нашего познания относятся целиком к «области» самих вещей и только со стороны их взаимного отношения, т. е. как это имеет место в науках, во всяком объективном познании. К «области» науки Шпет относил вещный предмет, некую действительность, реальность, то, что подлежит исследованию. И науки он называет объективными, и именно потому они объективны, что «областью» их исследования являются отношения каких-либо вещей.

По Дильтею, *основная* наука должна быть описательной, с тем чтобы описывать предмет, вещь объективно (т. е. класть ее в основу научного зна-

ния). Вещи проявляют себя в различных отношениях, и тем самым выявляется их природа, их предназначение и постигается смысл. По Оккаму, для того чтобы выяснить сущность феноменов, достаточно знать, как они функционируют, поэтому Оккам опирается на логику языка, и у него все процессы – в «суждениях» («синтаксис»), он оперирует «символами» («семантика») [см.: 1, с. 639]. Шпет же выходит к самой реальности, и через отношение реальных вещей он пытается установить связь между логикой и действительностью. В этих отношениях логика становится предметной, она сближается со «знаками». Логика, она здесь, в знаках (но каким образом), которыми наделяет нас действительность. Знак уже социален, поскольку проходит сквозь сознание, сквозь общий строй человеческой мысли. Шпет показывает нам, как тут можно применить феноменологическое описание. Например, любой физический знак можно рассматривать не как логическое, теоретическое отношение, а как простое констатирование факта – чернильница стоит *передо* мной *на* столе, за бумагой и т. д. (это суть интуитивные отношения) [см.: 4, с. 847]. Эти знаки – они рядом, они нами осмысливаются, и в акте осмысливания и целеполагания мы интерпретируем любую ситуацию. «По смыслу, по значению мы можем объединять и связывать описываемые вещи, и равно разделять и различать их» [4, с. 848]. Однако в строгом смысле подобное описание еще не «логическая функция»; «отношение к общей цели, источнику «действия», словам, «отношение к общей действительности» еще не логическое отношение. Что в таком случае мы считаем логикой? По мысли Шпета, логика должна показать, что в вещах заставляет нас называть их так или иначе, что заставляет нас «разные» вещи называть одним именем или «сходные» – разными именами. Как Шпет выходит из данной ситуации? Положим, Гуссерль логическое увидел бы в самой действительности, точнее, он вполне обходился в феноменологическом описании без логики: мы видим и «схватываем» предмет таким, каким его видим, – какая тут логика? Но Шпету важно понимать, и этот акт *осмысления* он и есть логическое отношение, которого, к сожалению, нет в целевом описании. Почему я говорю «к сожалению»? Потому я говорю так, что у Шпета все сложнее, чем у Гуссерля, ведь, на самом деле, нужно найти соотношение знака и логики. Шпет формулирует этот вопрос следующим образом: что мы находим в непосредственно данном нам содержании восприятия как социальное, иными словами, как понятие заключает в себя интуитивное или, так или иначе, соответствует ему? [см.: 4, с. 1015]

Сущность понятия, говорит Шпет, состоит в его значении, значение же есть то, что в понятии соответствует «вещам», объектам, предметам, т. е. в понятии нет ничего, чего не соответствовало бы объектам. Так вот, в отличие от номинализма, понятие не есть интуиция, а нечто образованное по поводу данной интуиции. «И вся свобода нашего творчества» состоит здесь только в том, что мы выбираем нужное нам в данный момент значение, т. е. обращаем свое внимание на то, нужен нам данный предмет в значении ели, или дерева, или вещи, но всякому этому значению соответствует предмет. Поэтому можно утверждать, что предмет общего понятия существует совершенно так же, как предмет единичного представления; тот факт, что единичному представлению соответствует вещь, в такой же степени понятен или непонятен, как и факт, что общему понятию соответствует также вещь» [4, с. 1017].

Как бы то ни было, но логика у Шпета соседствует с онтологией: «для логики важно именно онтологическое решение в его результате». Это означает, что хотя понятие не дано в самом предмете, но оно дано вместе с его интуицией, т. е. понятие существует в действительности (а потому оно есть вопрос онтологии). Понятие для логики выступает уже существующим, как средство, которым логика пользуется для познания предметов, содержащихся в значении понятий (фиксируется в *определении*).

Но как мы приходим к самому значению понятий, иными словами, *соответствует ли значение понятию?*

Рассуждение Г. Г. Шпета очень специфично. Прежде чем расправиться с данным вопросом, он выясняет понятие «социального» (ведь оно дается нам в интуиции), социальное – это не только продукт умозаключения, а значит, оно так или иначе должно содержать непосредственные данные. Причем в интуиции есть некий эйдетический момент (эйдетическая интуиция), который содержит фактически данный предмет. Вообще, Шпет к понятию «социального» применяет феноменологический метод Гуссерля: он стремится «разложить» все «факты» на их составляющие таким образом, как они нам являются. Но его не устраивает один тезис: это момент совпадения значения предмета с самим предметом в акте интуитивного схватывания, ведь у Гуссерля «факт» и «сущность» неотделимы. Собственно, что делает «пепельницу» пепельницей (т. е. «социальным» явлением)? Шпет предлагает иной ход рассуждения. Допустим, возьмем понятие «бюрократического режима»: неужели оно дается только как содержание внутреннего опыта? В самом деле, предметная отнесенность слова с точки зрения современной науки развивается в онтогенезе. Предметная отнесенность слова складывается у ребенка 3,5-4 лет достаточно прочно. Например, дом обозначает один определен-

ный предмет, а «чашка» – совсем другой. И этот процесс к 3,5-4 годам не заканчивается. На каждом этапе развития ребенка слово, сохраняя одну и ту же предметную отнесенность, приобретает все новую и новую смысловую структуру, т. е. *значение слова развивается* [см.: 7, с. 71]. Для маленького ребенка собака – это либо что-то очень страшное или приятное, если ребенок растет вместе с ней и привык играть с ней. Уже для школьника, а тем более для студента, собака – это животное. Слово приобретает самостоятельную предметную соотнесенность только к середине или к концу второго года жизни [см.: 7, с. 65]. Таким образом, чтобы соотнести значение слова с его предметом, необходим определенный жизненный опыт, с помощью которого совершается процесс отнесения предметов к тем или иным значениям, т. е. производится само понятие «социального».

Шпет считает, что непосредственное познание есть функция не чувственности, а интеллекта, а интеллект связан с логическими законами, и этот процесс лежит в основе восприятия, заключает в себе уже не только чувственную, но и интеллектуальную интуицию [см.: 4, с. 1027]. Сообразуясь с подобными выводами, мы можем сказать, что понятие через интуицию граничит с восприятием, и речь поэтому должна идти о понятии и о «социальном».

Как комплекс чувственных данных пепельница не является социальным, а только *знаком*, т. е. указывает на него. Она – «социальное» как знак. Область чувственной интуиции удерживает нас в сфере «являющегося», область понятий переводит уже к предмету [см.: 4, с. 1027].

Соседствуя с интуицией, содержание понятия и «составляет отношение понятия к “вещам”», что и гарантирует годность понятия, именно соотнесенность с чувственной и в то же время с интеллектуальной интуицией. В этом смысле оно само есть знак [см.: 4, с. 1028] и содержит в себе значение самого объекта, поэтому оно всегда объективно и не имеет ничего общего с субъективными представлениями, «продуктами не логической деятельности рассудка, а памяти, воспроизведения и фантазии».

Поскольку понятие обозначает объект и вещь, поскольку вещь составляет значение понятия, постольку понятие само по себе отлично и от чувственной, и от интеллектуальной интуиции. Ведь понимать понятие «означает «проникнуть» к тому смыслу, по поводу которого оно образовано»; «само понятие должно быть понимаемо, а не только принимаемо». «Принимаемое понятие» относится к определению самой вещи, «понимаемое понятие» – уже познание ее смысла.

Интеллектуальная интуиция, в отличие от понятия, дает нам знание индивидуальное, конкретное, единичное, тогда как понятие направлено на общее и само оно есть общее. Причем смысл – это не логическое определение (значение) вещи [см.: 4, с. 1028], ведь само понятие не заключает в себе смысл, а «образовано по поводу уже данного смысла» [4, с. 1029], т. е. смысл как таковой у Шпета находится гораздо ближе к вещи, чем у Платона. Смысл там, где понимание. Усмотрение смысла есть усмотрение цели, усмотрение в вещи отношения средство-цель, которое в абстрактном предмете увидеть никак нельзя (и это уже Аристотель). «Словом, абстрактные понятия входят как средства в систему нашего действования и через это приобретают в наших глазах смысл, но это не есть смысл, присущий им как “знакам” абстрактных предметов» [4, с. 1029], т. е. понятий.

Отношение средство-цель указывает на отнесенность данного в интуиции к некоторому «целому». Это и есть «формальное определение смысла: роль части по отношению к целому, где усматривается внутренняя зависимость»: «возможность», «рядом», «над» (в пространственном отношении), «сначала», «после», «давно» и т. д. (в отношениях времени) [см.: 4, с. 1030].

Способность понимать мы обретаем только тогда, когда «вставляем» познание в отношение средство-цель. В связи с таким пониманием процесса познания становится очевидным факт принятия Г. Г. Шпетом положения об объективности цели и в связи с этим положением вопрос об объективности исторического описания вообще. Вещи действительности соотносятся с нашим пониманием как отношения «средство-цель», и, поскольку это процесс объективно-логический, он поддается причинному объяснению. Так, при помощи введения в познавательный процесс вещной цели в качестве объективного средства познания Г. Г. Шпет обосновывает и саму объективность истории. Сама проблема объективно-логического весьма сложна. Г. Г. Шпет рассматривает объективное именно во взаимосвязи с логическим. Логическое, как мы заметили, находится рядом с вещью, опосредовано интеллектуальной интуицией, по своему характеру единичное и конкретное. Поскольку оно опосредовано сознанием (восприятием), оно предметно, следовательно, объективно. Объективность науки определяется ее предметной направленностью, которая диктует нам всеобщие и необходимые связи универсума, но не наоборот, ведь в своем предметном восприятии мы идем от конкретной вещи к ее постижению и «пониманию».

Проблема адекватности «значения» и «понятия» раскрывается Г. Г. Шпетом весьма сложно. Как мы видим, Шпет выходит на интеллектуальную интуицию и через нее на проблему логического (проблему восприятия), связывая значе-

ния понятия с предметностью и «социальностью», под которой он понимает некий социальный опыт, предшествующий соотнесению человеком значения того или иного слова с его реальным предметом-вещью. Значение будет адекватно понятию лишь в том случае, если весь предшествующий опыт («социальное») будет свидетельствовать нам посредством отношения средство-цель о той действительной роли, которую выполняет вещь в конкретной ситуации. «Знак» сам по себе оказывается пригодным в феноменологическом описании, т. е. в описании, чувственном по своей природе, поскольку имеет дело с непосредственными данными сознания, данными нам в чувственной интуиции. «Знак» – это промежуточное звено в познании, он высвобождает место для «понимания», которое наступает позже и связано со смыслом. Так, в ходе проведенного анализа у Г. Г. Шпета выявляется, по крайней мере, три стадии познавания предметов. Во-первых, это чувственно-интуитивное познание (феноменологическое описание, «знак» как таковой), во-вторых, это интеллектуально-интуитивное познание (логическая функция восприятия, связанная с предметом-вещью); в-третьих, понятие как таковое – это, собственно, понимание, связанное со *смыслом вещи*.

Примечания

1. *Антисери, Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Античность и Средневековье [Текст] / Д. Антисери, Д. Реале. СПб., 2001.

2. *Арон, Р.* Избранное: Измерения исторического сознания [Текст] / Р. Арон. М., 2004.

3. *Вундт, В.* Система философии [Текст] / В. Вундт. СПб., 1902.

4. *Шпет, Г. Г.* История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Материалы [Текст] : в 2 ч. / Г. Г. Шпет. М., 2002.

5. *Кениг, Э. В.* Вундт. Его философия и психология [Текст] / Э. Кениг. СПб., 1902.

6. *Лекторский, В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая [Текст] / В. А. Лекторский. М., 2001.

7. *Лурия, А. Р.* Язык и сознание [Текст] / А. Р. Лурия. Ростов-н/Д., 1998.

8. *Щедрина, Т. Г.* «Я пишу как эхо другого...». Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета [Текст] / Т. Г. Щедрина. М., 2004.

9. *Arnold, A.* Wilhelm Wundt – Sein philosophisches System [Text] / A. Arnold. Berlin, 1980.

В. А. Меркушев

АГРОКУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЯТСКОГО ЗЕМСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ФЕРМЫ ВЯТСКОГО ЗЕМСТВА)

Вятское земство являлось одним из передовых земств России. Модернизация крестьянских хозяйств была важным направлением его деятельности, в русле которой и было создано несколько земских ферм.

Аграрный вопрос в России XX в. был одним из самых острых. С большой долей уверенности можно говорить о том, что именно нерешенность аграрной проблемы в основном и привела к революционным потрясениям начала века. В стране, где сельскохозяйственное население в 1897 г. составляло 77,2% численности всех жителей, решению аграрного вопроса следовало уделять наиболее пристальное внимание. Попытки проведения реформ в аграрной сфере с разной степенью эффективности предпринимались по инициативе С. Ю. Витте, а также правительством П. А. Столыпина. Одним из направлений столыпинской аграрной реформы было создание фермерских хозяйств. Между тем Вятское земство занималось данной проблемой с начала 90-х гг. XIX в.

Одной из форм земской агрономической помощи населению являлись специальные фермы. Эти фермы должны были, во-первых, служить образцом для живущих по соседству крестьян в деле рационального ведения хозяйства, на опыте доказывая выгодность различных нововведений и изменений, доступных крестьянскому населению по средствам и знаниям, во-вторых, служить практической и теоретической школой сельского хозяйства для крестьянских мальчиков-подростков, готовить из них таких хозяев, которые правильной постановкой своих хозяйств служили бы примером для соседей, обучать их ремеслам столярному, кузнечному и т. д. [1], в-третьих, производить различные опыты с целью выяснения пригодности для данных климатических и почвенных условий того или иного сорта растений, различных удобрительных туков, орудий, способов обработки земли, севооборотов и т. п. [2], распространять улучшенные семена, скот, сельскохозяйственные орудия [3]. Ферма должна была по духу быть близкой крестьянству, чтоб ученики чувствовали себя здесь как дома [4].

Первая в губернии ферма – Орловская – была основана на средства уездного земства в 1887 г. [5] Губернским земством в 1891 г. была устрое-

МЕРКУШЕВ Владимир Алексеевич – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ
© Меркушев В. А., 2005

на Верхосунская ферма в Глазовском уезде, в 1892 г. – Окуневская в Уржумском уезде, в 1894 г. – Асановская в Елабужском уезде. Была открыта ферма близ Вятки. Кроме того, Уржумское, Нолинское (Чураковская) и Орловское земства содержали небольшие фермы, только без учеников [6]. В 1902 г. была открыта Чернятьевская ферма Киселевской волости Котельничского уезда. Она владела 105 десятинами земли, организовала сельскохозяйственную школу [7].

На обустройство каждой фермы губернское земство выделило по 5 тысяч рублей, затем ежегодно отпускало суммы от 2500 до 9250 рублей. Министерство государственных имуществ (с 1894 г. Министерство земледелия и государственных имуществ) также оказывало финансовую помощь фермам в размере от 1500 до 3900 рублей в год [8]. Таблица 1 дает представление о финансировании ферм в период с 1891 по 1903 г. [9]

Таким образом, мы видим, что на содержание ферм уходили значительные средства: за 12 лет 316 611 рублей. Возникает вопрос: насколько рационально они использовались.

На губернских земских собраниях неоднократно поднимался вопрос о дороговизне ферм. На сессии 1902 г. гласные высказали недоумение, что для выполнения некоторых работ (например, пилка дров) руководство фермы нанимает рабочих за плату, хотя ученики, получающие одежду и содержание, вполне могли бы справляться с этим [10].

Товарищ министра внутренних дел Николай Алексеевич Зиновьев, проводивший в 1904 г. ревизию Вятского земства, указывал на постоянный перерасход отпущенных фермам средств и особенно на то, что губернское собрание их утверждает. При этом существовали явные хозяйственные промахи сотрудников ферм. Так, например, Верхосунская ферма покупала овес и солому в январе по высоким ценам, вместо того чтобы запастись подешевле осенью; или покупают дерево для построек у окрестных крестьян по случайным ценам, хотя были более выгодные варианты [11]. А в 1910 г. на очередной сессии губернского земского собрания гласные К. М. Дробинин и С. А. Калинин говорили о том, что на фермах слишком дорого обходится производство 1 пуда хлеба (1 руб. 35 коп.), расход на 1 фермскую лошадь в два раза выше, чем на крестьянскую (200 пудов сена и 64 пуда овса) [12]. Зиновьев отмечал малодоходность ферм (их бюджет имел в среднем 75%-й дефицит), указывал на то, что последние слабо влияют на крестьянское население [13]. К примеру, на содержание Верхосунской фермы на 1897 г. было земством ассигновано 6000 рублей, 1500 рублей добавила казна, еще 1500 рублей составила прибыль. Таким образом, расходы земства составили 3000 рублей [14]. Или: в 1905 г. по губернской смете на содержание Верхосунской фермы было отпущено 6953 рубля, Асановской – 10 588 рублей 84 копейки, Окуневской –

Таблица 1

Ежегодное содержание ферм Вятского губернского земства в 1891–1903 гг.

Годы	Фермы					
	Верхосунская		Окуневская		Асановская	
	Отпущено земством	Принято к зачету	Отпущено земством	Принято к зачету	Отпущено земством	Принято к зачету
1891	5000	1500				
1892	2500	1500				
1893	3500	1500	3500	1500		
1894	3500	2000	3500	2000		
1895	3500	2500	3500	2500		
1896	4300	3000	4300	2500	12374	2400
1897	6000	3000	6000	2700	12000	2400
1898	7500	2900	7000	3860	10000	1650
1899	7600	2700	7650	2700	11100	2100
1900	7800	2900	8210	3150	11025	1645
1901	7628	2830	7667	2900	7994	2045
1902	9250	3800	10007	3300	10287	1900
1903	9000	3900	10680	2900	11180	3126
Всего	77078	34030	72077	30200	85960	17266

9807 рублей 48 копеек. Пособие правительства составило по 1500 рублей на каждую ферму. Верхосунская ферма выручила за год 1900 рублей, Асановская – 2069 рублей, Окуневская – 1666 рублей. В итоге на Верхосунскую ферму земство безвозвратно истратило 3553 рубля, на Асановскую – 7019 рублей 84 копейки, на Окуневскую – 6641 рубль 48 копеек [15]. В рассуждениях о дороговизне ферм можно было найти определенный резон. В 1903 г. на 3 фермы губернским земством было истрачено 30 860 рублей, что составило 18% от сельскохозяйственного бюджета и 1,7% всего земского.

Губернское земство делало попытки сократить собственные расходы на фермы. Так, в 1902 г. на сессии губернского собрания прозвучало предложение передать Асановскую ферму в ведение Министерства земледелия и государственных имуществ с преобразованием ее в сельскохозяйственную школу. По расчетам земцев, министерская школа обходилась бы земству в 4800 рублей в год, а не в 12 тысяч. Но на ходатайство земства последовал отказ [16].

С 1907 г. на каждом губернском собрании велись разговоры о сокращении расходов на фермы, принимались многочисленные постановления, направленные на улучшение отдельных отраслей хозяйства, на упорядочение отчетности и составление смет. Но стоимость содержания ферм выходила в среднем около 15 000 рублей в год, а культурно-хозяйственное значение их, по мнению ряда земцев не увеличивалось [17]. Кроме того, с 1911 г. департамент земледелия отказался субсидировать фермы по 1500 рублей на каждую как на опытные поля. Представитель министерства земледелия В. В. Винер, объясняя причины такого решения, заявил, что фермы не оправдали себя [18]. В результате все расходы на содержание ферм легли на плечи земства.

Острая дискуссия по поводу перспектив содержания ферм земством разгорелась на очередной сессии губернского собрания в 1909 г. Поводом к дискуссии послужило ходатайство Глазовского уездного земства о закрытии Верхосунской фермы как бесполезной [19]. По сообщению гласного Д. Л. Гагаринова, крестьяне Верхосунской волости составили приговор, в котором говорилось о том, что ферма не приносит пользы и ее необходимо убрать. Глазовское собрание согласилось с крестьянами, но губернское земское собрание не закрывает ферму. Гагаринов заявил, что такое поведение земства является насилием над крестьянами, так как последние лучше знают свою пользу. Заявление Гагаринова носило явно демагогический характер и подверглось серьезной критике других гласных. А. С. Депрейс указал на то, что крестьяне вообще против земств и готовы их закрыть, чтобы не платить налоги, поэтому на такие заявления вряд ли стоит обращать внимание. По его словам, до 1906 г. большие убытки фермам приносили курсы, но после их ликвидации расходы уменьшились. Депрейс предложил закрыть убыточные мастерские и таким образом решить проблему бюджетного дефицита ферм. Кроме того, Депрейс заявил, что земство не должно гнаться за прибылью от ферм, так как эти предприятия в первую очередь носят просветительский характер. По его словам, с убытками ферм следовало смириться, так как для получения прибыли лучше было бы заняться виноторговлей. Н. О. Брановский поддержал Депрейса. Суть его выступления сводилась к тому, что необходимо было дополнить деятельность ферм сельскохозяйственными чтениями, где крестьяне знакомились бы с задачами и работой ферм. По его мнению, фермам не следовало ставить во главу угла коммерческие цели, но крестьяне должны были видеть и практические плоды деятельности, значит, фермы должны давать прибыль.

Гласный В. В. Ключарев привел интересный пример крестьянской психологии и отношения крестьян к земским начинаниям в целом. По его словам, Верхосунская и Окуневская фермы были устроены на истощенных землях («выпашах»), работники ферм землю облагородили, и она стала давать хорошие урожаи. Крестьяне, увидев это, решили «прибрать» плодородные участки к своим рукам и составили приговор.

В итоге губернское земское собрание большинством голосов против одного отклонило просьбу Глазовского земства о закрытии фермы [20]. Интересно, что Глазовское уездное собрание не оставило попыток избавиться от своей фермы. В 1912 г. оно упрекнуло работников фермы в политической неблагонадежности. В заявлении говорилось о том, что в центре уезда на Верхосунской ферме устроена республика, а персонал фермы больше занимается политикой, чем своими непосредственными обязанностями. Сейчас трудно судить, что глазовские земцы подразумевали под республикой и какие реальные цели они преследовали, но губернское земское собрание заявило, что состав фермы мал, ротируется быстро, поэтому нет повода для беспокойства [21].

В 1911 г. агрономическое совещание назвало причины убыточности ферм: сложность и многообразие возлагаемых на фермы задач, отсутствие организационных планов хозяйства. Совещание указывало на недостаточное количество земли, отсутствие преемственности в работе при смене обслуживающего персонала, высокие расходы на содержание администрации ферм и обслуживающего их персонала [22].

Одной из форм агрономического просвещения крестьян являлось содержание при фермах

учеников. Крестьянские мальчики кроме общеобразовательных предметов изучали специальные: огородничество, общее и частное земледелие, скотоводство. С мая по октябрь они участвовали в сельскохозяйственных работах [23]. Для зимнего досуга учеников при фермах были организованы кузницы и столярные мастерские [24]. Обучение в школах было бесплатным, кроме того, учащимся полагалась стипендия от 12 до 30 рублей ежегодно. Срок учебы составлял 3 года [25]. За все время содержания школ при фермах образование в них получили около 600 человек [26]. При всей полезности данного начинания, фермские школы сразу же стали подвергаться критике. В отчетах проверяющих можно обнаружить много замечаний по поводу того, что заведующие фермами и их помощники большое количество времени уделяют преподаванию, отвлекаясь от основных занятий. Ученики не успевают осваивать программу [27]. Крестьяне были недовольны тем, что их дети не высылают денег с ферм и не возвращаются после учебы домой [28] (Вятская газета. 1902. 15 авг.). Звучала критика и по поводу того, что содержание учеников не дает действительной отдачи для самого земства. Так, на Верхосунской ферме с 1894 по 1902 гг. учились 63 ученика, на Асановской с 1900 по 1902 г. – 32, на Окуневской – с 1896 по 1902 г. – 28, т. е. всего 123 человека. Из них только 8 занялись сельским хозяйством, 22 – ремеслами, 21 применили свои познания по хозяйству и ремеслам на стороне, 22 не воспользовались ими, о 50 сведения отсутствовали. Статистика не самая благоприятная для земства, с учетом того, что содержание одного ученика обходилось земству в среднем в 62 рубля 46 копеек за три года [29]. В конце концов, 18 апреля 1906 г. Внеочередная сессия губернского земского собрания приняла решение о ликвидации школ при фермах, прежде всего из-за финансовых соображений [30].

По замыслу организаторов фермы должны были заниматься полеводством, для получения улучшенных сортов хлебных семян, скотоводством, для разведения племенного скота, устраивать древесные и плодовые питомники, для получения саженцев скорорастущих пород и отчасти плодовых пород и ягодных кустарников, организовывать мастерские для изготовления сельскохозяйственных орудий и ремонта крестьянских машин у населения. Кроме того, фермы должны были продавать крестьянам по доступным ценам племенной скот, улучшенные семена, саженцы, сельскохозяйственные машины и орудия [31].

Эту сторону деятельности ферм освещает табл. 2 [32].

Помимо вышеупомянутых мероприятий на фермах содержались случные пункты для скота окрестных крестьян, имелись сортировочные пункты для крестьянского зерна, производились сельскохозяйственные опыты, осуществлялась сушка крестьянского зерна на фермских зерносушил-

Таблица 2

Распространение фермами Вятского губернского земства улучшенных семян, скота, сельскохозяйственных орудий в 1891–1903 гг.

Фермы	Продано племенного скота	Продано и обменяно улучшенных семян	Отсортировано семян	Отпущено из питомников, штук	Отпущено машин и орудий
Верхосунская	Телят 69	Продано 4856 п.	7058 п.		Изготовлено в мастерских и продано
	Овец 73	Обменено 1270 п.			Косуль 272
	Свиней 149				Борон с железными зубьями 949
Окуневская	Телят 75	Продано 3264 п.	21183 п.	41407	Молотилок 16
	Овец 75	Обменяно 518 п.			Веялок 90
	Поросят 388				Веялок-сортировок 3
					Сортировок по весу 13
					Клеверных терок 20
					Клеверных мялок 2
					Косуль 17
					Плугов 2
					Литовок 124
					Серпов 123
Асановская	Бычков 4	Продано 1590 п.	145 п.	120	Продажа началась лишь в 1902 г.
	Овец 8	Обменяно 84 п.			
	Поросят 48				

ках. Все это делалось с целью поднятия у населения сельскохозяйственного промысла. С 1901 по 1908 г. фермами было распространено 16 237 пудов улучшенных семян (в среднем 2 тысячи пудов в год), отсортировано на фермских машинах 52 512 пудов крестьянского зерна, высушено на фермерских зерносушилках 17 877 пудов крестьянского зерна, продано 212 голов крупного племенного, 825 голов мелкого племенного скота (овец и свиней), распространено 87 170 штук древесных и плодовых саженцев, продано изделий мастерских на 11 195 рублей [33].

Все фермы представляли собой сложный хозяйственный комплекс. Они владели большим по российским меркам количеством земли и скота. Фермы обслуживал многочисленный персонал (табл. 3) [34].

Все это должно было способствовать интенсивному развитию фермских хозяйств и, по мнению части земцев даже приносить определенную прибыль.

Делая отчет по ревизии Вятского земства, вышеупомянутый Н. А. Зиновьев дал сравнительную характеристику губернским фермам. Судя по всему, Николай Алексеевич старался быть объективным, указывая как на достижения, так и на недостатки, да и при работе использовал в основном земскую документацию. Поэтому от-

Таблица 3

Количество земли, скота. Численность обслуживающего персонала ферм Вятского губернского земства на 1909 г.

	Верхосунская	Окуневская	Асановская
Кол-во земли (дес).	207	173	100
В том числе: пашни	72	151	50
Сенокоса	6,5	8	2
Выгона	52,5	2	2
Лесных зарослей	55	2	33
Под опытным полем	6,5	4	4
Под усадьбой, садами и огородом	6	5	6
Под дорогами, межами, оврагами	8,5	1	3
Рогатого скота (гол.)	22	25	12
Быков	2		2
Коров	15		8
Телок	2		1
Телят	3		1
Свиней	6	6	3
Овец	6	10	
Лошадей	9	15	6
Жеребенок	1		
Племенной жеребец			1
Служащих и рабочих (всего)	16	10	14
Скотников	2		
Годовых полевых рабочих	2	8	
Летних рабочих	2		
Сторож	1	1	
Конюх-истопник	1		
Кухарка и молочница	2	1	
Рабочих в кузнице	2		
Староста	1		
Практикант	1		
Подросток	1		

чет по ревизии в целом получился достаточно объективным.

По мнению Зиновьева, лучше всех была благоустроена Асановская ферма, ее постройки наиболее удачно расположены, правда, сделаны из некачественного леса. Верхосунская ферма была обустроена хорошо, но старые постройки используются бесхозяйственно, хотя их можно было бы использовать на дрова. У Окуневской постройки были скучены, не было системы и порядка в их расположении, некоторые пришли в ветхость.

В 1904 г. на Верхосунской ферме использовали многопольные севообороты: девятипольный, восьмипольный и трехпольный, держали 18 дойных коров, 3 нетелей, быка метиса холмогорской породы, свиней йоркширской и овец романовской породы, 9 лошадей, 2 жеребцов. Ферма арендовала у казны 30 десятин луга за 120 рублей в год. Мертвый инвентарь поставили для испытания Министерство земледелия и государственных имуществ и губернская земская управа. Он представлял собой сложные и громоздкие машины, которые не могли быть использованы в крестьянских хозяйствах. Машины эти были очень дороги и требовали умелого ухода, а кузница не могла изготовить запчасти. Трехпольный участок (27 десятин) удобрялся плохо, так как был расположен далеко (1 верста от усадьбы), к тому же на него не хватало навоза. В результате урожай участка был ниже, чем у окрестных крестьян! И это при том, что участок должен был быть для них примером рационального ведения хозяйства! Навоз вывозили на наемных подводах (3-4 копейки с воза), хотя можно было бы использовать своих лошадей. В результате одна вывозка навоза на десятину обходилась в 10 рублей (еще один пример бесхозяйственности и перерасхода средств). Крестьяне почти не брали пример с агрокультурных начинаний работников фермы: клевер в окрестных деревнях сеяли мало, многополье завели лишь в трех соседних селениях. Склад сельскохозяйственных машин продавал изготовляемые в мастерских косули и железные бороны, но бороны были слишком тяжелыми, и крестьяне предпочитали покупать их у кустарей [35].

На фермах разводили различные породы крупного рогатого скота. Зиновьев делал вывод, что они не определились с наиболее подходящей к местным условиям и распространяли скот, в пригодности которого не были уверены, заставляя население принимать участие в опытах, результаты которых не ясны (например, на Асановской ферме разводили швицкую и алагуцкую породы, которые были не пригодны, так как требовали большого ухода и с трудом акклиматизировались). Впрочем, отмечал Зиновьев, скот расходился неплохо [36].

Для того чтобы не сложилось впечатление о предвзятости оценок Зиновьева, можно привести мнение самих земцев о достоинствах и недостатках ферм. Гласные губернского земского собрания указывали на то, что важнейшие задачи ферм – получение племенных животных и улучшенных семян для продажи их населению выполнялись очень слабо. Племенной скот удовлетворял требованиям только на Асановской ферме, но ежегодно продавалось в среднем лишь 10 телят. На остальных двух фермах порода была нечистой, малопродуктивной, и поэтому приплод получался невысокого качества. Полученные семена хлебов потреблялись в основном самой фермой, и в год продавалось лишь около 2000 пудов (1/5 часть урожая). Дело в том, что население окрестных деревень располагало семенами не худшего качества, чем на фермах, а продажа через земские склады представлялась затруднительной, так как фермы находились на значительном расстоянии от городов [37].

На 41-й очередной сессии губернского земства 1909 г. был сделан отчет о деятельности ферм. В нем говорилось, что фермы нерентабельны, так как их продукция дороже крестьянской. Крестьяне вели свои хозяйства самостоятельно, в условиях самоокупаемости, а фермы получали постоянную финансовую поддержку от земства, поэтому служащие ферм порой проявляли небрежность и нерациональность в своей деятельности. В результате себестоимость продукции фермы оказывалась гораздо выше крестьянской и ее приходилось продавать по более заниженным ценам, что приводило к убыткам. Так, цены на высокие сорта хлебов составляли 1,5-3 рубля, а с ферм они продавались за 1 рубль. Плодовые саженцы 2-3-летнего возраста обычно стоили 50 копеек, а на фермах всего 25. Племенные телята обычно оценивались в 50-100 рублей, на фермах же – в 12-25. Нарекания земцев вызывало качество земли, отведенной под фермы. Верхосунская ферма была устроена на крайне бедной почве на месте выселенного починка, Асановская – на участке, освобожденном из-под леса, Окуневская – на истощенной удельной оброчной земле с почвой беляк [38].

Земцы обращались за помощью к правительству с тем, чтобы оно оказало финансовую поддержку фермам. Выше уже говорилось о попытке передачи Асановской фермы на баланс Министерства земледелия и государственных имуществ. В 1912 г. губернская управа предлагала Главному управлению земледелия и землеустройства открыть на Верхосунской ферме за счет казны школу мастеров сельскохозяйственного машиностроения. Последовал отказ, мотивированный тем, что местные учреждения сами должны устраивать такие школы. Само земство было не в

состоянии содержать такую школу, так как стоимость оборудования составляла 35 тысяч рублей, кроме того, ежегодно требовалось 10 тыс. рублей на жалование преподавателям и обслуживающему персоналу. Собрание решило вопрос о школе отложить до лучших времен. В этом же году земство ходатайствовало перед правительством о предоставлении 4500 рублей на содержание рассадников племенного скота и ведение семенного хозяйства. Последовал отказ, и были выдвинуты условия: не вести дело на коммерческой основе, включить мероприятия ферм в общий план улучшения скотоводства в губернии, финансируемый земством и казной, организовать нормальную деятельность ферм [39].

Фермы уездных земств

В губернии было основано 4 фермы, которые содержались уездными земствами: Уржумская, Орловская, Чернятьевская в Котельничском уезде и Чураковская в Нолинском.

Уржумская ферма была образована в 1896 г. на арендуемом у города участке земли. За 32,5 десятины земство платило 157 рублей 65 копеек в год. Перед фермой были поставлены типичные задачи: знакомить население с более совершенной техникой обработки земли улучшенными сельскохозяйственными орудиями, пригодными для крестьянского хозяйства, разводить семена хороших сортов, учить пользоваться удобрениями, пропагандировать многопольные севообороты, доказывая их выгодность, обращать внимание на травосеяние. При ферме устроили небольшое опытное поле, плодовый сад, питомник, огород и пчельник. Все остальные земли были отведены под пашню. На устройство земства истратили 3500 рублей (губернское – 1500, уездное – 2000). Министерство земледелия и государственных имуществ выделило 600 рублей на жалование заведующему фермой. На содержание в год выделялось 800 рублей. На ферме был склад сельскохозяйственных машин и орудий с оборотом 9000 рублей в год. За 1 год (1902–1903) ферма принесла прибыль 260 рублей (без пособия министерства) за счет продажи семян, овощей и ягод.

Орловская ферма была учреждена в 1887 г. на арендованных у города 27 десятинах земли. На устройство фермы было отпущено 500 рублей. С 1892 г. Министерство земледелия и государственных имуществ выделяло пособие – 600 рублей в год. Орловская ферма специализировалась на полеводстве и скотоводстве. Другие формы ведения хозяйства отсутствовали. При содержании фермы наблюдался постоянный перерасход: в 1901–1902 гг. – 1378 рублей 78 коп., в 1902–1903 – 538 рублей. В числе причин перерасхода были такие, как небрежное ведение хозяйства, нарушение восьмипольного и трехпольного севооборотов, в результате чего поля засорялись и давали низкий урожай ржи. Скот питался плохо, так как сено покупали у частных лиц, а не использовали более выгодную аренду лугов, норм корма установлено не было. В результате скотный двор дал убыток в 1901–1902 гг. – 1000 рублей, а в 1902–1903 гг. – 500. Огородничество, пчеловодство, птицеводство на ферме находились в зачаточном состоянии и на окрестное крестьянское население не оказывали большого влияния. Семенная рожь, производимая фермой, была низкого качества, а ведь в обязанности фермы входило распространение улучшенных семян. На ферме были устроены зерносушилка и крахмальный заводик. В 1902–1903 гг. зерносушилка просушила около 10 тысяч пудов и дала доход. Крахмальный заводик оказался нерентабельным. Отчетность велась крайне неудовлетворительно: отсутствовали даже данные о высоте урожая.

Дефицит бюджета Чернятьевской фермы в 1902–1903 гг. достиг 2000 рублей. При хроническом недостатке средств наблюдалась явная бесхозяйственность. Корма покупали среди зимы, когда они были слишком дороги, хотя имелась возможность приобрести их летом по более доступной цене. На ферме проводились опыты с посевом хлебных семян, травосеянием, огородничеством. Содержалось стадо из 13 коров, 7 телят швицкой, холмогорской и местной пород, несколько баранов оксфордширской породы и свиней беркширов. Содержание стада обходилось в 1200 рублей ежегодно, что являлось самой убыточной статьей фермского бюджета. В 1900 г. при ферме была открыта столярная мастерская, а в 1903 г. – кузнечно-слесарная. На них нанимались мастера, которые занимались с учениками. Срок обучения составлял 3 года. С родителями учеников заключался договор о том, что они не будут отвлекать своих детей от обучения в течение 3 лет, за исключением 1 месяца в году летом в страду. По окончании обучения выпускникам предоставлялась ссуда в размере 25 рублей на обзаведение инструментом. В 1902 г. в столярной мастерской обучалось 29 учеников. Качество изделий мастерских было достаточно высоким, поступало большое количество заказов, их даже не успевали выполнять. В 1902 г. доход фермы составил 650 рублей, на ее содержание было отпущено 2200 рублей. Кроме того, на столярную мастерскую в 1904 г. было истрачено 1520 рублей, на слесарную – 1720. Таким образом, и эта ферма была для земства убыточной.

Чураковская ферма была самой маленькой. В ее распоряжении находилось всего 8 десятин. На ферме велось четырехпольное хозяйство, содержались огород, сад и пчельник. В стаде был 1 бык, 3 коровы и 21 овца. В 1901 г. валовой доход

фермы составил 1087 рублей 79 копеек, а чистая прибыль – 167 рублей 14 копеек. За 1902 г. – 1097 рублей 51 копейку, а чистая прибыль всего 2 рубля 9 копеек [40].

Подводя итог, можно сказать, что фермы Вятского земства являли собой интересный опыт создания многопрофильного хозяйства, финансируемого земством и государством. Фермы были призваны выполнять три основные задачи: во-первых, выступать в качестве образцово-показательных хозяйств для окрестных крестьян; во-вторых, обучать крестьянских детей рациональному ведению сельского хозяйства, в том числе и разного рода ремеслам, способствуя тем самым развитию кустарной промышленности; в-третьих, проводить агрономические опыты. Попытки земцев превратить фермы в товарные хозяйства объективно способствовали развитию капиталистических отношений в губернии. Анализ деятельности ферм показывает, что не со всеми поставленными задачами удалось справиться успешно.

Сами земцы высоко оценивали значение деятельности ферм. Авторы брошюры «Сельскохозяйственная деятельность Вятского губернского земства», выпущенной в 1899 г. специально для Парижской выставки, указывали на то, что фермы давали основу для деятельности агрономов результатами своих опытов, ученики помогали агрономам завязывать отношения с населением, выступали в роли хозяйственных старост, распространяли семена [41]. Сюда же можно добавить распространение племенного скота, сортировку и очистку семян, изготовление и продажу сельскохозяйственных машин и орудий. Но при ближайшем рассмотрении многое из заявленного авторами брошюры осталось лишь декларацией или благими намерениями.

О недостатках в деятельности ферм было уже достаточно много сказано. Необходимо проанализировать причины такого положения. В первую очередь, земцы так и не смогли до конца определиться с задачами, стоящими перед фермами: либо эти хозяйства должны были быть организованными по типу коммерческих и направлены на принесение прибыли, либо их деятельность не должна была выходить за рамки чисто просветительской, и тогда с затратами приходилось бы мириться. Несмотря на бурное обсуждение гласными данной проблемы во время сессий, конкретное решение так и не было принято. Во-вторых, постоянное субсидирование ферм земством приводило к тому, что хозяйство велось не рационально. Выше приводилось большое количество примеров, когда выделенные средства расходовались бездарно, при том, что содержание ферм ежегодно ложилось тяжким грузом на земский бюджет. Причина данного явления крылась в том, что фермы не находились на самоокупаемости, как коммерческие предприятия, и их персонал порой равнодушно относился к хозяйству, которое не находилось в частной собственности. Иными словами, не был отработан механизм материального стимулирования служащих ферм. Надежды же на их сознательность и энтузиазм оказались беспочвенными. В-третьих, сказалось недостаточное финансирование ферм. Казалось бы, ежегодно земство выделяло достаточно крупные суммы на их содержание, но при сложности и многопрофильности этих хозяйств, многочисленности обслуживающего персонала этих денег было явно недостаточно. Правительство отказывалось выделять дополнительные средства на содержание ферм и, в конце концов, вообще перестало их субсидировать. В-четвертых, сказались особенности крестьянской психологии. В первое время, когда под фермы были отведены истощенные, заброшенные земли, крестьяне равнодушно отнеслись к земскому начинанию. Они пользовались услугами ферм, но далеко не в тех масштабах, как представлялось земцам. В целом большинство крестьян относились к фермам, да и ко всей земской организации с равнодушной иронией, как к «барской забаве». Позднее, когда земельные участки были облагорожены, крестьяне стали требовать закрытия ферм, желая получить плодородные земли. В свою очередь служащие ферм не приложили достаточно усилий для того, чтобы привлечь крестьян на свою сторону, предпочитая сетовать на их темность и консервативность.

Примечания

1. Отчет по ревизии земских учреждений Вятской губернии [Текст]. СПб., 1905. Т. 3. С. 210.
2. Сельскохозяйственная деятельность Вятского губернского земства [Текст]. Вятка, 1899. С. 24.
3. Отчет по ревизии... Т. 3. С. 210.
4. Сельскохозяйственная деятельность... С. 24.
5. Отчет по ревизии... Т. 3. С. 210, 227.
6. Сельскохозяйственная деятельность... С. 29.
7. Вятская газета [Текст]. 1902. 12 сент.
8. Отчет по ревизии... Т. 3. С. 211.
9. Там же. С. 219, 220.
10. Там же. С. 220.
11. Там же. С. 221.
12. Журналы Вятского губернского земского собрания 42-й очередной сессии и доклады Вятской губернской земской управы [Текст]. Вятка, 1910. С. 272.
13. Отчет по религии... Т. 3. С. 222.
14. Вятская газета [Текст]. 1897. 23 янв.
15. Журналы Вятского губернского земского собрания чрезвычайных сессий 18-25 апреля и 26-28 июня 1906 г. [Текст]. Вятка, 1906. С. 90.
16. Отчет по ревизии... Т. 3. С. 221.
17. Журналы Вятского губернского земского собрания 44-й очередной сессии... С. 215-217.
18. Вятская речь [Текст]. 1911. 25 янв.
19. ГАКО. Ф. 616. Оп. 3. Д. 243. Лл. 48, 49.

20. Журналы Вятского губернского земского собрания 41-й очередной сессии... С. 258-261.
21. Журналы Вятского губернского земского собрания 44-й очередной сессии... С. 1372
22. Там же. С. 215-217.
23. Отчет по ревизии... Т. 3. С. 216.
24. Сельскохозяйственная деятельность... С. 24.
25. Вятская газета [Текст]. 1897. 24 июля.
26. Журналы Вятского губернского земского собрания 44-й очередной сессии... С. 1366.
27. Отчет по ревизии... Т. 3. С. 217.
28. Вятская газета [Текст]. 1902. 15 авг.
29. Отчет по ревизии... Т. 3. С. 218, 219.
30. Журналы Вятского губернского земского собрания 41-й очередной сессии... С. 1370
31. Там же. С. 1366.
32. Отчет по ревизии... Т. 3. С. 214, 215.
33. Журналы Вятского губернского земского собрания 41-й очередной сессии... С. 1366.
34. Там же. С. 1386, 1400, 1402, 1404, 1406, 1411.
35. Отчет по ревизии... Т. 3. С. 212-214.
36. Там же. С. 215, 216.
37. Журналы Вятского губернского земского собрания 44-й очередной сессии... Т. 3. С. 215-217.
38. Журналы Вятского губернского земского собрания 41-й очередной сессии... С. 1367, 1368.
39. Журналы Вятского губернского земского собрания 44-й очередной сессии... Т. 3. С. 218, 219.
40. Отчет по ревизии... Т. 3. С. 225-231.
41. Сельскохозяйственная деятельность... С. 28.

НОВЫЕ КНИГИ

Коршунова, О. В. Интегративно-дифференцированный подход к обучению физике в сельской школе: материалы по организации экспериментального обучения физике для учителей-исследователей общеобразовательных учреждений [Текст] : учебное пособие/ О. В. Коршунова; под ред. В. С. Данюшенкова. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. – 135 с.

В пособии представлены материалы по организации интегративно-дифференцированного обучения физике в специфических условиях сельских школ: положения теоретической концепции, основанной на принципе антиномического взаимососуществования в современном образовании педагогических феноменов интеграции и дифференциации, а также необходимая частнодидактическая информация для реализации инновационной идеи в процессе преподавания предмета.

Книга будет полезна учителям физики, студентам, обучающимся в педагогических вузах по естественнонаучному направлению, всем, кто не равнодушен к судьбе современной сельской школы.

Информационные технологии в культурологическом образовании [Текст] : учебное пособие / авт.-сост. П. В. Попова. – Киров, 2004. – 108 с.

Учебное пособие предназначено для студентов культурологического факультета, изучающих специализированный авторский курс «Информационное обеспечение культурологического образования», и представляет собой сборник учебных материалов по основным тематическим разделам курса: «Философия и культура информационного общества», «Информатизация образования», «Прикладные аспекты информатизации культурологического образования». Работа с пособием предполагает органичное сочетание теоретического анализа учебной информации со специально разработанными практическими заданиями. Представленные материалы апробированы в рамках преподавания указанного авторского курса на факультете культурологии ВятГГУ.

ПЕРСОНАЛИИ

ШКОЛА ЖИЗНИ. К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСАНДРА ГЕОРГИЕВИЧА БАЛЫБЕРДИНА

Золотой запас писателя – это запас его мыслей и наблюдений над жизнью. Иными словами, это его биография. Писатель не может не обладать содержательной внешней и внутренней биографией.

К. Паустовский

Как содержательна жизнь человека, если в ней сочетаются история, судьба, воля и случай! И как много в ней смыслов, если в течение жизни человек выстраивал, «наживал» не только добро, но и жизненный опыт, хранил в своей памяти судьбоносные события, впечатления, воспоминания, встречи. А если еще за его плечами годы творческого труда и ощущение шороха времени...

Именно о таком человеке мне и хочется рассказать! Это Александр Георгиевич Балыбердин. Мало найдется в университете людей, кто не знает этого человека. С ним связана целая эпоха в развитии нашего вуза, а по его жизни можно написать учебник о профессиональной карьере педагога. Выпускник историко-филологического факультета Кировского государственного педагогического института, учитель литературы, преподаватель, а затем декан факультета русского языка и литературы, проректор по науке ВятГГУ, профессор кафедры литературы XX века. Он так о себе и говорит: «Я называю себя педагогом, потому что это дело моей жизни!»

У Александра Георгиевича много талантов. Первый заключается в умении понимать и уважать людей: детей, студентов, коллег. Вот этот внимательный ИНТЕРЕС к человеку, собеседнику, личности, индивидуальности отличает талант педагога как творца «человеческого в человеке». Когда он был деканом, на факультете пели песню:

На свете лучше факультета нет, ребята,
Ведь нас Балыбердин, Балыбердин ведет.
При встрече с нашим деканатом,
Душа поет, душа поет, душа поет.

Так и было, если Александр Георгиевич просил выйти на уборку снега, первомайскую демонстрацию, посевную или на строительство нового корпуса института, то мы вздыхали, но шли, потому что нельзя было декана подводить. Но уж если студент в беде, то за помощью можно к нему прийти как к отцу родному. Уважали, любили, дорожили его мнением и отношением. А какой талант общения: и рассказчик отличный, и прекрасный собеседник, и обаятельный шутник, и запевала. И коллеги-профессора знали, что самый искренний и мудрый совет даст проректор по науке. Интеллигентен, умен, корректен, сдержан и доброжелателен одновременно.

Второй талант Александра Георгиевича раскрывается в его филологическом мышлении, в его книгах по методике преподавания литературы, в его воспоминаниях о своих друзьях педагогах-филологах: В. И. Сорокине, В. И. Троицком, В. П. Путинцеве, Ю. М. Головнине, Ю. В. Солоницыне. У каждого из них своя судьба, но

встречи с ними хранит память Александра Георгиевича, он говорит, что у каждого из них была своя «линия жизни», свои принципы, свои убеждения. Книги Александра Георгиевича об изучении теории литературы в школе являются любимыми методическими пособиями учителей литературы, потому что они написаны ученым, знающим и школу и литературу.

Третий талант – это мастерство лектора, преподавателя, который как истинный профессор должен учить общему взгляду на жизнь. Писатель В. Дудинцев доказывал, что «профессор должен быть шире своей специальности. Он должен быть философом по складу ума, гуманным человеком, нравственным человеком, завораживающим своей нравственностью». Именно таким профессором стал А. Г. Балыбердин. Его величавость, осанистость сочетались с простотой, серьезность – с чувством юмора, научный кругозор – со знанием жизни, опытом преподавания.

Четвертый талант этого неисчерпаемого человека – открытость новому, он может повторить пушкинские слова: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!» Александр Георгиевич с восхищением рассказывает о своих внучках, о своих детях, об успехах своих выпускников, о научных достижениях коллег, о развитии университета. Интерес к жизни, способность черпать из нее силы, сорадоваться, «перепечалить» проблемы, пережить горе и продолжать верить, надеяться и любить отличают «поколение ветеранов». О таких людях говорят, что они «соль земли», ее опора, учителя жизни.

Чему учиться у Александра Георгиевича, заслуженного деятеля науки, педагога, подвижника отечественного образования? Восхищает его жизнелюбие, многогранность его увлечений: и грибная охота, и чтение, и поэзия А. Пушкина, М. Лермонтова, С. Есенина, Н. Рубцова; и воспитание детей и внуков, и садоводчество, и писательство, и живопись, и музыка, и путешествия, и любовь к людям. Вызывает уважение его трудолюбие, преданность своей профессии. Не случайно в книге «Профессия – учитель» (М., 2005) я с гордостью написала о нем, как об Учителе учителей.

Свои секреты счастья он не скрывает, говорит, что его крепость тела и духа имеет опору в общении с природой, свежей воде и чистом воздухе, добрых людях вокруг, встречи с которыми его вдохновляют на новые книги, размышления, творчество.

Поздравляя Александра Георгиевича с восьмидесятилетним юбилеем, университет желает ему здравствовать, верить в свои силы, ощущать себя в пространстве и времени жизни нужным, уважаемым, любимым ЧЕЛОВЕКОМ.

Е. О. Галицких,
доктор педагогических наук, профессор,
зав. кафедрой новейшей литературы
и методики преподавания литературы ВятГГУ

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ДЬЯКОНОВ – УЧЁНЫЙ, ПЕДАГОГ, ЧЕЛОВЕК

В начале 50-х гг. прошлого века, когда СССР едва отходил от послевоенных трудностей и почти все мы одеты были весьма скромно, одежда декана инфака Кировского пединститута отличалась какой-то предельной непритязательностью – невысокий, лысоватый, чуть сгорбленный, в очках, он «блистал» на лекциях и собраниях потёртыми брюками и неизменным, наглухо застёгнутым зелёным френчем. Из его деканских речей, обычно суховатых и деловых, мне запомнилось одно новое для меня, вчерашнего школьника из деревни, слово – «манкировать»: студентка такая-то манкирует своими обязанностями... Лишь на третьем курсе, взявшись за изучение французского, я узнал выражение “manquer a son devoir” – не исполнять своего долга. Вот уж кто был человеком долга – так это Василий Михайлович Дьяконов.

Лишённый всякого внешнего блеска, он не завораживал нас и на лекциях своих по зарубежной литературе. Читал он их не по бумажке, лишь при цитировании заглядывая в стопку белых квадратных карточек, заполненных его мелким, слегка угловатым почерком, читал ровно, суховато, по-деловому. Но было в этих лекциях – а он охватывал в них гигантское пространство от Гомера до Хемингуэя! – и нечто привлекательное: умение крайне экономно, скупо, но чётко и выпукло давать основное о художнике, о его творчестве, умение делать выводы, обобщать, намечать генеральные линии развития литературы через века и тысячелетия.

Впрочем, как оно и бывает иногда в жизни, я стал по-настоящему ценить его как своего учителя не сразу, не на студенческой скамье, а спу-

стя несколько лет после окончания вуза, когда сам стал преподавателем зарубежной литературы. Было это в начале 60-х, в Балашовском пединституте. Раскрыв книгу знаменитого (уже тогда знаменитого) А. Ф. Лосева о Гомере, читаю в разделе о гомеровских штудиях: «В заключение укажем очень ценную работу В. М. Дьяконова “К вопросу о народности Илиады” [1]. В этой работе хорошо критикуются имевшие у нас место узкоклассовые подходы к Гомеру... автор приводит весьма убедительные аргументы» и т. д. [2]. Эти слова меня и порадовали – и заставили огорчиться: что же я-то этого не знал? Пришлось обращаться к «виновнику» с просьбой выслать заинтересовавшую меня статью, и ответ не заставил себя ждать – вскоре из Кирова пришло письмо от Василия Михайловича, а также скромный томик «Ученых записок», в котором редактор, ничтоже сумняшеся, свёл воедино статью Дьяконова об «Илиаде» с трудами по... теории множеств и теоремам трансверсалей! Такой вот филолого-алгебраический коктейль, издержки нашего провинциального издательского дела.

Но, как бы то ни было, статья Василия Михайловича стала для меня откровением. Вот он каков, наш декан, наш скромный лектор. Как уверенно, со знанием истории вопроса, анализирует он свою проблему, цитируя, где нужно, гнедичевский перевод поэмы либо приводя отрывки из древнегреческого оригинала (в Кирове не нашлось нужного шрифта и цитаты пришлось набирать латиницей). Автор статьи убедительно сокрушает остатки вульгарно-социологической и модернизирующей интерпретации Гомера, характерные, кстати, в известной мере не только для тогдашней советской, но и для западной науки. Короче, очень даже заметная в необозримой мировой гомеристике работа, замеченная, правда, всего лишь одним (зато каким!) филологом.

Так было положено начало нашей переписке, длившейся почти десять лет – вплоть до кончины Василия Михайловича. У меня сохранилось пятнадцать его писем, которые представляют собою ценный документ ушедшей эпохи, запечатлевший некоторые мысли, настроения, воспоминания, наблюдения умного, талантливого, разнообразно одаренного человека, прожившего долгую, насыщенную трудами и заботами жизнь.

Потребовалось длительное время, чтобы по-настоящему оценить эпистолярное его наследие (а личные встречи с ним у меня были в 60–70-е гг., увы, лишь очень краткими) и выработать общее представление о В. М. Дьяконове как о личности, занимающей вполне определенное место в истории русской и советской культуры XX в. Он типичный, но по-своему уникальный представитель той части русской интеллигенции, которой самой историей была определена двойственная и драматическая судьба. Эти люди, принявшие в начале прошлого века марксизм, с искренней верой в социализм строили новое государство, отдавали ему все свои силы и внешне, как будто, оценивались советской властью по достоинству. Но в то же время над ними постоянно висела угроза репрессий (брат Василия Михайловича, проректор Челябинского пединститута, был арестован в 1939 г. по «делу Эйхе», «помилован», погиб на фронте и реабилитирован лишь посмертно). И ещё одно обстоятельство – знания, полученные ими ещё при царском режиме, оставались невостребованными, ненужными, а то и просто «подозрительными» для советских властей. Поколение было обречено на духовное «подполье», на своего рода внутреннюю эмиграцию, даже если их вера в социализм была подлинной (естественно, вера эта оставалась идеалистической, утопической). Отсюда и характернейшие для Василия Михайловича внутренние противоречия, но о них позже.

Василий Михайлович Дьяконов (1893–1975) родился в селе Пижанка Вятской губернии, в семье священника и сельской учительницы. Были у его родителей и «солидные» родственники, среди которых, например, дядя в ранге действительного статского советника (что по военному ведомству соответствовало генералу). Мальчик успешно учится в Вятской семинарии, а в 1912 г. поступает в Петербургский историко-филологический институт, после окончания которого в 1916 г. недолго служит в армии. В грозном 1917 г. молодого педагога посылают на работу в Баку, где кипели буйные кавказские страсти, где гимназисты сидели на уроках с кинжалами и револьверами в карманах, где довелось ему пережить страшную (увы, не первую и не последнюю) межнациональную резню. Но юный учитель-энтузиаст восторженно принимал все эти «трудности», кипел революционным энтузиазмом. Помимо гимназии, он увлечен профсоюзным движением, создает первый проект Устава нового Союза рабочих-нефтяников, активно сотрудничает и с большевиками и с меньшевиками (если б знали это вятские чекисты в 30-е годы!), обращается за помощью к Степану Шаумяну и Алеше Джапаридзе...

Летом 1918 г. Дьяконов с трудом (пришлось, например, пробираться через захваченную белочехами Самару) добирается до родной Вятской губернии, где его организаторские таланты оказались тоже востребованными: он работает в Уржумской совпартшколе, а с 1921 г. – в Вятке, где его делают заместителем заведующего Губоно (губернского отдела образования) и одновременно проректором Вятского пединститута.

Просто даже непонятно, как находил молодой специалист время для всей той массы дел,

обязанностей, которые он сам на себя взваливал! Кроме Губоно и проректорства в вузе, Василий Михайлович выступает ещё и консультантом Горплана по культуре, читает бесчисленное количество лекций для населения, встречается в Наркомпросе с Н. К. Крупской (увы, не удалось узнать, какими перлами педагогической мудрости поделилась она с вятским просветителем), с А. В. Луначарским, успевает быть на встречах с Маяковским и Демьяном Бедным в пединституте – Демьян ему не понравился своей заносчивостью (придворный одописец!), а Маяковский привлёк остроумными ответами. Студентка Женя Лубнина крикнула поэту «балаган!» и в ответ получила хорошую реплику о роли балаганного искусства в культуре.

А ведь находилось ещё время и для занятий наукой – Дьяконов работает над диссертацией о трагедиях Эврипида, печатает десятки статей в местных и столичных изданиях, анализируя творчество Сервантеса, Шекспира, Гюго, Бальзака и других зарубежных классиков. Помимо этого, выходят его работы, посвящённые проблемам народного образования, партийного просвещения (с 1940 г. он член КПСС), по методике преподавания литературы в школе.

Все эти заслуги его были вроде бы оценены – Василий Михайлович становится «Отличником народного образования», получает орден Трудового Красного знамени, отмечается многочисленными благодарностями в приказах, грамотами ректората, обкома и пр.

Удачно складывалась поначалу и личная жизнь нашего неутомимого педагога, учёного и пропагандиста. В начале 20-х гг. он женится на скромной, симпатичной библиотекарше Валентине Михайловне и жили супруги в любви и дружбе более полувека, вплоть до кончины Василия Михайловича. И вырастили двух сыновей и дочь. Дети росли на радость родителям – умными, любознательными. Но пришлось супругам сполна испить и чашу горечи. В 1943 г. погибает на фронте их младший сын Миша, военный летчик, – его самолет, как сообщили родителям, упал на вражеской территории. Тяжело заболела дочь, Татьяна Васильевна, но она, несмотря на инвалидность, всю оставшуюся жизнь посвятила родителям и уже после их смерти делала всё от неё зависящее, чтобы память о них сохранилась. Бесконечно дорог был Дьяконовым их первый сын Николай Васильевич (1920–1972), и у них было право им гордиться. Николай прошёл всю Великую Отечественную войну: за участие в битве под Москвой награждён орденом, был ранен под Сталинградом, участвовал в сражениях на Курской дуге, дошёл до Вены. Николай Васильевич после войны учится в ВДШ (Высшей Дипломатической школе), затем работал в советском посольстве в Вашингтоне, как раз в разгар «холодной войны». Не раз бывал он в составе «официальных лиц», сопровождавших руководителей страны – с Хрущевым по США, с Микояном по Франции и Бельгии (1958 г.), с Косыгиным в Англии (1967 г.). Позднее работал при АПН (Агентстве печатных новостей). За свою работу поощрялся неоднократно орденами, медалями, материальными благами.

В октябре 1972 г. Николай Васильевич погиб в автокатастрофе, что стало большим ударом для отца.

Но не только личные потери надрывали душу Василия Михайловича. От них не застрахован никто. Выше я упомянул о драме всего поколения марксистов-идеалистов, о неизбежных противоречиях в их мышлении. Это в полной мере относится и к Василию Михайловичу, что я и почувствовал – пусть с большим запозданием – перечитывая его письма ко мне.

Начнём не с «идеального», а с чисто материального аспекта. Привыкший, видимо, с детских лет к достаточно скромному уровню жизни, Дьяконов охотно мирился с суровым бытом 20-х, да и 30-х гг., с трудностями военного времени. Но по чрезмерной скромности своей он и его жена ни разу (!) не обратились к своему начальству с просьбой об улучшении хотя бы своих жилищных условий.

Разумеется, не один Дьяконов, а многие институтские преподаватели ютились тогда в неблагоустроенных помещениях, так что его квартира ещё считалась более-менее приличной. Я бывал в ней несколько раз в разные годы и не замечал каких-то особых изменений. Предельно спартанская обстановка (запомнились почему-то светло-жёлтые и тёмно-серые тона) и – как единственная «роскошь» – стеллажи до потолка, забитые изданиями дореволюционными и 20–30-х гг. (Гомер и прочие античные классики на древнегреческом и латыни, Гёте по-немецки и в переводах, Шиллер, Бальзак на французском и т. д.). Василий Михайлович щедро делился книгами со своими коллегами и учениками, кое-что перепало и мне.

А что творилось в душе Василия Михайловича? В 1968 г. он участвует в создании очередной «юбилейной» книги о родном Кировском пединституте и что же получается? Даю цитату из письма от 24 апреля 1968 г.: «Получилось ни то ни сё, вернее, какой-то нелепый гибрид. Вместо научного труда, имеющего какое-то значение для истории высшей педагогической школы Сов. Союза... получается типичная юбилейная однодневка, наполненная обычным юбилейным славословием, с устранением всяких “сомнительных”, спорных или “неприятных” страниц прошлого...». Метко сказано – не в бровь, а в глаз! Но кто один из

авторов «однодневки»? Тот, кто видит всю её фальшь. Вот вам и противоречие.

По этому поводу хочу провести аналогию – si parva licet magnum. Великий композитор Шостакович, смелый новатор в музыке и человек, устрашенный советской властью, плакал от горя, когда его принудили вступить в КПСС [3]. Василий Михайлович искренне разделял идеалы партии, но не мог не видеть, что слишком уж многое в её практике явно с этими идеалами расходится. Со мною он делился лишь «частными» соображениями.

Вот он сетует – куда девать свою библиографию по зарубежной литературе, составлявшуюся им десятки лет? «В нашу институтскую библиотеку или в кабинет литературы отдавать нецелесообразно: там всё растеряют. Есть у нас два работника по зарубежной литературе», но у них «очень ограниченный круг интересов» (это из письма от 24 апреля 1968 г.).

Но было и ещё одно соображение по поводу «нецелесообразности» передачи личной картотеки в свой институт – ведь Василий Михайлович, при всей ортодоксальности своих взглядов, явно нарушал партийные инструкции насчёт регулярной «чистки» программ и литературы, насчёт устранения «устаревших» и идеологически проштрафившихся авторов с полок библиотек. В картотеке Дьяконова, подаренной им мне, я обнаружил десятки ссылок на таких «вредных» и просто «сомнительных» авторов, как Джойс, Дос Пассос, Фолкнер, Игнацио Силоне, Луи Селин, на того же Говарда Фаста, который после 1956 г. стал противником коммунизма и сионистом. То есть взгляды В. М. как ученого явно расходились с его же идеологическими установками – КПСС требует, чтобы филология была партийной, а наука этому противится, она хочет быть по мере сил беспристрастной, она не терпит фальши, замалчиваний, извращения материалов.

Василий Михайлович хранил у себя в библиотеке такие издания, за которые запросто мог попасть в тюрьму. Так, в конце 60-х, когда снова креп «сталинизм», он посылает мне двухтомник «Искусство и литература в марксистском освещении» [4], в котором очень мало работ Ленина, зато щедро представлены тексты таких «врагов народа» (тогда ещё не реабилитированных), как Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев, таких «идейно чуждых» нам людей, как Каутский, Воронский, Чужак и пр.

Ещё одно противоречие я заметил в жизни Василия Михайловича. Оно связано с его отношением к мемуарам. В своих письмах и устных беседах он подталкивал меня к сохранению памяти о прошлом (хотя у меня-то как раз нечем особо похвалиться в этом плане), сам же не очень охотно делился воспоминаниями, отнекивался, дескать, сильно мешает ему приобретённый за годы работы «канцелярит» (горы исписанной бумаги, потраченной на всякую ерунду – на резолюции, казённые доклады, отчеты). Но тут же признавался: «Если бы попробовать всё это воспроизвести, – и как учились, и как развлекались, чем жили... и воссоздать не внешнюю пёструю картину быта, а “жизнь души”, – для меня самого это было бы волнующе интересно» (письмо от 10 апреля 1967 г.). И ведь у моего корреспондента, когда он это писал, накопилось уже немало памятных записных книжек (где-то они теперь?) с указанием дат, фамилий, событий, «волнующих» фактов его личной жизни. Но за мемуары пенсионер так-таки и не сел. И только иногда, изредка мне удавалось «подвигнуть» Василия Михайловича на воссоздание тех или иных эпизодов из его прошлого. Причём получал от него предупреждение: «Имейте в виду – всё это я пишу для Вас и для Валентины Ивановны (моей жены, которая начинала свою работу на инфаке под руководством Василия Михайловича. – *В. В.*), а не для «широкой публики»! (письмо от 25 июля 1967 г.).

Полагаю, что прошло достаточно много лет после кончины четы Дьяконовых, чтобы моральный запрет, наложенный автором на свои мемуарные зарисовки, утратил силу, тем более что в них нет ничего порочащего честь как самого мемуариста, так и упоминаемых им лиц. По его письмам видно, как волновался Василий Михайлович, вспоминая свою молодость. Вот подступ к этим воспоминаниям, так сказать, лирический зачин (из письма от 10 апреля 1967 г.): «Какое богатство характеров, судеб человеческих, скрытых и открывающихся драм! (здесь В. М. имеет в виду последние предреволюционные годы в Санкт-Петербурге. – *В. В.*). Правда, жизнь тогда выделялась для меня главным образом светлой и даже праздничной стороной. Но тем чувствительнее были некоторые удары. Ну как рассказать, что иногда чувствует человек, проходя по Сенатской или Дворцовой площади; или перед картинами Эрмитажа; или на концерте в Павловске; или на островах, на “Стрелке”, в эти волшебные петербургские белые ночи? (А там, в Финском заливе, около “Стрелки” Елагина острова я потерял почти десяток моих добрых друзей, накрытых парусом опрокинувшейся яхты)». А вот конкретизация некоторых деталей этого «праздничного», но уже и омрачённого драмами периода в письме от 25 декабря 1966 г. Как раз 50 лет назад Василий Михайлович закончил Петроградский историко-филологический институт – и нахлынули воспоминания. Молодой вятич учился в уникальном заведении, которое он в приступе ностальгической иронии именует «бастилией российского классицизма». Ещё бы – со-

вершенно элитное учреждение, всего 120 студентов в институте, по 10 человек в группе! Приемные экзамены – русское сочинение, греческий и латинский языки. Готовят словесников, историков и «античников» для гимназий (которые вскоре закроют). Во главе Института – академик В. В. Латышев, выдающийся специалист по греческой эпиграфике. Среди инспекторов – знаменитый впоследствии Лев Платонович Карсавин, философ и специалист по средневековой мистике, брат известной балерины (говоря о нём, Василий Михайлович, видимо, не знал о том, что он погиб в советском лагере в 1952 г.). На кафедре классической филологии блистал Фаддей Францевич Зелинский (1856–1944) – «ученый с мировым именем, глубокий знаток древних языков и литератур, художественно одарённый, хотя подчас и субъективный переводчик трагедий Софокла и Эврипида (а его внебрачный сын Адриан Пиотровский, продолжая дело отца, переводил комедии Аристофана). «Поэтическая натура», отзывается о Зелинском Василий Михайлович, «старик читал лекции увлекательно, вдохновенно и часто “со слезой”»... Дальнейшая судьба выдающегося ученого – переезд после революции в Варшавский университет, а затем в Германию, где его принимают как блестящего специалиста, почётного члена многих западных академий. «Глубокий идеалист», – пишет о его мировоззрении Василий Михайлович. Да, но это умный идеализм, каковой приходилось признавать и Ленину. Во взглядах Ф. Зелинского, которые теперь мы можем анализировать по переизданию его многотомника «Из жизни идей», иногда плодотворно, иногда несколько сумбурно перекрещивались и сталкивались мотивы Ницше, Дильтея, неокантианцев, мысли, близкие русскому «дионисийцу» Вячеславу Иванову.

Василий Михайлович высказывает предположение, что «возможно, отчасти из-за биографии Ф. Ф. Зелинского... в 1937 году поплатился жизнью его сын Адриан Пиотровский». Может быть, и так...

Жадный до знаний юноша посещал, кроме занятий в институте, ещё и лекции таких видных ученых, как академик Шахматов, академик Н. Котляревский, бывал на занятиях у знаменитого проф. Венгерова, у Ф. Д. Батюшкова, всех не перечесть. «Среди моих наставников, – отмечает автор письма, – как видите, не было ни одного марксиста». Так, может быть, как раз это и было хорошо? Разнообразие подходов, научных школ, взглядов плюс жёсткая «дрессура» по части «вызубривания» древних языков и стали той базой, опираясь на которую, В. М. Дьяконов и смог стать настоящим филологом.

Подозреваю, подобное воспитание подспудно мешало ученому стать стопроцентным марксистом (хотя он сам себя таковым считал). Ведь что такое статья о народности Гомера, справедливо расхваленная А. Ф. Лосевым? Это лишь малая часть того, что мог сделать Дьяконов в античных штудиях. Почему осталась незащищенной его диссертация по Эврипиду? Полагаю, не только из-за высокой требовательности ученого к себе. И не только в силу его чрезмерной занятости административными обязанностями. Думается, причина лежит глубже. Очевидно, Василий Михайлович никак не мог согласовать в своём анализе трагедий античного классика оценки, усвоенные им от того же «идеалиста» Ф. Зелинского, с советскими установками, хотя и менявшимися со временем, но никогда не терявшими налёта вульгарного социологизма. Как бы то ни было, но я почему-то уверен, что какой-нибудь будущий исследователь, обратясь к дьяконовской диссертации, найдёт в ней немало ценнейших идей и наблюдений.

А теперь обратимся снова к письму от 25 июня 1967 г. Здесь Василий Михайлович отчасти повторяет, а во многом и расширяет, детализирует сказанное им ранее о годах своей студенческой петербургской юности, о времени, очевидно, оставшемся самым счастливым в его жизни. «У меня была, – признается автор письма, – неуемная жажда открытия и познания мира», студент-провинциал, попавший в Петербург, был захвачен «вихрем жизни» – лихорадочной, военной, предреволюционной. Помимо занятий сразу в двух институтах, Василий Михайлович посещал музеи («буквально все музеи», подчёркивает он), был на всех художественных выставках, не пропускал выступления поэтов и прозаиков, очень любил театр – в «Мариинке» у его дяди была ложа, в «Александринке» он видел весь репертуар – с Варламовым и Давыдовым, с Корчагиной-Александровской и Е. Тиме, наслаждался голосами Шаляпина и Собинова, И. Ершова ценил как исполнителя партий в вагнеровских операх. Бывал и в «Кривом зеркале», ходил, «как все», любоваться на итальянского вундеркинда-дирижёра Вилли Ферреро (мальчишке было тогда семь лет!). И юный филолог не ограничился ролью завзятого театрала. В 1915 г., когда в Мариинке ставилась оперная трилогия Танеева «Орестея» (дирижер Коутс, в роли Ореста – И. Ершов), Василий Дьяконов взялся помогать певице Владимировой-Скорчеллетти в овладении «античными позами» на сцене и таким образом стал одним из участников постановки, за что был поощрён местом в артистической ложе на премьере.

Жадное чтение литературы, русской и зарубежной, шло у студента параллельно с интересом к философии. От кратковременного увлечения идеями Ницше и Штирнера он скоро переходит к работе Плеханова «К вопросу о разви-

тии монистического взгляда на историю», с которой и началось его «марксистское воспитание». Юноша увлекается и политикой. Он читает подряд все газеты – либеральные, кадетские, социал-демократические. Революционером не стал, зато активно участвовал в разного рода легальных организациях вроде издания газеты «Студенческие годы» (типография её была около Тучкова моста). Был активистом в так называемом «Обществуденческом комитете», на собраниях которого шли схватки между «оборонцами» и «интернационалистами», входил в движение «Попечительство о бедных» (в 17-е его отделение, располагавшееся на Васильевском острове): раздавал хлеб нуждающимся, посещал петроградские трущобы, бывал в подвалах, в «доходных домах», где картины нищеты поражали пусть скромно, но всё-таки обеспеченного студента...

А иногда, просто любопытства ради, Василий Михайлович. заглядывал в «Христианский союз молодежи», где небольшой хор распевал религиозные, в основном немецкие лютеранские гимны и хору этому аккомпанировала на фисгармонии племянница В. Г. Короленко.

Знакомства у Василия Михайловича, особенно благодаря дяде – действительному статскому советнику, были самые разнообразные: он знался с Илюшей Репиным, племянником Ильи Ефимовича, встречался со священниками, приближенными ко двору, в качестве репетитора общался с сыном барона Сталь-фон-Гольштейна и т. д. Барон, кстати, был женат на дочери известного поэта А. Н. Плещеева. Впоследствии фон Гольштейн вошёл в окружение великого князя Николая Николаевича, участвовал в белоэмигрантском движении.

Были у Василия Михайловича два ученика из Сиама (ныне Таиланд), два принца – готовились они по русскому языку для поступления в Пажеский корпус. Толковые были ребята. Увы, за давностью лет забыл Василий Михайлович их имена и пышные титулы и не знал об их дальнейшей судьбе.

И последнее из воспоминаний Василия Михайловича – эпизод встречи с К. Д. Бальмонтом. Дьяконов, видимо, на всю жизнь сохранил любовь к стихам этого поэта и никогда не соглашался с заниженной оценкой его поэзии в марксистской критике. В письме он говорит: «Мне кажется, что будет время, когда мастерство Бальмонта, богатство его поэзии и его заслуги как переводчика получат большее признание и в нашей советской критике». Это предчувствие сбылось – только не советская, а русская критика с 90-х гг. XX в. вознесла на «неизмеримую» высоту весь Серебряный век нашей поэзии, включая сюда и Бальмонта, и Ахматову, и Гумилёва, и Мих. Кузмина и многих других.

Итак, в 1913 г., когда Бальмонт жил в Париже, в России была объявлена амнистия по случаю 300-летия дома Романовых. И опальный поэт получил возможность вернуться домой. А вятское студенческое землячество в Петербурге «всех обскакало», заранее договорившись с писателем о его выступлении сразу же после возвращения. Во главе такого активного землячества, кстати, стоял друг Василия Михайловича, Н. А. Дернов, который в 1917 г. станет ректором Вятского пединститута. И вот в ноябре 1913 г. Бальмонт в Петербурге и его первое выступление – в Вятском землячестве. Сенсация! Ведь в те годы впереди поэта по популярности был один только Игорь Северянин («король поэтов») и никакие эскапады футуристов, никакие выходки Маяковского не могли этой бешеной популярности помешать. Далее цитирую письмо Василия Михайловича: «Я вёз его в автомашине из гостиницы, в которой он остановился (“Северная” – на Знаменской площади), на Васильевский остров в помещение, где был наш вечер (это был, кажется, народный дом графини Паниной, снятый нами). Сопровождала его также одна пожилая и по виду совсем простая женщина (называли ее “нянькой”, но она была немногим старше самого Бальмонта. Она сопровождала его всегда и всемерно опекала его, так как бывало, что без посторонней помощи он не мог возвращаться домой). Пока мы ехали, помнится, он рассуждал о том, что напрасно считают телефон полезным изобретением: он не ускоряет, а замедляет жизнь – жить не дают вечные телефонные разговоры! На весь вечер устроителями я был приставлен к нему. Бальмонт с большим подъёмом читал старые и новые стихи... После выступления сел в первом ряду и устремил свой взор куда-то в одну точку. Когда я хотел немного развлечь его разговором, “нянька” дала мне понять, что я ему мешаю... Потом она объяснила, что так он “вдохновляется”. Проследив за направлением его взора, я обнаружил его “точку вдохновения”. Это была хорошенькая и довольно поэтической внешности курсистка.

После первого отделения мы спустились вниз, в артистическую, где, как полагалось, был сервирован стол. Без увеселительных напитков дело не обошлось. Компания была большая и шумная. Бальмонт был очень весел, читал стихи и поучал молодежь на тему о том, как следует пить (“Настоящее веселье приходит только на третий день”, – говорил он). Не припомню, кто и в каком состоянии проводил его обратно в гостиницу – примерно в два часа ночи...». И ещё характерное для Василия Михайловича добавление: «Пишу так о Бальмонте отнюдь не для того, чтобы его скомпрометировать». Помилуйте, да кому придёт в голову мысль о компрометации? Толь-

ко деликатнейшему декану инфака, который и в семьдесят с лишним лет печётся о репутации кумира своей юности. Удивительный всё-таки человек Василий Михайлович.

Встреча с Бальмонтом оказалась во многих отношениях символическим событием – не только для студента Дьяконова, конечно, но и для многих молодых русских людей. Она же, по сути, стала и прощанием с мэтром. Кончался 1913 год, Россия стояла накануне роковых и судьбоносных испытаний (вспоминается «Поэма без героя» Ахматовой). Бальмонт, чаровавший молодёжь сладкозвучной магией своих стихов, сам не знал, куда он её зовёт. Он то проповедовал «пышную» эротику («хочу упиться роскошным телом»), то воспевал ницшеанский аморализм («к доброму, к злому – ярко стремимся мы в сне золотом», «всё равно мне, человек плох или хорош»), то вдруг становился «пролетарским» поэтом («Рабочий, только на тебя надежда всей России»).

Но эти «сонеты солнца, меда и луны» (название одного из циклов поэта) как-то удивительно в унисон звучали с эпохой, полной таинственной атмосферы «добра и зла». Мы не знаем, куда судьба разбросала всех этих наивных вятичей, но можно с большой долей уверенности сказать, что кто-то из них подался в эмиграцию, а большинство погрузилось в будни революции, гражданской войны, нэпа, строительства социализма, где добра и зла было более чем достаточно, но только без всякого «золотого сна», без радужных красок, так увлекавших их в стихах «изысканного» поэта...

Вот и пришла пора мне заканчивать свой мемуарный очерк о Василии Михайловиче Дьяконове. А сказать ещё есть о чём – о его отношении к людям, о тех, с кем он дружил, с кем работал. О его вкусах, привычках, пристрастиях и антипатиях. Он оказался «старовером» в оценках новых веяний в науке и литературе. Не очень понравился ему Джек Линдсей, по романам которого я в 1965 г. защитил диссертацию. Книга Ю. Лотмана «Структура художественного текста» его «насторожила» – очевидно, структуралистской жёсткостью подходов к искусству. Хотя мой интерес к структурализму Василий Михайлович не осуждал, он понимал, что смена поколений в науке неизбежна.

И я, один из многих сотен и тысяч его учеников, в чем-то не соглашаясь с Василием Михайловичем, даже решаясь критиковать некоторые его взгляды, до сих пор учусь у него, стремлюсь хотя бы немного походить на него в его широте научных и культурных интересов. Мир памяти твоей, Учитель.

Примечания

1. *Дьяконов, В. М.* К вопросу о народности «Илиады» [Текст] / В. М. Дьяконов // Ученые записки Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Киров, 1941. Вып. II. С. 3-28.

2. *Лосев, А. Ф.* Гомер [Текст] / А. Ф. Лосев. М., 1960. С. 17-18.

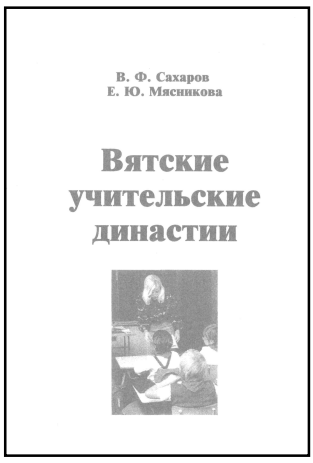
3. *Ардов, Мих.* Книга о Шостаковиче [Текст] / Мих. Ардов // Новый мир. 2002. № 6. С. 141-143.

4. Искусство и литература в марксистском освещении [Текст]: в 2 т. / сост. Б. Г. Столпнер, П. С. Юшкевич. М., 1924–1925.

Письма В. М. Дьяконова В. С. Вахрушеву хранятся в личном архиве адресата.

В. С. Вахрушев

НОВЫЕ КНИГИ



Сахаров, В. Ф. Вятские учительские династии [Текст] / В. Ф. Сахаров, Е. Ю. Мясникова. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. – 93 с.

В книге дано описание опыта представителей некоторых педагогических династий, работающих в учреждениях образования Кировской области и известных своим успешным трудом в коллективах учителей и учащихся.

В сборе материалов для книги принимали участие преподаватели и студенты ВятГГУ, руководители и учителя общеобразовательных школ.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «А. С. ГРИН: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА»

23 августа 2005 г. исполнилось 125 лет со дня рождения нашего земляка Александра Степановича Грина. Художник неистовой фантазии, Александр Грин создал свой особый романтический мир – Гринландию. Своеобразию этого мира, характеру связей причудливого творчества Грина с традициями русской и мировой литературы и культуры была посвящена международная научная конференция «Актуальные проблемы современной филологии. А. С. Грин: Взгляд из XXI века», проходившая 15-17 сентября 2005 г. Конференция была подготовлена филологическим факультетом ВятГГУ при поддержке Правительства Кировской области, департамента культуры, информации и общественных связей Кировской области, Дома-музея А. С. Грина. В ней приняли участие как известные исследователи, так и молодые ученые из многих городов России и ближнего зарубежья – Москвы, Минска, Феодосии, Кирова, Санкт-Петербурга, Орла, Ельца, Одессы, Перми, Сыктывкара.

На пленарном заседании прозвучало шесть докладов, а всего во время работы литературоведческой секции выступили 34 участника. Открыл конференцию В. Е. Ковский, один из крупнейших гриноведов, автор первых фундаментальных научных исследований творчества писателя, профессор Литературного института им. М. Горького. Доклад В. Е. Ковского «Личность писателя как литературоведческая проблема» носил явно дискуссионный характер. Кратко обозначив теоретические и историко-литературные аспекты проблемы, ученый обратил внимание аудитории на особый интерес к биографиям и судьбам писателей советской эпохи, возникший в последние 10-15 лет и зачастую связанный с погоней за «скандальными» фактами личной жизни, которая рассматривается вне художественного контекста эпохи и индивидуальной судьбы писателя. В какой-то степени эта тенденция заметна и в некоторых юбилейных журналистских статьях, посвященных Грину. Таким образом подогреваются обывательские представления о творческой личности, свойственные тем читателям, которых Пушкин презрительно называл «толпой» и «чернью». Докладчик напомнил великий призыв Пушкина: «Будь заодно с гением», – который, по мнению В. Е. Ковского, необходимо усвоить современным публицистам, пытающимся воссоздать облик и биографию Грина, опираясь на сугубо внешние факты.

Доклад известного современного писателя и ученого А. Н. Варламова заострил новую грань дискуссии. Ученый обратился к одной из самых непроясненных и трагических проблем литературы XX века: писатель и революция. С точки зрения докладчика, революция, ставшая частью поэтического багажа Грина, привлекала его поначалу своей романтичностью, а затем жестоко расплатилась годами одиночества, тюрьмы, ссылки. Исследователь пытается утвердить пророческую миссию Грина-художника, который рано увидел истинное лицо русской революции и в ужасе отшатнулся от нее.

Доктор филологических наук Е. А. Яблоков, проанализировав значение текста и подтекста в гриновских произведениях, феномен реминисценции, смысл имен и названий, сделал довольно парадоксальное заявление. С точки зрения исследователя, Грин, кажущийся на первый взгляд простым и ясным, на самом деле – один из наиболее сложных и непонятых писателей русской литературы; чтобы постичь тайну творчества Грина, необходимо прежде всего заново внимательно перечитать его произведения. Свою мысль Е. А. Яблоков убедительно продемонстрировал при анализе рассказа «Корабли в Лиссе», показав, что смысл этого хрестоматийного рассказа Грина на деле весьма существенно отличается от традиционного восприятия не только читателей, но и литературоведов.

В выступлении Т. Е. Загвоздкиной, подвергшей анализу одно из самых известных и в то же время непроясненных произведений писателя, «Крысолов», был рассмотрен еще один структурообразующий фактор творчества Грина, который нуждается в дальнейшей разработке, – «мифопоэтическая парадигма» как наиболее характерная особенность творчества Грина-мифотворца.

Культурологический характер носило глубокое сообщение И. А. Панаиоти, зам. директора Феодосийского Дома-музея А. С. Грина, рассказавшей об истории и деятельности этого уникального музея, его богатых традициях и творческих свершениях.

Завершилось пленарное заседание настоящим праздником – презентацией новых книг о Грине. Здесь прежде всего хочется сказать о выступлении Д. А. Лосева – собирателя, исследователя, издателя глубоких и блестяще оформленных книг и альбомов, посвященных родному Крыму, его выдающимся деятелям. Д. А. Лосев представил изданную совместно с сотрудниками Феодосийского музея, выполненную на высоком полиграфическом уровне книгу «Нина Николаевна Грин. Воспоминания об Александре Грине», куда вошли мемуарные очерки, дневниковые записи, письма, значительная часть которых публикуется впервые.

Большой интерес вызвала у участников конференции книга А. Н. Варламова «Александр Грин», недавно изданная в серии «ЖЗЛ». Представил на суд читателей свою новую книгу «Роман Александра Грина “Блистающий мир”» Е. А. Яблоков. Исследователь не только увидел в этом первом романе писателя развитие многих мотивов его творчества 1900–1910-х гг., но также выявил глубокие связи этого философского произведения Грина с литературной и общекультурной традицией.

По материалам международной научной конференции в ВятГГУ был издан сборник «А. С. Грин: Взгляд из XXI века» (17,75 усл. печ. л.), в который включены статьи 44 исследователей. Сборник носит характер коллективной научной монографии, посвященной разнообразным проблемам жизни и творчества писателя, что позволяет считать это издание важным шагом в изучении творческого наследия Грина как русского классика XX в.

В конференции приняли активное участие наши известные писатели-земляки: В. А. Ситников – вятский прозаик, председатель правления Кировской областной писательской организации; А. В. Рева – местный поэт, краевед; Н. И. Перминова – поэт и прозаик, чьи раздумья передают непосредственное восприятие художественного мира Грина.

На секционных заседаниях прозвучало 28 докладов и сообщений. Новые материалы, посвященные биографии писателя и его личности, представили местные краеведы: М. А. Махнева, Т. А. Дворецкая, В. К. Семибратов, В. В. Пластинин, Л. В. Ситникова, И. А. Степанова. Интересными оказались сообщения биографического характера: Т. Н. Егоровой (Москва) – о родословной дворян Гриневских; Н. А. Гудковой (Орел) – посвященное эпистолярному наследию Н. Н. Грин, ее переписке с семьей писателя Новикова; С. В. Калмыкова (Одесса) – исследующее происхождение географических названий страны Гринландии; И. И. Петровой (Санкт-Петербург), давшей глубокий анализ топографии севастопольских предместий в рассказах Грина 1913–1916 гг.

Привлекли внимание доклады преподавателей Вятского государственного гуманитарного университета: Е. О. Галицких – «А. Грин и К. Паустовский: диалог о поэзии жизни»; Г. Н. Шершневой – «Люди “реального мира” в рассказах А. Грина 20-х – начала 30-х годов»; К. С. Лицаревой – «А. С. Грин и постмодернизм»; Н. Д. Богатыревой – «Homo Volans в новеллистике Л. Андреева и А. Грина»; О. А. Поляковой – «Романтические традиции восприятия природы в феерии А. С. Грина “Алые паруса”»; Д. Н. Черниговского – «А. С. Грин и пушкинский юбилей 1924 г.»; Е. А. Кобелевой – «Грин и его герои в творчестве художников-иллюстраторов», Л. В. Красновой – «Произведения А. Грина в негосударственных издательствах начала XX века». Выступление Е. О. Галицких нашло отражение на страницах методических изданий (журнал «Литература в школе», сентябрь 2005 г.). Все прозвучавшие доклады и выступления носили проблемно-аналитический характер, отличались оригинальностью подходов, творческой новизной, дискуссионной направленностью. В них отразились этико-философские и эстетические концепции современного гриноведения, анализирующего творчество писателя в контексте историко-культурного диалога. Обсуждались вопросы, связанные с проблемами изучения, интерпретации художественных текстов Грина, особенностями его поэтики.

Вызвало интерес сообщение Л. А. Мельниковой, старшего научного сотрудника института языкознания им. Якуба Коласа Национальной академии наук Республики Беларусь, в котором впервые анализировалась лексико-семантическая сочетаемость слов в произведениях Грина.

В ходе научного общения и в результате состоявшейся дискуссии были представлены новые подходы к исследованию творчества Грина, что диктовалось самой темой конференции – «Актуальные проблемы современной филологии». Полемически прозвучало мнение доктора филологических наук Н. А. Петровой (Пермь), выступившей с докладом «Отношение действительности к сознанию в творчестве А. Грина»: «Для меня очевидно, что наиболее актуальная задача современного гриноведения заключается в том, чтобы осмыслить место и роль творчества Грина в литературе XX века не как великого писателя, но как хорошего беллетриста, каким считал себя сам Грин. А хорошая беллетристика тем и интересна, что она улавливает дух времени, направленность литературного движения и воплощает их с полнотой и открытостью, порой несвойственным высокой литературе».

Свежими и глубокими были новые интерпретации текстов Грина не только как хорошего беллетриста, но и как большого художника-философа. Отрадно, что об этом заявили в своих вы-

ступлениях молодые исследователи: Г. И. Шевцова (Елец) – «Оппозиция "пути" и "дома" в рассказе А. С. Грина «Возвращение»; О. Л. Максимова (Сыктывкар) – «Роль музыки в сюжетно-композиционном строении произведений А. Грина»; Е. В. Зонова (Киров) – «Мифопоэтические традиции в рассказе А. Грина "Крысолов" и повести М. Козырева "Ленинград"».

Участникам конференции была предложена обширная культурная программа: 15 сентября состоялась экскурсия по гриновским местам города и юбилейный вечер в музее Грина, 17 сентября участников конференции гостеприимно встречал хлебом-солью и звонкими вятскими народными песнями город Слободской. В программу конференции входило посещение дома-музея Я. Райниса, где была развернута экспозиция выставки художника В. Кашина «Слободской – родина Александра Грина», а также состоялась презентация сборника «Венок Грину», подготовленного краеведом О. Рогожниковым. Краеведческий музей поразил всех замечательной экскурсией «Слободской сквозь века» с посещением уникальной Михайло-Архангельской деревянной часовни 1610 г. Участники конференции возложили цветы к мемориальной доске на Никольской церкви, в которой был крещен Александр Грин. Вдохновенное выступление детского литературного театра «Алые паруса», чтение стихов местных поэтов, посвященных Грину, – все это свидетельствовало о том, что прав был писатель, утверждая: «Знаю, что мое настоящее будет всегда звучать в сердцах людей».

Т. Е. Загвоздкина,
кандидат филологических наук, доцент
по кафедре новейшей литературы ВятГГУ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННОГО, ФИНАНСОВОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ»

20 октября в ВятГГУ прошла межрегиональная научно-практическая конференция «Основные направления, опыт и проблемы инновационного, финансового и экономического развития субъектов хозяйствования». Подобная конференция в ВятГГУ проводилась впервые. На ней было представлено несколько регионов. Среди них Кировская область, Нижегородская область, Республика Коми, Свердловская область, Мурманская область, Сахалинская область, Республика Башкортостан.

С приветственным словом к участникам конференции обратился проректор по НИР ВятГГУ В. Т. Юнгблюд, отметивший актуальность проблем, обозначенных в программе конференции.

С докладом о состоянии экономики страны и Кировской области выступил президент ВТПП Н. М. Липатников, который, в частности, сказал об очевидных положительных результатах развития экономики страны. Ими, по мнению докладчика, стали рост ВВП, увеличение золотовалютных резервов страны, сокращение безработицы и т. д. Вместе с тем обращает на себя внимание ряд обстоятельств. Во-первых, для повышения уровня жизни населения России необходимо ускорение процесса экономического роста. Во-вторых, высокие темпы экономического роста должны обеспечиваться за счет прогрессивных структурных сдвигов в российской экономике. Необходимо перейти к инновационному пути развития и стремительно продвигаться в области новейших технологий, иначе Россия может потерять статус великого государства. В-третьих, установление партнерства между государством и частным бизнесом является важнейшей предпосылкой прогресса современной России.

Интересный подход к организации взаимодействия в фирме был изложен в выступлении Л. Ф. Суходоевой, заведующей кафедрой коммерции Нижегородского государственного университета им. Лобачевского. В ее докладе рассматривается сущность и структура организационного взаимодействия в фирме, анализируется взаимосвязь между успехом коммерческой фирмы и наличием организационного взаимодействия. Предлагается триада (эффективный сотрудник, структура подразделения и эффективный документооборот), на которой базируется эффективный отдел.

Не менее актуальным был доклад доцента кафедры экономического анализа и аудита А. А. Григорьева, из которого следует, что проблема формирования новой системы управления встанет перед многими предприятиями в связи с интеграцией РФ во всемирную экономическую систему и переходом на международные стандарты финансовой отчетности. Возникает насущная потребность в формировании подсистемы информационного обеспечения финансово-хозяйственной деятельности предприятия. Модернизация системы управленческого учета и переход на оперативный контролинг сделают деятельность предприятия прозрачной для инвесторов, а само предприятие – привлекательным для дальнейших финансовых вложений.

Старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и налогов С. В. Савиных в своём выступлении отмечает взаимосвязь экономического развития региона и системы профессиональ-

ного образования. Интегральный характер воздействия уровня развития системы образования на все сферы жизнедеятельности регионов свидетельствует о возможностях использования образовательного потенциала региона как одного из наиболее эффективных средств сглаживания межрегиональных различий в темпах социально-экономического развития. Оценка образовательного потенциала региона или страны в целом необходима. Она дает возможность составить долгосрочные планы развития региона (страны), предварительно оценить результаты инвестирования в систему образования, своевременно принять ряд мер для улучшения ситуации. Оценка уже имеющегося потенциала позволит выявить его слабые стороны и, повлияв на соответствующие составляющие, увеличить имеющийся потенциал.

На конференции царила деловая атмосфера. Докладчикам было задано много вопросов, на которые были получены подробные, аргументированные ответы.

Заметный интерес к конференции проявили студенты старших курсов факультета экономики, от которых в адрес докладчиков поступило наибольшее количество вопросов.

Вторая часть конференции проходила по секциям, где обсуждались узкоспециальные вопросы бухгалтерского учета и экономического анализа, а также коммерции, маркетинга, экономики и управления. Наиболее интересными были признаны доклады «Развитие бухгалтерского учета и отчетности в РФ» (А. В. Зонова), «Математические модели оптимизации на основе рентабельности» (В. М. Караулов), «Функциональная модель бизнес-процесса организации и проведения лесного аукциона» (А. И. Стариков).

Создание единого международного стандарта финансового учета, отчетности и аудита имеет серьезное препятствие на своем пути, говорится в докладе А. В. Зоновой. Этим препятствием является неоднозначность определения понятия «прибыль», «расход» и «затраты». По данному вопросу имеются серьезные расхождения между МСФО и отечественным ПБУ. Научно обоснованное разграничение понятий «затраты» и «расходы» ведет к изменению системы учета и финансового результата. Подход к учету, основанный на МСФО, по мнению автора, больше соответствует принципам экономической теории.

Развитие рыночных отношений в РФ потребовало пересмотра порядка предоставления природных ресурсов для ведения хозяйственной деятельности предприятий. В связи с этим в докладе доцента кафедры экономики ВятГГУ А. И. Старикова рассматривается функциональная модель бизнес-процесса организации и проведения лесных аукционов. Функциональная модель построена в соответствии с методологией структурного анализа и проектирования SADT и стандартом IDEF0. Наглядность модели дает представление о ресурсах, ограничениях, механизмах и результатах данного процесса. Иерархичность модели позволяет ее декомпозировать до требуемого уровня детализации, определяя связи между этапами и раскрывая механизмы организации этого процесса. Знание данной модели поможет практикам повысить управляемость и экономическую эффективность процесса организации и проведения лесного аукциона.

Создание экономико-математических моделей является одним из перспективных направлений научных исследований. Эта тема прозвучала в докладе доцента кафедры экономики ВятГГУ В. М. Караулова. Повышение прибыли становится возможным, если известно, как влияют все затратные факторы на ее величину. Для этого автор предлагает построить с помощью метода наименьших квадратов линейную модель множественной регрессии, куда входят коэффициенты рентабельности затрат, сами затраты и прибыль, получаемая под воздействием всех неучтенных факторов. Важно, чтобы модель в целом была значимой и не мультиколлинеарной.

По итогам работы конференции был выпущен сборник материалов конференции (Основные направления, опыт и проблемы инновационного, финансового и экономического развития субъектов хозяйствования: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. 104 с.), вобравший в себя опыт ведущих ученых и преподавателей ВятГГУ и других вузов. Содержание статей показывает, что наши преподаватели имеют высокий инновационный потенциал и могут решать сложные экономические проблемы. Хочется надеяться, что этот опыт будет востребован и послужит во благо Кировской области.

Гости отметили высокий уровень организации и проведения конференции и высказали идею перевода конференции в разряд международной.

А. В. Зонова,
доктор экономических наук, доцент,
зав. кафедрой бухгалтерского учета и налогов,
декан факультета экономики ВятГГУ;
А. И. Стариков,
кандидат технических наук,
доцент по кафедре экономического
анализа и аудита ВятГГУ

МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОЕКТНЫЙ ОПЫТ

19-20 октября 2005 г. в г. Кирове состоялась международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы ресоциализации подростков и молодежи групп риска». Конференция проводилась в рамках подведения итогов реализации международного проекта «Развитие системы социальных служб для уязвимых групп населения-II», обобщения опыта межведомственного взаимодействия работы с уязвимыми группами подростков и молодежи. Одним из организаторов конференции стал ВятГГУ – специалисты и сотрудники кафедры социальной работы и туризма.

В конференции приняли участие более 150 специалистов и руководителей разных служб, ведомств, представляющих 9 регионов России, такие как Ленинградская область, Кострома, Брянск, Татарская и Удмуртские республики, Москва, Саратов, Нижний Новгород, Орловская область. Гостями конференции стали отечественные и зарубежные эксперты из Англии, Франции, дирекция офиса проекта.

Пленарное заседание состоялось в зале заседаний Правительства Кировской области. Участников конференции приветствовали губернатор Кировской области Н. И. Шаклеин, зам. председателя Законодательного областного собрания Н. Ф. Ануфриев, российский директор проекта, доктор исторических наук, профессор Л. Т. Шинелева, руководитель группы экспертов Жан Клод Раво.

Основной доклад пленарного заседания был сделан главой департамента социального развития Кировской области, руководителей регионального межведомственного совета Г. П. Якимовым и был посвящен итогам реализации региональной модели проекта «Территория партнерства» в Кировской области.

Региональная модель «Территория партнерства» представлена 8 ведомствами, 5 муниципальными образованиями и 11 пилотными учреждениями – участниками проекта.

Цель проекта: разработать и апробировать технологию взаимодействия государственных и негосударственных структур по комплексному сопровождению процесса социальной реабилитации целевых групп проекта.

Общие итоги проекта определяются следующими показателями:

1. За время реализации проекта значительно расширилась нормативно-правовая база по работе с целевыми группами проекта: принята областная программа ««Развитие системы социальных служб для уязвимых групп населения»; региональные нормативные документы, регламентирующие деятельность проекта. На уровне органов местного самоуправления законодательной и исполнительной власти принято 39 распоряжений, постановлений администрации районов, приказов, касающихся деятельности по социальному сопровождению целевых групп проекта. На уровне пилотных учреждений таких документов более 50.

2. Определено **содержание** межведомственного взаимодействия по социальному сопровождению целевых групп проекта. Оно представлено моделями, технологиями, механизмами, разработанными и апробированными в ходе реализации проекта. К ним относятся:

– муниципальная модель по социальному сопровождению молодежи, вышедшей из мест отбывания наказания (Оричевский район, Котельничская колония, Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей);

– модель межведомственного взаимодействия по раннему выявлению и профилактике семейного неблагополучия, безнадзорности в условиях социального участка (соц. участок № 10, ГЦСПС) и социального микрорайона (МУ «Социальный приют для детей и подростков», г. Кирово-Чепецк);

– технологии межведомственного взаимодействия по выявлению и оказанию срочной социально-психологической помощи детям, жертвам насилия, формированию общественного мнения (НОУ «Центр социально-психологической помощи детям, подросткам и молодежи», Вятскополянский и Омутнинский районы);

– технология обеспечения трудовой занятости и профессионального обучения целевых групп проекта (школа-интернат № 6 г. Кирова, Котельничская воспитательная колония);

– механизмы социальной адаптации выпускников государственных учреждений в постинтернатный период (Оричевский район, социальная гостиница Кировского социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних, муниципальные образования – участники проекта);

– технология информационно-ресурсного сопровождения фигурантов системы межведомственного взаимодействия через деятельность областного и районных межведомственных информационно-ресурсных центров.

3. Свою профессиональную компетентность повысили 115 руководителей, 860 специалистов, представители 8 ведомств. Подготовлено 12 тренеров проекта, освоивших технологию социального действия, в том числе трое студентов специальности «социальная работа» ВятГГУ.

Как отмечают сами специалисты, в ходе семинаров произошло расширение профессиональ-

ного сознания, актуализация сообщаемых знаний, уверенность в собственных силах, развитие коммуникативных, исследовательских и технологических умений.

4. Проект позволил укрепить и значительно расширить информационно-методический ресурс пилотных учреждений.

5. Важным итогом проекта является расширение территории партнерства, распространение влияния его идей, новообразований среди других организаций и учреждений разных организационно-правовых форм. По итогам проекта территория партнерства представлена 115 организациями, вовлеченными в проект в ходе его реализации, в том числе 35 – общественными и 53 коммерческими. Специалистам оказывали помощь более 200 волонтеров из числа социально-ориентированной студенческой и учащейся молодежи. Волонтерские пункты помощи созданы во всех муниципальных образованиях.

6. Через матрицу оценки количественных и качественных результатов постоянно отслеживались масштабы оказания помощи целевым группам проекта. В ходе реализации проекта материальную помощь в виде денежных средств, одежды, обуви, медикаментов получили более 1 500 семей, консультативную – более 5 тыс. человек. Разными видами досуга было охвачено более 7 500 человек.

7. Разработана межведомственная база данных «Семья и ребенок группы риска» «Компас».

Полученные результаты стали возможными при поддержке Правительства области, глав администраций муниципальных образований, специалистов Вятского государственного гуманитарного университета.

Более детальный разговор, раскрывающий опыт проектной деятельности по социальному сопровождению уязвимых групп подростков и молодежи, состоялся на 5 секциях и 6 открытых площадках.

В ВятГГУ была организована работа секций по следующим направлениям:

– новые подходы и механизмы оптимизации межведомственного взаимодействия по ресоциализации подростков группы риска (С. Л. Семиколенных, Г. И. Симонова, А. Н. Дашкина-Видмер);

– роль НКО в решении проблем социально уязвимых групп молодежи (Н. Н. Ершова, О. Ю. Ткачев);

– социально-инновационный опыт ресоциализации молодежи, вышедшей из мест отбывания наказания (Т. Ю. Шабалина, В. А. Комлев, В. П. Коротких);

– проблемы и практика межведомственного взаимодействия по профилактике семейного неблагополучия, ресоциализации выпускников интернатных учреждений (Ф. Р. Зевахина, Т. И. Николаенко);

– семейное насилие: технологии выявления, профилактики и реабилитации (И. И. Осипова, В. И. Лыскова).

20 октября гости и участники конференции приняли участие в работе открытых площадок и мастер-классов:

Площадка № 1. Администрация Оричевского района.

Районная модель межведомственного взаимодействия по социальному сопровождению молодежи и подростков группы риска (молодежь, вышедшая из мест лишения свободы, выпускники интернатных учреждений) (Р. С. Юрьева, Л. Н. Кувалдина).

Площадка № 2. Социальный участок № 10, ул. Сурикова, 4, ГЦСПС.

Межведомственное взаимодействие по раннему выявлению и профилактике семейного неблагополучия: проектный опыт (М. И. Голофаева, Л. В. Юсупова, В. В. Трофимова).

Площадка № 3. Опыт социальной адаптации и ресоциализации детей-сирот в образовательных и социальных учреждениях (Л. В. Юсупова, Л. Г. Бирюкова, М. А. Койкова).

Площадка № 4. Мастер-класс по деловым играм социально-профилактической направленности. НОУ «Центр социально-психологической помощи детям, подросткам и молодежи» (Н. Н. Ершова, И. В. Тучкова).

Площадка № 5. Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей.

Новые подходы к организации работы с несовершеннолетними правонарушителями (Л. И. Помелова, С. А. Глубоковских).

Площадка № 6. Мастер-класс: презентация программ информационно-аналитических систем профилактики и прогнозирования девиантного поведения осужденных (В. П. Коротких, Ю. А. Доценко, В. А. Комлев).

По итогам конференции было принято обращение, в котором участники подтвердили необходимость дальнейшей консолидации усилий органов государственной власти и местного самоуправления, общественных и иных некоммерческих организаций в вопросах стабилизации и кардинального улучшения положения детей, подростков и молодежи.

М. Н. Бородатая,
координатор проекта по Кировской области,
доцент кафедры социальной работы,
сервиса и туризма ВятГГУ

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ГУМАНИТАРНЫЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕСТВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

24-25 ноября на социально-гуманитарном факультете прошла Всероссийская научная конференция «Гуманитарные ценности общества: история и современность». В конференции участвовали учёные, преподаватели вузов, аспиранты, научные сотрудники и студенты из 15 регионов Российской Федерации. Работа конференции была организована в форме пленарного и секционных заседаний, актовой лекции, мастерской ценностных ориентаций, круглого стол.

Участники пленарного заседания заслушали ряд докладов. Дискуссию вызвал доклад на тему «Проблема ценностей постиндустриального общества», с которым выступил доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Пермского государственного университета Владимир Вячеславович Орлов. Им была поднята проблема постиндустриализма и его взаимосвязи с процессами, происходящими в России и мире. Технологическая концепция мышления, в рамках которой могут рассматриваться научное, практическое и мировоззренческое познание, была представлена в докладе «Аксиология познания в универсальной эпистемологической перспективе», с которым выступил доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии ВятГГУ Владимир Федорович Юлов. Модель практического освоения ценностных ориентаций студентами была представлена доктором педагогических наук, профессором, заведующей кафедрой новейшей литературы и методики ее преподавания ВятГГУ Еленой Олеговной Галицких, которая выступила на тему «Мастерские ценностных ориентаций в контексте профессионально-личностного становления студентов». Один из подходов к осмыслению проблемы человеческой свободы на основе сопоставления понимания человека Хайдеггером и Марксом был предложен Михаилом Ивановичем Ненашевым, доктором философских наук, профессором, заведующим кафедрой философии и социологии ВятГГУ в докладе «О гуманизме. Опыт понимания Хайдеггера». Тенденции развития гуманитарных ценностей в России XX в. представил доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и краеведения ВятГГУ Виктор Аркадьевич Бердинских.

Доклады участников пленарного заседания позволили выявить различные подходы к исследованию гуманитарных проблем современности и сопровождались активной научной дискуссией.

Дальнейшая работа конференции проходила в рамках работы пяти секций, тематика которых перекликалась с направлениями деятельности соответствующих кафедр социально-гуманитарного факультета:

- «Сознание, язык, коммуникация в контексте гуманитарных ценностей».
- «Политическая культура как гуманитарная ценность».
- «Толерантность и исторический процесс».
- «Актуальные гуманитарные проблемы в сфере социальной практики».
- «Роль книги и книгоиздания в формировании гуманитарных ценностей общества».

На секционных заседаниях было заслушано и обсуждено более 40 докладов, в которых анализировались различные аспекты гуманитарных ценностей, предлагались новые подходы к их формированию. Выступления большинства участников вызвали интерес, активную полемику, что подтверждает актуальность рассматриваемых проблем.

На второй день работы конференции для студентов и преподавателей ВятГГУ состоялась актовая лекция В. В. Орлова на тему «Современная форма научного материализма». Е. О. Галицких провела для участников конференции занятие «Мастерская ценностных ориентаций», где им была дана возможность в практической форме попытаться сформулировать свою систему ценностей.

Кульминацией конференции по праву можно считать круглый стол «Ценностные измерения познавательной культуры», прошедший под руководством доктора философских наук, профессора кафедры философии и социологии ВятГГУ Владимира Федоровича Юлова, в котором участвовали ведущие ученые-гуманитарии г. Кирова, студенты СГФ, обучающиеся по специальности «Философия». Были озвучены различные подходы к природе ценностей и их иерархии, проблемы идеалов и истинности в науке, теологии, искусстве, философии.

Итогом Всероссийской научной конференции «Гуманитарные ценности общества: история и современность» стал сборник ее материалов. В резолюции, принятой участниками, подчеркивалась важность сохранения и развития гуманитарных ценностей, а также намечались перспективы исследования вопросов, обсуждавшихся на конференции. Участники конференции были единодушны в том, что конференции по данной тематике в гуманитарном вузе должны стать регулярными.

Е. А. Ходырева,
кандидат педагогических наук,
доцент по кафедре педагогики,
декан социально-гуманитарного факультета,
председатель оргкомитета

III ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА: НАУЧНЫЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ»

24-25 ноября 2005 г. на базе химического факультета Вятского государственного гуманитарного университета совместно с Управлением по охране окружающей среды и природопользования проведена III Всероссийская научная школа «Актуальные проблемы регионального экологического мониторинга: научный и образовательный аспекты».

Программа Всероссийской научной школы включала Всероссийскую научно-практическую конференцию, конкурс научных работ «Экология родного края», научный семинар «Методы экологического моделирования, картографирования и проектирования», круглый стол «Социально-экологические проблемы уничтожения химического оружия в Кировской области накануне пуска объекта».

В работе Всероссийской научной школы приняли участие ученые из Института биологии Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар), Пермского, Нижегородского, Калужского государственного педагогического университета, учителя экологии, биологии, химии учреждений образования Кировской области, всего 359 человек. Из них 230 участвовали в работе научно-практической конференции, 106 – в работе круглого стола и 23 участника приняли участие в работе научного семинара. Следует отметить в работе всех мероприятий Всероссийской научной школы активное участие студентов старших курсов специальности «Химия» и «Экология».

На пленарном заседании научно-практической конференции выступили с докладами:

– «Роль микробиологии в сохранении качества окружающей среды и обеспечении биобезопасности» – доктор медицинских наук Е. М. Дармова (г. Киров, НИИ микробиологии);

– «Интеграция ключевых аспектов устойчивого развития в образовательные программы средней и высшей школы» – профессор, доктор педагогических наук В. В. Мисенжников (г. Пермь).

По программе конференции работало 6 секций:

1. «Биологическое разнообразие флоры и фауны природных и антропогенных систем» (научные руководители Н. М. Алалыкина, Е. М. Тарасова).

2. «Реакции биологических систем на изменение условий внешней среды» (научные руководители Л. И. Домрачева, Л. В. Кондакова).

3. «Прикладная экология» (научные руководители И. Г. Широких, В. М. Тимонюк).

4. «Экологический мониторинг» (научные руководители Т. Я. Ашихмина, Е. В. Дабах).

5. «Здоровье и окружающая среда» (научные руководители Г. А. Воронина, А. С. Ярмоленко).

6. «Экологическое образование и просвещение» (научные руководители Ю. В. Семенов, Г. А. Яленская).

Всего в работе секций приняли участие около 200 человек, прозвучало более 80 докладов.

На участие в научном конкурсе проектов «Экология родного края» подано 123 проекта. Наибольшее число работ было представлено в номинации «Экологическое образование». В конкурсе приняли участие не только проекты кировских исследователей, но и из городов Калуги, Нижнего Тагила, Нижнего Новгорода, Сыктывкара. На пленарном заседании были подведены итоги и вручены дипломы I, II, III степени, а также грамоты Российского Зеленого Креста за участие в научном конкурсе «Экология родного края». По международному эколого-образовательному проекту «Химическое разоружение: молодое поколение выбирает безопасное будущее» подарками по линии Международного и Российского Зеленого Креста награждены 12 школьных научно-исследовательских коллективов, кроме того, отмечено 3 проекта в рамках конкурса «Экология родного края. По линии управления по охране окружающей среды и природопользованию вручено 29 призов по 6 номинациям победителям научного конкурса «Экология родного края». Среди них отмечены работы исследовательского характера, научные монографии, учебные пособия, конкурсные проекты, представленные средствами массовой информации, детскими садами, отдельными авторами проектов, педагогами и студентами.

В работе круглого стола приняли участие представители Правительства Кировской области, департамента ГО ЧС по Кировской области, департамента здравоохранения, Управления по охране окружающей природной среды и природопользованию. На заседании круглого стола «Социально-экологические проблемы уничтожения химического оружия в Кировской области накануне пуска объекта» от участников поступили предложения в адрес Правительства Кировской области, руководства районного и местного муниципального уровня. В основном они касались вопросов создания социальной инфраструктуры в п. Мирный, строительства жилья, пристроев к больнице, школе, ремонту дорог, медицинского обследования детей и населения, проживающего в ЗЗМ. В работе круглого стола приняли участие журналисты Кировских газет и радио.

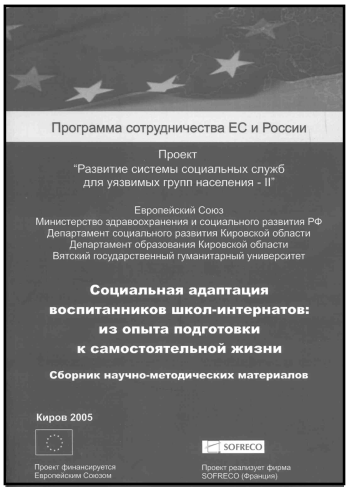
По материалам работы Всероссийской научной школы издан 3-й выпуск сборника «Акту-

альные проблемы регионального экологического мониторинга: научный и образовательный аспекты» объемом 18,25 п. л. Всем участникам, принявшим активное участие в мероприятиях Всероссийской научной школы, выданы сертификаты.

В ноябре 2006 г. принято решение провести заключительный этап Всероссийской научной школы, в ходе работы которой планируется провести заключительную научно-практическую конференцию, научный семинар «Компьютерные технологии в экологических исследованиях».

Т. Я. Ашихмина,
доктор технических наук, профессор,
сопредседатель оргкомитета конференции,
научный руководитель
лаборатории биомониторинга
Института биологии Коми НЦ УрО РАН и
ВятГГУ

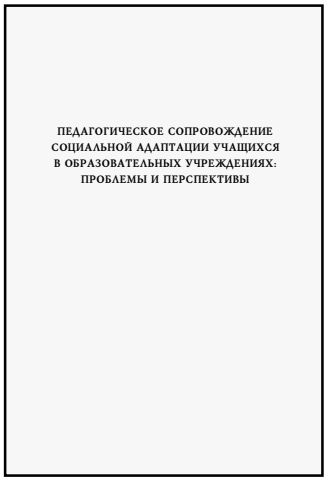
НОВЫЕ КНИГИ



Социальная адаптация воспитанников школ-интернатов: из опыта подготовки к самостоятельной жизни [Текст]: сборник научно-методических материалов / под общ. ред. Г. И. Симоновой, Ф. Р. Зевахиной. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. – 138 с.

Сборник научно-методических материалов раскрывает опыт работы школ-интернатов № 1 и № 6 г. Кирова по подготовке воспитанников к самостоятельной жизни в социуме. Предлагаемые материалы предназначены для руководителей органов управления образованием, руководителей и педагогов образовательных учреждений различного типа, преподавателей и студентов педагогических колледжей и вузов.

Педагогическое сопровождение социальной адаптации в образовательных учреждениях учащихся: проблемы и перспективы [Текст]: материалы межрегиональной научно-практической конференции (Киров, 15-16 декабря 2005 года) / под ред. Г. И. Симоновой. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. – 220 с.



В сборник вошли материалы выступлений участников межрегиональной научно-практической конференции «Педагогическое сопровождение социальной адаптации учащихся в образовательных учреждениях: теория и практика», посвящённых проблемам организации учебного и воспитательного процесса, различным аспектам управления и методического обеспечения социальной адаптации детей, подростков и молодёжи.

ВНИМАНИЕ!

Во второй половине сентября 2006 года
в Вятском государственном гуманитарном университете
будет проходить
юбилейный XXV Всероссийский семинар
преподавателей математики университетов и педагогических вузов
«ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ МАТЕМАТИКИ К ПРЕПОДАВАНИЮ В ПРОФИЛЬНЫХ КЛАССАХ»

Оргкомитет семинара:

В. И. Варанкина – ученый секретарь, декан математического факультета ВятГГУ, кандидат физико-математических наук, доцент

Е. М. Вечтомов – председатель, зав. кафедрой алгебры и геометрии ВятГГУ, доктор физико-математических наук, профессор

А. Г. Мордкович – научный руководитель семинара, зав. кафедрой математического анализа МГПУ, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации

В. Т. Юнгблюд – проректор по научной работе ВятГГУ, доктор исторических наук, профессор

Предполагается работа следующих секций:

- ***Преподавание математики в вузе***
- ***Обучение математике в школе***
- ***Информатика в обучении математике***

К началу семинара будет выпущен сборник материалов его участников.

ПРИГЛАШАЕМ ВСЕХ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛИЦ К ОБСУЖДЕНИЮ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ!

Заявку на участие и тезисы доклада (1-2 страницы, набранные в редакторе Microsoft Word, шрифт Times New Roman, 14 кегль, все поля по 2 см, межстрочный интервал – 1,5) присылайте **до 15 апреля 2006 г.** по адресу:

610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26, ВятГГУ,
математический факультет, Оргкомитет (распечатка)
E-mail: mathematic@vshu.kirov.ru (электронный вариант)
Контактные телефоны: (8332) 67-88-54, 67-66-10

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета

Научно-методический журнал № 13

Подписано в печать 05.12.2005
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Mysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,5 Тираж 300. Заказ 23

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Альфа Ком»
610000, г. Киров, Динамовский пр., 20